

АКАДЕМИЯИ МИЛЛИИ ИЛМҲОИ ТОҶИКИСТОН
ИНСТИТУТИ ТАЪРИХ, БОСТОНШИНОСӢ ВА
МАРДУМШИНОСИИ БА НОМИ АҲМАДИ ДОНИШ

МУАРРИХ

(маҷаллаи илмӣ - назариявӣ)

№ 3 (39) 2024

Маҷаллаи илмӣ-назариявӣ «Муаррих» соли 2015 таъсис ёфта, дар давоми як сол чаҳор шумора ба забонҳои тоҷикӣ, русӣ ва англисӣ нашр мешавад. Маҷалла дар Вазорати фарҳанги Ҷумҳурии Тоҷикистон таҳти 331/МҚ-97 22-юми феврالی соли 2024 аз нав ба қайд гирифта шудааст.

Маҷалла аз 26 апрели соли 2018 дар рӯйхати маҷаллаҳои илмӣ тақризшавандаи Комиссияи олии аттестатсионии (КОА) назди Президенти Ҷумҳурии Тоҷикистон ва аз санаи 21 феврالی соли 2022 таҳти рақами 1520 дар Феҳристи маҷаллаҳои илмӣ тақризшавандаи Комиссияи олии аттестатсионии (КОА) назди Вазорати маориф ва илми Федератсияи Россия номнавис гардидааст.

И.В. САРМУҲАРИР: ИБРОҶИМОВ М. Ф., доктори илмҳои таърих

МУҲАРРИРИ МАСЪУЛ: Ҳамза КАМОЛ, доктори илмҳои таърих, профессор

ҲАЙАТИ ТАҲРИРИЯ:

Юсуфшо ЁҚУБШО - академики Академияи миллии илмҳои Тоҷикистон;

Ҳайдаршо ПИРҲУМШО - узви вобастаи Академияи миллии илмҳои

Тоҷикистон, доктори илмҳои таърих, профессор;

Абдулло ҒАФУРОВ - номзади илмҳои таърих, дотсент;

Лариса ДОДХУДОЕВА - доктори илмҳои таърих, профессор;

Аскаралӣ РАҶАБОВ - доктори илмҳои таърих, профессор;

Абдували ШАРИФЗОДА - номзади илмҳои таърих;

Нуриддин САЙФУЛЛОЕВ - номзади илмҳои таърих;

Саидмурод БОБОМУЛЛОЕВ - доктори илмҳои таърих;

Қосимшо ИСКАНДАРОВ - доктори илмҳои таърих;

Виктор ДУБОВИТСКИЙ - доктори илмҳои таърих (Русия);

Александр ЧУБАРЯН - академики Академияи илмҳои Русия,

доктори илмҳои таърих, профессор (Русия);

Франсис РИШАР - узви хориҷии Академияи миллии илмҳои Тоҷикистон,

доктори илмҳои таърих, профессор (Франса);

Анри-Пол ФРАНКФОР - доктори илмҳои таърих, профессор (Франса).

НАЦИОНАЛЬНАЯ АКАДЕМИЯ НАУК ТАДЖИКИСТАНА
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ, АРХЕОЛОГИИ И
ЭТНОГРАФИИ ИМЕНИ АХМАДА ДОНИША

ИСТОРИК

(научно - теоретический журнал)

№ 3 (39) 2024

Научно-теоретический журнал «Историк» основан в 2015 г. и выходит четыре раза в год на таджикском, русском и английском языках. Журнал зарегистрирован в Министерстве культуры Республики Таджикистан под № 331/МЧ-97 от 22 февраля 2024 г.

Журнал с 26 апреля 2018 года входит в перечень рецензируемых научных изданий Высшей аттестационной комиссии (ВАК) при Президенте Республики Таджикистан и с 21 февраля 2022 года под № 1520 входит в перечень ВАК Министерства образования и науки Российской Федерации.

И.О. ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА: ИБРОХИМОВ М.Ф., доктор исторических наук

ОТВЕТСТВЕННЫЙ РЕДАКТОР: Хамза КАМОЛ, доктор исторических наук, профессор

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Юсуфшо ЁКУБШО - академик Национальной академии наук Таджикистана;
Хайдаршо ПИРУМШО - член-корреспондент Национальной академии наук Таджикистана, доктор исторических наук, профессор;
Абдулло ГАФУРОВ - кандидат исторических наук, доцент;
Лариса ДОДХУДОЕВА - доктор исторических наук, профессор;
Аскарали РАДЖАБОВ - доктор исторических наук, профессор;
Абдували ШАРИФЗОДА - кандидат исторических наук;
Нуриддин САЙФУЛЛАЕВ - кандидат исторических наук;
Саидмурод БОБОМУЛЛОЕВ - доктор исторических наук;
Косимшо ИСКАНДАРОВ - доктор исторических наук;
Виктор ДУБОВИЦКИЙ - доктор исторических наук (Россия);
Александр ЧУБАРЬЯН - академик Российской академии наук, доктор исторических наук, профессор (Россия);
Франсис РИШАР - иностранный член Национальной академии наук Таджикистана, доктор исторических наук, профессор (Франция);
Анри-Поль ФРАНКФОР - доктор исторических наук, профессор (Франция).

NATIONAL ACADEMY OF SCIENCES OF TAJIKISTAN
AHMAD DONISH INSTITUTE OF HISTORY,
ARCHAEOLOGY AND ETHNOGRAPHY

HISTORIAN

(scientific - theoretical journal)

№ 3 (39) 2024

The scientific and theoretical journal «Historian» was founded in 2015 and is published four times a year in Tajik, Russian and English. The magazine is registered with the Ministry of Culture of the Republic of Tajikistan under number 331/MJ-97 dated February 22, 2024.

Since April 26, 2018 is the List of peer-reviewed scientific publications of the Higher Attestation Commission (HAC) under the President of the Republic of Tajikistan and since February 21, 2022 under No. 1520HAC Ministry of Education and science of the Russian Federation.

ACTING CHIEF EDITOR: IBROHIMOV M. F., Dr. of History

EXECUTIVE EDITOR: Hamza KAMOL Dr. of History, Professor

EDITORIAL BOARD:

Yusufsho YOKUBSHO - Academician of the National Academy of Sciences of Tajikistan;

Haydarsho PIRUMSHO - corresponding member of the National Academy of Sciences of Tajikistan the AS Republic of Tajikistan, Dr. of History, Professor;

Abdullo GAFUROV - Candidate of Historical Sciences, Associate Professor;

Larisa DODKHUDOEVA - Dr. of History, Professor;

Askarali RAJABOV - Dr. of History, Professor;

Abduvali SHARIFZODA - candidate of historical sciences;

Nuriddin SAYFULLOEV - Candidate of History;

Saidmurod BOBOMULLOEV - Dr. of History;

Kosimsho ISKANDAROV - Dr. of History;

Victor DUBOVITSKIY - Dr. of History, (Russia);

Alexander CHUBARYAN - academician of the RAS,

Dr. of History, Professor (Russia);

Francis RISHAR - foreign corresponding member of the National

Academy of Sciences of Tajikistan, Dr. of History, Professor (France);

Henri-Paul FRANKFOR - Dr. of History, Professor (France).

————— МУАРРИХ – ИСТОРИК – HISTORIAN —————
МУНДАРИҶА - СОДЕРЖАНИЕ - CONTENTS

ТАЪРИХИ ВАТАНӢ - ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ИСТОРИЯ - NATIONAL HISTORY

ШАРИФЗОДА А. Қ. Меҳкадаҳои сомони Варзруд.....	6
САИДОВ А. Мубориза барои расидан ба қудрат байни амирони оли Музаффар ва инқирози давлати онҳо.....	15
ХОДЖАЕВА Н. ДЖ. К вопросу о религиозных верованиях в Северном Тохаристане.....	23
ЁҚУБОВ А. А. Орнамент, нақшпартоӣ ва пардоздихӣ дар санъати меъмории асримиёнагии тоҷику форс	35
МЕЛИКИЁН Э. Б. Хунари китоборой - мероси арзишманди мардуми тоҷик.....	43
БЕРДИЗОДА Ё. А. Коллекция книг М.С. Андреева в Центральной научной библиотеке имени Индиры Ганди Национальной академии наук Таджикистана	48
МУХИДДИНОВА Р. К. Планировочное строение и значение средневековых восточных садово - парковых комплексов.....	54
АБУЛҲАЕВ Р. А. Деятельность трудовых мигрантов ГБАО в городе Москве	66
КАХАРОВ Т. И. Становление и развитие дехканского (фермерского) хозяйства в Хатлонской области.....	76
НУРЗОДА А. Р. Образование Таджикской АССР и первые шаги в формировании современной медицины.....	84
САФАРОВА З. Н. Омузиши таърихи рушди тарроҳии костюм дар раванди таълим.....	96

ТАЪРИХИ УМУМӢ – ВСЕОБЩАЯ ИСТОРИЯ – GENERAL HISTORY

Ҳамза КАМОЛ Нақши туркон дар бӯҳрони амиқ ва ҳамаҷонибаи хилофати Бағдод дар нимаи дуюми садаи IX ва нимаи аввали садаи X	103
--	-----

**ТАЪРИХНИГОРӢ ВА МАЪХАЗШИНОСӢ - ИСТОРИОГРАФИЯ И
ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ - HISTORIOGRAPHY AND SOURCE STUDY**

АБДУРАШИТОВ Ф. М. Актуальные проблемы источниковедения в историографии аграрной истории Таджикистана	114
ШОВАЛИЕВА М. С., АФСАХОВА Н.С. Освещение этнографии таджикского народа в газете «Туркестанские ведомости».....	121
ДОВУТОВА М. З. Три великих империи истории таджикского государства – Ахемениды, Сасаниды, Саманиды в творчестве Зиёратшо Довутова	129

ТАЪРИХИ ИЛМ ВА ТЕХНИКА - ИСТОРИЯ НАУКИ И ТЕХНИКИ
– HISTORY OF SCIENCE AND TECHNOLOGY

МАҚСАДОВ Ҳ. И.

Нақши Хоча Насириддини Тӯсӣ дар рушди илми риёзиёт ва ситорашиносӣ..... 136

ЭТНОЛОГИЯ, АНТРОПОЛОГИЯ ВА МАРДУМШИНОСӢ – ЭТНОЛОГИЯ,
АНТРОПОЛОГИЯ И ЭТНОГРАФИЯ – ETHNOLOGY, ANTHROPOLOGY AND
ETHNOGRAPHY

ЗОКИРОВ Р. Ш.

Нигоҳе ба таърихи фарҳанги манзили тоҷик..... 143

БОСТОНШИНОСӢ – АРХЕОЛОГИЯ – ARCHEOLOGY

КАЛАНДАРОВА О. И.

Образ коня в ювелирных украшениях предков таджиков 156

ТАЪРИХИ РОБИТАҶОИ БАЙНАЛМИЛАЛӢ ВА СИЁСАТИ ХОРИҶӢ - ИСТОРИЯ
МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ И ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ - HISTORY OF
INTERNATIONAL RELATIONS AND FOREIGN POLICY

МИРЗОЕВ Ш. Ҷ.

Муносибатҳои сиёсии Ғуриён бо Хоразмшоҳиён..... 163

УДК 94 (575.1) "08": 737.1/. 4: 338.4

МЕХКАДАҲОИ СОМОНИИ ВАРАЗРӢД¹

ШАРИФЗОДА А. Қ.,

Институти таърих, бостоншиносӣ ва мардумшиносии ба номи А. Дониш

Дар аҳди Шуравӣ ва ду даҳсолаи асри XXI давлатҳои Осӣи Миёна - Тоҷикистон, Туркманистон, Қирғизистон, Ўзбекистон ва Қазоқистон, ки дар асри X ҳудуди баъзеашон пурра ва ҳудуди баъзеашон нопурра ба ҷуғрофиёи Варазрӯди (Мовароуннаҳри) қаламрави Сомониён дохил мешуданд, имрӯз асори миллии ҳудро на дар қорхонаи сиккабарории худ, балки дар хориҷ аз кишварашон истеҳсол менамоянд. Бо вучуди он ки ҳар кадоме аз ин давлатҳо ба қадри тавони иқтисодияшон дар муомилоти пулии даврони муосир нақш мегузоранд ва доштаи асори миллии дастовардҳои муҳими онҳо мебошад, аммо чун гузаштаҳо онҳо маркази сиккабарорӣ - мехкадаҳои (зарробрӯнаҳо, сиккаҳонаҳои) ҳешро надоранд.

Баръақиба ин, дар гузаштаи дур, аз ҷумла дар даврони Сомониён Варазрӯд ҳам маркази сиккабарорӣ ва ҳам маркази муомилоти пулӣ буд. Дар қаламрави Сомониён мехкадаҳои бисёр вучуд дошт, ки динор, дирҳам, фалс, сиккаҳои мусайябӣ, муҳаммадӣ, ғитрифӣ, тозча ва дигар сиккаҳои роиҷи замон бароварда мешуд. Фаъолияти мехкадаҳои сомонӣ ба рушди иқтисод, аз ҷумла муомилоти пулии дохилӣ ва байналмилалӣ хеле муассир буда, афзун бар ин маҳсулоти онҳо - сиккаҳо далели муътамади пешрафти ҳунари замони Сомониён ва гоҳе дар баррасии баъзе аз мавзӯҳои таърихӣ сарчашмаи ягона мебошанд.

Ин ҷо пурсишҳои бамавридан, ки қори ин мехкадаҳои зиёд ҷӣ тавр ба роҳ монда шуда буд? Сиккабарории онҳо ҷӣ гуна танзим мешуд? Ҳамаи онҳо зери назорати дастгоҳи марказии Сомониён сикка мебароварданд ё ин қорро мустақилона анҷом медоданд? Дар сикказанӣ ва муомилоти пулии Сомониён мехкадаҳои Варазрӯд мақоми аввал доштанд ё мехкадаҳои Хуросону Эрон? Ба ин пурсишҳо ҷӣ гуна метавон посух ёфт? Чун доир ба фаъолияти мехкадаҳои сомонӣ сарчашма ва асари ҷудоғонае дастрас нест, пас роҳи ягонаи муайян қардани он таҳқиқи таркиби ганҷинаҳои сиккаҳои сомонӣ мебошад. Зеро аз таркиби сиккаҳои ин ганҷинаҳо маълум мешавад, ки дар қадом мехкада сикка афзунтар истеҳсол мешуд.

Доир ба мехкадаҳои Сомониён ду сарчашмаи асосӣ мавҷуд аст. Якум сарчашмаҳои ҳаттӣ ва дуум маводи бостоншиносӣ, яъне сиккаҳо ва бозёфтҳои ба сиккабарорӣ марбут. Аз ин ду сарчашма гоҳе яқум ва гоҳе дуҷумаш асосӣ ва бозётимод мебошанд. То ҳол доир ба мехкадаҳо ва сикказаниҳои Сомониён ягон сарчашмаи ҳаттӣ ба ин мавзӯ маҳсус бахшидашуда дастрас нест. Танҳо дар баъзе аз сарчашмаҳои ҳаттӣ доир ба мехкадаҳо ва сиккаҳои сомонӣ иттилои муҳтасар мавҷуд аст [1]. Инчунин дар Аврупо ва Шарқ доир ба мехкадаҳои Сомониён то ҳол ягон асари ҷудоғона таълиф нашудааст. Ба ҳар ҳол масъалаи мехкадаҳои Сомониён аз мадди назари олимони ба таври қомил дур намондааст. Чунонҷӣ дар асарҳои ба сикказаниҳои исломӣ бахшидашудаи Кеҳр (1692-1740), Иохан Яқоб Рей-

¹ Мақола дар асоси лоиҳаи «Таърихи илм ва техникаи халқи тоҷик аз давраи қадим то замони ҳозира», рақами қайди давлатӣ 0121ТҶ1273 навишта шудааст.

ске (1716-1774), Олуф Тихсен (1734-1815), К. Ауривиллиус (1717-1786), И. Галленберг (1748-1834), А. И. Силвестр де-Саси (1758-1838), У. Марсден (1754-1836) Х.Д. Френ (1798-1856), К.И. Торнберг (1807-1877), П. Савелев (1814-1859), В. Григорев (1816-1881), В.Г.Тизенхаузен (1825-1902), А. Марков (1858-1920), В.В. Бартолд (1869-1950), О. Конгрингтон, Е. Массон, Э. Замбаур, Е.А. Давидович, А. Уқайлӣ, А.Колосов, А. Калинин дар бораи мехкадаҳои Сомониён ва гоҳе доир ба ташкили кори сикказанӣ (А. Уқайлӣ) иттилои арзанда мавҷуд аст.

Бархе аз муаллифони ҳамзамони Сомониён (Истахрӣ, Ибни Ҳавқал, муаллифи гумноми «Худуду-л-олам») дар бораи баъзе мехкадаҳои Варазрӯд, ки муҳимтарин бахши қаламрави давлати Сомониён буд, иттилои мухтасар медиҳанд. Муаллифи китоби пуарарзиши «Масолику-л-мамолик» - Абуисҳоқ Иброҳим ибни Муҳаммади Форсии Истахрии Кархӣ (850-957), ки онро дар асоси китоби «Сувару-л-ақолим»-и Абузайд Саҳли Балхӣ (850-934) таълиф намудааст, мавҷудияти конҳои тилло ва нукраи Илокро ёдрас шуда, зикр мекунад, ки « ليس بماوراءالنهر دار و تنكت » «Ва дар Варазрӯд ба ҷуз **Самарқанд** ва **Тункат** мехкада нест» [2, 333].

Дар «Худуду-л-олам» ду мехкадаи Сомониён - **Андароба** ва **Болоён** зикр шуда, муаллифи гумноми он хабар медиҳад, ки нукраи аз конҳои Панҷхир (ба маънои Панҷқӯх) ва Чориёна истихроч шударо ба Андораба оварда, дар мехкадаи он дирам мезаданд [3,100]. Дирҳамҳои сомони зарби Панҷхир гувоҳи онанд, ки дар ҳуди Панҷхир ҳам сикка бароварда мешуд. Ин муаллифи гумном **Болоён**ро шаҳрак номида, мехкадаи онро «сарои дирам задан» зикр мекунад [3,114]. Номини мехкада дар сарчашмаҳои хаттӣ вобаста ба тарзи гузоштани нуктаҳои дар ҳарфҳои яқсон навишта намешавад. То имрӯз аз кашфи сиккаҳои сомони зарби **Болоён** иттилое нест. Шояд аз ин ҷиҳат М.Е. Массон дурустии иттилои «Худуду-л-олам»-ро доир ба мавҷудияти мехкадаи **Болоён (Ёлопон, Полоён)** қабул надорад [4, 47]. Ёфт нашудани сиккаҳои **Болоён**ро Минорский низ қайд намуда буд [5, 357]. Д. Абдуллоев номи ин мехкадаро дар «Худуду-л-олам» ба русӣ «Ялапкан» навиштааст, ки чунин тарзи навишт чандон дуруст ба назар намерасад [6, 305].

Ибни Ҳавқал, ки ҳамзамони Истахрист ва бо ӯ дар Ҳинд вохӯрда буд, дар тавсифи **Илоқ** мавҷудияти конҳои тилло ва нукраро дар кӯҳҳои он зикр карда, менависад, ки: «و بايلاق دار الضرب للعين و الورق «فيروّج فيها مال كثير من النوعين جميعا» . Яъне «Ва дар **Илоқ** мехкадае ҳаст, ки сиккаҳои тилло ва нукра мебарорад ва дар он ҷо пулҳои сершумори ҳарду намуд якҷоя гардиш мекунанд» [7,418]. ӯ идома медиҳад, ки: « و ليس بماوراءالنهر دار الضرب الا ببخارا و سمرقند و ايلاق فقط » - «Ва дар Варазрӯд ба ҷуз дар **Бухорову Самарқанд** ва **Илоқ** мехкада нест» [7,418]. Чи тавре мушоҳида мешавад, Ибни Ҳавқал ду навъи сиккаро номбар намуда, барои ифодаи сиккаи тиллоӣ на вожаи **динор**, балки вожаи **عين** ва барои ифодаи сиккаи нукрагӣ на вожаи **дирҳам**, балки вожаи **ورق** -ро истифода намудааст.

Бояд гуфт, ки дар матни Куръони карим вожаи «сикка» вучуд надорад. Танҳо шак-ли чамъи **дирҳам** – дароҳим ҳамагӣ як бор дар сураи «Юсуф» [8,237] ва дар сураи **Каҳф** вожаи «ورق» ба маънои **дирҳам** зикр шудааст [8,295]. Дар зимн, вожаи сикка, ки дар аксари лугатномаҳои арабӣ гуфта шудааст, ба андешаи мо дар асл арабишудаи вожаи тоҷикии «чикка» мебошад. Арабҳо то интишори дини ислом анъанаи сикказанӣ надоштанд. Асли вожаи русии «чеканка» низ аз сикка мебошад [9, XVI].

Чи тавре мебинем, Истахрӣ ду мехкадаи сомонӣ - *Тункат* ва *Самарқанд*, Ибни Ҳавқал се мехкада - *Самарқанд*, *Бухоро*, *Илоқ* ва муаллифи «Худуду-л-олам» ду мехкада – *Андароба* ва *Болоён* дар умум шаш мехкадаро ном мебаранд, ки аз ин микдор панҷтои он дар Варазрӯд ва яктоаш - Андароба дар Хуросон ҷойгиранд. Инчунин, Закариёи Қазвинӣ дар «Осору-л-билод ва ахбору-л-ибод» навишта, ки соли 1083 Аҳмади Тартушӣ дар шаҳри Мағониҷаи соҳили дарёи Райн дирҳамҳои сомониро дида, муайян менамояд, ки онҳо солҳои 301 ва 302 ҳичрӣ дар Самарқанд зарб шудаанд [9, СХСҶ].

Дар бораи мехкадаҳои Сомониён аз сарчашмаҳои хаттӣ иттилое дигаре дастраси мо нашуд. Аммо таҳқиқи сиккаҳои сомонӣ ба олимони имкон дод, ки микдори зиёди мехкадаҳои Сомониён кашф шаванд. Ҷунонҷӣ академик Х.Д. Френ дар рафти таҳқиқи сиккаҳои сомони дар Россия буда мехкадаҳои Андароба, Ахсикат, Бадахшон, Балх, Бинкат, Биёр, Бухоро, Марв, Маъдин, Муҳаммадия, Насробод, Нишопур, Панҷхир, Рошт, Самарқанд, Тағома, Тирмиз, Тункат, Шош, Хуттал, Ҳирот, Фарғона ва Фароҳро ошкор месозад. Соли 1825 ӯ дар асоси таҳқиқи сарчашмаҳои хаттӣ ҷойгиршавии ду мехкадаи Сомониён - Муҳаммадияро дар Хуросон ва Роштро дар Варазрӯд дуруст муайян менамояд [10,105-106].

Нахустин асари ҷудогона доир ба сиккаҳои сомонӣ, ки муаллифаш В.Г. Тизенхаузен буд, соли 1853 бо номи «О Саманидских монетахъ» рӯйи ҷопро дид. Ин асар соли 1855 таҳти унвони «О монетахъ Саманидовъ» бо баъзе иловаҳо дубора ба ҷоп расид [11], [12].

Муаллиф дар ин асараш сиккаҳои 138 ганҷинаро тавсиф карда, вижагиҳои мехкадаҳои Сомониёнро ба таври ҷудогона баррасӣ наменамояд. Ӯ танҳо ҷойгиршавии мехкадаи сомони Маъдиноро, ки дар Хуросон ҷойгир аст, ба хато дар наздикии кони нукраи Чоч доништа, дуруст қайд менамояд, ки ҳарчанд Бунҷикат шаҳри марказии Усрушана аст, аммо то ҳол сиккаҳои зарби он кашф нашудаанд. Дар шаҳрҳои Ҳаловард ва Ловканд зарб нашудани сиккаҳоро низ зикр намуда, Хусайн ибни Намарро, ки номаш дар фалси Насробод ҳақ шуда буд, раиси мехкадаи Насробод менамояд. Дар ҳақиқат то имрӯз сиккаҳои ин се шаҳр дастрас нашудаанд. Соли 1873 асари дигари пурарзиши В.Г. Тизенхаузен – «Монеты Восто́чного халифата» ба нашр расида буд [13].

Муаллиф як баҳши асарашро ба чигунагии ташаққули сикказании исломӣ баҳшида, пароканда ва ноқофӣ будани иттилои сарчашмаҳои хаттиро доир ба қори мехкадаҳо таъкид менамояд [13, VII-XXII]. Тизенхаузен бо назардошти дар як вақт ҳақ шудани номи халифа ва номи амирони маҳаллӣ, аз ҷумла амири Сомониро дар сиккаҳо баррасӣ карда, масъалаи сиккаи халифа ё сиккаи амири Сомонӣ ва ё ҳокими маҳаллӣ номида шудани ҷунин сиккаҳоро ба миён мегузорад. Ба фикри ӯ дар ҳалли ин масъала дар қучо бароварда шудани сикка муҳим аст [13, XV]. Ин нукта бар ин маъност, ки агар сикка, масалан дар Хатлон бо зикри амири Сомонӣ ва халифаи Аббосӣ зарб шуда бошад, пас сиккаи мазкурро сомонӣ донистан лозим. Зеро Хатлон дар қаламрави Сомониён ҷойгир аст. Дар баҳши дигар ӯ доир ба 134 шаҳрҳои Хилофати Шарқӣ, аз ҷумла Бухоро, Самарқанд, Марв, Балх ва шаҳрҳои дигар иттилои муҳтасари ҷуғрофӣ медиҳад ва мехкадаҳои Сомониёнро ҷудогона баррасӣ намекунад.

Соли 1896 асари А. Марков «Инвентарный каталогъ мусульманскихъ монетъ Императорскаго Эрмитажа» ба ҷоп расид, ки муаллиф дар он зиёда аз 1200 сиккаи сомониро тавсиф намудааст. Ин сиккаҳо дар 27 мехкадаи Сомониён истеҳсол шудаанд. Ӯ дар ин феҳрист мехкадаеро бо номи Сабур ном бурда, се динори ин

мехкадаро, ки яктоаш соли 318 ҳ.қ. аз номи Насри II ва дутоаш аз номи Нуҳи II солҳои 337 ҳ.қ. ва 339 ҳ.қ. зарб шудаанд, тавсиф намудааст [14, 134-146]. Инчунин мавсуф навъи нави дирҳами сомонӣ - дирҳами зарби соли 299 ҳ.қ.-и мехкадаи Фарвонро кашф менамояд, ки дар он ба ҷойи вожаи маъмули «зуриба» (зада шуд), вожаи «нуқиша» (нигорида шуд) ҳақ шудааст [14, 123]. Инчунин, ӯ дар ин феҳри-сташ дар Россия кашф шудани муҳри фулузӣ, ки барои зарби сиккаҳои тақлидии сомонӣ истифода мешуд, хабар додааст. Тибқи иттилои А. Марков дирҳами (дирҳамҳои) мехкадаи Сабур дар таркиби ганчинаи соли 1868 аз шаҳри Муроми Россия кашфшуда ба даст омадааст [15,6]. Аммо ӯ дар бораи теъдод ва санаи истеҳсоли дирҳамҳои сомони зарби Сабури ин ганчина иттилои аниқ намедихад. Дар айни ҳол макони ҷойгиршавии ин мехкада ба мо маълум нашуд. Чун акси сиккаҳои мехкадаи Сабур хондашуда, чоп нашудааст, мо намедонем, ки он ба «س» навишта мешавад ё бо «ص». А. Марков доир ба ин нукта иттилоъ намедихад. А. Уқайлӣ номи ин мехкадаро ба таври *سابور* зикр кардааст.

Соли 1904 асари бисёр муҳимми сиккашиносии англис М. Конгрингтон - «A Manual of Musalman Numismatics» (Роҳнамои сиккашиносии мусулмонӣ) ба ҷоп расид. Асари мазкур беҳтарин дастур барои таҳқиқи сиккаҳои исломӣ буда, мавзӯҳои гуногун, аз ҷумла мехкадаҳои фаро мегирад. Муаллиф дар ин асараш аз 977 (!) мехкадаи исломӣ ном бурда, мансубияти сулолавии онҳоро низ зикр мекунад. Ӯ Ахсикат, Андароба, Андичароғ, Бомиён, Бадахшон, Балх, Бинкас, Биёр, Панҷхир, Тирмиз, Тункати Илок, Ҷурҷон, Хатлон (ал-Хуттал, ал-Хаттӯл (الختول), Рошт, Суғд (бо «син»-у бо сод)), Шош, Сағониён, Тағома, Аскарӣ Панҷхир, Кум, Қанно (дар асл - Кубо), Муҳаммадия, Маъдин, Насробод, Нишопур, Ҷирот, дар умум 27 мехкадаи Сомониёнро зикр мекунад, ки аз ин миқдор 12-тоаш дар Варзрӯд ҷойгиранд. М. Конгрингтон бо вучуди ба нашр расидани иттилои илмӣ дар бораи мехкадаҳои сомонӣ, ҳатто дар ҷунин шаҳрҳои муҳимми Сомониён ба монанди Самарқанд, Бухоро, Марв, Илок, Фарғона, Хучанд, Усрушана ва Тойқон сикка баровардани Сомониёнро ёдрас нашудааст [16, 134-197].

То замони Шуравӣ боқимондаи мехкадаи сомониён аз Варзрӯд кашф нашуда буд. Соли 1926 ба В. Л. Вяткин муяссар шуд, ки аз харобаҳои Афросиёб боқимондаи мехкадаи Самарқанди замони Сомониён ва қолаби дирҳамрезии сомониҳо кашф намояд [17]. Чун аҳаммияти илмӣ ин кашфиёт дар мақолаи ба мехкадаи Мунк бахшидашудаи муаллиф муфассал баён шуда буд, ин ҷо аз такрор худдорӣ менамоем. Аммо қайд кардан зарур аст, ки ин кашфиёти хеле муҳимми Вяткин то соли 2023 аз мадди назари сиккашиносон дур монда буд [18].

Соли 1953 М.Е. Массон иттилои Истахрӣ, Ибни Ҳавқал ва муаллифи «Худуду-л-олам»-ро доир ба мехкадаҳои сомониён асрҳои IX-X баррасӣ карда, онҳоро ба се гурӯҳ ҷудо менамояд [19,77]. Е.А. Давидович соли 1966 доир ба муомилоти пулии Варзрӯди даврони Сомонӣ мақолаи муфассале ҷоп менамояд. Вале вижагиҳои мехкадаҳои Сомониёнро баррасӣ наменамояд. Ӯ соли 1967 мехкадаи нави Сомониён - Боробро кашф мекунад [20,124]. Соли 1968 Э. Замбаур 47 мехкадаи сомониҳо муайян менамояд, ки аксари олимони минбаъда аз ӯ иқтибос наму-даанд [21].

Аз олимони ватанӣ академик Н. Неъматов соли 1977 бо иттиқо ба асарҳои М.Е. Массон, Е.А. Давидович ва М.Н. Федров мехкадаҳои сомониҳо ба умумидавлатӣ ва маҳаллӣ ҷудо менамояд [22, 98]. Соли 1984 Чапаридзе Г. Зебақро (Забак) яке аз мехкадаи Сомониён медонад, ки он дар номгӯй Э. Замбаур зикр

нашуда буд [23, 81]. Камолиддинов Ш. Самангонро чун мехкадаи Сомониён зикр кардааст [24, 316]. Устод Д. Довутов соли 1996 шумораи мехкадаҳои Сомониёро 26 адад гуфта, 18-тои онҳоро ба Хуросон мансуб медонад [25,393]. Аз ин маълум мешавад, ки устод аз таҳқиқоти дар боло зикршуда беҳабар мондааст. Соли 1998 китоби «Дору-з-зарбҳои исломӣ дар Эрон» ба чоп расид, ки онро А. Уқайлӣ дар асоси асари Э. Замбаур таълиф намуда, дар он 55 мехкадаи Сомониёро номбар кардааст [26,60]. М. Ночӣ бо таъя ба таҳқиқоти олимони аврупоӣ 47 мехкадаҳои Сомониёро ном бурдааст [27,598]. Боғбедӣ М. 63 адад мехкадаи Сомонӣ, ҳокимони маҳаллӣ ва муддаиёни ҳокимияти давраи Сомониёро шарҳу эзоҳ дода, акси аксари сиккаҳои ин мехкадаҳоро чоп намудааст [28, 270- 461].

Соли 2015 дар Тоҷикистон мехкадаи нави Сомониён - Вахш аз таркиби Ганчинаи Кӯлоб кашф шуд [29,180]. Сиккашиносони рус В. Кулешов ва В. Калинин соли 2017 аз фонди нумизматики Эрмитажи давлатии Россия мехкадаи нави Сомониён-Қуводиёно (قواديان) кашф карданд [30,59]. Соли 2022 дар Русия китоби «Каталог саманидских дирхамов 279-394 гг.х.» ба чоп расид. Муаллифони А. Колосов ва А. Калинин дар ин асарашон дирхамҳои 36 мехкадаи Сомониёро зикр намудаанд [31, XXII-XXV].

Ду равиши муайян намудани иқтидори истеҳсолии мехкадаҳо вучуд дорад. Якум аниқ намудани шумораи умумии муҳрхое, ки ҳар сол барои зарби сиккаҳо истифода мешаванд. Дуюм, муайян намудани сиккаҳои мехкадаҳо дар таркиби ганчинаҳо. Беҳтарин роҳи ҳалли ин масъала дар якҷоягӣ истифода бурдани ҳар ду равиш мебошад [32].

Таҳқиқи ҳамаи маводи дастрасшуда ба мо имкон дод то 77 адад мехкадаи Сомониён муайян карда шавад (ҷадвали 1). Аз ин миқдори умумии мехкадаҳои маълумшуда 34-тои он дар Варзрӯд ҷойгир мебошанд (ҷадвали 2). Аз ин маълум мешавад, ки мехкадаҳои Сомонии Варзрӯд аз ҷиҳати теъдод ва истеҳсоли сикка нисбат ба мехкадаҳои дар Хуросон будаи Сомониён бартарӣ доранд. Сикказании Сомониён дар Варзрӯд нисбат ба Хуросон барвақт оғоз шудааст. Чунончи қадимтарин фалсҳои сомонӣ соли 191 х.к./дар Усрушана, соли 201 х.к./дар Хоразм, соли 203 х.к./818-19 дар Самарқанд, соли 205 х.к./дар Шош ва соли 208 х.к./дар Хучанд (акси 2.) бароварда шудаанд. Аммо тибқи маводи нумизматики то имрӯз маълум дар зарби диноҳ Хуросон бар Варзрӯд бартарӣ дорад.

Гузашта аз ин муайян кардан лозим аст, ки аз мехкадаҳои сомонии Варзрӯд қадомаш аз ҳама фаъолтар буд ва дар он сиккаи бештар истеҳсол мешуд? Шояд фикр кунем, ки Бухоро бо сабаби пойтахти Сомониён будан муҳимтарин мехкада бошад. Аммо чунин нест. Чунончӣ барои муайян намудани нақши сиккабарории мехкадаи Бухоро дирхамҳои 1238 ганчинаи дирхамҳои мансуби асрҳои X-XI, ки аз Аврупо ёфт шудаанд, мавриди таҳқиқ қарор дода мешаванд. Дар натиҷа маълум мешавад, ки аз ин миқдор дар таркиби 281 ганчинаи дирхамҳои сомонии мехкадаи Бухоро мавҷуданд. Ин дирхамҳои Бухоро аз Варзрӯд то Норвегия содирот шудаанд. Дар таркиби 281 ганчинаи 1764 дирҳами Бухоро мавҷуд аст, ки санаи зарби 1409 дирхам пурра хонда мешаванд. Аксари ин дирхамҳо дар замони Нуҳи I ибни Наср зарб шудаанд. Аз ин бармеояд, ки мехкадаи Бухоро аз охири асри IX то нимаи дуоми даҳсолаи чоруми нимаи якуми асри X монанд мехкадаҳои Шош, Самарқанд ва Балх фаъол набудааст. 96 фисади дирхамҳои зарби Бухоро берун аз Варзрӯд кашф шудаанд. Ин маънои онро дорад, ки мехкадаи Бухоро бо фаъол шуданаш аслан барои тичорати хоричӣ дирхам истеҳсол менамудааст [32]. Дурустии ин хулосаро боз як далели дигар тақвият мебахшад, ки он бевосита ба

Тоҷикистон алоқаманд мебошад. Гап сари ин аст, ки дар таркиби дирҳамҳои сомонии мехкадаҳои варазрудии Самарқанд, Шош, Суғд, Хуттал ва Ваҳши Ганҷинаи Кӯлоб ягон дирҳами мехкадаи Бухоро мавҷуд нест. Дертарин дирҳами сомонии ин ганҷина соли 316 х.к./828-29, яъне дар замони Насри II, вақте ки мехкадаи Бухоро дар истеҳсоли дирҳам ғаёл набуд, зарб шудааст.

Як вижагии дигари дирҳамҳои сомонии мехкадаи Бухоро ҳамин аст, ки мо дар онҳо аз як тараф эҳёи анъанаҳои сикказании тоисломии ниёкон, аз тарафи дигар рақобати Сомониёнро бо Бувайҳиён мушоҳида менамоем. Чунончи дар дирҳами мехкадаи Бухоро, ки соли 358 х.к./970-71 зарб шудааст, нимруҳи монанд ба эзадбону ва дар атрофи он навиштори паҳлавиро ба хубӣ мушоҳида менамоем (акси 1).

Олими шаҳри амрикоӣ Т. Нунан (1938-2001) ва олими рӯстабори ИМА Р. Ковалев барои муайян намудани миқдори дирҳамҳои сомонии зарби Самарқанд, Шош ва Балх таҳқиқоти ҷудогона анҷом додаанд. Онҳо аз таркиби 634 ганҷинаи аз Аврупо кашфшуда 14 865 дирҳами сомонии зарби Самарқандро муайян намуда, чунин хулоса менамоянд, ки 99 фисади дирҳамҳои сомонии мехкадаи Самарқанд ба Аврупо содирот шудаанд [33,13]. Шош муҳимтарин мехкадаи Сомониён буд. Аз таҳқиқоти Т. Нунан ва Р. Ковалев бармеояд, ки 99,7 фисади дирҳамҳои зарби Шош берун аз қаламрави Сомониён ба даст омадаанд. Онҳо аз таркиби 663 ганҷинаи дирҳами сомонӣ доштаи Аврупо 21343 дирҳами зарби Шошро муайян сохтанд. Аз ин миқдор муайян намудани давраи 20074 адади онҳо имконпазир аст. Аз 20074 дирҳам I 8467 адад бо амри Исмоили I (892-907), 4201 адад дар аҳди Аҳмади II (907-914), 5760 адад бо фармони Насри II (914-943), 672 адад дар замони Нуҳи II (943-954), 192 адад ба вақти Абдулмалики I (954-961), 483 дирҳам дар айёми Мансури I (961-976) ва 299 адад ба даврони Нуҳи II (976-997) бароварда шудаанд [34, 52]. Аз баррасиҳои оморӣ ошкор мегардад, ки дирҳамҳои сомонӣ ба вақти Исмоили Сомонӣ аз ҳама афзун дар мехкадаи Шош истеҳсол мешуданд.

Дар байни саволҳои зиёди бунёдие, ки дар робита ба тавлиди сиккаҳонаҳои марказӣ ба миён меоянд, ин аст, ки чаро амир Исмоили Сомонӣ аз ибтидои ҳукмронии худ дар солҳои 892-893 дар сиккаҳонаи Шош дар ҳоле ки тичорати байни Осиёи Миёна ва Аврупо чандон рушд накарда буд, ба истеҳсоли ин қадар дирҳами зиёд шуруъ кард? Посухи пурсиш ҳамин аст, ки Исмоили Сомонӣ аз солҳои аввали ҳукмронии худ имкониятҳои бузурги тичорати хоричиро хуб дарк менамуд. Аз ин ҷост, ки ӯ дар аввал қаламрави Сомониёнро аз ҳучуми туркҳои биёбонгард наҷот дод ва худро девори Бухоро эълон намуд.

Муҳимтарин конҳои нуқраро зерӣ назорати худ даровард. Саффоориёнро аз Хоразм маҳрум кард ва роҳи асосии тичорат ба Аврупои Шимолиро зерӣ назорати худ гирифт. Акнун сиккаҳонаҳои Шош ва Самарқанд ба таври бесобиқа дирҳам истеҳсол менамуданд, Шош ва Самарқанд пойтахтҳои нахустини Сомониён буда, мавқеи ҷуғрофии онҳо барои тичорат хеле мусоид буданд. Дирҳамҳои ин сиккаҳонаҳо асосан барои содирот ба Аврупо истифода мешуданд.

Албатта, ин маъноӣ онро надорад, ки дирҳамҳои ин ду сиккаҳона дар муомилоти пулии дохилӣ истифода намешуданд. Мехкадаҳои Шош, Самарқанд ва баъди охири нимаи дуюми асри X Бухороро метавон бо боварии комил мехкадаҳои марказии Сомониён дар Варазруд ва тамоми қаламрави Сомониён ҳисобид.

Баъд аз мехкадаҳои марказӣ мехкадаи Хутталро дар дараҷаи дуюм қарор дод. Дар мехкадаҳои Хучанд ва Усрушана ба монанди мехкадаи Хуттал дирҳам истеҳсол намешуд. Дар ин ду мехкада ба мисли мехкадаҳои Фарғона, Аҳсикат, Исфичоб ва Пороб фалс бештар бароварда мешуд, на дирҳам. Дар навбати худ

мехкадаҳои сомони водии Фарғона ва Испичобро мехкадаҳои музофотии шӯришгар номидан мумкин аст. Зеро дар аксари ин мехкадаҳо бо заъиф шудани иқтидори Сомониён ҳокимони онҳо дар сиккаҳо худро амир эълон менамуданд ва аз зикри номи амири Сомониён дурӣ мечустанд.

Нуктаи охир ҳамин ки аз 76 адад мехкадаи маълумшудаи Сомониён 10-тои он – Андичароғ, Вахш, Зомин, Кубодиён, Маъдини Хуттал, Рошт, Хуттал, Хатлон, Хучанд ва Усрушана дар Тоҷикистон ҷойгиранд, ки ин аз рушди сикказанӣ ва ривоҷи муомилоти пулии ин ғушаи қаламрави Сомониён дар асрҳои IX - X дарак медиҳад. Яке аз муҳимтарин вижагиҳои сикказанӣ ва муомилоти пулии Сомониён ҳамин аст, ки онҳо ба гардиши дирҳамҳои мусайябӣ, муҳаммадӣ ва ғитрифӣ дар Варзруд монеа эҷод накарда, фаъолияти мехкадаҳои марказии он – Шош, Самарқанд ва баъдтар Бухоро ба истехсоли дирҳамҳо барои содирот ба Аврупо равона намуданд.

Акси 1. Дирҳами Мансур ибни Нӯҳ бо тасвири нимруҳи шаҳбонуи сосонӣ ё эзадбону Анаҳито ва навиштори паҳлавӣ ва арабӣ. Мехкадаи Бухоро. Соли 358 ҳ.қ./970-71.

Акси 2. Филонҳои Хучанд. Зарби соли 208 ҳ.қ. Нӯҳ ибни Адад

Ҷадвали 1		МЕХКАДАҲОИ СОМОНИЁН					
№	Мехкада	№	Мехкада	№	Мехкада	№	Мехкада
1	Андароба	21	Зомин	40	Насробод	59	Усрушана
2	Андичароғ	22	Исбичоб	41	Нишопур	60	Фарғона
3	Аскар	23	Карач	42	Омул	61	Фарин
4	Аскарӣ Панҷхир	24	Қуводиён	43	Ош	62	Фарох
5	Астаробод	25	Қазвин	44	Панҷхир	63	Фарвон
6	Ахсикат	26	Қаристон	45	Пороб (Бороб)	64	Форс
7	Бадахшон	27	Қуббо	46	Рошт	65	Ҳамадон
8	Балад	28	Қум	47	Сабур	66	Ҳирот
9	Балх	29	Марв	48	Сағониён	67	Хатлон
10	Биёр	30	Марғенон	49	Самарқанд	68	Хучанд
11	Бинкат	31	Маъдин	50	Сародиқи Кишм	69	Хуст
12	Бомиён	32	Маъдини Панҷхир	51	Самангон	70	Хуттал
13	Бурҷи Қишм	33	Маъдини Сӯғд	52	Сова	71	Хуқанд
14	Бухоро	34	Маъдини Ҷарбия	53	Сӯғд	72	Ҷирм
15	Валволич	35	Маъдини Шош	54	Тағома	73	Ҷарёб-Ҷарёба
16	Вахш						
17	Ғазна	36	Маъдини Хуттал	55	Тирмиз	74	Ҷурҷония
18	Ғарҷистон	37	Моҳу-л-Басра	56	Тойикон	75	Шероз
19	Гургон	38	Муҳаммадия	57	Тункат	76	Шош
20	Зибак	39	Навкати Илоқ	58	Узқанд	77	Юмгон

Ҷадвали 2.		МЕХКАДАҲОИ СОМОНИИ ВАРЗРУД			
№	Мехкада	№	Мехкада	№	Мехкада
1	Андичароғ	12	Маъдини Сӯғд	23	Тағома
2	Ахсикат	13	Маъдини Шош	24	Тирмиз
3	Бинкат	14	Маъдини Хуттал	25	Тункат
4	Болоён (Полоён)	15	Навкати Илоқ	26	Узқанд
5	Бухоро	16	Насробод	27	Усрушана
6	Вахш	17	Ош	28	Фарғона
7	Зомин	18	Пороб (Бороб)	29	Хатлон
8	Исбичоб	19	Рошт	30	Хуқанд
9	Илоқ	20	Сағониён	31	Хучанд
10	Қуводиён	21	Самарқанд	32	Хуттал
11	Қуббо	22	Сӯғд	33	Ҷурҷония
				34	Шош

1. Шарифзода А. Инъикоси сикказанӣ ва муомилоти пулии давлати Сомониён дар сарчашмаҳои арабӣ ва форсӣ-тоҷикӣ//Муаррих. -Душанбе, №1, 2022. - с.69-88.
2. Абуисҳоқ Иброҳим ибни Мухаммад ал-Форсӣ ал-Истахрӣ алмаъруф би -л-Кархӣ. Масолику-л-мамолик. - Лидн, 1927 – 348 с.
3. Худуду-л-олам мина-л-машрик ила-л-мағриб/Бо кӯшиши Манучехри Сутуда. - Техрон, 1983. - 252 с.
4. Массон М.Е. Ахангеран. Археолого-топографический очерк. – Ташкент, 1953. – 143 с.
5. Minorsky V. Commentary on the translation of the Hudud al-alam// Hudud al-alam. Translated and explained V. Minorsky. - England, 1970. - p. 167-477
6. Абдуллоев Д. Сведения «Худуд ал-Алам» о городах и селениях Мавераннахра раннеисламского времени//Археологические вести. - Санкт-Петербург, №30, 2021. - С.300-308
7. Абулқосим ибни Ҳавқал ан-Нусайбӣ. Сурату-л-арз. - Бейрут: Дору-л-мактабату-л-хаёт, 1997 - 432 с.
8. Куръони карим/ Тарҷума ва тавзеҳоти М. Умаров. -Душанбе, 2011. - 640 с.
9. Савельев П. Топография кладовъ съ восточными монетами и изделиями VII, VIII, IX, X и XI века, въ России и При-Балтийскихъ странахъ, объясненная историческими свидетельствами о торговле северо-востока Европы въ эпоху основания и утверждения Русскаго государства. - Санктпетербургъ, 1846. - 180 с.
10. Frehn.Ch.-M. De Musei Sprewitziani Mosquae, Numis Kuficis. - Petropoli, 1825. - p. 109
11. Тизенгаузен В. О монетахъ Саманидовъ // Записки Императорскаго Археологическаго общества. - Санктпетербургъ, Т. VI, 1853. - С. 1-237.
12. Тизенгаузен В. О Самманидскихъ монетахъ//Труды Восточнаго отделения Императорскаго Археологическаго общества. - Санктпетербургъ, Часитъ первая, 1855. – С. 1-264.
13. Тизенгаузен В. Монеты Восточнаго халифата. - Санктпетербургъ, 1873. – 374 с.
14. Марков А. Инвентарный каталогъ мусульманскихъ монетъ Императорскаго Эрмитажа. - С.Петербургъ, 1896. - 872 с.
15. Марков А. Топография кладовъ восточныхъ монетъ (сасанидскихъ и куфическихъ)//С.-Петербургъ, 1910. - 148 с.
16. Congrington O. A manual of musulman numismatics. - London, 1904. - p.237.
17. Вяткин В. Матрица и штамп из Самарканда//Известия Среднеазиатскаго комитета по делам музеев и охраны памятниковъ старины, искусства и природы – Ташкент, В. I, 1926. - С. 71-76.
18. Шарифзода А.Қ. Мунк – заррбхонаи нави замони Сомониён//Муаррих. -Душанбе, №2 (34), 2023. - С.31-39.
19. Массон М.Е. Ахангеран. Археолого-топографический очерк – ташкент, 1953. – 143 с.
20. Давидович Е.А. Бараб - новый среднеазиатский монетный двор Саманидов и Ануштегинов// Письменные памятники Востока – Москва, 1972. - С. 124-129.
21. Zambaur E. Die Münzprägungen des Islams, zeitlich und örtlich geordnet. Der Westen und Osten bis zum Indus//Hg. P. Jaecel. –Wiesbaden, 1968. – 286 S.
22. Нейматов Н. Давлати Сомониён//Тарҷумаи А. Валиев. - Душанбе, 1989. -304 с.
23. Джапаридзе Г. Новые добавления к работе Э. Цамбаура «Die Münzprägungen Des Islams»//Эпиграфика Востока – Ленинград, 1984 - С. 80-83
24. Камалиддинов Ш. Историческая география Южного Согда и Тохаристана по арабоязычным источникам IX- начала XIII вв. –Ташкент, 1996 – 534 с.
25. Довутов Д. Торговля и денежное обращение//История таджикского народа – Душанбе, Т.II, 1999. С. 384-397.
26. Укайлий А. Дору-з-зарбҳои Эрон дар давраи исломӣ. - Техрон, 1998. - 520 с.
27. Ночӣ М. Фарҳанг ва тамаддуни исломӣ дар қаламрави Сомониён//Баргардони Л. Бойматов – Душанбе, 2011. – 1295 с.
28. Бобедӣ М. Сиккаҳои Эрон дар давраи исломӣ. Аз оғоз то баромадани Салҷуқиён. – Техрон, 1397 – 745 с.
29. Шарифзода А. К. Новый монетный двор Саманидов//Ахбори Осорхонаи миллии Тоҷикистон – Душанбе, №2, 2017. С. 176-180.
30. Кулешев В., Калинин В. Новое в типологии саманидских дирхамов первого хронологического этапа//Девятнадцатая Всероссийская нумизматическая конференция. Великий Новгород, 18-22 апреля 2017 г. Тезисы докладов и сообщений. – Москва, 2017. - 275 с.
31. Kolosov F., A. Kalinin. Catalogue of samanid dirhams – St. Petersburg-Moscow, 2022, 446 p.
32. Kovalev R. K., Sherma N.M. Mint Output in Tenth-Century Bukhārā: A Case Study of Dirham Production and Monetary Circulation in Northern Europe.

33. Kovalev R. K. the mint of al-Shash: the vehicle for the origins and continuation of trade relations between viking-age Northern Europe and samanid Central Asia//Archivum Eurasiae Medii Aevi. – Wiesbaden, 12 (2002-2003). - p: 47 -79.

34. Kovalev R. K. Dirham Mint Output of Samanid Samarqand and its Connection to the Beginnings of Trade with Northern Europe (10th century)//Histoire & mesure. – XVII, 2002. - p: 197-216.

МЕХКАДАҶОИ СОМОНИИ ВАРАЗРҶД

Яке аз мавзуҳои мубрам ва муҳимми таърихи давлати тоҷикбунёди Сомониён таҳқиқи ҷиғунагии ғабӯлияти меҳкадаҳои Сомониён дар Варазрӯд (Мовароуннаҳр) ва нақши онҳо дар ҳаёти иқтисодии минтақа ва Аврупо мебошад. Мавзуи мазкур дар асоси сарчашмаҳои хаттӣ, маводи бостоншиносӣ - нумизматӣ ва осори илмӣ Х. Д. Френ, П. Савелев, В. Тизенгаузен, А. Марков, М. Конгрингтон, М.Е. Массон, Э. Зембаур, Е.А. Давидович, М. Богбедӣ, Т. Нунан ва В. Ковалёв мавриди пажӯҳиш қарор гирифтааст. Дар натиҷа, муаллиф 77 меҳкадаи Сомониёнро муайян кардааст, ки аз ин теъдод 36 адади он дар Варазрӯд ғабӯлият менамуданд. Аз 77 меҳкадаи Сомониён 10 адади он дар ҳудуди Тоҷикистон ҷойгир мебошанд.

Яке аз муҳимтарин вижагиҳои сикказанӣ ва муомилоти пулии Сомониён ҳамин аст, ки онҳо ба гардиши дирхамҳои мусайябӣ, мухаммадӣ ва гитрифӣ дар Варазрӯд монета эҷод накарданд. Меҳкадаҳои марказӣ – Шош, Самарқанд ва Бухоро ва қисман меҳкадаҳои музофотӣ бисёртар барои содирот ба Аврупо дирхам мебароварданд. Бо ин роҳ Сомониён талаботи Аврупоро ба нукра қонё менамуд ва дар ташаққули сикказанӣ ва муомилоти пулии баъзе давлатҳои аврупой нақши муассир мегузошт.

Дирхамҳои меҳкадаҳои марказӣ дар муомилоти пулии дохилӣ низ истифода мешуданд. Меҳкадаҳои сомониӣ Варазрӯд дар истехсоли дирхам нисбат ба меҳкадаҳои Хуросон бартарии зиёд доштанд. Муомилоти пулии Варазрӯд ва Хуросон дар замони Сомониён ҳеле ривоч ёфта буд.

Қаллидвожаҳо: давлати Сомониён, Варазрӯд (Мовароуннаҳр), Хуросон, Аврупо, меҳкадаҳо, Шош, Самарқанд, Бухоро, Хатлон, Хучанд, меҳкадаҳои марказӣ, минтақавӣ, музофотӣ, дирхам, динор, муомилоти пулӣ.

САМАНИДСКИЕ МОНЕТНЫЕ ДВОРЫ ВАРАЗРУДА

Одной из наиболее актуальных и важных тем истории таджикского государства Саманидов является определение деятельности монетных дворов в Варазруде (Моваруннахре) и их роль в экономическом развитии региона и Европе. Автор исследовал данную тему на основе письменных источников, археолого-нумизматических материалов и достоверных научных работ Х.Д. Фрэна, П. Савельева, В. Тизенгаузена, А. Маркова, М. Конгрингтона, М.Е. Массона, Э. Зембаура, Э.А. Давидович, М. Богбеди, Т. Нунан и В. Ковалева. В результате выявлено 77 монетных дворов Саманидов, 36 из которых действовали в Варазруде. Из 77 саманидских монетных дворов 10 были расположены на территории современного Таджикистана.

Одной из важнейших особенностей монетного дела и денежного обращения Саманидов является то, что они не препятствовали обращению дирхемов мусайяби, мухаммади и гитрифиды в Варазруде. Центральные монетные дворы - Шош, Самарканд и Бухара в основном выпускали дирхамы для экспорта в Европу. Таким образом, Саманиды удовлетворили спрос Европы на серебро и сыграли важную роль в формировании монетного дела и денежного обращения некоторых европейских стран. Дирхамы центральных монетных дворов также использовались во внутреннем денежном обращении. Монетные дворы Саманидов в Варазруде имели большое преимущество в производстве дирхамов по сравнению с монетными дворами Хорасана. Денежный обмен между Варазрудом и Хорасаном был очень развит в период Саманидов.

Ключевые слова: Государства Саманидов, монетное дело, Варазруд (Мовароуннахр), Хорасан, Европа, монетные дворы, Шош, Самарканд, Бухара, Хатлон, Худжанд, центральные, региональные и провинциальные монетные дворы, дирхам, динар, денежное обращение.

SAMANID MINTS OF VARAZRUD

One of the most relevant and important topics in the history of the Tajik Samanid state is the studies of the activities of the mints in Varazrud (Movarunnahr) and their role in the economic development of the region and Europe. The author studied this topic based on written sources, archaeological and numismatic materials and reliable scientific works of H.D. Fran, P. Saveliev, V. Tiesenhausen, A. Markov, M. Congrington, M.E. Masson, E. Zembaur, E.A. Davidovich, M. Bogbedi, T. Nunan and V. Kovalev. As a result, 77 Samanid mints were identified, 36 of which operated in Varazrud. Of the 77 Samanid mints, 10 were located on the territory of Tajikistan.

One of the most important features of the Samanid coinage and money circulation is that they did not interfere with the circulation of the Musayyabi, Muhammadi and Ghirifi dirhams in Varazrud. The central mints of Shosh, Samarkand and Bukhara mainly produced dirhams for export to Europe. Thus, the Samanids satisfied the European demand for silver and played an important role in the formation of coinage and money circulation in some European countries. Dirhams from the central mints were also used in domestic money circulation. The Samanid mints in Varazrud had a great advantage in producing dirhams compared to the mints of Khorasan. Money exchange between Varazrud and Khorasan was very developed during the Samanid period.

Key words: *Samanid state, coinage, Varazrud (Movarounnahr), Khorasan, Europe, mints, Shosh, Samarkand, Bukhara, Khatlon, Khujand, central, regional, provincial mints, dirham, dinar, money circulation.*

Сведения об авторе: Шарифзода Абдували - кандидат исторических наук, заведующий отделом истории науки и техники Института истории, археологии и этнографии им А. Дониша НАНТ. Тел.: (+992) 900-55-75-75. E-mail: abduvali05@mail.ru

Information about the author: Sharifzoda Abduvali - Candidate of Historical Sciences, Head of the Department of History of Science and Technology of the A. Donish Institute of History, Archeology and Ethnography of the National Academy of Sciences of Tajikistan. Tel: (+992) 900-55-75-75. E-mail: abduvali05@mail.ru

УДК 94 (55)"13": 929: 321. 013

МУБОРИЗА БАРОИ РАСИДАН БА ҚУДРАТ БАЙНИ АМИРОНИ ОЛИ МУЗАФФАР ВА ИНҚИРОЗИ ДАВЛАТИ ОНҲО¹

САИДОВ Абдуқаҳҳор,

Институти таърих, бостоншиносӣ ва мардумшиносии ба номи А. Дониш

Музаффариён яке аз хонадонҳои тоҷиктабор буданд, ки пас аз инқирози давлати Элхониҳо арзи ҳастӣ карда, аз ҳокимони маъруфи ин хонадон амир Муборизиддин ба шумор мерафт. Писарони амир Муборизиддин Шохшучоъ ва Шохмаҳмуд, инчунин хохарзодааш Шохсултон соли 1359 ба чашмони амир Муборизиддин мил кашида, ӯро нобино сохтанд ва ба ҳабс гирифтанд. Пас аз ин Шохшучоъ ба ҷойи падар тахти Музаффариҳоро соҳиб гашт. Шохшучоъ идораи Исфаҳон ва Абаркӯхро ба бародараш Шохмаҳмуд супорида, Кирмонро ба ихтиёри бародари хурдиаш Аҳмад дод. Бародарзодааш Шохяхёро дар қалъаи Қухандиз маҳбус сохта, Ҳоча Бурхонуддини вазирро ба қатл расонд. Ба ҷойи ӯ Ҳоча Қивомуддин Муҳаммадро вазир таъйин намуда, худ озими Шероз гардид [1, 325, 7, 312].

Баъди чанде бо таҳриқи душманону бадхоҳон байни бародарон Шохшучоъ ва Шохмаҳмуд муҳолифат сар зад ва Шохмаҳмуд ба Язд лашкар кашида, онро иш-

¹ Мақола дар асоси лоиҳаи «Таърихи халқи тоҷик» (асрҳои III - аввали асри XX) рақами қайди давлатӣ 0121ТҶ 1211 навишта шудааст.

гол кард. ӯ дар Язду Исфаҳон номи Шоҳшучоъро аз хутба бардошт. Шоҳшучоъ барои ба ӯ чазо додан озими Исфаҳон шуда, онро ба муҳосира гирифт. Дар натиҷа Шоҳмаҳмуд бар сипоҳи Шоҳшучоъ ғолиб омада, Шоҳсултонро, ки шомили лашкари Шоҳшучоъ буд, дастгир намуд ва ба интиқоми падар чашмони ӯро мил кашид [3, 60, 13, 319]. Аз муҳосираи Исфаҳон Шоҳшучоъ натиҷаи дилхоҳ ба даст наоварда, маҷбур шуд, ки бо бародараш муросо намояд. Онҳо ба чунин қарор омаданд, ки идораи Исфаҳон мисли собиқ ба уҳдаи Шоҳмаҳмуд вогузор гардида, хутба ва сикка ба номи Шоҳшучоъ бошад. Шоҳшучоъ ба ин розӣ шуда, ба қароргоҳи худ баргашт. Шоҳмаҳмуд ҳарчанд ба ин шарт розӣ шуда бошад ҳам, дар асл мақсад дошт, ки бо ҳар роҳ ӯро нест карда, мулки падарро зери тасарруфи худ дарорад. Шоҳмаҳмуд пас аз ба қароргоҳ баргаштани Шоҳшучоъ, барои амалӣ намудани нақшааш расули худро ба назди ҳокими Озарбойҷон Увайси Чалоир фиристода, арз намуд, ки агар розӣ бошад, бо мадади ӯ онҳо Форсу Шерозро забт менамоянд.

Дар ин миён Шоҳшучоъ бо Шоҳяхё, ки дар қалъаи Кухандизи Шероз маҳбус буд, ошғӣ шуда, ӯро ба ишғоли Язд фиристод. Шоҳяхё Яздро ба муҳосира гирифта, онро ба даст оварда, даъвии истиқлол намуда, аз тобеяти Шоҳшучоъ саркашӣ кард. Шоҳшучоъ аз Шероз ба муҳосираи Язд лашкари сершуморро бо сарварию вазири худ Хоча Қивомуддин фиристод ва Шоҳяхё ба тарс узрхоҳӣ намуд.

Пас аз чанде бо игвону дасисаи бадхоҳон байни Шоҳшучоъ ва вазир Қивомуддин муҳолифат сар зад ва Шоҳшучоъ дар нимаи моҳи зулқайдаи соли 764 ҳ.к./августии соли 1363 Қивомуддинро бо шиканҷаи зиёд ба қатл расонда, вазоратро ба уҳдаи Камолуддин Ҳусайни Рашидӣ вогузор намуд [1, 356-359].

Шоҳмаҳмуд бо мадади ҳокими Бағдод ва Табрз султон Увайс азми тасхири Шероз намуд. Шоҳяхё низ ба онҳо ҳамроҳ шуд. Сардорони Луристон, Кум, Кошон, инчунин амирони дигари муҳолифи Шоҳшучоъ бо онҳо пайвастанд ва соли 765/1363-1364 аз Исфаҳон берун омада, бар зидди Шоҳшучоъ роҳи Шерозро пеш гирифтанд.

Шоҳшучоъ бо бародари хурдиаш Аҳмад ва писараш Кутбиддин Увайс бар зидди онҳо омодагӣ гирифта, аз Шероз берун гашт. Аҳмад дар роҳ аз Шоҳшучоъ ранчида, ба урдуи Шоҳмаҳмуд пайваст шуд ва баъзе аз ҷонибдорони дигари Шоҳшучоъ низ ба чунин амал даст заданд. Оқибат байни ду лашкар набарди саҳт сар зад. Шоҳшучоъ дар Шероз дар муҳосира монд ва қарор дод, ки баъзе аз ҷонибдорони вазири собиқ Қивомуддинро аз Шероз берун созад, то онҳо аз фурсати муносиб истифода бурда, бар зидди ӯ қиём нанамоянд. Аз ҷумла, ӯ муқаррибони Қивомуддин - Малик Муҳаммад ва Давлатшоҳро бо баҳонаи чамъ намудани амвол ба Кирмон фиристод. Дар ин вақт дар Кирмон лашкар ва ҳокиме вучуд надошт. Давлатшоҳ баробари ба Кирмон омадан ҳокимиятро ба дасти худ гирифта, амирони Шоҳшучоъро аз миён бардошт ва писари Шоҳшучоъ - султон Шиблиро дар қалъа маҳбус намуда, ҳазонаи вилояти Кирмонро зери тасарруфи худ даровард. ӯ дар Кирмон лашкари сершумор чамъ намуд ва худро зоҳиран тобеи Шоҳмаҳмуд вонамуд карда, хутба ва сикка ба номи ӯ кард. Шоҳшучоъ аз ин огоҳ гардида, писари худ Кутбиддин Увайсро бо амир Ғиёсуддин Суюрғатмиш бар зидди Давлатшоҳ ба Кирмон фиристод, вале онҳо, муваффақ нагашта, ақибнишинӣ карданд [1, 359-368, 4, 516-521].

Шоҳшучоъ ва Шоҳмаҳмуд бо маслиҳати ҳамдигар дар назди қалъаи Кухандиз вохӯрда, ба қарор омаданд, ки Шоҳшучоъ ба Абарқӯҳ меравад ва Шоҳмаҳмуд вориди шаҳри Шероз мегардад [7, 378-382, 11, 962].

Шоҳшучоъ аз Абаркӯҳ бо сесад нафар лашкари савора ба дафъи Давлатшоҳ озими Кирмон шуда, Давлатшоҳро бо мулозимонаш ба қатл расонд ва Кирмонро зери тасарруфи худ даровард [1, 368-378, 7, 325-326].

Шоҳшучоъ писарони худ Муъизиддин Чаҳонгир ва Мучоҳиддин Зайнулобиддинро дар Кирмон гузошта, бо ду писари дигараш Қутбиддини Увайс ва Музаффариддини Шиблӣ озими Шероз гардид. Дар канори бандари Амир миёни лашкари Шоҳмаҳмуд ва Шоҳшучоъ набарди сангин сар зад, ки он бо ғалабаи лашкари Шоҳшучоъ анҷомид.

Пас рӯзи шанбеи шонздаҳуми зулқаддаи соли 767 х.к. / шанбеи 25 июли соли 1366 дар сари роҳи Шероз дар канори Пули Фасо байни лашкари Шоҳмаҳмуд ва Шоҳшучоъ боз задухӯрд сар зад, ки он ҳам бо ғалабаи лашкари Шоҳшучоъ анҷом ёфт. Дар чунин вазъият бародараш Аҳмад низ аз Шоҳмаҳмуд рӯй гардонда, ба хизмати Шоҳшучоъ пайваст шуд. Шоҳшучоъ дар майдони Саодати беруни дарвозаи шаҳр қарор гирифт ва аёну ашрофи шаҳр хабар доданд, ки ҳама ба итоати ӯ омодаанд. Шоҳмаҳмуд дигар илоҷе наёфта, рӯзи якшанбеи 24 моҳи зулқаддаи соли 767 х.к. / якшанбеи 2 августи соли 1366 аз Шероз берун шуда, озими Исфаҳон гардид. Тибки ахбори Хондамир Шоҳмаҳмуд дар охирҳои моҳи зулҳиҷаи соли 767 х.к. / сентябри соли 1366 озими шаҳри Исфаҳон шуда буд [10, 302]. Фасеҳи Хавафӣ низ фирори Шоҳмаҳмудро аз Шероз ба Исфаҳон бе нишон додани моҳи соли 767 х.к. / 1365-1366 мешуморад [11, 963]. Шоҳшучоъ аз сари нав ба қароргоҳи собиқи худ шаҳри Шероз баргашт [1,382-384, 11,963]. Ӯ вазоратро ба Хоҷа Қутбиддини Сулаймоншоҳ писари Хоҷа Маҳмуд Камол супорид.

Шоҳшучоъ дар Шероз Хоҷа Қутбиддини Сулаймоншоҳро ба ҳабс гирифта, Рукниддини Ҳасанро вазир таъин намуд. Баъди чанде Хоҷа Қутбиддини Сулаймоншоҳ аз ҳабс фирор намуда, ба Исфаҳон назди Шоҳмаҳмуд омад ва аз чониби ӯ соҳиби вазорат гардид.

Ҳокими Озарбойҷон султон Увайс духтаре дошт, ки ниҳоят зебо буд.

Ҳам Шоҳшучоъ ва ҳам Шоҳмаҳмуд мехостанд, ки духтари ӯро ба никоҳи худ дароварда, бо ин хонадон робитаи хешу таборӣ ҳосил кунанд. Ҳарду алоҳида намояндагони худро барои хостгорӣ ба Озарбойҷон назди султон Увайс фиристоданд. Дар ниҳояти қор он шохзода ба никоҳи Шоҳмаҳмуд даромад ва ӯро ба Исфаҳон оварданд. Ҳангоми ба Исфаҳон омадан он шохзода ҳис намуд, ки Шоҳмаҳмуд дар фироқи ҳамсари марҳумаш Хон Султон беқарорӣ дошта, ба ӯ тавачҷуҳи зиёд надорад. Оташи ҳасади ӯ зиёд шуда, ҳангоми дар Исфаҳон набудани Шоҳмаҳмуд ҳасади Хон Султонро аз қабр берун оварда оташ зад [7,430-435, 4,533-535].

Пас аз чанде Шоҳмаҳмуд бо ёрии лашкари султон Увайс ба Шероз лашкар кашид. Дар атрофи Шероз байни ду лашкар задухӯрди саҳт сар зад. Он набард чунон дарҳам буд, ки ҳам Шоҳшучоъ ва ҳам Шоҳмаҳмуд гумон карданд, ки шикаст хӯрдаанд. Шоҳшучоъ ба Шероз ва Шоҳмаҳмуд ба Исфаҳон фирор намуданд.

Шоҳшучоъ пас аз ба қатл расондани Давлатшоҳ идораи Кирмонро ба уҳдаи Паҳлавон Асади Хуросонӣ вогузор намуда буд. Пас аз чанде ӯ даст ба муҳолифат зада, доди истиқлол намуд. Байни мулозимони модари Шоҳшучоъ Хон Қутлуғ, ки дар Кирмон буд ва навқарони Паҳлавон Асад низоъ сар зад. Паҳлавон Асад чонибдорони Хон Қутлуғро дастгир намуда, дороии онҳоро мусодира намуд. Шоҳшучоъ инро шунида, бо бародараш Шоҳмаҳмуд ошғӣ кард ва соли 774 х.к. / 1372-1373 ба Кирмон лашкар кашид. Ӯ шаҳрро ба муҳосира гирифт, вале онро фатҳ карда натавонист. Соли 775 / 1373-1374 Шоҳшучоъ Паҳлавон Хуррамро ба муҳосираи Кирмон фиристод. Оқибат ба муҳосиракунандагон муяссар гардид, ки Паҳлавон Асадро бо роҳи фиреб дастгир намоянд. Паҳлавон Асад дар рӯзи

чумъаи нимаи моҳи рамазони соли 776 х.к. /рӯзи чумъаи 16 феввали соли 1375 ба қатл расонда шуд. Бо амри Шохшучоъ амир Ихтиёруддин Ҳасани Қурҷӣ ҳокими Қирмон таъйин гардид [7, 489-492, 4, 538-548].

Дар ин миён хабар расид, ки рӯзи 9 моҳи шавволи 776 х.к. /13 марти соли 1375 Шохмаҳмуд аз беморӣ дар Исфаҳон вафот кардааст [7, 325-326, 12, 309].

Ба Шохшучоъ хабар расид, ки умаро ва аъёнӣ Шохмаҳмуд бо султон Увайс пайвастанд. Ин хабарро шунида, Шохшучоъ озими Исфаҳон шуд ва султон Увайс овозаи омадани падарашро шунида, ба ӯ нома навишта, талаби авф намуд. Падар хоҳиши писарашро пазируфта, ворида Исфаҳон шуд ва шаҳрро зерӣ тасарруфи худ даровард.

Дар ин айём хабар расид, ки писари султон Увайси Элқонӣ султон Ҳасан тахти Табреро соҳиб гашта, дар атрофи худ ашхоси бадқирдорро чамъ кардааст ва онҳо қори мамлақатро як сӯ гузошта, ба айшу нӯш машғуланд.

Шохшучоъ азми тасхири Озарбойҷон намуда, бо лашқари 12 ҳазорнафара ба он сӯ ҳаракат кард. Ӯ шаҳри Қазвинро забт намуда, роҳи Табреро пеш гирифт. Дар он ҷо ду лашқар бо ҳам вохӯрданд ва набард бо ғалабаи лашқари Шохшучоъ анҷом ёфт [7, 503-506, 4, 550-552].

Ҳокими Султония Сорик Одил, ки аз қониби султон Ҳасан ба ин вазифа таъйин гашта буд, дар соли 781 / 1379-1380 даъвои истиқлол намуда, азми тасхири билоди Форс намуд. Шохшучоъ инро шунида, бо лашқари зиёде ба сӯи Султония равои шуд. Дар навоҳи атрофи Султония байн ду лашқар набарди сахт сар зад, ки дар он Сорик Одил мағлуб гардида, таслим шуд ва Шохшучоъ ба Шероз баргашт.

Дар аввалҳои соли 785 х.к. / 1383 бадхоҳони Шохшучоъ миёни ӯ ва писараш султон Музаффаридини Шиблӣ муҳолифат андохтанд, ки гӯё ӯ бар зидди падар исён бардоштанист. Шохшучоъ, ки падари худро кӯр карда буд, хавф мебурд, ки писаронаш низ нисбат ба ӯ чунин рафтор нанамоянд. Ҳангоми ин сафар дар моҳи чумодиулаввали соли 785 х.к. /июли соли 1383 ҳукм намуд, ки писаронаш султон Музаффаридини Шиблӣ ва амир Музаффари Рашидиро дастгир намуда, ҳабс намоянд. Пас бо амри ӯ чашмони султон Музаффаридини Шиблӣро кӯр карда, амир Музаффари Рашидиро ба қатл расонданд. Дар зимни ҳамин сафар модари Шохшучоъ Хон Қутлуғ Маҳдумшоҳ ва Шоххусайн бародари хурдии Шохяхё вафот карданд, ки ин ходисаҳо хотири Шохшучоъро малӯл сохтанд.

Пас аз он Шохшучоъ ба боданӯшиву айшу ишрат машғул шуда, охир бемор гашта, бистарӣ шуд. Чун реҳлати худро дарк кард, писараш Зайнулобиддин ва бародараш Имодуддин Аҳмадро, ки ҳар яке қонибдорони зиёди худро доштанд ва хавфи он вучуд дошт, ки пас аз марги ӯ барои ҳукумат байни онҳо низои сахт сар мезанад, ба назди худ даъват намуд. Ӯ ҳардуро ба иттифоқи якдигар даъват намуда, валиаҳдиро ба Зайнулобиддин дод. Имодуддин Аҳмадро номзади Қирмон карда, ҳукумати Исфаҳонро ба ихтиёри бародари хурдии худ султон Боязид супорид.

Шохшучоъ шаби якшанбеи 22 моҳи шаъбони соли 786 х.к. /якшанбе 9 октябри соли 1384 дар синни 53 - солағӣ оламро тарк намуда, бисту панҷ солу ду моҳу 22 рӯз салтанат намуд [8, 606-615, 4, 555-568].

Дар байни ҳокимони оли Музаффар Шохшучоъ ҷойи намоёнро ишғол мекард. Ӯ шахси бомаърифат буда, ба адабиёт шӯғли зиёд дошт. Ҳофизи Шерозӣ дар васфи Шохшучоъ қасида навишта, ӯро ситоиш намудааст, ки матлааш чунин аст:

Ҳам коми ман ба хидмати ту гашта мунтазам,
Ҳам номи ман ба мидҳати ту гашта ҷовидон [9, 433].

Пас аз вафоти Шохшучоъ писари ӯ Зайнулобиддин дар асоси васияти падар дар соли 1384 тахти олии Музаффарихоро соҳиб гашт. Дар ибтидои ҳукмронии ӯ қудрати амир Муъиззиддин Исфаҳоншоҳ афзуд. Ӯ мехост, ки Зайнулобиддинро аз миён бардошта, бо ҳамсари Шохшучоъ издивоҷ намояд. Зайнулобиддин аз ин ҳабардор шуда, бо роҳи фиреб ба Муъиззиддин Исфаҳоншоҳ заҳр дода, ӯро аз миён бардошт.

Ашхоси маъруфи Исфаҳон бародарзодаи Шохшучоъ – Шохяҳёро ҳокими Язд таъйин карданд ва ӯ чунин шуморид, ки султон Зайнулобиддин ҳоло ҷавон буда, аз уҳдаи давлатдорӣ намебарояд ва бо сипоҳиёни Язду Исфаҳон ба Шероз лашкар кашид. Абуязид писари амир Муборизиддин низ бо сипоҳиёни худ ба лашкари Шохяҳё ҳамроҳ гардид. Оқибат онҳо ба созиш омаданд ва Зайнулобиддин ҳукумати Абарқӯхро ба Абуязид супорид. Пас Зайнулобиддин ба Шероз баргашт [8, 618-624, 4, 572-574].

Тибқи васияти Шохшучоъ бародараш султон Имодуддин Аҳмад соҳиби Кирмон гашт. Дар ин айём Зайнулобиддин дар Шероз пешвои авғонҳо ва чурмоиҳо амир Суюрғитмишро, ки дар маҳбас буд, озод карда, ӯро бо ҷонибдоронаш бар зидди султон Имодуддин Аҳмад ба Кирмон фиристод. Дар ин набард лашкари амир Суюрғитмиш мағлуб гардида, худӣ ӯ кушта гардид [3, 109-110, 8, 637-639].

Пас аз ҷанде байни Зайнулобиддин ва Шохяҳё боз муҳолифат сар зад ва оқибат Шохяҳё Исфаҳонро тарк намуда, ба Язд баргашт ва Зайнулобиддин Исфаҳонро зерӣ тасарруфи худ даровард. Ӯ идораи Исфаҳонро ба уҳдаи хоҳарзодаи худ амир Мачдуддин Музаффар гузошта, барои таъкиби Абуязид ба Натанз рафт. Абуязид аз ин огоҳ гардида, аввал ба Луристон ва пас ба Кирмон фирор намуд [3, 113, 8, 640-647].

Дар соли 788 ҳ.к. / 1386 султон Имодуддин Аҳмад яке аз мулозимони боэътимоди худ Мехтар Ҳасани Фаррошро ба истиқболи бародараш Абуязид фиристод. Лашкариёни Абуязид ҳангоми дар шаҳри Бобак қарор гирифтанд ба торочи амволи мардум даст заданд, ки ин султон Имодуддин Аҳмадро озурдахотир гардонд ва оқибат байни бародарон сардӣ афтада, ҷанг сар зад. Дар ин набард Абуязид мағлуб гардида, ба ӯ таслим шуд. Пас султон Имодуддин Аҳмад бародарашро барои забти қалъаи Манучон фиристод. Абуязид баъди тасарруфи қалъа ба хизмати бародараш баргашт [4, 581-583, 12, 318].

Ҳангоми рӯйдоди ин воқеаҳо кишвар дар вазъи харчу марҷ қарор дошт ва Темурланг барои тасхири он минтақа равон гашт. Аз урдуи Темурланг элчиён ба назди султон Имодуддин Аҳмад омада, ӯро ба иттиҳоти Темурланг даъват намуданд. Султон Имодуддин Аҳмад ин даъватро пазируфта, хутба ва сиккаро ба номи Темурланг кард. Пас аз он яке аз шахсони боэътимоди худро ҳамроҳи элчиёни Темурланг ба урдуи ӯ фиристода, изҳори иттиҳоти бандагӣ намуд.

Пас аз ҷанде фиристодагони Темурланг назди султон Зайнулобиддин омада, ӯро ба таслим шудан даъват намуданд. Султон Зайнулобиддин на танҳо даъвати онҳоро қабул накард, балки барои баргаштани фиристодагон иҷозат наод. Темурланг инро шунида, дар моҳи шавволи соли 789 ҳ.к. / октябр-ноябри соли 1387 бо амирони маъруфи худ аз Ҳамадон озими Исфаҳон гашт, ки он замон султон Зайнулобиддин дар Шероз буд. Ҳокими Исфаҳон Сайид Музаффари Кошӣ ва ақобиру ашроф ва содоти дигари Исфаҳон ба истиқболи Темурланг баромада, шаҳрро ба ӯ супориданд. Лашкари Темурланг ба сари мардуми Исфаҳон андози ниҳоят зиёд бор карданд ва мардум ба ҳашм омада, бар зидди онҳо бархестанд ва нафарони зиёде аз онҳоро куштанд. Темурланг дар ҷавоб аҳолии Исфаҳонро қат-

ли ом намуда, ҳадди ақал 70 ҳазор нафарро ба қатл расонд ва аз сари онҳо калламанорҳо сохт [11, 991, 5, 155-157].

Ҳофизи Аbru, ки ҳамзамон ва шоҳиди ин воқеаҳо буд, менависад, ки ҳамроҳи «мавлони аъзам Шихобуддин Абдуллоҳи Лисон аз дарвозаи Тукҷи то ба қалъаи Табаррук, ки як нисфи девори Исфаҳон аст, беруни шахр дар он рӯз мегузаштем, манораҳо аз сарҳо бароварда буданд. Бисту хафт манора шумурдем. Ҳар манора аз ҳазор сар зиёда буд ва ба ду ҳазор намерасид, чунонки дар якдигар ҳазору панҷсад метавонист ва бар он тарафи дигари шахр ҳам буд» [8, 667].

Пас аз ин Темурланг озими Шероз гардид. Султон Зайнулобиддин, ки аз воқеаи Исфаҳон хабардор буд, омадани Темурлангро шунида, ба ҷониби Шуштар гурехт. Ҳокими он Шохмансур зоҳиран ӯро ба имдод умедвор карда, ба назди худ даъват намуд ва оқибат ӯро дастгир карда, дар қалъаи Салосил маҳбус гардонд.

Темурланг бе муқовимат Шерозро забт намуд. Дар ин айём аз Мовароуннаҳр хабар расид, ки Туктамишхон ба Самарқанд ва Бухоро лашкар кашидааст. Темурланг саросемавор ҳудудҳои тасарруфнамудаи давлати Музаффарӣро ба намояндагони ин хонадон, ки ҷонибдорони ӯ буданд, тақсим намуд. Аз ҷумла, ҳукумати Шерозро ба Шохяҳё, Сирҷонро ба султон Абуисҳоқ ибни султон Увайс ибни Шохшучоъ, Кирмонро ба султон Имодуддин Аҳмад ва Абаркӯхро ба ҳокими собиқи он Паҳлавон Муҳаззаби Хуросонӣ супорида, худаш ба Мовароуннаҳр баргашт.

Шохмансур, ки султон Зайнулобиддинро дар Шуштар маҳбус сохта буд, дубора баргаштани Темурлангро шунида, ба Шероз лашкар кашид. Шохяҳё ба муқовимати ӯ тоб наоварда, ба Язд рафт ва бо ҳила Паҳлавон Муҳаззибро, ки дар он ҷо буд, аз миён бардошта, тамоми амволи ӯро тасарруф намуд.

Шохяҳё аз Язд ба Сирҷон намояндаи хешро фиристода, султон Абуисҳоқро бо роҳи фиреб барои бар зидди султон Имодуддин Аҳмад лашкар кашидан, ба ҷониби худ кашид. Ӯ бо ёрии сипоҳиёни султон Абуисҳоқ ба Кирмон лашкар кашид. Байни лашкари султон Имодуддин Аҳмад ва Шохяҳёву Абуисҳоқ ҷанг сар зад, ки дар он лашкари Язду Сирҷон мағлуб гардид ва Шохяҳё ба Язд фирор намуд ва Абуисҳоқ ба султон Имодуддин Аҳмад таслим шуд. Султон Имодуддин Аҳмад ӯро бори дигар ба ҳукумати Сирҷон фиристод [3, 111-115, 8, 667-669].

Дар ин миён Зайнулобиддин бо маслиҳати Шохяҳё бо султон Имодуддин Аҳмад иттифок баста, бар зидди Шохмансур лашкар кашиданд ва дар охири моҳи муҳаррами соли 793 ҳ.к. / аввали январи соли 1391 аз Кирмон озими Сирҷон шуданд. Султон Абуисҳоқ дар он ҷо онҳоро як ҳафта меҳмондорӣ кард ва дар он ҷо қабилаи авғонҳо ба онҳо ҳамроҳ гардида, ҳама якҷоя роҳи Шерозро пеш гирифтанд. Ҳангоми оғози муҳориба Шохяҳё ваъдаилофӣ намуда, ба ёрии иттифокчиёни худ наомад. Дар натиҷа ба Шохмансур муяссар гардид, ки сипоҳиёни султон Зайнулобиддин ва султон Имодуддин Аҳмадро мағлуб созад. Пас Зайнулобиддин ба Исфаҳон ва Имодуддин Аҳмад ба Кирмон баргаштанд. Абуисҳоқ бошад, дар Сирҷон таваққуф намуд.

Шохмансур пас аз ғалаба бар шоҳзодагони оли Музаффар ба Исфаҳон лашкар кашид ва султон Зайнулобиддин чун қудрати муқовимат кардан надошт, бо чанде аз ҷонибдоронаш ба сӯи Хуросон рафт. Дар шаҳри Рай ду-се рӯз қарор гирифт ва дар ин асно ҳокими он Мӯсо Ҷавкор, ки шахси макқору ғаддор буд, ӯро дастгир намуда, назди Шохмансур фиристод ва худи ҳамон рӯз бо дастури Шохмансур ҷашмони ӯро мил кашиданд [8, 722-725, 4, 585-589].

Шохмансур баъд аз он озими Язд гардида, он чоро ғорат кард ва роҳи Кирмонро пеш гирифт. Дар Кирмон ба султон Имодуддин Аҳмад мурочиат намуд, ки

барои бар зидди Темурланг лашкар кашидан ба ӯ ёрӣ диҳад. Султон Имодуддин Аҳмад, ки чуръати мухолифат бо лашкари Темурлангро надошт, хоҳиши ӯро рад кард. Пас Шох-мансур ноҳияҳои гирду атрофи Кирмон ва Язд ро гонат карда, ба Шероз баргашт.

Соли 795 ҳ.к. /1392-1393 Темурланг бори дуввум бо писаронаш ба қасди Ирок ва Форс ба он ҷо лашкар кашид. Писаронашро ба самтҳои гуногун фиристода, ҳудуд ба Шуштар рафт ва пас аз фатҳи он ҳукумати Шуштарро ба Хоча Масъуди Сабзаворӣ супорида, аз он ҷо озими Шероз шуд. Дар он ҷо қалъаи Сафедро забт намуда, султон Зайнулобиддинро, ки бо амри Шохмансур кӯр шуда, дар он ҷо маҳбус буд, озод кард ва гуфт, ки интиқоми ӯро аз Шохмансур ҳатман мегирад. Шохмансур фатҳи қалъаи Сафедро шунида, аз Шероз берун шуд ва то Пули Фасо рафт. Дар он мавзӯе чамъе аз шерозӣён ба ӯ ҳамроҳ шуданд ва ӯ аз онҳо пурсид, мардуми Шероз дар ҳаққи онҳо чӣ мегӯянд. Онҳо гуфтанд, ки мардум онҳоро ҳамчун буздил таъна мекунанд. Шохмансур, ки марди часур бо боҳиммат буд, пас аз шунидани ин суханҳо боз ба Шероз баргашт ва тасмим гирифт, ки бар зидди лашкари Темурланг муқовимат нишон диҳад [8, 755-757, 12, 323].

Мирхонд менависад, ки Шохмансур аз омадани Темурланг ба Шероз огоҳ шуда, бо се ҳазор нафар савораи найзадор се фарсах аз шаҳр берун рафта, бо лашкари 30000 нафараи темурӣ ҷангид. Ӯ дар ин набард қаҳрамонӣ нишон дода, чанд маротиба ба қалби лашкари Темурланг ҳамла намуд, ки дар натиҷа сафи муқовимати онҳо пароканда гардид ва Темурланг бо панҷ нафар аз амиронаш танҳо монданд. Шохмансур ду маротиба бо шамшер бар қулоҳи Темурланг зад ва танҳо сипари яке аз амиронаш ӯро аз ин садама раҳо дод. Дар ин набард Шохмансур бар зидди сипоҳӣни амирзода Шохруҳ ҳамлаҳои пайдарҳам мекард. Оқибат Шохмансур дар ин набард танҳо бо даҳ нафар ҷонибдоронаш бимонд, ки онҳо ҳам аз ӯ ҷудо шуданд. Ниҳоят Шохмансур тире бар гардан ва тире бар шона хӯрд ва шамшер руҳсорашро захмин намуд. Ӯ бо се захм ба тарафи Шероз баргашт. Мулозимони Шохруҳ ба ӯ расида, ӯро ба қатл расониданд [8, 760-762, 6, 432-433].

Пас аз қатли Шохмансур тамоми афроди хонадони Музаффарӣ аз қабиле султон Имодуддин Аҳмад ва султон Маҳдӣ ибни Шохшучоъ аз ҷониби Кирмон, Нусратуддин Шохяхё бо фарзандонаш Муъизиддин Ҷаҳонгир ва султон Муҳаммад аз Язд, султон Абуисҳоқ аз Сирҷон барои итоат ба урдуи Темурланг рафтанд.

Бо амри Темурланг ҳамаи онҳоро, ба ҷуз аз писарони султон Шиблӣ ва султон Зайнулобиддин, ки ба дасти ҳукмронони ин хонадон кӯр карда шуда буданд, дар банд гирифтанд. Темурланг султон Шиблӣ ва султон Зайнулобиддинро ба Самарқанд фиристода, ба онҳо суюрғол муқаррар намуд. Баъд аз он бо фармони Темурланг бақияи хонадони оли Музаффар аз хурд то бузург ба қатл расонда шуда, амволу боигарии онҳо аз ҷониби Темуриҳо ғасб гардид [8, 757-760, 2, 799].

Тибқи ахбори Фасеҳи Хавафӣ қатли хонадони оли Музаффар рӯзи шанбеи 8 моҳи рачаби соли 795 ҳ.к./шанбеи 20 майи соли 1393 воқеъ гардида буд [11, 998]. Мирхонд доир ба воқеаи куштори авлоди хонадони Музаффарӣён менависад, ки ин воқеа рӯзи рӯзи 7 моҳи рачаби соли 795 ҳ.к. /19 майи соли 1393 рӯй дода буд [4, 593].

Тибқи ахбори Ҳофизи Аbru воқеаи мазкур рӯзи 12 моҳи рачаби соли 795 ҳ.к. /24 майи соли 1393 дар мавзӯи Мохёри Исфохон рӯй дода буд [8, 762]. Аз ин гуфтаҳо бармеояд, ки қатли хонадони Музаффарӣён дар нимаи дуҷуми моҳи майи соли 1393 рух додааст.

Пас аз он Темурланг шаҳру вилоятҳои оли Музаффарро ба писарон ва амирони худ тақсим намуд ва бо ҳамин яке аз охири давлатҳои асримиёнагии тоҷикон, ки дар Эронзамин арзи вучуд дошт, аз байн рафт.

АДАБИЁТ

1. Абдураззоқи Самарқандӣ, Муаллоқдин Абдураззоқ ибни Исҳоқ. Матлаъу-саъдайн ва мачмау-л-бахрайн. Ба кӯшиши дуктур Абдулҳусайни Навоӣ. Чопи дуввум. Техрон: Муассисаи мутолеот ва таҳқиқоти фарҳангӣ, 1372 х. - 443 с.

2. Ибни Халдун. Ал-Ибар. Таърихи Ибни Халдун. Тарҷумаи Абдулмуҳаммад Ояӣ. Ҷилди чорум. Чопи аввал. Техрон: Муассисаи мутолиот ва таҳқиқоти фарҳангӣ, 1368 х. - 867 с.

3. Катибӣ, Маҳмуд. Таърихи Оли Музаффар. Ба кӯшиши Абулҳусайни Навоӣ. Техрон, 1325 х.ш. - 127 с.

4. Мирхонд. Таърихи Равзату-с-сафо. Ҷ. 4. Техрон, 1339 х. - 709 с.

5. Мирхонд. Таърихи Равзату-с-сафо. Ҷ. 6. Техрон, 1339 х. - 886 с.

6. Неъматов Н.Н., Нурмуҳаммади Амиршоҳӣ, Мирбобоев А.К., Пирумшоев Ҳайдаршо. Таърихи халқи тоҷик. Муқаддима, тасхеҳ ва таълиқоти Сайид Ҷавоидӣ. Техрон: Созмони чоп. Китоби дуввум. Мӯъҷизаи классикии тоҷикон. Хуҷанд: Ношир, 2008. - 815 с.

7. Ҳофизӣ Абрӯ, Шихобиддин Абдуллоҳ ибни Лутфуллоҳ ибни Абдурашид. Зубда-ту-т-таворих. Ҷ. 1. Му ва интишороти Вазорати фарҳанг ва иршоди исломӣ, 1380 х. - 638 с.

8. Ҳофизӣ Абрӯ, Шихобиддин Абдуллоҳ ибни Лутфуллоҳ ибни Абдурашид. Зубда-ту-т-таворих. Ҷ. 2. Му ва интишороти Вазорати фарҳанг ва иршоди исломӣ, 1380 х. - 633 с.

9. Ҳофизӣ Шерозӣ. Девон. Душанбе: Адиб, 2015. - 478 с.

10. Рене Груссе. Императории сахронавардон. Тарҷумаи Абдулҳусайни Майкада. Чопи сейум. Техрон, 1368 х. -1016 с.

11. Фасеҳи Ҳавофӣ. Мучмали Фасеҳӣ. Муқаддима, тасхеҳ, ва таҳқиқи Сайид Муҳсини Ночии Насрободӣ. Ҷилдҳои I-III. Техрон: Асотир, 1386 х. -1472 с.

12. Хондамир, Ғиёсуддин Ҳимомуддин ал-Ҳусайн. Таърихи ҳабибу-с-сияр. Ҷилди саввум. Зери назари доктор Муҳаммад Дабири Сиёқӣ. Техрон: Гулшан, 1353 х. -759 с.

13. Шабонқорай, Муҳаммад ибни Алӣ ибни Муҳаммад. Мачмаъу-л-ансоб. Ба тасхеҳи Мир Ҳошими Муҳаддис. Техрон: Амири кабир, 1363 х. -376 с.

МУБОРИЗА БАРОИ РАСИДАН БА ҚУДРАТ БАЙНИ АМИРОНИ ОЛИ МУЗАФФАР ВА ИНҚИРОЗИ ДАВЛАТИ ОНҲО

Дар мақола дар бораи муборизаи байниҳамдигарии амирони хонадони Музаффарӣҳо, ки пас аз инқирози давлати Элхонӣҳо арзи ҳастӣ доштанд ва сукути он сухан меравад. Пас аз ғавти амири маъруфи ин хонадон Муборизиддин тахти Музаффарӣҳо ба дасти писари ӯ амир Шохшучоъ мегузарад ва ӯ идораи Исфохон ва Абаркӯхро ба бародараш Шохмаҳмуд супорида, Кирмонро ба ихтиёри бародари хурдиаш Аҳмад медахад ва бародарзодаш Шохяхёро дар қалъаи Қуҳандизи Шероз маҳбус месозад.

Баъди чанде бо таҳрики душманону бадхоҳон байни бародарон муҳолифат сар мезанад ва Шохмаҳмуд Шохяхёро ба чониби худ кашида, барои ҳокимият бо Шохшучоъ мубориза мебарад. Пас аз Шохшучоъ тахти Музаффарӣҳо ба дасти писари ӯ Зайнулобиддин гузашта, байни ӯ ва Шохяхё муҳолифати шадид сар мезанад.

Дар натиҷаи муборизаҳои байниҳамдигарии амирони хонадони Музаффарӣҳо пояи давлатдорӣи онҳо хароб гашта, оқибат аз чониби Темурланг аз миён бардошта мешавад.

Калидвожаҳо: *Музаффарӣҳо, мубориза, амир, Шохшучоъ, Шохмаҳмуд, Шохяхё, Шероз, Язд, қалъа, лашкар.*

БОРЬБА ЗА ВЛАСТЬ МЕЖДУ ЭМИРАМИ ГОСУДАРСТВА МУЗАФФАРИДОВ И УПАДОК ИХ ГОСУДАРСТВА

В статье рассматривается вопрос междоусобной борьбы эмиров династии Музаффаридов, которая существовала после гибели государства Илханидов. После смерти известного эмира этой династии Муборизиддина трон Музаффаридов перешёл в руки его сына

эмира Шохшуджо. Правление над Исфаханом и Абаркухом Шохшуджо передал своему брату Шохмахмуду, управление Кирмана возложил на младшего брата Ахмада, а своего племянника Шохяхё заточил в крепости Кухандиз Шираза.

Позже, из-за подстрекательств недоброжелателей и врагов, между братьями начались разногласия и Шохмахмуд, привлекая на свою сторону Шохяхё, боролся с Шохшуджо за власть.

Вследствие этого власть Музаффаридов перешла в руки сына Шохшуджо Зайнулобиддина, но между ним и Шохяхё начались разногласия. В результате межусобной борьбы музаффаридских эмиров основа их государства ослабла, и в итоге оно было уничтожено Темурлангом.

Ключевые слова: *Музаффариды, борьба, эмир, Шохшуджо, Шохмахмуд, Шохяхё, Шираз, Язд, крепость, войска.*

THE POWER STRUGGLE BETWEEN THE EMIRS OF THE MUZAFFARID STATE AND THE DECLINE OF THEIR STATE

The article examines the issue of internecine struggle between the emirs of the Muzaffarid dynasty, which existed after the death of the Ilkhanid state. After the death of the famous emir of this dynasty, Muboriziddin, the Muzaffarid throne passed into the hands of his son, Emir Shokhshujo. Shokhshujo transferred the rule over Isfahan and Abarkukh to his brother Shokhmakhmud, entrusted the management of Kirman to his younger brother Ahmad, and imprisoned his nephew Shokhyaho in the fortress of Kuhandiz Shiraz.

Later, due to the instigation of ill-wishers and enemies, disagreements began between the brothers and Shokhmakhmud, attracting Shokhyaho to his side, fought with Shokhshujo for power.

As a result, the power of the Muzaffarids passed into the hands of Shokhshujo's son Zainalobidin, but disagreements began between him and Shokhyaho. As a result of the internecine struggle of the Muzaffarid emirs, the foundation of their state weakened, and as a result it was destroyed by Temurlang.

Key words: *Muzaffarids, struggle, emir, Shokhshujo, Shokhmakhmud, Shokhyaho, Shiraz, Yazd, fortress, troops.*

Сведения об авторе: Саидов Абдукахор - доктор исторических наук, главный научный сотрудник Отдела древней, средневековой и новой истории Института истории, археологии и этнографии имени А. Дониша Национальной академии наук Таджикистана. Адрес: 734025, Республика Таджикистан, г. Душанбе, ул. ак. Раджабовых, 7. E-mail: Saidov.45@mail.ru.

Information about the author: Saidov Abdulkakhor - Doctor of Historical Sciences, Chief Researcher of the Department of Ancient, Medieval and Modern History of the A. Donish Institute of History, Archeology and Ethnography of the National Academy of Sciences of Tajikistan. Address: 734025, Republic of Tajikistan, Dushanbe, st. ac. Radjabovs, 7. E-mail: Saidov.45@mail.ru.

УДК 94 (575.2) "04/09": 2-42: 2-423

К ВОПРОСУ О РЕЛИГИОЗНЫХ ВЕРОВАНИЯХ В СЕВЕРНОМ ТОХАРИСТАНЕ¹

ХОДЖАЕВА Н. ДЖ.,

Институт истории, археологии и этнографии им. А. Дониша НАНТ

В раннем средневековье история и культура Тохаристана формировались в результате синтеза культур и религиозных воззрений различных племен и народ-

¹ Статья написана в рамках проекта «История таджикского народа» (III – начало XX вв.), государственный регистрационный номер 0121ТJ1211.

ностей, проживавших ранее на территории Кушанского государства. В этот период в Тохаристане наблюдается соперничество между зороастризмом, буддизмом, манихейством и христианством. В дальнейшем это соперничество облегчило идейную победу ислама.

Зороастризм продолжал играть главенствующую роль в идеологии Тохаристана, о чем свидетельствуют письменные источники, археологические исследования, эпиграфические памятники и данные нумизматики. Пришедшие извне, буддизм, манихейство и христианство также получили здесь свое распространение. Кроме того, различные древние культы играли немаловажную роль в жизни тохаристанцев.

В отличие от Согды, где зороастризм продолжал оставаться главной религией населения вплоть до прихода арабов, в Тохаристане буддизм был широко распространен и представлен многочисленными археологическими памятниками. Б.А. Литвинский полагает, что первые приверженцы буддизма проникли в Среднюю Азию еще при ахеменидах, а историю буддизма в регионе следует начинать со второй половины и конца существования Греко-Бактрийского царства, когда в Северном Афганистане и на юге Средней Азии появились буддийские миссионеры и местные адепты учения Будды [29, 229-230]. В 110 г. Канишка I (103-125) созвал Четвертый буддийский собор, на котором буддизм был объявлен официальной религией Кушанского государства. Одним из ведущих участников собора был знаменитый буддийский богослов Гхошака, уроженец Тохаристана. Вернувшись в Тохаристан, а именно в Балх, этот богослов стал активно пропагандировать там западную ветвь учения Вайбхашика¹, относящейся к школе Сарвастивада². Г. Бейли отмечает, что первым переводчиком трактатов этой школы на тохарский язык был тохаристанец, так как известны прямые данные о богослове Дхармамитра, уроженце Термеза [53, 400-403]. Эпиграфический материал из буддийского памятника Каратепе в Термезе (Сурхандарьинская область, Республика Узбекистан) свидетельствует о существовании этой школы буддийского учения в Северной Бактрии [11, 41-43]. Таким образом, буддизм распространился в Среднюю Азию из Бактрии, одного из владений Кушанской империи.

В основном мы получаем сведения о роли буддизма в Тохаристане из китайских источников. При этом следует отметить, что китайские паломники – буддисты в основном приводят сведения о буддийских монастырях, храмах и других священных местах, связанных с этой религией, а о положении других религиозных конфессиях они умалчивают. Так, Сюань-цзан, китайский путешественник, исповедовавший буддизм, в 629-645 гг. совершил поездку в Индию с целью посещения священных мест буддизма. В этой поездке он побывал в Тохаристане, который называет Духоло. Путешественник описывает его владения, отмечая наличие в каждом из них буддийских монастырей, в которых жили монахи [43, 43-48, 320-325]. В Термезе, который у Сянь-цзана упоминается как Дами, было около 10 монастырей, монахов около 1000 человек. Ступы и изваяния Будды обладают множеством чудесных свойств и связаны с необыкновенными явлениями [43, 44]. В Чаганиане – стране Чизяньна, было 5 монастырей, где проживало совсем мало монахов. В Шумане – стране Сумань, насчитывалось два монастыря с небольшим чис-

¹ Вайбхашика – одна из четырех философских школ буддизма.

² Сарвастивада (санскр. sarvāt astī) – учение о том, что все есть. Подразумевает, что все прошлые, настоящие и будущие дхармы существуют.

лом монахов [43, 45]. В Кубодиёне – стране Цзюйхэньяна, было 3 монастыря, где обитало около 100 монахов [43, 45].

Заметим, что согласно описанию Сюань-цзанем областей Тохаристана, в южной его части, то есть в левобережье Амударьи, наблюдается значительно больше буддийских монастырей и, соответственно, монахов. Так, в Бамиане – стране Фаньяньна, монастырей насчитывается около 100, монахов – 1000 [43, 49].

Путешественник упоминает также об изваяниях стоящего Будды из камня и бронзы, а также Будды в нирване в Бамиане [43, 49].

О распространении буддизма в Тохаристане свидетельствует другой китайский путешественник Хой Чао, посетивший Среднюю Азию в 726 г. Хой Чао писал, что в Тохаристане «царь, знать и народ очень почитают триратну¹; имеется множество монастырей и монахов; исповедуют учение Хиньяны» [См.: 28, 120].

Сообщения письменных источников и данные эпиграфического материала о буддизме в Тохаристане подтверждаются археологическими памятниками. Так, на территории Южного Таджикистана и Южного Узбекистана, то есть Северного Тохаристана, выявлено большое количество буддийских памятников раннесредневекового периода, среди которых буддийские монастыри, храмы, часовни, ступы и другие культовые сооружения. Мы не будем перечислять все памятники, и остановимся лишь на самых известных. Несомненно, самым значимым и уникальным является буддийский монастырь Аджинатепа [17, 45-47; 28; 55, 21-52; 29 и др.], датируемый VII – началом VIII вв. Развалины монастыря расположены в Вахшской долине в 12,5 км к востоку от г. Бохтар (бывший Курга-Тюбе) на юге Таджикистана. Археологические раскопки на памятнике выявили огромное количество произведений скульптуры и живописи, отражающие буддийское искусство. Самым известным артефактом среди них является глиняная скульптура «Будды в Нирване» в традиционной позе «спящего льва». В настоящее время «Спящий Будда» представляет собой единственную в своем роде реликвию в мировой буддийской культуре и считается одним из древнейших в мире. Сюжеты росписей, украшавших стены коридоров монастырского комплекса носят культовый характер и отражают сцены проповеди Будды и подношения даров. В глубоких нишах монастыря находились глиняные скульптуры сидящих Будд, позы которых символизировали разные этапы жизнедеятельности Будды.

Следует отметить, что Вахшская долина в раннем средневековье изобиловала большим количеством небольших городов, в которых находились буддийские комплексы. Так, на территории городища Кафиркала (VI-VIII вв.) [21, 38; 31; 38, 6; 41, 438-445 и др.] недалеко от Балха (бывший Колхозобад), центра района Джалоллидина Балхи, была раскопана буддийская часовня. Там же были обнаружены фрагменты рукописи на бересте и эпиграфические надписи, восхваляющие Будду [27, 168].

Другим известным буддийским храмовым комплексом городского типа является святилище на городище Калаи Кафирниган (VII-VIII вв.), расположенное в соседней долине реки Кафирниган [22, 566-567; 23, 156-187; 25, 282-305 и др.]. В одной из ниш и в коридоре храма были обнаружены глиняные скульптуры сидящих Будд. Кроме того, его стены богато украшены росписью со сценами из буддийских преданий, в том числе и ритуальная процессия.

¹ *Триратна* – символ веры буддиста. Состоит из трех ценностей буддийской доктрины: Будда, Дхарма (закон, учение), Сангха (монашеская община).

В Кабадианском районе раскопан монастырь Уштурмулло (III-VI вв.), где была обнаружена ступа и настенная роспись [18, 186-222; 19, 325-336 и др.]. Буддийская живопись была обнаружена также на многослойном памятнике Калаи Шодмон северо-восточнее г. Кофарнихон [32, 216-234].

Существование в VII-VIII вв. обычая вкладывать тексты молитв и заклинаний внутрь статуэток и ступ подтверждается обнаружением более 60 миниатюрных ступ и 30 таблеток с текстами в буддийском монастыре Хишт-тепа в Ховалинском районе [34, 18; 10, 21-25].

Небольшая скульптурная головка Будды была найдена на городище Фазилон (VI-VIII вв.) в Пархарском районе [48, 247, рис. 18.1]. На городище Хульбаг (V-VIII вв.), раннесредневековой столицы Хутталя (Восейский район), был обнаружен колокольчик с изображением лотосов. Колокольчик является одним из важных атрибутов Будды, а лотос – символ святой любви и святого сострадания.

Следует отметить, что в кушанский период одним из центров Буддизма в Бактрии-Тохаристане был Старый Термез, где были раскопаны крупный буддийский культовый центр Кара-тепе (II-V вв.) [42, 15-18, 23-44] и храмовый комплекс Фаяз-тепе (I-V вв.) [42, 44-50]. Эти буддийские памятники функционировали и на начальном этапе раннесредневекового периода.

Буддизм был распространен также и на Памире, о чем свидетельствуют письменные источники, отмечающие наличие в этой области ступ и монастырей [См.: 33, 25]. Китайский паломник Хой Чао, посетивший Вахан в 726 г. упоминает буддийский монастырь, в котором жили монахи [См.: 33, 25]. Автор географического сочинения «Худуд -ул-олам» говорит о существовании буддийских монастырей в Ишкашиме [45, 76]. Археологические исследования М.А. Бубновой в Ишкашимском районе (Горно-Бадахшанская автономная область Республики Таджикистан) позволили открыть буддийский комплекс V-VI вв. в селе Вранг [8, 386-394; 9, 249-263]. Были раскопаны трехступенчатая ступа, монастырь и несколько десятков пещер-келий, в которых жили монахи, датируемых V-VI вв. [9, 258, 261].

Следует подчеркнуть, что буддийские монастыри в Тохаристане были не только религиозными центрами, но являлись также и центрами образования, науки и культуры. В монастырях ученики изучали священные тексты и постигали светские науки.

Интересные сведения можно извлечь из данных топонимии. Известно, что в раннем средневековье река Сурхоб называлась Паргар (Фаргар). Ал-Истахри, автор известного географического трактата X в. «Книга путей государств», упоминает три реки Хутталя, одна из которых – Фаргар, а среди городов приводит Паргар [2, 268, 307, 318-319]. В «Худуди ул-оламе» этот топоним фигурирует как Поргар [45, 33, 75]. В. Хенниг полагает, что слово П(ф)архар происходит от согдийского *βγʾr*, которое восходит к слову *vihara*, обозначающему культовое сооружение [См.: 29, 286].

Таким образом, анализ письменных источников и археологические исследования показал, что в Тохаристане буддизм играл не маловажную роль в духовной жизни населения. Даже с приходом ислама наследие буддизма прослеживается во всей Средней Азии [См.: 54, 69-74]. Имя Будды не было забыто. В иранской и таджикской поэзии сохранилось слово «бут» (Будда) с X в. и до наших дней оно обозначает «идол» и «красавица», «возлюбленная» [44, 216]. Потомки буддийских священнослужителей занимали высшие посты в халифате. По мнению ряда ученых, на идеологию и практику раннего суфизма буддизм оказал серьезное влияние. Высшие исламские учебные заведения – медресе возникли в X в. именно в

средней Азии и, по-видимому, были генетически связаны с буддийскими монастырями. Следы буддийского влияния прослеживаются в литературе, искусстве, художественном ремесле мусульманской Средней Азии [56, 496-499; 26, 199].

Следует отметить, что несмотря на то, что буддизм в Тохаристане достаточно представлен археологическим материалом, зороастризм все же играл главенствующую роль в духовной жизни тохаристанцев, так как основная масса городского и сельского населения продолжала исповедовать религию предков. Об этом свидетельствуют более частые находки зороастрийских памятников, чем буддийских. Среди них храмы, оссуарные захоронения, очажки огня в виде курильниц, монетные находки, ювелирные украшения и терракота, в семантике которых отмечены зороастрийские корни. Так, святилище с алтарем огня раскопано на городище Фазилон (Пархарский район, Хатлонская область) [48, 247, рис.17]. Наличие каменных баз в раннесредневековых слоях городищ Шуртепа, Пушток, Чоргултепа [51, 251; 49, 248-251] и рядом с городищем Золи Зард [51, 251, рис. 5.1], свидетельствуют о существовании там зороастрийских храмов. Кроме того, на городище Золи Зард обнаружена терракота, изображающая горного барана (наргум) [51, 247, рис. 12.5], который согласно зороастрийской мифологии, считается фарном¹ и священным животным. Баран является также одним из олицетворений бога Войны и Победы – Вэртрагны («Яшт» 14.23) [51; 1].

На границе Тохаристана с Согдом в местности Иттифок Гиссарского района в могильнике с одноименным названием в хумных погребениях выявлены только разрозненные части костей, что говорит о предварительном их очищении. Там же был случайно найден целый башнеобразный оссуарий. Л.В. Павчинская отмечает, что башнеобразная форма оссуария нехарактерна для Согда, однако наличие согдийской надписи, а также согдийского типа композиции орнамента с изображением входа с мелким геометрическим декором по сторонам его, свидетельствует, возможно, о согдийском влиянии [36, 80].

Недалеко от селения Арча (Пархарский район, Хатлонская область) найдена редчайшая модель чортага – зороастрийского храма огня [50, 512-516; 51, 251]. Храм представлял собой куполообразную беседку на четырех колонах. В центре храма был расположен алтарь со священным огнем. Здание было открыто на все четыре стороны. Его планировка продолжала местную бактрийско-иранскую архитектурную традицию.

О роли огня в верованиях тохаристанцев свидетельствуют обнаруженные керамические курильницы состоящие из тулова – подставки канонической формы с прорезями и орнаментом и посаженной на него открытой чаши на Балалык-тепе, в Хайрабад-тепе [3, 71-76] в Южном Узбекистане.

Следует отметить, что на упомянутых нами памятниках Кафыркала, Калаи-Кафирниган и Хульбаг наблюдается параллельное существование двух религий – буддизма и зороастризма. Так, на Кафиркале кроме буддийской часовни, надежно укрытой в боковых изолированных комнатах дворца, в центральном парадном зале находился большой алтарь огня [40, 283-284]. Кроме того, на черепке, обнаруженном в помещении 7, имеется надпись на бактрийском языке. В одной из строк В.А. Лившиц прочитал слово Бузрмихр – «возвышающий бога Митру» [41, 441]. Еще одной находкой, подтверждающей приверженность населения Кафиркалы зороастризму, является печать-гемма (начало второй половины VII в.), вырезанная на крупном сердолике светло-желтого цвета [39, 176, рис. 4]. На ней выреза-

¹ Фарн – божественная сила, приносящая богатство, власть и могущество.

ны, всадник на коне, зверь и хищная птица. В.С. Соловьев справедливо отмечает, что сцена на гемме-печати не охотничья, так как птица на ней изображена в полете, а не на вытянутой руке всадника. На печати изображена сцена победы царя над львом, что символизировала силу и мощь царя, царской власти. Хищная птица, летящая ему на встречу всаднику могла являться его фарном. В «Авесте» фарн изображен в виде хищной птицы («Яшт» 19. 32) [39, 176].

В центре парадного зала одного из богатых домов Калаи Кафирнигана на специальном постаменте возжигался огонь [24, 121-122], а на другой стороне улицы стоял городской буддийский храм.

О сосуществовании буддизма и зороастризма свидетельствуют находки из Хульбага, где кроме колокольчика, одного из главных символов буддизма, были обнаружены находки, имеющие отношение к зороастризму. Так, на одной из двух обнаруженных терракотовых статуэтках изображена Анахита, а на второй – стоящий человек, в позе «почитания или служения», держащего в сложенных на груди руках какой-то предмет, орнаментированный мелкими жемчужинами. Известно, что в позе «служения» в некоторых произведениях восточного искусства V-VIII вв. изображались слуги царей и ангелы – хранители престолов божеств. Особо следует отметить найденные на Хульбаге небольшое ситечко и ручку от ложки [46,91], которые использовались во время ритуального зороастрийского обряда. Подобные ложки были обнаружены А.В. Седовым в кушано-сасанидских слоях поселения Актепе и А.М. Беленицким в раннесредневековом Пенджикенте. Оба ученых считают, что ложечки такого типа являются одним из ритуальных атрибутов зороастрийских жрецов, с помощью которых они разгребали священный огонь [37, 63-64]. Что касается ситечка, то согласно зороастрийской ритуальной практики, их использовали при приготовлении священного напитка хаомы. Таким образом, наличие в Хульбаге предметов, используемых при проведении зороастрийскими жрецами ритуалов, свидетельствуют о существовании здесь зороастрийского святилища.

Анализ находок с раннесредневековых памятников Южного Таджикистана также свидетельствует о том, что население Тохаристана в раннем средневековье продолжало оставаться верным своей древней религии – зороастризму. Так, в могильнике Актепе II (середина IV-V вв.) обнаружены булавки-шпильки с навершиями в виде человеческой ладони. О.И. Каландарова отмечает, что культ руки до сих пор у таджиков связан с культом плодородия, корни которого следует искать в зороастризме [20, 81-82]. Обращаясь к образу всадника, в том числе, на подвеске из агата [15, 345] с городища Гарав-кала (IV-V вв.) в Яванском районе (Хатлонская область), ученый отмечает, что образ всадника окончательно сформировался в период сложения «Авесты» в конце II – начале I тыс. до н.э., о чем свидетельствует описание Митры [20, 104].

Терракотовые статуэтки богини Анахиты обнаружены на городище Чептура-тепа (VI-VIII вв.) [7, 209], расположенном в Шахринауском районе и в раннесредневековых слоях (V-VIII вв.) крепости Чармгарони Поён (IIв. до н.э.-VIII в.) [14, 78] в г. Кулябе.

В слоях V-VIII вв. Городища Шишихона, расположенного в западной части г. Душанбе, найдена терракотовая статуэтка авестийского божества Вертрагны. Она представляет собой рельефное изображение мужской головы в короне в виде двух рогов [5, 321-322, рис. 6].

Отдельно следует отметить территорию ГБАО, где в Ишкашимском районе, который географически относится к Западному Памиру, раскопан зороастрий-

ский храм Зонг, функционировавший в VII-VIII вв. Планировка храма выражена в форме креста. Известно, что планировка культовых сооружений часто определяется религиозными, нередко астральными символами. Существует мнение, что крест у древних иранцев ассоциируется с символом солнца [35, 70; 49, 17]. Наряду с колесом и свастикой, крест рассматривается как древнейший, повсеместно распространенный солярный символ. Поскольку именно солнце, как свидетельствует Геродот (I, 216) [12], было единственным божеством массагетов, то весьма вероятно, что его символ и был положен в основу плана погребальных сооружений. Необходимо отметить, что солнечным божеством массагетов как и других древнеиранских племен, был Митра, а крест, как мы уже отметили, служил символом последнего. По мнению И. Гершевича, Митра приобрел солярные черты именно на «востоке Ирана» [54, 38, 41-42], а Памир в древности входил в это географическое понятие.

Важные сведения о религиозных воззрениях населения Тохаристана даёт нумизматический материал. Так, анализ кладов и отдельных монетных находок раннесредневекового периода с территории Хатлонской области, позволил Д.Довуди прийти к заключению, что в этот период в Тохаристане обращались пять групп монет. Из них четыре группы (I-IV: Сасанидские драхмы, подражания сасанидским драхам, эфталитские монеты, арабо-сасанидские драхмы) являлись местными тохаристанскими (хатлонскими) выпусками, а одна группа (V) – согдийским, привозным [13, 128]. Ученый отмечает, что на денежное обращение Тохаристана большое влияние оказало монетное дело Сасанидского Ирана, истоки которого восходят к концу правления кушан, когда в III - начале IV вв. ряд областей этого государства были захвачены Сасанидами. В это время в Балхе и Мерве чеканились кушано-сасанидские и сасанидско-кушанские монеты, которые получили широкое распространение по всему Тохаристану [13, 109]. В V-VI вв. монеты чеканились уже в Северном Тохаристане.

Следует обратить внимание на 7 монет, обнаруженные на городищах Кафиркала [13, 114, 138-139] (4 экз.) и Сари Купрук [13, 114, 134] (2 экз., Дангаринский район). На лицевой стороне монет изображен бюст царя индоевропейской внешности. На Кафиркалинских экземплярах перед лицом царя находится согдийское слово «фарн» - благодать, царская власть. Там же найдена одна эфталитская монета, на лицевой стороне которой изображен бюст царя в короне в виде головы быка, а на обратной стороне – зороастрийский алтарь огня с двумя мобедами по сторонам [13, 108, 138]. На обратной стороне Сарикупрукского экземпляра схематическое изображение зороастрийского алтаря.

Для нас также представляет интерес монеты с круглым отверстием в центре, на лицевой стороне которых находится свастикаобразный знак, обрамляющий круглое отверстие, а обратная сторона является гладкой и не имеет никаких изображений. Большинство монет (245 экз. и 20 монет отдельными находками) происходит из городищ Кафиркала и Аджинатеппа, а также городищ Сари Купрук (4 экз.) и Хишттеппа (5 экз.) [13, 115, 135-136]. Подобный свастикаобразный знак имеется также на монетах из Тахти-Кубада [16, 205, табл. V-18] (Кубадианский район). Выше мы отмечали, что свастика относится к кругу солярных знаков, разные формы и варианты которых были известны древним иранским народам.

Таким образом, нумизматический материал с территории Хатлонской области Таджикистана свидетельствует также о том, что население Тохаристана должно оставаться верным зороастризму.

Следует отметить важный вывод, который сделала Т.Г. Филимонова. При составлении Археологической карты южных районов Таджикистана ученый обратила внимание на тот факт, что все имеющиеся буддийские памятники находятся вдоль региональных веток Шелкового пути. Т.Г. Филимонова полагает, что, скорее всего, монастыри в Тохаристане в большей мере обслуживали проходивших мимо купцов, путешественников и странствующих монахов, чем проживавшее вокруг них население, которое было приверженцем своей древней религии. В пример она приводит два рядом расположенных памятника в низовьях реки Кафирниган – буддийский монастырь Уштурмулло и городище Тепаи-Шах с некрополем, где захоронения совершались по зороастрийскому обряду в одно и многокамерных сырцовых сооружениях – наусах. Ученая отмечает, что большой монастырь Уштурмулло, по сути, должен был являться организационным ядром религиозной жизни и оказывать сильное воздействие на местное население. Но этого не произошло. Храм Уштурмулло и городище Тепаи-Шах с окружающими поселениями Хишт-тепа, Кизлар-Тепа и др. жили своей жизнью. Это говорит о том, что основной религией населения продолжал оставаться зороастризм, а нахождение буддийских по облику статуэток с изображением божества Авалокитешвара¹ в одном из наусов и яшкини² на городище Тепаи-Шах свидетельствует только о восприятии некоторых богов, близких им по восприятию, но не самой религии.

Т.Г. Филимонова отмечает также, что количество буддийских храмов убывает по мере движения от Афганистана в северном направлении [47, 235-237]. Действительно, на левобережье Амударьи наблюдается намного больше буддийских памятником, чем на ее правобережье.

Таким образом, анализ археологического, нумизматического и эпиграфического материалов, а также письменных источников показал, что в раннем средневековье в Тохаристане зороастризм продолжал оставаться господствующей религией среди населения.

Помимо зороастризма и буддизма в Тохаристане также присутствовала еще одна мировая религия – христианство. Известно, что здесь, как и во всей Средней Азии, христианство начало распространяться в первой половине I тыс. до н.э. В основном оно распространялось по древним караванным путям, которые являлись составной частью Великого шелкового пути. Уже в III в. первые проповедники появились в Бактрии. В V в. среди христиан произошел раскол, и Сирийская церковь отделилась от православной Константинопольской. Сирийскую церковь возглавил Нестор, сторонников которого стали называть несторианами. Они активно двигались на Восток, многие из них осели в Средней Азии, в том числе и в Тохаристане, о чем свидетельствуют археологические исследования. Так за пределами городских стен Термеза были обнаружены руины христианского храма, стены которого были расписаны рисунками религиозного содержания. На одном из них изображен крест, напоминающий византийские несторианские кресты [4, 34-37, рис. 6]. Л.И. Альбаум полагает, что храм возведен в VII-VIII вв. и он продолжал функционировать до XIII в. [4, 39-40].

Несториане основали также монастырь недалеко от Айваджской переправы на Амударье [6, 187-204]. Монастырский комплекс располагался в пещерах. На одном из куполообразных потолков вырезан несторианский крест.

¹ *Авалокитешвара* – один из восьми бодхисатв в буддизме. Самый распространенный образ, олицетворяющий мудрость и милосердие.

² *Яшкини* – полу божественные женские существа.

Манихейство, как и другие религии, занимало свою нишу в духовной жизни населения Тохаристана. Об истории манихейства в Тохаристане мы знаем мало. Известно, что в Тохаристане жило много манихеев, а в Балхе существовали сильные манихейские общины. В начале VIII в. верховный глава манихеев имел резиденцию в Тохаристане. В 719 г. в качестве посла правителя одной из областей Тохаристана – Чаганиана был отправлен в Китай манихей, который носил титул «великий учитель». Манихейство с самого начала распространения в Средней Азии опиралось на знать, на правителей, что ярко выступает и в сообщении об этом посольстве [28, 120-121].

Следует отметить, что в Тохаристане, как и в других областях Средней Азии, почитались различные культы, которые являлись важной частью духовной жизни тохаристанцев. Среди населения были популярны культы небесных светил, идола, эпических героев и зооморфные культы.

Таким образом, анализ письменных источников, археологического и нумизматического материала показал наличие мультирелигиозной картины духовной жизни населения раннесредневекового Тохаристана, где мирно сосуществовали зороастризм, христианство, буддизм и манихейство. Несмотря на то, что буддизм был официальной религией Кушанской империи, куда входила территория Тохаристана, в раннем средневековье зороастризм продолжал оставаться главной религией тохаристанцев, а буддизм, как и манихейство исповедовал население вдоль трасс Великого шелкового пути. Помимо мировых религий важным элементом духовной жизни тохаристанцев были различные культы.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Авеста в русских переводах (1861-1996). Сост., общ. ред., примеч., справочный раздел И.В. Рака. – СПб.: «Журнал Нева, «Летний Сад», 1998. – 480 с.
2. Ал-Истахри. Китоб ал-масалик ва-л-мамалик. Введ., коммент. и указ. И. Афшара. - Тегеран: Бунгох-и Тарджума ва Нашр-и Китоб, 1340/1961. – 334 с.
3. Альбаум Л.И. Балалык-тепе: к истории материальной культуры и искусства Тохаристана /Л.И. Альбаум. – Ташкент: АН УзбССР, 1960. – 228 с.
4. Альбаум Л.И. Христианский храм в Старом Термезе/Л.И. Альбаум//Из истории древних культов Средней Азии. Христианство. – Ташкент: Главная редакция энциклопедий, 1994. – С. 34-41.
5. Атаханов Т.М. Работы на городище Шишихона в 1982 г. /Т.М. Атаханов//АРТ. – 1990. – Вып. XXII (1982). – С. 311-324.
6. Атаханов Т. М., Хмельницкий С.Г. О работе Шаартузского отряда/Т.М. Атаханов, С.Г. Хмельницкий// - М., 1973. – Вып. X (1970). – С. 187-204.
7. Бобомуллоев С. Древнейшая и древняя история Гиссара/С. Бобомуллоев. - Душанбе: Дониш, 2015. – 206 с.
8. Бубнова М.А. Культурный комплекс в кишлаке Вранг (Западный Памир) /М.А. Бубнова //АРТ. – 1986. – Вып. XIX (1979 г.). – С. 249-263.
9. Бубнова М.А. Культурное сооружение в кишлаке Вранг (Западный Памир, работы 1981 г.). /М.А. Бубнова//АРТ. – 1988. – Вып. XXI (1981 г.). – С. 386-394.
10. Вертоградова В. Глиняные таблетки с индийскими текстами из Хишт-тепа// Информационный бюллетень МАИКЦА / В. Вертоградова. – М., 1990. – Вып. 17. – С. 21-25.
11. Вертоградова В.В. Индийская эпиграфика из Кара-тепе в Старом Термезе: проблемы дешифровки и интерпретации /В.В. Вертоградова. – М.: Вост. лит.-ра, 1995. – 159 с.
12. Геродот. История в девяти книгах. Пер. и примеч. Г.А. Стратановского. – Л.: Наука, 1972. – 600 с.
13. Довуди Д. Денежное обращение древнего и средневекового Хатлона (V в. до н.э. – XX в.н.э.)/Д. Довуди. – Душанбе: Дониш, 2006. – 347 с.

14. Довуди Д., Якубов Ю., Курбанов Ш., Сафаров Х. Археологические раскопки на Калаи Чармгарони Поён в г. Кулябе осенью 2005 г. /Д. Довуди, Ю. Якубов, Ш. Курбанов, Х. Сафаров //АРТ. – Вып. 31. – Душанбе, 2007. – С. 56-87.
15. Древности Таджикистана. Каталог выставки. – Душанбе: Дониш, 1985. – 344 с.
16. Зеймаль Е.В. Политическая история древней Трансоксианы по нумизматическим данным/Е.В. Зеймаль//Культура Востока. Древность и раннее средневековье. – Л.: Аврора, 1978. – С. 192-214.
17. Зеймаль Т.И. Археологические работы в Вахшской долине/Т.И. Зеймаль//АРТ. – 1962. – Вып. VIII. (1960 г.) – С. 35-47. (Тр. ИИАЭ им. А. Дониша. Т. XXXIV).
18. Зеймаль Т.И. Буддийский комплекс Шутур-Мулло/Т.И. Зеймаль//АРТ. – 1986. – Вып. XIX (1979 г.). – С. 186-222.
19. Зеймаль Т.И. Буддийский монастырь Уштур-Мулло (раскопки 1982 г.)/Т.И. Зеймаль// АРТ. – 1990. Вып. XXII (1982 г.). – С. 255-261.
20. Каландарова О.И. Семантика сюжетов ювелирных украшений Бактрии-Тохаристана и Согда: дис. канд. ист. наук: 07.00. 06; 07. 00. 09/О.И. Искандарова. – Душанбе, 2020. – 243 с.
21. Литвинский Б.А. Археологическое изучение Таджикистана советской наукой (краткий очерк)/Б.А. Литвинский. – Сталинабад: Изд-во АН Тадж. ССР, 1954. – 83 с.
22. Литвинский Б.А. Буддийский храм Калаи Кафирниган/Б.А. Литвинский// Археологические открытия 1976 г. – М., 1977. – С. 566-567.
23. Литвинский Б.А. Калаи-Кафирниган (раскопки 1974 г.) /Б.А. Литвинский// АРТ. – 1979. – Вып. 14 (1974 г.). – С. 156-187.
24. Литвинский Б.А. Калаи Кафирниган (раскопки 1975 г.) /Б.А. Литвинский// АРТ. – 1980. – Вып. XV (1975 г.). – С. 120-146.
25. Литвинский Б.А. Буддийский храм Калаи-Кафирниган (Южный Таджикистан) и проблемы истории культуры Центральной Азии/Б.А. Литвинский// История и культура Центральной Азии. – М.: ГРВЛ, 1983. – С. 282-305.
26. Литвинский Б.А. Буддизм в Средней Азии (Проблемы изучения) /Б.А. Литвинский// ВДИ. – 2001. – № 4 (239). – С. 188-199.
27. Литвинский Б.А., Денисов Е.П. Буддийская часовня на Кафыркале / Б.А. Литвинский, Е.П. Денисов // АРТ. – 1973. – Вып. X. – С. 165-171.
28. Литвинский Б.А., Зеймаль Т.И. Аджина-тепа. Архитектура, Живопись. Скульптура / Б.А. Литвинский, Т.И. Зеймаль. – М.: Искусство, 1971. – 259 с.
29. Литвинский Б.А., Зеймаль Т.И. Буддийский монастырь Аджина-тепа (Таджикистан). Раскопки. Архитектура. Искусство. Под ред. Т.К. Мкртычева. 3-е изд., испр. и доп. / Б.А. Литвинский, Зеймаль Т.И. – СПб.: Нестор-История, 2010. – 320 с.
30. Литвинский Б.А., Седов А.В. Тепаи-Шах. Культура и связи кушанской Бактрии / Б.А. Литвинский, А.В. Седов. – М.: Наука, 1983. – 240 с.
31. Литвинский Б.А., Соловьев В.С. Средневековая культура Тохаристана в свете раскопок в Вахшской долине / Б.А. Литвинский, В.С. Соловьев. – М.: Наука, 1985. – 266 с.
32. Литвинский Б.А., Соловьев В.С. Раскопки на Калаи Шодмон в 1979 г. / Б.А. Литвинский, В.С. Соловьев // АРТ. – 1986. – Вып. XIX (1979 г.). – С. 216-234.
33. Мандельштам А.М. Материалы к историко-географическому обзору Памира и припамирских областей с древнейших времен до X в./А.М. Мандельштам//Тр. ИИАЭ АН ТаджССР. – 1957. – Т. 53. – 181 с.
34. Муллокандов М. Раннесредневековый буддийский монастырь Хишт-тепе / М. Муллокандов//Информационный бюллетень МАИКЦА. – М., 1990. – Вып. 17. – С. 12-20.
35. Немоевский А. История креста/А. Немоевский//Атеист. – 1927. – № 16. – С. 67-80.
36. Павчинская Л.В. Раннесредневековые оссуарии Согда как исторический источник / Л.В. Павчинская//Археология Центральной Азии: архивные материалы. Т. IV. – Самарканд: МИЦАИ, 2019. – 416 с.
37. Седов А.В. Кобадиян на пороге раннего средневековья/А.В. Седов. – М. ГРВЛ, 1987. – 200 с.

38. Соловьев В.С. Городище Кафыр-Кала – раннесредневековый центр области Вахш: дис. канд. ист. наук: 07.00.06/В.С. Соловьев. – М., 1977. – 22 с.
39. Соловьев В.С. Работы на Кафыркале в Вахшской долине (раскопки 1978 г.)/В.С. Соловьев//АРТ. – 1984. – Вып. XVIII. (1978 г.). – С. 168-177.
40. Соловьев В.С. Раскопки городища Кафыркала и могильника Харкуш в 1982 г./В.С. Соловьев//АРТ. – 1990. – Вып. XXII (1982 г.) – С. 283-290.
41. Соловьев В.С. Раскопки городища Кафыркала (Хелаверда) / В.С. Соловьев // АРТ. – 2005. – Вып. XXVI (1986 г.). – С. 438-445.
42. Ставиский Б.Я. Судьбы Буддизма в Средней Азии / Б.Я. Ставиский. – М.: Изд-ая фирма «Вост. лит.» РАН, 1998. – 214 с.
43. Сюань-цзан. Записки о западных странах [эпохи] Великой Тан (Дан Тан си юй цзи). Введ., пер. и коммент. Н.В. Александровой / Сюань-цзан. – М.: Вост., лит., 2012. – С. 320-325.
44. Фарханги забони тоҷикӣ. Ҷилди 1: А-О. – М.: Советская Энциклопедия, 1969. – 952 с.
45. Худуд-ул-олам. - Душанбе: Дониш, 1983. – 132 с.
46. Филимонова Т.Г., Ахметзянов М., Ходжаев Ш. Где находилась раннесредневековая столица Хутталя / Т.Г. Филимонова, М. Ахметзянов, Ш. Ходжаев // Мероси Ниёгон / Наследие предков. – 2015. – № 15. – С. 87-96.
47. Филимонова Т.Г. Таджикистан // Байпаков К.М., Ерофеева Е.В., Кольченко В.А., Филимонова Т.Г., Богомолов Г.И. Религии Центральной Азии и Азербайджана. - Т. 3. Буддизм. - Самарканд, 2019. - С. 235-237.
48. Филимонова Т.Г. Поисковые работы по составлению археологической карты Фархорского района в 2015 г. / Т.Г. Филимонова // АРТ. – Душанбе, 2020. – Вып. XLI. – С. 242-267.
49. Хлопин И.Н. Изображение креста в древнеземледельческих культурах Южной Туркмении / И.Н. Хлопин // КСИА. – 1962. – Вып. 91. – С. 14-21.
50. Якубов Ю. Модель чартага из Пархара и проблемы его происхождения / Ю. Якубов // Фархор. Энциклопедия. – Душанбе, 2011. – С.512-516.
51. Якубов Ю, Худжагелдыев Т., Курбанов Ш. О работах Кулябского отряда на городище Золи Зард в 2008 г. / Ю. Якубов, Т. Худжагелдыев, Ш. Курбанов // АРТ. – 2010. – Вып. XXXIV. – С. 241-277.
52. Avesta. См. Электронный ресурс: <http://titus.uni-frankfurt.de/texte/etsc/iran/airan/avesta/avest.htm> (Дата доступа: 07. 12. 2023).
53. Bailey H.W. Indo-Iranica. III.5 Tarmita / H.W. Bailey // BSOAS. – 1950. – Vol. 13. – No. 2. – P. 389-409.
54. Gershevitch I. The Avestan Hymn to Mithra. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1959.
55. Litvinsky B.A. Outline History of Buddhism in Central Asia / B.A. Litvinsky. – М.: Nauka, 1968. – 109 p.
56. Litvinskij B.A. [Buddhism] in Central Asia /B.A. Litvinskij //Encyclopaedia of Buddhism. Ed. by J. Dhirasekera. – Colombo: Govt. of Sri Lanka, 1979. – Vol. IV. – Fasc. I. – P. 21-52.
57. Melikian-Shervani A.S. Buddhism in Islamic Times /A.S. Melikian-Shervani// Encyclopaedia Iranica. – L.-N.Y.: Routledge & Kegan Paul, 1990. – Vol. IV. – Fasc. 5. – P. 496-499. Электронный ресурс: <https://iranicaonline.org/articles/buddhism-ii> (Дата доступа: 19.12.2023).

ДОИР БА МАСЪАЛАИ БОВАРҶОИ ДИНИ ДАР ТОХАРИСТОНИ ШИМОЛӢ

Дар ибтидои асри миёна таърих ва маданияти Тоҳаристон дар натиҷаи омезиши фарҳанг ва ҷаҳонбинии динии қабилҳо ва халқиятҳои муҳталиф ташаккул ёфт, ки онҳо пеш аз ин дар қаламрави давлати Кушонӣ зиндагӣ мекарданд. Дар ин давра дар минтақа рақобат барои нуфуз миёни зардуштия, буддоия, монавия ва насрония ба назар мерасид.

Таҳлили манбаъҳои хаттӣ, маводи бостоншиносӣ ва сиккашиносӣ гуногунмазҳабиро ҳаёти маънавии Тоҳаристони асри миёнагии ибтидоиро нишон медиҳад, ки тибқи он дар

минтақа ба таври сулҳомез зардуштия, будоия, насрония ва монавия ҳамзистӣ доштанд. Новобаста аз он ки буддоия дини расмии шоҳаншоҳии Кушонӣён буду Тохаристон ҳам дар ҳайати он шомил мешуд, зардуштия дар ин сарзамин дини асосии аҳоли ба шумор ме- рафт. Буддоия ва монавия бошад, дар байни он қисме аз аҳоли пайравон доштанд, ки дар масири Роҳи Бузурги Абрешим зиндагӣ мекарданд. Баробари пайравӣ намудан аз дину мазҳабҳои мазкур дар ҳаёти маънавии тохаристониҳо ҳар гуна парастииҳо низ ҷой до- штанд.

Калидвожаҳо: *Тохаристон, дин, зардуштия, буддоия, монавия, насрония манбаъҳои ҳафтӣ, маводи бостоншиносӣ, даъри буддой, маъбади зардуштӣ.*

К ВОПРОСУ О РЕЛИГИОЗНЫХ ВЕРОВАНИЯХ В СЕВЕРНОМ ТОХАРИСТАНЕ

В раннем средневековье история и культура Тохаристана формировались в результате синтеза культур и религиозных воззрений различных племен и народностей, проживавших ранее на территории Кушанского государства. В этот период в Тохаристане наблюдается соперничество между зороастризмом, буддизмом, манихейством и христианством.

Анализ письменных источников, археологического и нумизматического материала показал наличие мультирелигиозной картины духовной жизни населения раннесредневекового Тохаристана, где мирно сосуществовали зороастризм, христианство, буддизм и манихейство. Несмотря на то, что буддизм был официальной религией Кушанской империи, куда входила территория Тохаристана, в раннем средневековье зороастризм продолжал оставаться главной религией тохаристанцев, а буддизм, как и манихейство исповедовало население вдоль трасс Великого шелкового пути. Помимо мировых религий важным элементом духовной жизни тохаристанцев были различные культы.

Ключевые слова: *Тохаристан, религия, зороастризм, буддизм, христианство, манихейство, письменные источники, археологический материал, буддийский монастырь, зороастрийский храм.*

ON THE ISSUE OF RELIGIOUS BELIEFS IN NORTHERN TOKHARISTAN

In the early Middle Ages, the history and culture of Tokharistan were formed as a result of the synthesis of cultures and religious beliefs of various tribes and nationalities that previously lived on the territory of the Kushan state. During this period, there was a rivalry between Zoroastrianism, Buddhism, Manichaeism and Christianity in Tokharistan.

An analysis of written sources, archaeological and numismatic material has shown the presence of a multi-religious picture of the spiritual life of the population of early medieval Tokharistan, where Zoroastrianism, Christianity, Buddhism and Manichaeism peacefully coexisted. Despite the fact that Buddhism was the official religion of the Kushan Empire, which included the territory of Tokharistan, in the early Middle Ages Zoroastrianism continued to be the main religion of the Tokharistanis, and Buddhism, like Manichaeism, was practiced by the population along the routes of the Great Silk Road. In addition to world religions, various cults were an important element of the spiritual life of the Tokharistans.

Key words: *Tokharistan, religion, Zoroastrianism, Buddhism, Christianity, Manichaeism, written sources, archaeological material, Buddhist monastery, Zoroastrian temple.*

Маълумот дар бораи муаллиф: **Ҳочаева Наргис Ҷомиевна** – доктори илмҳои таърих, ходими пешбари илмии шӯбаи таърихи қадим, асрҳои миёна ва навини Институти таърих, бостоншиносӣ ва мардумшиносӣ ба номи А. Дониши Академияи миллии илмҳои Тоҷикистон. **Суроға:** Ҷумҳурии Тоҷикистон, 734025, ш. Душанбе, хиёбони Рӯдакӣ, 33. Тел: (+992) 918-64-9-85; E-mail: rangha@mail.ru

Information about the author: **Khojaeva Nargis Jomievna** - Doctor of History, Leading Researcher of the Department of Ancient, Mediaeval and New History of the A. Donish Institute of History, Archaeology and Ethnography, National Academy of Sciences of Tajikistan. Address: Republic of Tajikistan, 734025, Dushanbe, 33 Rudaki Ave. Tel: (+992) 918-64-91-85; E-mail: rangha@mail.ru

ОРНАМЕНТ, НАҚШПАРТОӢ ВА ПАРДОЗДИӢИ ДАР САНЪАТИ МЕЪМОРИИ АСРИМИЁНАИ ТОЧИКУ ФОРС

ЁҚУБОВ А. А.,

Донишгоҳи давлатии Кӯлоб ба номи Абуабдуллоҳи Рӯдакӣ

Санъати тоҷик аз замони бостон дар таркиббандии тамаддуни башарӣ арзи вучуд дорад. Боиси зикр аст, ки дар фаъолияти ҳунармандии мардуми тоҷик намудҳои мухталифи пардоздиҳии биноҳои истиқоматӣ, ибодатгоҳҳо, даҳмаҳои инчунин дар соҳаи бофандагӣ ва кулолгарии дигар риштаҳои истеҳсолот усулҳои зерини нақшпартоӣ хело пеш рафта буд, аз ҷумла гирех, паргорӣ, панноӣ, паргории гирех ва ғайраҳо то ҳоло маъмул мебошанд. Роҷеъ ба ҳар кадоме аз онҳо ба таври мухтасар таваққуф менамоем.

Гирех – як навъи маъмули нақшпартоӣ дар санъати меъморӣ ва ҳунармандӣ буда, мувофиқи асли нусха расмҳо бо якдигар пайваст шуда тақрор меёбанд (замимаи 1). Ҳунари санъати гирехбандӣ дар асрҳои IX-XIX дар Осиёи Марказӣ, Афғонистон, Ирон, Ироқ, Миср, Ҳиндустон, Тунис, Марокаш, Қавқоз ва ғайраҳо васеъ машҳур буда, махсусан дар асрҳои XII-XVI дар Осиёи Марказӣ раванку ривҷ ёфтааст.

Намунаҳои беҳтарини санъати гирехбандӣ ин қорвонсарои Работи Малик (Хева), Афросиёб (Самарқанд), макбараи Мирсаид Баҳром (Кармина), манораҳои Вобқанду Ҷарқӯргон, Манораи калон (Бухоро), мадрасаҳои Улуғбек, Шердор, Тиллокӯрӣ, масҷиди Бибӣ Хоним, бештари иншооти силсилаи Шоҳи Зинда, Ишратхона (Самарқанд) ва ғайраҳои дигар мебошанд.

Санъати гирех дар нақшу нигори ороишоти меъмории асримеънагӣ як қисми маҷмааи нақшхоро ташкил медед. Намудҳои мухталифи гирех дар нақшу нигори меҳробҳо, гунбазҳо, шифт, пештоқҳо, панҷара, дару тирезаҳо ва ғайра қисматҳои масҷиду мадрасаҳо, хонаву манзилгоҳҳо васеъ истифода карда мешуд.

Ҳангоми истифодаи гирехбандӣ аз масолеҳи ҷӯби, гачӣ, санги мармар, кошӣ ва ғайра истифода мебаранд. Одитарин намунаҳои гирехбандӣ дар санъати нақшпартоӣ ва қандакории асрҳои V-VIII (Панҷакент, Қофирқалъа, Ачинатеппа, Шахристон ва ғайраҳо) ба назар мерасанд.

Дар давраи пайдоишу раванки ислом санъати гирехбандӣ инкишоф ёфта, боз ҳам мукамалтар гардид. Махсусан, ин навъи санъати нақшпартоӣ дар асрҳои XIV-XV ба дараҷаи баланд расида буд. Сохти таркиби гирех мураккаб буда, аз қисмҳои шинохтаи муқаррарӣ иборат мебошанд, ки ҳар яке онро «тақсим» меноманд.

Санъати гирехбандӣ дар гач (асрҳои X-XII), сафолу хишт (асри XII), ҷӯб, санг ва кошӣ (асри XIV) ва ғайраҳо дида мешаванд. Таҷҳизоти асосии гирехбандӣ ин қоғаз (чоркунча, росткунча), секунча (гунёи форсӣ), гарда, паргор, сӯзан ва ғайраҳо мебошанд.

Дар ақсар олатҳои гирех аз тасвиrotи мухталифи чорхона, чорлинча, сесара, ғозпой, барги чинор ва ситораҳои бисёрғӯша иборат буда, тасвиrotи мураббаъро гирехи чор, ситораҳои панҷғӯшаро гирехи панҷи тез ва ғайра меноманд. Гирех якҷанд намуд мешавад: гирехи чорқалид, чорхона, бодом, панҷ, шаш, ҳашт, даҳ, дувоздаҳ, сивуду ва ғайраҳо.

Ин навъи гирехҳо якҷанд шаклҳои дигар доранд: панҷи тез, панҷи кунд, шаши кунду тез, шаши кунд, шаши панҷнок, шаши тез, шаши секунча, шаши чорхо-

на, ҳашти тезу панчи тез, ҳашти сесардор, даҳи ғозпой, дувоздаҳи панчдор, дувоздаҳи барги чанор, дувоздаҳи чорлинга ва ғайра.

Дар мобайни нақш агар ситораи даҳгӯша ва дар гирди вай ситораҳои панчгӯша ҷой гирифта бошанд, он гоҳ вайро «гиреҳи тезу панчи тез» меноманд.

Микдори гӯшаи ситораҳо аз 3 то 32 адад мешаванд. Дар санъати нақшпартоӣ асосан гиреҳи 5,6,8,...16 қира бештар ба назар мерасанд. Гиреҳи 24, 26, 28,...32 қира танҳо дар ороишу нақшу нигори гунбазҳо бештар ба назар мерасанд. Қираҳо асосан шакли ҷуфт буда, дар натиҷаи баробар тақсим шудани давра ба вучуд меоянд. Имконияти давраро ба қисмҳои 7,9,11,13 баробар тақсим кардан набудан, ҳунармандони асрҳои пешина шакли гиреҳи даҳи ҳафти панҷ, дувоздаҳи нуҳи панҷро ошқору ихтироъ карданд, ки ин намуди нақшпартоӣ шакли намунаҳои такрорнашавандаро пайдо намуданд.

Барои бештар намудани сифату шакли намунаҳо, наққошони асримиёнагӣ навъҳои барги чанор, чорлинга, бодом, тавл, тӯморча ва ғозпойро ба ороишу нақшу нигори бинову иншоот илова мекарданд. Дар ин навъи санъати нақшпартоӣ шаклҳои арақа, ҳавза, шарафа, муқарнас ва дигар намудҳои вай дар ороиши ҷузъҳои дохилӣ ва берунии иншооту биноҳо истифода бурда мешуданд.

Дар санъати гиреҳбандӣ хатҳои рости шикаста бо ҳуруфоти гуногун (масалан, қуфӣ) навишта шуда, намунаҳои хеле аҷоибу зеборо ба вучуд меоранд. Гиреҳбандӣ дар сохтмонҳои боҳашаммати иншооти Самарқанду Бухоро васеъ ва бештар истифода бурда мешуд. Наққошон ва ҳунармандон дар ин давра дохили гиреҳро бо нақшҳои ислимӣ пурра карда (равоқи Мадрасаи Улугбек), ки вай танҳо аз санги мармари Ғазгон (панчгӯша, шашгӯша ва ғайра) бо навъи ислимӣ зебу зиннат дода шудааст. Санъати гиреҳ барои зебу зиннат додани асбобҳои рӯзгор, зардӯзӣ ва ороиши муқоваҳои китобҳо васеъ истифода бурда мешавад [1-3;12].

Навъи дигари нақшпартоии асримиёнагӣ ин панно (аз калимаи фаронсавӣ *pannus* – порчаи матоъ) мебошад, ки маънои: 1) изораи девор ва ё ҳошияи сақфи бино, ки дар вай тасвири расм ва ё нақш кашида шудааст 2) навъи санъати наққошӣ, ки барои ороиш ва бо равшан ва темпера истифода бурда мешавад (замимаи 2). Панноро барои ороиши дохилу беруни иншоот истифода мебарданд. Намунаҳои барҷастатарини панно дар Юнони Қадим, Рим ва давраи Эҳёи Аврупо бештар ба чашм мерасанд.

Дар Осиёи Марказӣ аз замонҳои қадим ҳотамкорӣ минокорӣ ва кошikorӣ девору биноҳо хело маъмул буд. То замони ҳозира панноҳои ёдгориҳои меъморӣ аввали асрҳои миёна – нақшу нигори девори бинои Балаликтеппа, Афросиёб, Панҷакенти Қадим ва Истаравшан боқӣ мондаанд. Дар ёдгориҳои таърихии асри XIV шахрҳои бостонии Бухоро, Самарқанд Ҳирот, Балх ва дигар марказҳои маданияти Осиёи Марказӣ панноҳое вучуд доранд, ки аз санъати баланди кошikorӣ хотамкорӣ дарак медиҳанд [13,19].

Паргорӣ – як навъи санъати нақшпартоӣ буда, тавассути паргор кашида мешавад (замимаи 3). Тасвири вай асосан намоёну барҷаста мебошад (то 1-1,5 мм). Баъзе намудҳои ороишу нақшу нигори даврешакли панҷараю ҷӯбии санъати кандакорӣ ва инчунин бархе аз тасвирҳои сафолу зарфҳои чиниро ҳам паргор меноманд.

Асосан дар нақшу нигори биноӣ иншоот, тасвирҳои паргори калон ва дар асбобҳои рӯзгор паргори хурд истифода бурда мешаванд. Тасвирҳои паргорӣ бинову иншоот асосан бесир буда, зарфу дигар ашёҳои рӯзгор бо усули сирдавонӣ кашида мешаванд. Усулу намудҳои офариниши тасвирҳои паргорӣ гуногуну мурак-

каб буда, аз наққош диққатнокӣ, сабру тоқат, малакаю дониши касбиरो оид ба навъҳои санъати муҳандисӣ талаб мекунад. Хунарманд ҳангоми ҷаҳздорӣ аз микдори муайян (тахта) истифода бурда, ба воситаи қалам ва паргор аломату расмхоро муайян карда, тавассути қандану коркарди онҳо тасвиру нақши паргори ба вучуд меорад.

Паргори гирех - як навъи санъати нақшпартоӣ асримиёнагии Осиёи Марказӣ ба ҳисоб рафта, асосан аз давраҳои якхелаи мухталиф ҷойгирифта иборат мебошад (замимаи 4). Азбаски дар сабку нақши ин намуди наққоши асбоби паргор истифода бурда мешавад, ба номгӯи вай паргор илова карда шудааст.

Ин навъи санъати нақшпартоӣ аз асрҳои V-VIII васеъ паҳн гардидааст. Тасвирҳои деворҳои Варахшаро хунармандони онвақта бо ин шакли нақш ороиш додаанд. Пас аз паҳн гардидани дини ислом ин навъи нақш аз байн нарафт: нақшу нигори тобадони Мақбараи Сомониён (Бухоро), Гӯри Мир (Самарқанд), кӯзаву офтобаҳои мисин, панҷараҳои гачӣ ва соғунҳои гуногуни дар кофтуковҳои археологии ба даст омада ва ғайра аз он шаҳодат медиҳанд (асри XVIII, ибтидои асри XX). Дар санъати наҷҷорию гачкорӣ ду намуди паргори гирех машҳур буд: яккапаргор ва дукӯшпаргор.

Пардоз – як ҷузъи санъати ороишӣ буда, пасту баландии гулқорию санъати гачкориро инъикос медиҳад (замимаи 5). Навъи пардоз дар марказҳои мухталифи Осиёи Марказӣ раванку ривоч ёфта, дар нақшу нигори иншооту мадрасаҳо низ ба таври васеъ истифода бурда мешуд.

Чор намуди навъи пардоз маъмул аст: 1. пахпардоз, 2. чокапардоз, 3. лӯлапардоз, 4. табақпардоз. Пахпардоз бо қираҳои баланди худ машҳур буда, дар вақти сохтани банду таноб, дулаба сохтани баргу гули ороишот истифода бурда мешавад. Баръакси пахпардоз навъи чокапардоз мебошад. Дар вай тасвири рангҳо фӯруҳамидаю пасттар буда, намуди доираро доранд. Навъи лӯлапардоз ба пахпардоз монандӣ дошта, фақат бо лӯлашакл будани танобҳои тасвираш тафовут дорад. Навъи табақпардоз тасвири ислимӣ буда, бо намуди табаку нова нақш шудааст. Вай асосан бо намуди тасвири бодом, пардаҳои гул, гули аждаҳор, барг, турунҷ, коса ва ғайраҳо бештар маъмул аст. Баландиву пастию навъи пардоз ба 1-1,5 мм мерасад ва бо қаламҳои тоқ, минқор, уштургардан, морпеч, пух ва ғайраҳо тасвиру ба нақш гирифта мешавад.

Патнусӣ – як намуди нақши санъати нақшпартоиву ороишии амалии Осиёи Марказӣ ба ҳисоб рафта дар нақшу нигори сақфу масочидҳо ва биноҳои истиқоматии асрҳои XIX ва ибтидои асри XX ба назар мерасид (Замимаи 6). Дар санъати амалии наққошони шахрҳои Хучанд, Истаравшан, Конибодом ва Исфара тасвири намудҳои гуногунранги патнус мушоҳида карда мешавад, ки дар марказ ва ё гӯшаҳои нақши вай дастаи гул тасвир шудааст. Дар шароити ҳозира дар санъати нақшпартоӣ ин навъи нақш хело кам истифода мешавад [13;17]: [14;4].

Ислимӣ - як намуди санъати нақшпартоӣ ва ороиши амалии Осиёи Марказӣ буда, дар ороишу нақши меъморӣ, гулпартоӣ, қандакорӣ, кашададӯзӣ, бофандагӣ ва ғайра истифода бурда мешавад (замимаи 7). Ин навъи санъати нақшпартоӣ намудҳои гуногунранги тасвири растанигиро (дарахт, гул, шоха, бутта, банд ва ғайра) дар ҷӯб, гач, матоъ инъикос медиҳад.

Навъи ислимӣ дар ҷаҳздорӣ хунармандону наққошони Осиёи Марказӣ аз давраҳои қадим маъмул буда, дар байни суғдиёну бохтарӣҳо шаклҳои мухталифи вай (барг, ҳошия ва себарга) машҳур буд. Анъанайи ин навъи санъати нақшпартоӣ баъд аз интишори ислом, махсусан дар меъморӣ (нақшу нигори мадрасаҳо) ривочу раванқ ёфт. Ин намуди санъати наққошӣ дар оянда дар меъморӣ ва қанда-

корӣ ва дигар намудҳои санъати ороишӣ шаклҳои нави худро пайдо карда, то замони ҳозира тасвирҳои мураккабу соддаи гули ҳамешабахор, лоламадохил, гули савсан, гули хайрӣ, норгул, тоҷи хӯрус, ислимии якрафтор, дурафтор, серафтор (кӯштаноб), гули бодом, қаланфур, барг, банд, марғула, шохбарг, пари тобус, кӯзаислими, патнӯсӣ, дарахт, китеба, турунҷ ва ғайраҳо омада расидаанд.

Намудҳои ин навъи ислимӣ дар эҷодиёти ҳунармандони шаҳрҳои Самарқанд, Бухоро, ноҳияҳои шимолии Тоҷикистон мавқеи намоён дошта, бо маросиму анъанаҳои мардумӣ зич алоқаманд мебошад. Истифодаи навъҳои нақшҳои мураккабу риоя намудани баробарӣ дар усулҳои инкишофёфтаи ислимӣ (ислимии ноқанда, ғалтак, рӯбарӯ, гулҳои ситорашакл ва ғайраҳо) сабаби пайдо шудани нақшҳои маҳандисӣ гардид.

Намудҳои дигари ислимӣ – хошия аз бандҳо (танобҳо) иборат буда, миқдори бандҳо аз 1 то ба 5 мерасад. Масалан, ислимии якрафтор аз як банд, дурафтор аз ду банд, серафтор аз се банд иборат мебошанд ва ин намуди ислимиҳо дар асрҳои XIX ва ибтидои асри XX васеъ истифода бурда мешуд. Дар асрҳои XI-XIII аллакай навъи ислимии чоррафтор ва панҷрафтор дар нақшу ниғори ёдгориҳои таърихии меъмории шаҳрҳои Самарқанду Бухоро истифода мегардид.

Намудҳои кӯзагӣ ва гулдастаи ислимӣ дар қандакорию меъмори, махсусан дар ороиши сутунҳо, бошаҳои муқарнас хело ҳам васеъ паҳн гашта буд. Намудҳои нақшуниғории мураккаби ислимӣ бештар дар Осиёи Марказӣ (Самарқанд, Бухоро, Хучанд, Истаравшан), Ҳиндустон, Ирон, Афғонистон ва дигар кишварҳои Шарқи наздик маъмулу машҳур аст. Навъи санъати нақшпартоии ислимӣ дар санъати хаттотию китобат мавқеи махсуси худро дошта, то ҳозир дар нақшу ороиши китобу маҷаллаҳо ба таври васеъ истифода бурда мешавад [15;5]: [16;6-9].

Банд (таноб) – як навъи наққошӣ, ки дар санъати амаливу ороишӣ бо шакли морпеч ва монанди навъи ислимӣ истифода мешавад. Навъи банд ба бандҳои печ дар печ монандӣ дошта, баъзе вақт якка ва аксар вақт чуфт меояд ва аслан гирем он хошияро оро медиҳад. Яккабанд ва кӯшбанд 2,3,4,5 маротиба бо ҳамдигар гиреҳбанд омада, хошияҳои якрафтор (иборат аз як банд), дурафтор (ду банд), серафтор (себанд) ва ғайраро ташкил медиҳанд.

Барг – як навъи санъати нақшпартоии амаливу ороишӣ мебошад (замимаи 8). Он як чузбӣ нақши машҳури ислимист, ки асосан баргу гул, муғчаҳо, шохҳо дар он тасвир мешаванд. Ин навъи нақш аз қадимулайём дар гачкорӣ, гулдӯзӣ, қандакорӣ ва дигар навъи ҳунароҳои мардумӣ мавқеи махсуси худро дошт.

Ҳунармандону наққошони мардуми Шарқ бештар дар эҷодиёти худ баргҳои чанор, шафтолу, маҷнунбед, шутурпай, чағ-чағ, шохбарг ва ғайраро бо намуди дарозу кӯтоҳ, нозуку дурушт, паҳну борик, моил ва дандонадор тасвир карда, ба навъи нақши ислимӣ шакли табиӣ медоданд. Бо сабабе, ки барг ба тухми бодом ва ё харбуза монанд буд, вайро «бодомбарг» ва ё тухми «харбуза» ҳам меномиданд. Агар барги тасвиршуда нӯғаш тез мешуд, ин нақшро «меҳроби барги бед» меномиданд.

Ҳунармандони қадими суғдӣ дар санъати асрҳои V-VIII расмҳои барги анор, гулхор, ток ва себарга мекашиданд. Дар санъати навъи минётур ҳам намунаҳои баргҳои гуногун тасвир мешуданд. Баъди асрҳои XIV-XV дар санъати нақшпартоӣ истифодаи барг васеъ паҳн гардида буд. Гулу гулбаргҳои бисёрранга ба ин навъи санъати нақшпартоӣ хусусиятҳои хос мебахшиданд.

Анъанайи истифодаи барг давраи садсолаҳо инкишофу раванқ ёфта, то ба замони мо ҳам омада расидааст. Навъи барг дар санъати гулдӯзӣ ҳам мавқеи махсус дошта, ба таври васеъ истифода бурда мешуд, масалан тасвири барги «шутур-

пай» (барги рустанигии рӯйиобӣ, ки ба пайи шутур монандӣ дорад). Инчунин навъи барг дар санъати заргарӣ (ангуштарӣ, гӯшвор, занчираҳо, гули яхак) ва барои ҳаққокӣ ҳам истифода бурда мешуд.

Аноргул – (гули анор, норгул, гули нор), навъи нақш мебошад, ки дар санъати нақшпартоӣ ва тасвири истифода бурда мешуд (замимаи 10). Бо сабаби хело ҳам зебову хушбӯӣ ва ба тибби қадими Шарқ шомил буданаш, тасвири гули анор дар санъати нақшпартоӣ мавқеъи махсуси худро дошт.

Тасвири аноргул, ки бештар ба нақшу ороиши растанигии гули анор ва дар баъзе мавридҳо меваи анор асос ёфтааст, аз давраҳои қадим дар байни мардуми Шарқ маълуму машҳур буд. Деворанигораҳои Панҷакенти қадим (асрҳои V-VIII), сутунҳои кандакорӣ кардашудаи болооби водии Зарафшон (асри X), рафҳои ҷӯбини пардозёфтаи макбараи Муҳаммади Башоро (асри XIV) ва ғайраҳо макбараю мадрасаҳои шахрҳои Бухорою Самарқанд, Исфараю Конибодом ва ғайраҳо аз таърихи қадимаи ин навъи нақш шаҳодат медиҳанд [15;11].

Бодом – як навъи санъати нақшпартоӣ буда, аслан сару бол, бадану минқори паррандаҳо, шохҳои дарахтон, баргҳои гуногунранг, чашм (бодомчашм) ва дигар предметҳоро бо намуди бодом инъикос медиҳад (замимаи 11). Ёдгориҳои қадимаи санъати меъморӣ Варахша, Панҷакенти Қадим, Афросиёб, Тахти Сангин, Шаҳристон ва ғайраҳо аз қадима ва машҳур будани ин навъи нақш шаҳодат медиҳанд.

Дар ёдгориҳои қадимаи номбурдашуда дар девору сутунҳои онҳо симоҳои ҳаёлии намуди бодомӣ, ки ба тасвириҳои тӯпӣ монанданд, аз ҳама бештар ба чашм мерасанд. Дар санъати минётурӣ ва нақшпартоӣ шарқии мусалмонӣ, тасвири расми дарахти шакли бодом, ки ба занҷабил монандӣ дошт, хело ҳам машҳур буд.

Навъи бодом якҷоя бо нақшҳои геометрии табиат (рустанигӣ) ва тахайюлӣ инкишоф ёфта, бо номҳои «Бодоми сечашма», «Ислимии Бодом», «Бодоми четан», «Гиреҳи бодом» ва ё «Гиреҳи гули бодом» ва ғайраҳо машҳур буданд. Нақшҳои рустанигӣ, ки асосан аз акси шохчаҳо, баргҳои нозуку зариф иборатанд «Ислимии бодомӣ» ном гирифтаанд. Дар тасвириҳои геометрӣ (ҳандасӣ) бодом ба чоркунҷаи пирамидашакл монандӣ дорад ва номи «Гиреҳи бодом ва ё гиреҳи гули бодом» – ро ба худ гирифтааст. Дар тасвириҳои бодом агар қисми дарунии бодом бо се даврача ороиш дода шавад, навъи нақшро «Бодоми сечашма» меноманд ва агар бодом бо намуди панҷара ороиш ёбад, «Бодоми четан» номида мешавад.

Бисёр аз нақшҳои мутаносиб, ки нусхаи аслии якдигар мебошанд, бо номи «Қӯшбодом» маъмул аст. Махсусан, тасвириҳои ҳандасии бодом дар ороишоти меъморӣ асрҳои XVI - XIX (масҷиди Хоҷа Зайнуддин, асри XVI дар Бухоро) ва сеъ истифода мешуд. Navъи бодом дар тамоми навъҳои санъати нақшпартоӣ ва кандакорӣ маъмулу машҳур аст [18;10].

Агарчи дар қору басти наққошон ва меъморон (осори меъморӣ, зарфҳо, матоъҳо, олоти гуногуни рӯзгор ва ғайра)-и маҳаллаҳои гуногуни Осиёи Марказӣ монандӣ ва умумияте дида мешуд, ҳар як шахру ноҳияҳо услуби хоси нақшпартоӣ худро ҳатман дошт. Дар бисёр мавридҳо хунармандони сангтарош, кандакор, гулдӯз ва ғайраҳо аз нақшае, ки наққошон омода кардаанд истифода мебарданд ва ё аз нақшаи тайёр кардашудаи худашон расмеро мекашиданд.

Дар охириҳои асри XIX ва ибтидои асри XX нақшпартоӣ махсусан дар водии Фарғона ва Сугд равнақу ривоч ёфта буд. Дар ин ҷо санъати нақшпартоӣ ба дараҷае расида буд, ки ҳатто сокинони шахру ноҳияҳои дурдаст хунармандон ва наққошонро барои зебу зинат додани иншооту биноҳои гуногун ба қору даъват мекарданд.

Яке аз намунаҳои бехтарини ин санъати шинохта масҷиди Далёни Боло (ноҳияи Ғончӣ (ҳозира Деваштич) - асри XIX мебошад, ки вай аз шаст сутуни «кӯзадор»-и муқарнасӣ иборат мебошад. Инчунин осори ин намуди нақшпартоиро дар масҷидҳои деҳаи Лангари ноҳияи Муъминобод, Зарбдори ноҳияи Конибодом, Мақбараи Чоркӯҳи ноҳияи Исфара ва ғайраҳо мушоҳида кардан мумкин аст.

Нақшу нигори шифти хонаҳо ҳам дар ноҳияҳои кӯхистони ҷанубии Ҷумҳурии Тоҷикистон васеъ машҳур буд. Ёдгориҳои меъморӣ охириҳои асри XIX ва ибтидои асри XX – масҷидҳои ноҳияҳои Ховалинг, Балҷувон, Кангурт ва деҳаи Чиртаки ноҳияи Турсунзода бо нақшу аломатҳои рамзӣ зебу ороиш шуда будаанд. Ҳамин гуна дар яке аз деҳаҳои Бадахшон бо номи Ямг, бинои истиқоматие вучуд дорад, ки дар аввалҳои асри XX сохта шудааст ва ягона биноест, ки шифти он бо мусаввараю ороишот (гов, моҳӣ, асп, инсон, офтоб, гулу бутта) ва катибаҳо ороиш дода шудааст.

Наққошони ин давра дар эҷодиёти худ аз рангҳои кабуд, зард, лочувард, сурх, сафед, сиёҳ, гулобӣ ва шангарф хуб истифода мебарданд. Наққошон ба ҳамвор будани макони нақшпартоӣ эътибори махсус меоданд, барои он ки ин ҳолат дар қолибтару пурчилотар намудани нақшунигор аҳаммияти бағоят калон дошт.

Тарҳи расм ва мӯйқаламҳои аз пашми ҳайвонот тайёр кардашуда ва рангҳои мухталиф воситаҳои асосии амали наққошон ба ҳисоб мерафтанд. Баъзе аз наққошони ҳунарманд ва касбӣ бе қолабу тарҳрезӣ якуяқбора нақшҳои мураккабро тасвир карда метавонистанд. Ҳар гуна ороишоту нақшу нигор ҳунармандони наққошро қонё карда наметавонист. Наққош медонист, ки ин ва ё он намуди нақш барои ороиши сутун истифода мешавад ва ё мувофиқ аст, вале барои шифти хона лозиму зебанда намебошад. Баъзе вақтҳо амали як наққошро дигар наққош бо ҳубӣ иҷро карда наметавонист.

Наққошони тоҷик анъанаҳои бехтарини ҳунармандону санъаткорони гузаштаре эҷодкорона идома бахшида, ҳамзамон санъати нақшпартоиро боз ҳам инкишофӣ тақмил медиҳанд.

АДАБИЁТ

1. Бретанитский Л.С. О малоизвестном таджикском мемориале//МНА СССР, № 66. М.: АН СССР, 1958.
2. Бродовский М.И. Технические производство в Туркестанском крае. -СПб. 1875, -91 с.
3. Бромлей Ю.В. Воспоминания и мемуары теории этноса. М.: Наука, 1983.
4. Болшаков Н.С. Искусственная гравировка в древке. М.: КОИЗ, 1955.
5. Балков В. Ремесленная промышленность в Центральной Азии (история, современное создание и перспективы малой промышленности). – Ташкент: Издательство САКУ, 1927. - 80 с.
6. Бернштам А.Н. Наскальные изображения Саймалы –Таш//СА. -№2. – 1952, -с. 60-66.
7. Береснева В.Я., Романова Н.В. Проблемы украшения материала. – М.: 1977, -192 с.
8. Бесчастнов Н.П. Влияние растительных методов. Учебное пособие для вузов. – М.: Владос, 2004. -175 с.
9. Бесчастнов Н.П. Художественный облик орнамента. – М.: ВЛАДОС, 2004. - 431 с.
10. Иконников А.В. Художественный язык архитектуры (проблемы искусства и архитектуры). – М.: Искусство, 1985, - с. 23.
11. Кушакевич А.А. Сведения о Ходжентском районе. Общественная география России об общей географии. Т.4. СПб., 1871.-Т. XII. -С. 173-267.
12. Массон В.М. Образ небесного быка с эпоху век бронзы//ПТ, 1975. №2 (20), - 48-50 с.
13. Мардер А.П. Эстетика архитектуры: Теоретические проблемы архитектурного творчества. -М.: Стройиздат, 1988, - с.10-21.

14. Массон М.Е. Об истории разработки рудников в Узбекистане. – Ташкенте. Издательство АН Узбекистана, 1953, -с.35.
15. Неъматов Н.Н., Хмельницкий С. Апсида в Аште//СЭ, №2. – М.: 1963.
16. Неъматов Н.Н., Хошимов А., Мукимова С. Некоторые проблемы истории и культуры Таджикистана. – Душанбе: «Мерос», 2001.
17. Орнамента всех форм и времён. М.: Арт-родник, 2004. -267 с. -180 с.
18. Пуганчкова Г.А. Архитектура Центральной Азии.
19. Якубовский А.Ю. В беседе об основной проблеме изучения истории городов Центральной Азии. Совет филиала АН. Таджикистана из СССР. Т. XX-IX. История, археология, этнография, язык и литература. Сталинабад: Издательство филиала. - Сталинабад: Издательство филиала АН. Таджикистана. 1951. -С. 4.

ОРНАМЕНТ, НАКШПАРТОЙ ВА ПАРДОЗДИХӢ ДАР САНЪАТИ МЕЪМОРИИ АСРИМИЁНАИ ТОЧИКУ ФОРС

Санъати меъмории тоҷикон аз замонҳои қадим дар таркиббандии тамаддуни башарӣ нақши ниҳоят бузург дорад. Фаъолияти ҳунармандии мардуми тоҷик густурда буда, намунаҳои гуногуни пардоздихӣ дар иншооти мухталиф, аз қабилӣ биноҳои истиқоматӣ, ибодатгоҳҳо, даҳмаҳо ва монанди инҳо истифода шудаанд, ки аз таърихи пурғановати миллати тоҷик гувоҳӣ медиҳанд. Дар ин миён санъати меъмории гирех, паргорӣ, паргории гирех аҳаммияти махсуси худро доранд.

Бо назардошти аҳаммияти таърихӣ ва фарҳангӣ доштани санъати нақшпартоӣ, баҳус гирех дар мақолаи мазкур заминаҳои пайдоиш, ташаккул ва аҳаммияти нақшпартоӣ ва пардоздихӣ дар санъати меъморӣ халқи тоҷик мавриди таҳлил қарор дода шудааст. Дар мақолаи мазкур оид ба навъҳо ва усулҳои гуногуни нақшпартоӣ ва пардоздихӣ маълумоти муфассал оварда шудааст.

Калидвожаҳо: санъати меъморӣ, орнамент, нақшпартоӣ, пардоздихӣ, гирех, ҳунармандӣ, Осӣи Марказӣ, панно, паргорӣ, пардоз.

ОРНАМЕНТ, ЖИВОПИСЬ И ОТДЕЛКА В АРХИТЕКТУРНОМ ИСКУССТВЕ СРЕДНИХ ВЕКОВ ТАДЖИКОВ И ПЕРСОВ

Архитектурное искусство таджиков с древнейших времен играло чрезвычайно важную роль в составе человеческой цивилизации. Ремесленная деятельность таджикского народа широко распространена, в различных сооружениях, таких как жилые дома, культовые сооружения, святыни и т. д., в которых используются различные образцы декора, что свидетельствует о богатой истории таджикского народа. Между тем, искусство, архитектурное циркульно-узловое искусство имеют особое значение.

Учитывая историко-культурное значение искусства живописи, особенно узла, рассматриваемого в данной статье, анализируются зарождение, развитие и значение живописи и декора в архитектурном искусстве таджикского народа. В этой статье представлена подробная информация о различных видах и методах дизайна и орнамента.

Ключевые слова: Архитектурное искусство, орнамент, узоры, вышивка, узел, мастерство, Средняя Азия, вагонка, вышивка.

ORNAMENT, PAINTING AND DECORATION IN THE ARCHITECTURAL ART OF THE MIDDLE AGES OF TAJIKISTAN AND PERSIA

The architectural art of Tajiks has played an extremely important role in the composition of human civilization since ancient times. The handicraft activities of the Tajik people are widespread, and various designs of decoration are used in various buildings, such as residential buildings, religious buildings, shrines, etc., which indicates the rich history of the Tajik people. Meanwhile, art, architectural circular-knot art has a special meaning.

Taking into account the historical and cultural significance of the art of painting, especially the node discussed in this article, the origin, development and significance of painting and decoration in the architectural art of the Tajik people are analyzed. This article provides detailed information about the different types and methods of design and ornamentation.

Key words: Architectural art, ornament, patterns, embroidery, knot, craftsmanship, Central Asia, lining, embroidery.

Сведения об авторе: Ёкубов Алишер Ашуралиевич, ассистент кафедры методики преподавания физики и технологии материалов Кулябского государственного университета имени Абуабдулла Рудаки. Телефон: 918-27-32-73.

Information about the author: Yokubov Alisher Ashuralievich, assistant at the Department of Methods of Teaching Physics and Materials Technology, Kulyab State University named after Abuabdullah Rudaki. Phone: 918-27-32-73.

Замимаҳо:

Замимаи 1.

Замимаи 2.

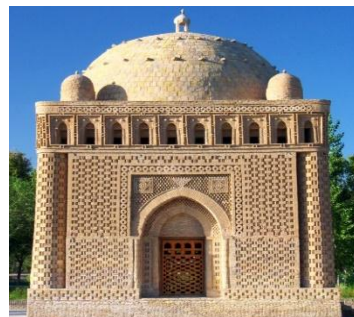
Замимаи 3.

Замимаи 4

Замимаи 5.

Замимаи 6

Замимаи 7

Замимаи 8.

Замимаи 9.

ҲУНАРИ КИТОБОРОӢ - МЕРОСИ АРЗИШМАНДИ МАРДУМИ ТОЧИК

МЕЛИКИЁН Э. Б.,

Институти таърих, бостоншиносӣ ва мардумшиносии ба номи А. Дониш

Фарҳангу ҳунари китобдорӣ ва ҳунарҳои марбут ба китоборӣ назди ниёғони мо аҳамияти вижае доштааст. Онҳо тайи раванди сохти китоб дар тӯли асрҳо, ба таҷрибаҳои худ афзуда, барои комил намудани андешаи мадди назари худ анвои ҳунарҳои тасвирӣ ва ороиширо густариш додаанд. Ҳосили он андешаву маҳоратҳои китобҳои шоҳкорест, ки зебоӣ ва вусъати бекарони он андешаҳоро барои мо нишон медиҳанд.

Имрӯз садҳо ҳазор намунаҳои китобҳои дастнавис, бо забонҳои мухталиф дар ганҷинаҳои кишварҳои Эрон, Ҳинд, Туркия, Миср, Тоҷикистон, Ёзбекистон, Русия, Ироқ, Чин, Британия, Фаронса, Покистон, Озарбойҷон ва ғайраҳо қарор доранд, ки ҳанӯз теъдоди онҳо дақиқ муайян нашудааст. Агар танҳо теъдоди дастнависҳои форсӣ ва тоҷикиро дар назар гирем, тибқи муҳосибаи шарқшинос Ч.А. Стори (1888-1968) онҳо фаротар аз 200 ҳазорро дарбар мегиранд [1, 1]. Муҳаққиқи дигаре ибраз медорад, ки «Теъдоди дастнависҳои форсии хориҷ аз Эрон ҳудуди 300 ҳазор буда, дар ҳуди Эрон 200 ҳазорро фаро мегиранд [2]. Ин гузоришҳо, ки аз лиҳози замони бо ҳам тафовути зиёде доранд, нишондиҳандаи он аст, ки агар ҳар чӣ бештар дар пайи ҷустуҷӯи ин осор бошем, теъдоди ба даст омадаи онҳо қатъан фаротар аз тасаввуроти мо хоҳад буд.

То замони мо намунаҳои бисёр олии китобҳои ороишӣфта, аз ҷумла «Ҷомеъ-ут-тавориҳ»-и Рашидуддин Фазлуллоҳи Ҳамадонӣ (1247-1318) аз асри XIV, «Калила ва Димна»-и Бойсунқур Мирзо, «Ҳамса»-и Низомӣ ва «Бӯстон»-и Саъдӣ аз асри XV, «Ҳафт Авранг»-и Ҷомӣ, «Девон»-и Ҳофиз, «Юсуфу Зулайҳо»-и Ҷомӣ ва «Зафарнома»-и Шарофиддини Яздӣ аз асри XVII, «Маҷолис-ул-ушшоқ» аз асри XVIII, «Ҳазору як шаб»-и Саниъ-ул-Мулк аз асри XIX ва анвои «Қуръон»-ҳо ва «Шоҳнома»-ҳои дар тӯли ин асрҳо тавассути ҳунармандони машҳуру номашҳур сохта шуда, дар китобхонаву ҳазинаҳои чанде аз кишварҳои дунё маҳфузанд.

Тибқи андешаи шоир ва ҳушнавис Садри Зиё китобхонаҳои муътабари Бухоро дар се маҷмуаи чамъоварӣ шудаанд ва метавон дар онҳо китобҳои камёбу гаронбаҳоро ҷустуҷӯ кард: «Нахуст китобхонаи мулло Бурҳониддини Садри қозиулқуззоти балдаи фоҳираи Бухоро, ки ин осорро аз падар ба ирс бурдааст. Дувум китобхонаи шахсии Сайид Мир Сиддиқ-тӯраи Ҳашмат – шоҳзодаву қотибе, ки худ бар асари алоиқи шахси ин осорро чамъ намудааст ва сеюм китобҳои вай, ки «Роқими азимулқадр Зиёи Садри ба ҳазор хуни ҷигар ва сарфи симу зар ҳар як аз он дурчи гуҳарро ба каф овардам ва ба сандуки сина ниҳодам» [6].

Бар асоси таҳқиқоте, ки мо дар Маркази мероси хаттии назди Раёсати Академияи миллии илмҳои Тоҷикистон доштем ва дар он чараён аз 80 нусхаи марбут ба асри XIX ҳудуди аморати Бухоро аксбардорӣ намудем, аз он миён теъдоди ангуштшуморе дорой ороишоти сатҳи миёна ва нимаҳирфай буданд. Албатта, ин амр ба он маъно нест, ки ҳазинаи ин давра ва ин минтақа аз китобҳои беназир ва зарифу нафис холӣ бошад, балки сатҳи дастрасии марказҳои ниғаҳдории ин китобҳо дар Осиёи Миёна мухталиф аст. Барои мисол хангоме, ки мо ба Бухоро, Самарқанд сафар намудем дар осорхонаҳои гуногуни онҳо китобҳои рангинтари давраи мазкурро мушоҳида намудем. Албатта, бояд чунин ҳам интизор биравад,

зеро он шахрҳо макони сертараддуд ва фаъолияти бештари хунармандону китобороён будааст.

Расми 2. Таърихи Муқимхонӣ ва Банокатӣ. Котиб Муҳаммад Юсуф. 1821. Маркази мероси хатгини назди Раёсати АМИТ.

Вазъи хунари китобороии аморати Бухоро дар асри XIX ба далели рӯйдодҳои нобасомон ва парокандагиҳои сиёсӣ иқтисодӣ, раванқи чандоне мисли гузашта надошта, ба қадри имкон ва саъйю тавони хунармандон дар ҷараён будааст. Ҳатто вазъи фаъолияти фарҳангӣ дар ин давра дар хонигарии Хева ва Хуқанд то андозае бехтар аз аморати Бухоро буд [3,21].

Аҳмади Дониш роҷеъ ба вазъи иҷтимоӣ ва китобдорӣ он давра чунин менависад: «Азбаски бозори фазлу хунар ба аворизи дохиливу хориҷӣ касоду нороиҷ буд, абноӣ рӯзгор тавдвину таълифи ибороту нукотро мафруғанху доништа, гумон мекарданд, ки аз барои қарди он қуввати иҷтиҳодия ё кашфу вилоят ба қор аст. Ва ҳол он, ки дар мамолики Эрону Ислумбул ва Фарангистон ҳарсола зиёда аз понсад китоб дар қаъидаи фунуну улум мудаввану муаллаф мешавад, ки соҳибони он ҳанӯз зиндаанд» [4,21].

Дуруст аст, ки дар тӯли ин сада хиёнатҳо ва поймолии арзишҳои илмӣ, иҷтимоӣ ва хунари ба китобу хунари китоборӣ латмаҳое ворид намуд, аммо чунин падида натавонист ба таври комил монеи тавлиди осори дастанависи хунари гардад. Бо вучуди ин, ки рафтори синфи ҳокими аморат ба далелҳои зиёд ба маълум аст, вале табақаи ашроф бар асоси салиқаи замону маконе, ки дар он буданд, умурро пеш мебарданд. Маълум аст, ки аксарияти ҷомеаи асри мазкур мазҳабитар аз гузашта буданд, ба ҳамин хотир агар масалан дар давраи амир Насруллоҳ китобҳои нодир тороч мешуданд, аз тарафе ҷиҳати ҳифзи ҷойгоҳу обрӯ миёни мазҳабӣ, рӯйнависӣ ва тақрири осори мазҳабӣ тарғибу ҳимоя мешуд.

Ҳарчанд китобҳои сохти асри XIX, ки дар осорхонаву китобхонаҳои дохил ва хориҷи кишвар қарор доранд, аз баъзе лиҳозҳо бо шохқорҳои давраҳои қаблтар чандон қобили муқоиса нестанд, вале ба ҳар сурат дар онҳо ҳанӯз оҳангу зарофати сохти китоб ва рӯҳияи хунармандони давраҳои шуқуфои китобороии ниёгонамон эҳсос мегардад.

Бояд ишора намуд, ки хунари китоборӣ дар навбати худ анвои хунарҳои дигарро дар бар дорад, ки маҷмуи онҳо китобҳои ороишӣ ва хушсифатро фаро мегиранд. Аз он ҷумла намунаҳои тазҳиб, ташъир, нигоргарӣ (миниатюра), ҷадвалкашӣ, анвои тасвиргариву наққошӣ, муқовасозиву ҷилдсозӣ, афшонгарӣ бо рангҳои мухталиф, ниёғони мо офаридаанд, метавон дид. Албатта, ин осор аз лиҳози сатҳи сифат ва маҷмуи хунарҳое, ки дар онҳо истифода шудааст, дар ҳолатҳои гуногун қарор доранд. Масалан, на ҳамаи онҳо дорои тамоми хусусиёти китоборӣ ҳастанд ва ё масалан, агар аз лиҳози хушнависӣ ҳирфай қор шуда бошанд, аз дигар лиҳозҳо сифатан заъф доранд ва ё баръакс.

Ба таври мисол намунаҳое вучуд доранд, ки тазҳиб, тасвиру нақшҳо дар онҳо сифатан поён аст, вале хушнависӣ дар онҳо қайфияти хуб дорад, мисли «Таърихи Муқимхонӣ ва Банокатӣ», ки соли 1821 рӯнависӣ шудааст (расми 2). Ин маврид низ вучуд дорад, ки ҷилд, қоғаз, тазҳибу ташъир ва хушнависӣ ҳамагӣ истифода шудаанд, аммо сифатан дар сатҳи поёне қарор доранд, мисли «Бадоеъ-ул-вақоъ»-и Зайниддин Маҳмуди Восифӣ, ки соли 1848 рӯнависӣ шудааст. Он нусхаҳои нодир, ки ба истилоҳ ҳамаҷониба ва бо диққату зарофат офарида шудаанд, нишондиҳандаи арзишгузорӣ, сармоя гузорӣ ё ҳимояест, ки барои китоборӣ дар назар гирифта

мешуд, мисли «Равзат-ус-сафо»-и Ховандии Ҳиротӣ, ки соли 1872 рӯйнависӣ шудааст (расми 1).

Вале ҳамон тавр, ки қаблан зикр шуд, ба нудрат метавон нусхаҳои орошёнтарини хирфаиро дар марказҳои ҳифзи дастнависҳо, осорхонаҳо ва дигар маконҳои нигоҳдории китобҳо вохӯрд. Аз он ҷумла, метавон ба Куръони таълифу тадвиншуда дар асри XIX ишора кард, ки дар ниҳояти зебоӣ эҷод ва сохта шудааст (расми 3). Намунаи дигаре аз китоби зинатёфта мансуб «Маснавии Маънавӣ»-и Мавлоно Ҷалолуддини Балхӣ мебошад, ки имрӯз дар Осорхонаи миллии Тоҷикистон ҳифз ва нигоҳдорӣ мешавад. Дар ин намуна нақшҳои гуногунро ҷонварӣ атрофи матни китоб тасвир ёфтаанд (расми 4).

Аз ин рӯ, ки сохту таълифи чунин нусхаҳо нисбат ба нусхаҳои маъмулӣ замони бештаре ниёз дошт, бинобар ин миқдорашон нисбатан камтар аст. Омили баъдӣ ин, ки ба далели гаронбаҳо будани чунин осор на ҳамаи афрод метавонистанд онҳоро аз хунармандон дархост кунанд ва ё ба осонӣ дастрасӣ пайдо намоянд. Аз дигар сабабҳо ба андешаи Б. В. Лунин интиқоли ҳаҷми зиёди дастнависҳо ба хориҷ аст, аз ин рӯ мавсуф гуфтааст: «агар аз мардуми таҳҷоии Осиёи Миёна шахси китобхонадоре вафот кунад, мероси ӯ, аз ҷумла китобҳои тавассути меросбарони ӯ тақсим мешуд, дастнависҳо фурӯхта шуда, ё худ ба ворисонаш ҳадя дода мешуданд ва дар бадтарин ҳолат онҳоро барои муқовасозон ҷиҳати сохти чилд бо арзиши ночизе мефурӯхтанд» [5,74].

Бинобар ин метавон чунин натиҷа гирифт, ки вазъи сохту ороиши китобҳо дар ин давра то солҳои 80-90-ум хеле ҳам хароб набуда, танҳо ҳаҷми ками ин дастнависҳои то ба мо расида авзоъ ва шароитро нисбатан ноқис нишон медиҳанд. Агар авомили дар боло зикр шударо мадди назар қарор диҳем ва тасаввур кунем, ки агар нусхаҳо чунин маҳву торочу ба хориҷ интиқол дода намешуданд, ҳосили баррасии вазъи китобсозиву китоббории ин давра самараро дигаре дошт. Албатта, торочу нопадид шудани китобҳои дастнавис махсуси асри XIX набуда, ҷигунагии ин масъала дар давраи Шуравӣ ва замони мо низ ба таҳқиқоти ҷудоғона ниёз дорад.

Нақши муҳимро андозаи китоб, миниатюра ва тасвирҳои орошӣ, нақшҳо, ҳамоҳангии барғаҳои рангомезишуда, сарлавҳҳои гуногуншакл, таркибу андозаи хатҳои ҷадвал, ҳамхонии матну хошияҳои саҳифа ва хусусияти сабки хатҳо мебозид [7,8]. Бад-ин тартиб ба андешаи шарқшинос И. Т. Султонов «баҳои китобҳои дастнавис на танҳо аз сифати мавод вобаста аст, балки беш аз он ба шухрати устодии котиб ва чилдсоз пайвастагӣ дорад ва ё агар он китоби мусаввар бошад, дар ин сурат шухрати нигоҳдор ва нақшош дар таъйини арзиши китоб нақш дорад [8].

Он баҳши китоборӣ, ки яке аз аслитарин унсурҳои ороиши китоб аст, ин «миниатюра» мебошад, ки китобҳои давраи мазкур тақрибан аз он маҳруманд. Дар Бухорои асри XIX ба тасвирҳои андозаҳои кӯчаку бузург «тасвир» ва ба тасвиркунанда «мусаввир» мегуфтанд. Масалан чунин истилоҳро мо дар рубоии Аҳмади Дониш низ мушоҳида намудем, ки он рубоӣ дар саҳифаи 97-уми рисола тозакашфшудаи «Канз-ур-румуз» оварда шудааст.

Дар санъати тасвир назирам чун нест,
Дархур бошад, ки хони Бехзод маро.

Расми 4. Маснави маънави Мавлоно Балхӣ.
Хатт-нависӣ, нақшҳои ҷонварӣ ба соли 1874, Ташкент.

хунархо аз лихозии тахассусӣ, илмӣ ва хунари арзёбӣ мешавад. Муаллиф ба ин натиҷа мерасад, ки хунари асили китоборӣ, ки аз фарҳангу маънавиати ниёгони тоҷик дарак медиҳад, имрӯз низ ба қадри кофӣ ва зарурӣ муҳим буда, дар рушди хунари муосир ва муаррифии хунари ниёгон сахме дошта бошад. То замони мо намунаҳои бисёр олии китобҳои ороишӣ, аз ҷумла «Хамса»-и Низомӣ ва «Бӯстон»-и Саъдӣ аз асри XV, «Хафт Авранг»-и Ҷомӣ, «Девон»-и Ҳофиз ва «Зафарнома»-и Темурӣ аз асри XVI, «Юсуфу Зулайхо»-и Ҷомӣ ва «Зафарнома»-и Шарофиддини Яздӣ аз асри XVII, «Маҷолис-ул-ушшоқ» аз асри XVIII, «Ҳазору як шаб»-и Саниъ-ул-Мулк аз асри XIX ва анвои «Қуръон»-ҳо ва «Шоҳнома»-ҳои дар тӯли ин асрҳо тавассути хунармандони машхуру номашхур сохта шуда, дар китобхонаву ҳазинаҳои ҷанде аз кишварҳои дунё маҳфузанд.

Дар мақола атрофи ҷигунагии хунари китоборӣ, раванди тақомул ва таназзули он, шарҳи хусусиёти он изҳори назар шудааст. Муаллифи мақола, ки худ мустақиман бо осори хушнависӣ ва катби ниёгон ошно аст ва таҳқиқоте анҷом додааст, ғушае аз таҳқиқоти худро дар шакли мақола барои хонандагон пешкаш менамояд.

Калидвожаҳо: *китоборӣ, хунари китоборӣ, хунармандон, хунари хушнависӣ, Бухоро, ниғоргарӣ, тақрира, минҷур, Вароруд, тасвиргарӣ, хаттот, дастнавишта.*

ИСКУССТВО КНИГОФОРМЛЕНИЯ – ЦЕННОЕ НАСЛЕДИЕ ТАДЖИКСКОГО НАРОДА

Искусство книгоформления является одной из важных частей культурного наследия иранских народов, особенно Хорасана, Вароруда и Ирана. В Средней Азии, благодаря слиянию исламской культуры с культурой местного населения получили развитие искусства, особенно искусство каллиграфии и книгоформления, появился ряд выдающихся каллиграфов. Каллиграфия и книгоформление считались своеобразным, изящным ремеслом для деятельности и доходной профессии наших ремесленников. В статье рассмотрены части искусства XIX века которые оцениваются исследователями, а также неизученные части этих ремесел с профессиональной, научной и художественной точки зрения. Автор приходит к выводу, что самобытное искусство книгоформления, показывающее культуру и духовность предков таджиков, попрежнему достаточно важно и необходимо, чтобы способствовать развитию современного искусства и представлению искусства предков. До нашего времени сохранилось множество прекрасных образцов оформления книг, в том числе «Хамса» Низами и «Бӯстон» Саади XV века, «Хафт Авранг» Джами, «Девон» Хафиза и «Зафарнама» Темури XVI века, «Юсуф и Зулайхо» Джами и «Зафарнама» Шарофиддина Язди 17 века, «Маджалис-уль-Ушшак» 18 века, «Тысяча и одна ночь» Сани-уль-Мулька XIX века и «Кораны» и «Шахнома», которые были созданы на протяжении этих столетий известными и неизвестными художниками и хранятся в библиотеках и сокровищницах ряда стран мира.

В статье описывается природа искусства книгоформления, процесс его развития и упадка, а также объясняются его особенности. Автор статьи, непосредственно знакомый с произведениями каллиграфии и письменности своих предков и прошедший исследования, предоставляет для читателей часть своих исследований в виде статьи.

Ключевые слова: *книгоформление, искусство книгоформления, художники, искусство каллиграфии, Бухара, живопись, миниатюра, Вароруд, каллиграфия, почерк, стиль.*

THE ART OF BOOK DESIGN – A VALUABLE HERITAGE OF THE TAJIK PEOPLE

The art of book design is one of the important parts of the cultural heritage of the Iranian peoples, especially Khorasan, Varorud and Iran. In Central Asia, thanks to the fusion of Islamic culture with the culture of the local population, art developed, especially the art of calligraphy and book design, a number of outstanding calligraphers appeared. Calligraphy and book design were considered a unique, elegant craft for the activity and profitable profession of our artisans. In the article, the considered parts of the art of the 19th century are assessed by researchers, as well as unreviewed parts of these crafts from a professional, scientific and artistic point of view. The author comes to the conclusion that the original art of book design, showing the culture and spirituality of the ancestors of the Tajiks, is still quite important and necessary to contribute to

the development of modern art and the presentation of the art of ancestors. Many beautiful examples of decorated books have survived to this day, including Nizami's Khamsa and Saadi's Buston of the 15th century, Jami's Haft Awrang, Hafiz's Devon and Temuri's Zafarnama of the 16th century, Jami's Yusuf and Zulaikho and Sharofiddin Yazdi's Zafarnama of the 17th century, Majalis-ul-Ushshak of the 18th century, Sani-ul-Mulk's One Thousand and One Nights of the 19th century, and the Korans and Shahnoma were created over these centuries by famous and unknown artists and are stored in libraries and treasuries in a number of countries around the world.

The article describes the nature of the art of book design, the process of its development and decline, and explains its features. The author of the article, who is directly familiar with the works of calligraphy and writing of his ancestors and has conducted research, presents part of his research to readers in the form of an article.

Key words: *book design, art of book design, artists, art of calligraphy, Bukhara, painting, painting, miniature, Varorud, painting, calligraphy, handwriting, style.*

Сведения об авторе: Меликиён Эраджи Бахромзод - докторант (PhD) Института истории, археологии и этнографии им. Ахмад Дониша Национальной академии наук Таджикистана: Тел. (+992) 987-811-811; эл. почта: erajrom@yandex.ru

Informatuon about the author: Melikion Erajji Bahromzod - (PhD) student of the Institute of history, archeology and ethnography named after Ahmad Donish of the National academy of sciences of Tajikistan: Tel: (+992) 987-811-811; E-mail: erajrom@yandex.ru

УДК: 027.7 : 02 : 929 : 94 (575) : 39

КОЛЛЕКЦИЯ КНИГ М. С. АНДРЕЕВА В ЦЕНТРАЛЬНОЙ НАУЧНОЙ БИБЛИОТЕКЕ ИМЕНИ ИНДИРЫ ГАНДИ НАЦИОНАЛЬНОЙ АКАДЕМИИ НАУК ТАДЖИКИСТАНА

БЕРДИЗОДА Ё. А.,

Институт истории, археологии и этнографии им. А. Дониша

Библиотечный фонд М.С. Андреева был приобретен Центральной научной библиотекой АН Таджикской ССР в 1967 году. Этот фонд, состоит из 1760 экз. книг, журналов и рукописей. Главное содержание фонда – богатый научный и полевой материал по востоковедению, истории и этнографии среднеазиатского региона.

В фонде хранится литература по истории, культуре и экономике Средней Азии, Афганистана, Китая, Индии, также собрана литература по истории и этнографии Туркестана, путевые очерки Евгения Маркова, Петра Ивановича Пашино, Александра Нечаева, Дмитрия Логофета и других выдающихся личностей. Несомненный интерес представляют издания произведений Садриддина Айни, Джаллола Икрами, Мирсаида Миршакара, подборка первого таджикского общественно-политического и литературно-художественного журнала «Рахбари дониш» за 1927-1930 гг. [9,18].

Основным направлением научных исследований М.С. Андреева являлось изучение быта и языков народов Средней Азии, и особенно Таджикистана. Кроме того, он занимался историей, археологией, фольклором и искусством среднеазиатских народов. Также М.С. Андреева считают одним из организаторов советской науки, культуры и просвещения. Интересно проследить, как его биографические факты, деятельность и склонности, отражаются в его библиотечном фонде.

Первая книга, с которой, очевидно, начиналась библиотека М.С. Андреева Н. Бунаков «В школе и дома; Книга для чтения» (СПб., 1878). На ней надпись; круп-

ным ученическим почерком «Воспитанник IV класса Туркестанской учительской семинарии Михаил Андреев» [6].

С 1893 г. начинается педагогическая деятельность М.С. Андреева, которая продолжается с перерывами до 1918 г. Большой трудностью в педагогической работе того времени было отсутствие учебных пособий. М.С. Андреев в 1896 г. составляет учебник узбекского языка, и попутно им собирается библиотечка учебников, хрестоматий, словарей узбекского, таджикского, туркменского, киргызского языков. В дальнейшем эта часть фонда пополняется изданиями 20-30-х годов XX в.

В 1895 г. в Ташкенте организуется Туркестанский кружок любителей археологии, внесший значительный вклад в изучение Средней Азии. М.С. Андреев - активный его член на протяжении всего периода существования кружка (1895-1917) [5].

Библиотека ученого пополняется материалами, связанными с деятельностью кружка: «Протоколы заседаний и сообщений членов» за целый ряд лет, отдельно изданные доклады, сделанные на заседаниях; и самое первое издание, положившее начало деятельности кружка, - брошюра под названием «Открытие Туркестанского кружка любителей археологии 11 декабря 1895 г.» (Ташкент, Типолитография бр. Порцевых, 1895).

В 1896 г. М.С. Андреев по рекомендации В.П. Наливкина работает секретарем А.А. Половцева, изучающего переселенческое дело. Фонд М.С. Андреева пополняется значительным количеством изданий Переселенческого управления и Главного управления землеустройства и земледелия, содержащих богатый статистический и описательный материал по экономическому положению Туркестанского края.

Поездка с А.А. Половцевым, назначенным генеральным консулом в Бомбей, а затем работа в качестве к.о. вице-консула во французских колониях в Индии и Индо-Китае пополняют библиотеку ученого солидным собранием книг по Индии.

В 1915 г. в Петрограде вышла книга В.В. Заорской и К.А. Александра «Промышленные заведения Туркестанского края», в первой части которой по областям, а во второй - по отраслям, с большим количеством карт, диаграмм и статистических таблиц, дана характеристика промышленности Туркестана по состоянию на 1914 г.

В фонде также хранятся изданные после революции статистические материалы, свидетельствующие о том, что М.С. Андреева интересовали проблемы экономического положения и социальных изменений в Средней Азии после революции. Имеются исследовательские работы из области социально-политических преобразований; сборники Института Средазбюро ЦК ВКП(б) «Революция в Средней Азии» (Ташкент: Правда Востока, 1928-1929) и «Революция и культура в Средней Азии» (Ташкент, 1934) и др.

Стоит остановиться на книге Г.К. Ризенкампа, интересной для историков ирригационного строительства. Свою книгу автор посвящает русским ирригаторам, работавшим в Туркестане с 1910 по 1918 гг. С восторгом говорит он о перспективах оживления края и с горечью о том, как мало уделялось царским правительством внимания этому делу, и все надежды возлагает на созданное после Великой Октябрьской революции Управление ирригационных работ в Туркестане [8].

В 1934 г. М.С. Андреев был приглашен на должность консультанта по среднеазиатскому искусству в Музей искусств УзССР. Огромную энергию вложил он в собирание экспонатов и организацию среднеазиатского отдела музея.

Велики заслуги М.С. Андреева в изучении таджикской истории и этнографии. В 1943 году М.С. Андреев, определяя задачи этнографической экспедиции в Рущан и долину Хуф, отмечал: «В верховьях реки Пяндж, в глухих замкнутых высокогорных долинах, сдавленных Гиндукушем и Памиром, очень труднодоступных, из-за их крайней изолированности (открывающихся для связи с внешним миром только на самое короткое время года) сохранились до наших дней восточно-иранские языки языки древнейшего населения Средней Азии и дошли до нас в виде реликтов следы удивительных обычаев и переживания первобытных этапов культуры. Эта сокровищница для науки, для понимания жизни самого отдаленного прошлого Средней Азии. Но с проведением после установления Советской власти автомобильных путей и установлением воздушного сообщения остатки старобыта исчезают с невероятной быстротой» [1,155].

В 1944 году Михаила Степановича Андреева пригласили в Ташкент для работы в Академии наук Узбекской ССР и в одном из своих писем он писал: «Я рад, что получаю отзвук в руководстве новой Академии. Но я должен работать в Таджикистане. Жить осталось мало, и нужно скорее обрабатывать и подытожить сделанное, собранное и требующее обработки, а его так много» [10].

В 1947 г. М.С. Андреев провел большую работу по организации Музея археологии и этнографии Института истории, языка и литературы ТФАН СССР. Эта сторона деятельности М.С. Андреева отразилась в фонде книгами по искусству вообще, народному и прикладному в частности, и книгами по методике организации музейной работы.

История народов Средней Азии представлена как публикациями источников, так и исследовательскими работами Г.Вамбери, А.И.Добросмыслова, В.В. Бартольда, А.Е. Крымского, Н.Я. Бичурина и др. Особенно полно представлен период присоединения Средней Азии к России. Большой историко-этнографический и географический материал содержится в путевых очерках и записках П.И. Пашино, Ев. Маркова, Д.Н. Логофета, Абд-ур-Рауфа, А.В. Нечаева. Судя по фонду, М.С. Андреев придавал большое значение трудам путешественников и другим свидетельствам очевидцев и охотно собирал их. В них он, очевидно, находил интересный этнографический материал, о чем говорят многочисленные пометки в этих книгах. Помимо того, этнографическая литература представлена работами самого М.С. Андреева и целым рядом других работ.

К этнографической литературе примыкают работы по обычному праву. Археология Средней Азии представлена работами Туркестанского кружка любителей археологии и многими работами советских авторов.

В фонде хранится много работ Е.Д. Поливанова, В.П. Наливкина, З.А. Алексеева, О.А. Сухаревой, Б. Ниязмухаммедова, Ш. Ниязи, Р.Л. Неменовой. Имеется несколько редких изданий. Среди них - первый русско-таджикский словарь Ш. Хатымтаева (Русско-таджикский словарь: Руководство, как без посторонней помощи выучиться говорить русским по-таджикски и таджикам по-русски. Новая Бухара, 1899) [3,127], хрестоматия для малограмотных (Хашимов Р. Новый мир. Ташкент; Дюшамбе. Таджгиз, 1928).

Интересен сборник Б. Лапина и З. Хацревина «Новый Хафиз» (М., 1933), в который включены как стихи «классического» Хафиза (подлинные), так и стихи «народного» Хафиза. Составители собрали их в городах и кишлаках Таджикиста-

на и Ирана. Народ приспособил и переиначил стихи Хафиза или создал свои по типу «Хафиз сказал бы это так...».

Из литературоведческих работ представляют интерес труды Е.Э. Бертельса, А.Е. Крымского, четырехтомная «История персидской литературы» Э.Г. Брауна. В фонде имеется перевод «Гулистана» Саади на французский язык [11], снабженный обширными историческими и грамматическими примечаниями и критический обзор четверостиший Омара Хайяма «Critical studies in the rubaiyat of Umar-i-khayyam. A revised text with English translation». (Kobenhavh, 1927. 180 p.), опубликованный Артуром Кристенсенсом.

Литература по искусству Средней Азии включает работы по архитектуре, изобразительному искусству, народным промыслам (Б.В. Веймарн, К.В. Тревер, И.А. Орбели, А.А. Семенов, В.Н. Чепелев, Н.М. Бачинский, В. Беляев и др.).

Библиографических работ в фонде М.С. Андреева немного. По Средней Азии их всего несколько. Любопытен библиографический «Указатель литературы по Самарканду и Самаркандскому краю» - составленный Г.М. Семеновым и П.В. Вилькошевским (Самарканд, 1935.), в который вклеено сопроводительное письмо, адресованное М.С. Андрееву, с просьбой сделать замечания. В книге сохранилось начало черновика ответного письма, в котором сказано: «Ваша работа настолько важна и привлекательна, что, по моему мнению, каждый культурный человек в Средней Азии должен стараться помочь, чем может». Далее следует ряд частных замечаний.

К среднеазиатской литературе примыкает литература по Ирану и Афганистану. В фонде хранятся 3 тома сборника статей «Иран» (1927-1929) под редакцией В.В. Бартольда, задуманные как периодический орган по иранистике. Интересны издания по истории и этнографии Ирана «Патканьян К. Опыт истории династии Сасанидов по сведениям, сообщенным армянскими писателями. (СПб., 1863); «New York, 1875; Vol.1-2», «Rawlinson G. Bactria.» (London, 1912); «Laufer V. Sino-iranica», (Chicago, 1919) и др.

Очень ценным приобретением для библиотеки является многотомный «Сборник географических, топографических и статистических материалов по Азии». Это издание содержит богатейший материал по странам Азии и Средней Азии в частности. Любопытна сводка о путешествиях от античности до XIX в. включительно: Пособие к лекциям по истории Востока. Ч.1. Путешественники по Азии. Издание студента Э.И. Мауринг. (СПб, 1901).

Значительную часть материалов составляет литература по исламу. В фонде хранится первое четырехтомное издание энциклопедии ислама на английском языке «The Encyclopedia of Islam» (Leyden; London, 1913-1936. Vol.1-4.); словарь T.R. Hughes. Dictionary of Islam (London, 1895); два издания переводов Корана на русский язык (1865 и 1877 гг. издания) и целый ряд исследований русских и зарубежных ученых.

В фонде собрано большое количество словарей языков среднеазиатских народов. Помимо этого, имеются словари персидского, арабского, турецкого, осетинского, уйгурского, пушту, хинди и других языков.

В собрании имеются труды востоковеда Агафангела Ефимовича Крымского, многочисленные дневники, воспоминания, справочники, карты по истории Востока. Среди раритетов находится уникальная работа Эдварда Брауна «История персидской литературы», которая состоит из четырех томов и пользуется особой популярностью среди читателей.

Также в фонде хранятся «Справочные книжки Самаркандской области» и «Обзоры Самаркандской области» изданные Самаркандским областным статическим комитетом, выпущенные в 1913 г. в г. Ташкенте. В фонде имеется книжечка, которую можно считать памятником энтузиазму М.С. Андреева – ученого и организатора просвещения в Средней Азии. Это сборник «Туркестанский восточный институт» (г. Ташкент, 1922). Хранящийся в библиотеке экземпляр не имеет титульного листа, обложки и выходных данных. Текст написан от руки разными почерками и напечатан стеклографическим способом на очень плохой бумаге [3,125].

Будучи востоковедом широкого профиля, М.С. Андреев собрал в своей библиотеке большую и разнообразную литературу. Весь фонд М.С. Андреева включает 1050 книг на русском языке, 324 книги на европейских языках, 191 экз. книг и рукописей на персидском и арабском языках и 79 названий журналов на русском и на других иностранных языках.

Значение личной библиотеки М.С. Андреева огромно для нашей современной науки, ибо, как образно заметил академик Дмитрий Лихачев: «Книжная коллекция отражает личность владельца, его интересы. Расформировать такое собрание при поступлении в фонды хранилища – это все равно, что разбирать произведение архитектуры на отдельные камни» [4,16]. Поэтому ответственные сотрудники библиотеки очень бережно относятся к нему.

Многие книги в фонде М.С. Андреева снабжены автографами и дарственными надписями всемирно известных ученых-знакомых Михаила Степановича Андреева, а также заметки самого ученого на титульных листах. По их характеру можно в какой-то мере судить о личности ученого, его научных связях, взаимоотношениях с другими учеными. Эти надписи и автографы в книгах делают фонд уникальным и придают ему особую ценность так, как больше нигде невозможно встретить такие оригинальные экземпляры с дарственными и памятными надписями выдающихся личностей.

Необходимо отметить, что особое место в личных фондах ЦНБ НАНТ занимает переписка востоковедов друг с другом, с деятелями отечественной культуры, с учеными других специальностей. В эпистолярном жанре востоковеды, как отмечал в свое время С.Ф. Ольденбург, выступали зачастую более свободно и откровенно, чем в своих докладах и печатных работах. Это обстоятельство придает особую историческую ценность эпистолярному наследию востоковедов. Даже поверхностное знакомство с их перепиской позволяет говорить о востоковедении как о существенной и органической части отечественной культуры [7, 3].

Интересы М.С. Андреева не ограничивались только этнографией таджикского народа. В его фонде имеется значительное количество книг по истории России и Западной Европы, встречаются исследования по педагогике. Очень широко представлена литература по географии и проблемам организации науки.

Коллекция произведений художественной литературы в сравнении с коллекцией научных работ в фонде М.С. Андреева невелика, по ней можно определить литературные пристрастия ученого.

Кроме профессиональной научной деятельности М.С. Андреев проявлял интерес к советской таджикской литературе. В его фонде хранятся экземпляры книг известных советских писателей современной таджикской литературы, таких как С. Айни, М. Миршакар, М. Турсунзаде, Дж. Икром и ряд других советских писателей. Необыкновенную ценность представляет сборник таджикских, классических поэтов, составленный Садриддином Айни (Образцы таджикской литературы. М., 1926).

Следует отметить, что кроме библиотечного фонда у М.С. Андреева ещё имеется и личный архивный фонд в котором собраны все его документы, рукописи и личные материалы. Данный архив был собран его супругой и соратником Антониной Константиновной Писарчик и передан в архив Института истории, археологии и этнографии им. А. Дониша АН Республики Таджикистан.

Согласно утверждению А.К. Писарчик, личный фонд ученого в 1988 г. был передан в архив Академии наук Таджикистана, но судьба распорядилась так, что он несколько раз перевозился из одной организации Академии наук Таджикистана в другую, в результате чего часть его была утрачена. Сохранившиеся в этнографическом архиве Института истории, археологии и этнографии им. А. Дониша Национальной академии наук Таджикистана документы М.С. Андреева являются наиболее полным собранием его научного наследия на сегодняшний день. Однако, до настоящего времени они не были полностью введены в научный оборот за исключением его фундаментальных трудов, подготовленных А.К. Писарчик и ее коллегами с 1949 по 1975 гг. [2, 21].

Книжная коллекция и личный архив учёного может заинтересовать не только ученых-востоковедов, историков, этнографов, но и исследователей творчества самого М.С. Андреева.

ЛИТЕРАТУРА

1. Акрамова Х.Ф., Акрамов Н.М. Востоковед Михаил Степанович Андреев [Текст]: научно-биографический очерк/Под ред. Б.А. Литвинского. – Душанбе: Ирфон, 1973. – 224 с.
2. Додхудоева Л. Научное наследие А.А. Семенова и М.С. Андреева (архивные документы). – Душанбе, 2013. – 265 с.
3. Лейви Д.С. Книжное собрание М.С. Андреева в Центральной научной библиотеке АН Таджикской ССР//Этнография Таджикистана: Сб. статей. – Душанбе, 1985. – С.124-131.
4. Лихачев Д. Мост в будущее//Альманах библиофила. – М., 1981. – Вып. 2. – С.16.
5. Лунин Б.В. Из истории русского востоковедения и археологии в Туркестане: Туркестанский кружок любителей археологии (1895-1917). – Ташкент, 1958. – 320 с.
6. Писарчик А.К. Михаил Степанович Андреев//Труды АН ТаджССР. 1960, Т. 120. – С.3-20.
7. Письменные памятники и проблемы истории культуры народов востока: XXIII годичная научная сессия ИО ИВ АН СССР. Материалы по истории отечественного востоковедения/Отв. ред.: В. Соболев, Э.Н. Темкин. – М., 1990. – Ч. 3. – 252 с.
8. Ризенкамф Г.К. Проблемы орошения Туркестана. – Вып. 1: Оросительная хлопковая программа. – М., 1921. – 166 с.
9. Центральная научная библиотека Академии наук Таджикской ССР: Краткий очерк-путеводитель/Авт. - сост. А.А. Аслитдинова. – Душанбе: Дониш, 1982. – 46 с.
10. Шерматов Г. Исследователь таджикского народа: «Я должен работать в Таджикистане» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.Url: https://asiaplustj.info/ru/ node/259970.
11. Sadi de Chiraz Moslih - Eddin. Gulistan, ou Le Parterre-de-fleurs. – Paris, 1834. – 438 p.

КОЛЛЕКСИЯИ КИТОБҲОИ М. С. АНДРЕЕВ ДАР КИТОБҲОИ ИЛМИИ БА НОМИ И. ГАНДИИ АКАДЕМИЯИ МИЛЛИИ ИЛМҲОИ ТОҶИКИСТОН

Дар мақола таърихи ба даст овардани китобхонаи шахсии Михаил Степанович Андреев ва хусусиятҳои он дар системаи фондҳои шахсии Китобхонаи марказии илмии ба номи И. Гандии Академияи миллии илмҳои Тоҷикистон баррасӣ гардидааст. Инчунин санаҳои асосии ҳаёт ва фаъолияти илмии олим таҳлил ва мушаххас карда шудаанд. Баъзе тафсилоти экспедитсияи М.С. Андреев дар бораи Осиёи Миёна, инчунин саҳми илмии ӯ дар омӯзиши таърихи этнография ва маданияти халқи тоҷик таҳқиқ шудааст.

Самти асосии тадқиқоти илмии М.С. Андреевро омӯзиши таърих, бостоншиносӣ, фолклор ва санъати халқҳои Осиёи Миёна ташкил медиҳанд. Хизматҳои Михаил Степанович Андреев дар соҳаи илм хеле бузург арзёбӣ гардида, ӯро ҳатто яке аз ташкилотчиёни илм, фарҳанг ва маорифи Шуравӣ эътироф намудаанд. Тамоми далелҳо доир ба ҳаёт ва фаъолияти М.С. Андреев ва майлу рағбатҳои илмии ӯро, ки дар фонди шахсии китобхонаи инъикос ёфтаанд, муайян кардан мумкин аст.

Калидвожаҳо: китобхона, фонди шахсӣ, адабиёт, таҳқиқот, этнография, экспедитсия, Осӣи Марказӣ, илм, бойгонӣ, фарҳанг.

КОЛЛЕКЦИЯ КНИГ М.С. АНДРЕЕВА В ЦЕНТРАЛЬНОЙ НАУЧНОЙ БИБЛИОТЕКЕ ИМЕНИ И. ГАНДИ НАЦИОНАЛЬНОЙ АКАДЕМИИ НАУК ТАДЖИКИСТАНА

В статье рассматривается история приобретения личной библиотеки М.С. Андреева и его особенности в системе частных коллекций Центральной научной библиотеки имени И. Ганди Национальной Академии наук Таджикистана. Анализированы и уточнены основные даты жизни и научная деятельность учёного. Определены некоторые детали экспедиции М.С. Андреева по Средней Азии, а также его научный вклад в изучение истории этнографии и культуры таджикского народа.

Основным направлением научных исследований М.С. Андреева являлось изучение быта и языков народов Средней Азии, и особенно Таджикистана. Кроме того, он занимался историей, археологией, фольклором и искусством среднеазиатских народов. Также М.С. Андреева считают одним из организаторов советской науки, культуры и просвещения. Интересно проследить, как его биографические факты, деятельность и склонности, отражаются в его библиотечном фонде.

Ключевые слова: библиотека, личный фонд, литература, исследование, этнография, экспедиция, Средняя Азия, наука, архив, культура.

COLLECTION OF BOOKS BY M.S. ANDREEV IN THE CENTRAL SCIENTIFIC LIBRARY NAMED AFTER I. GANDHI OF THE NATIONAL ACADEMY OF SCIENCES OF TAJIKISTAN

The article discusses the history of the acquisition of the personal library of M.S. Andreev and its features in the system of private collections of the Central Scientific Library named after I. Gandhi of the National Academy of Sciences of Tajikistan. The article also analyzes and identifies the main dates in the life of M.S. Andreev, his expeditions in Central Asia, scientific research, activities and his scientific contribution to the study of the history of ethnography and culture of the Tajik people.

The main direction of M.S. Andreev's scientific research was the study of the life and languages of the peoples of Central Asia, and especially Tajikistan. In addition, he studied history, archaeology, folklore and art of Central Asian peoples. M.S. Andreev is also considered one of the organizers of Soviet science, culture and education. It is interesting to trace how his biographical facts, activities and inclinations are reflected in his library collection.

Key words: library, personal fund, literature, research, ethnography, expedition, Central Asia, science, archive, culture.

Сведения об авторе: Бердизода Ёдгорбек Ардашер – соискатель Института истории, археологии и этнографии им. А. Дониша НАНТ; Телефон: (+992) 987-76-89-79; Электронная почта: yodgor_berdiev@mail.ru

Information about the author: Berdizoda Yodgorbek Ardasher – degree seeker of the Institute of History, Archeology and Ethnology named after A. Donishi of NAST; Phone: (+992) 987-76-89-79; E-mail: yodgor_berdiev@mail.ru

УДК 71 : 711.4 : 930.85 : 72 (4/5)

ПЛАНИРОВОЧНОЕ СТРОЕНИЕ И ЗНАЧЕНИЕ СРЕДНЕВЕКОВЫХ ВОСТОЧНЫХ САДОВО - ПАРКОВЫХ КОМПЛЕКСОВ

МУХИДДИНОВА Р. К.,

Таджикский технический университет имени М. С. Осими

Зарождение садово - паркового искусства своё начало берет со времен древних цивилизаций, таких как: Восток, Передняя Азия, античная Греция, Рим и др. Источниками могут служить письменные материалы, барельефы, миниатюры, руины храмов, фрески и декоративные изображения, элементы садовой скульптуры,

системы орошения, инженерное обеспечение, сельское хозяйство и так далее [8,129]. Многие источники исходят из того, что планировочная структура садов издревне была строго регулярно-симметрично прямоугольной или квадратной формы. Наглядными аналогами могут служить некоторые изображения садово – парковых комплексов того времени (рис.1).

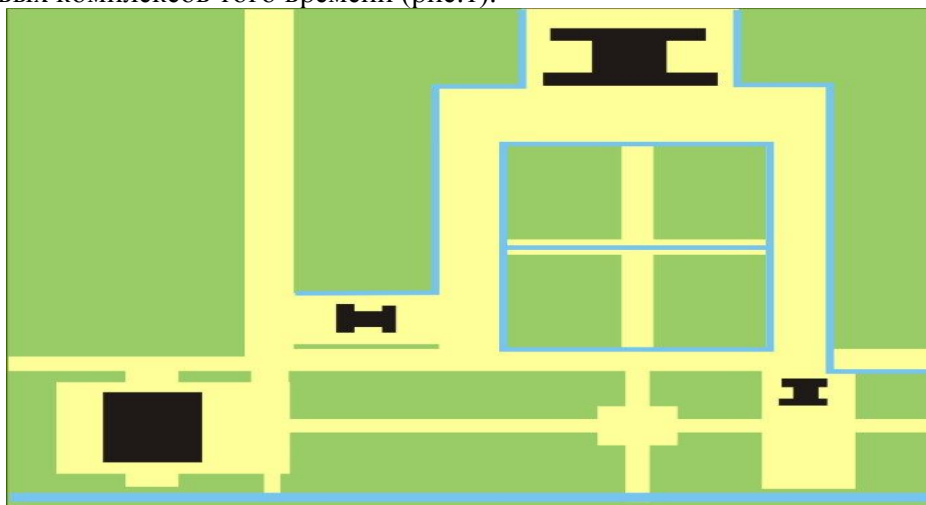

Рисунок 1. План построения сада «Парадиз». Достоверная находка Дэвида Стронаха «Пасаргады: отчет о раскопках» (Оксфорд, 1978), иллюстративное решения реконструкции дворцового сада Кира Великого в Пасаргадах около 550 г. до н.э.

Сад «Парадиз» является одним из знаменитых традиционных садов древности [18, 282]. В научных трудах исследователя Ф.З. Мирзоевой указано, что в древние времена, цари Ахеменидской империи, а также Китая, Египта, Мидии, на фоне горного пейзажа с красивыми дворцами для отдыха и пира, строили большие парки «парадизы», которые украшались различными зелеными насаждениями.

Парадиз в основном предназначался для отдыха и охоты на диких и хищных животных, здесь существовали зеленые аллеи, цветочное оформление вдоль пешеходных и проезжих дорог [7,111]. Е.В. Кайдалова иначе изложила происхождение и значение сада – парадиз. По её словам, английское слово «paradise», в переводе означает рай. Происходит от древнеперсидского «Парадиз» (пари - «вокруг», диза «стена») охотничий парк или сад с огражденной стеной. Слово «paradise» или парадиз (рай) впервые было употреблено Ксенофонтом для описания огороженных парков и садов персидских царей [5,540].

Молодой исследователь Е.А. Деньгуб иначе подтчеркнул значение сада «Парадиз». Персидское «pairidaeza», слово из Авесты, означало удивительно красивую территорию с закрытым местом. «Paigi» – вокруг, а daêzâ - буквально – «построить из земли» [3,5]. Персидский парадиз – в плане самый древний образец регулярного, окруженного стенами сада. Это самый ранний известный остаток того, что стало классическим видом персидского сада [4,115]. Персидский сад со временем развития садово-парковых комплексов дал значительный толчок в формировании садов всего Древнего Востока. Основа таких садов была регулярной. Под влиянием древнего персидского садового искусства возникли арабские сады в Турции, мавританские сады в Испании. Сад «Парадиз» ограждался кирпичной стеной, по форме он был прямоугольным и больших размеров [3,7]. Марии Луиза Готейн в своей статье подтверждает мнение Е.А. Деньгуба и Е.В. Кайдаловой о смысловом значении названия сада «Парадиз», который указал, что это просто

«обнесенное стеной ограждение». Слово может происходить от авестийских корней «пари» (вокруг) и «диз» (форма). Слово «Рай» впоследствии стало использоваться для обозначения Эдемского сада, обители Бога и места, где добродетельные живут после смерти [17,110]. Растения и деревья символизировали богов. Керамические изображения мира, разделенного на четыре части с бассейном жизни в центре, датируются 4000 годом до нашей эры. Аккадский царь провозгласил себя царем четырех четвертей [21,2].

Анализируя вышеизложенное, можно определить следующее; создание сада «парадиз» берёт своё начало со времен Кира II (546 г. до н. э.). Как источник приведены изображения древнеперсидских ковровых миниатюр садов Сасанидского Ирана III-IV в. н. э., где сходство планировки по форме ассоциируется с буквой «Н», по центру которого находился «хауз» с рыбками. На коврах изображены дикие, плодоядные и травоядные животные (рис.2).

Рисунок 2. Древнеперсидский ковер изображения сада «Парадиз» Сасанидского Ирана III-IV вв.

В древнем Египте искусство возделывания садов была развита вдоль реки Нила, где естественным путём зарастали разные виды и формы растений, как финиковые пальмы, тамариксы, папирусы значительных размеров создавая необыкновенную красоту.

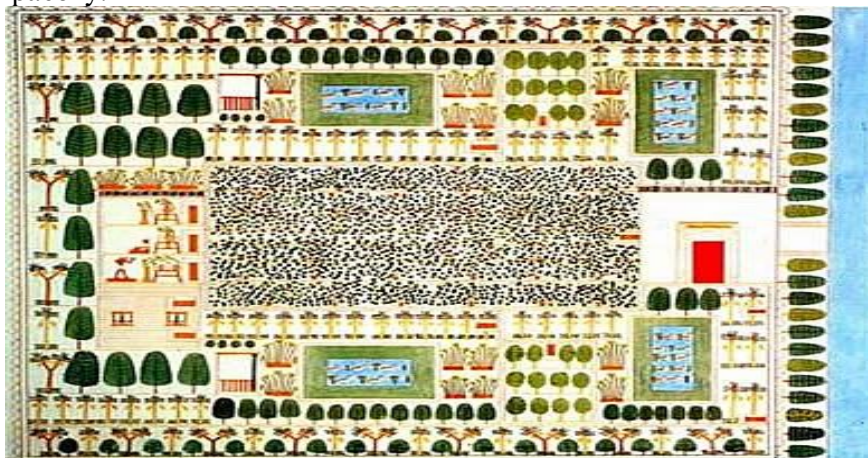

Рисунок 3. Самый старый и известный «план» сада - фреска из гробницы Сеннеферы. Он датируется временем правления 18-й династии. Пруды, аллеи деревьев и виноградники сада расположены симметрично относительно главной оси.

Планировочная система была регулярной. Проводя арыки и специальные водные каналы к двору знати создавался искусственный бассейн с озеленением вокруг него, прямоугольной или квадратной формы. Цветочные композиции придавали декоративную, эстетичную, экологичную функцию (рис.3).

Другие источники следующее строение садово - парковых объектов видят в рельефе. Эту планировочную систему можно отнести к более поздней форме к «террасовидным» садам империи Моголов в XV - XVII в., так называемой «индо-персидский стиль» [5, 542].

Аналогичным прототипом древнего вида могут послужить Висячие сады Семирамиды построенные в Вавилоне царем Навуходоносором II (правил в 605-562 гг. до н. э.) для своей жены - мидийской царевне Амитис [1,542]. Многоуровневые сады из-за засушливой местности были построены на искусственно созданных ярусах (рис.4). Позднее развитие таких садов ограничивались скалистыми местностями (Индия, Афгании, Пакистан, Иран). Террасовидные сады по форме были прямоугольные, симметрично расположенные, имевшие от трёх до пяти ярусов в высоту. Примером могут служить аналоги садов Шалимар в Лахоре, сад Нишат в Сринигаре, Кашмире [22, 25] Шалимар в переводе означает «обитель любви» (рис. 5). Подобная террасообразная планировка исследователями отмечена и в сохранившемся садово-парковом комплексе «Чорбог» в Кабуле (XV в.).

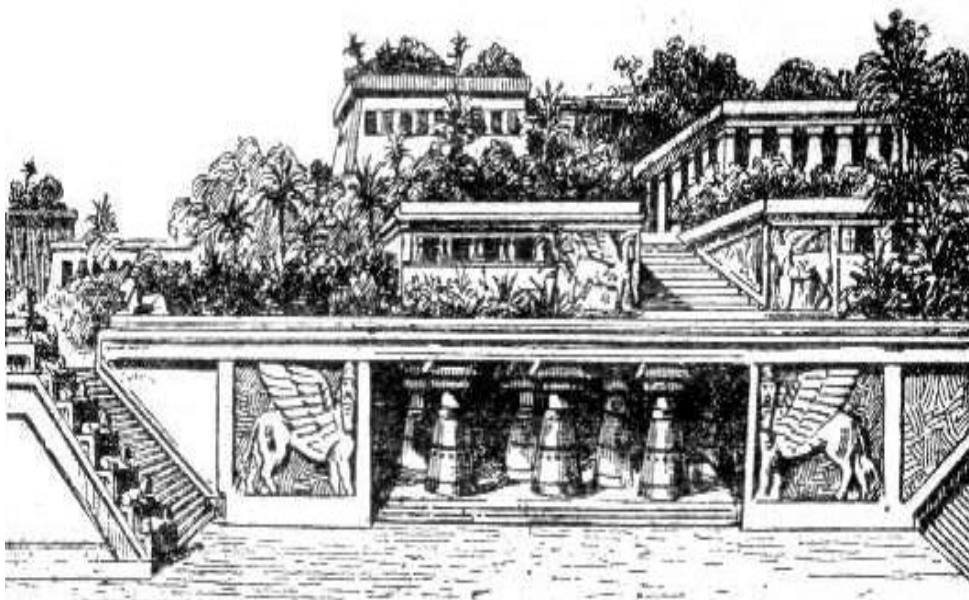

Рисунок 4. Висячие сады Семирамиды. Реконструкция начала XX века.

Это был мемориальный сад «Боги Бобур». Главное сооружение сада воздвигалось в окружении 16-ти «чорчаманов». В архитектурно-планировочной композиции четко выявлена центральная аллея, на которой возвышается небольшой павильон. Перед постройкой собрана площадка «пешгох» из мраморных плит и бассейна.

Имелся фонтан на пятой верхней террасе парка. Мемориальный сад Боги Бабур был создан (1526-1530 г.) с площадью 11 гектаров на западных склонах горы Шери Дарвоз к югу от Кабула [22, 27].

Рисунок 5. Реконструкция сада Нишат начала XX века, Сринагар, Индия.

Усыпальница Бабур находится на 14 террасе этого сада. Сам сад был создан в традиционном стиле «Чорбог» в виде 15 каскадных террас, выполненных в традиционном стиле решетчатого чорбога, главная ось которого направлена в сторону Мекки (рис. 6).

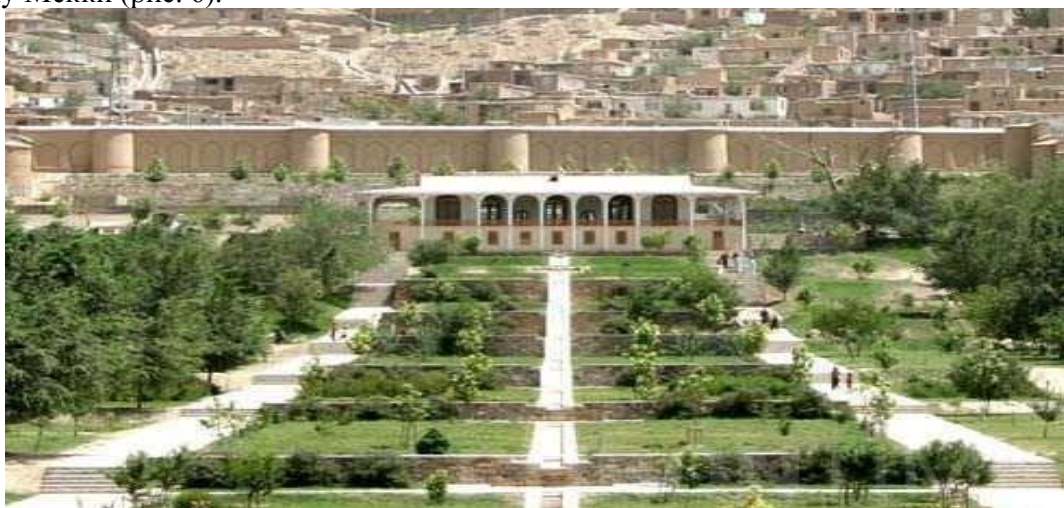

Рисунок 6. Садово -парковый мемориальный комплекс Боги Бабур в Афганистане.

Водные каналы являлись доминирующим звеном при создании планировочных решений, как разделение участков на ровные части, так и распределенные на передние и задние зоны отдыха. Именно этот вид планировки позднее даст толчок зарождению садов «Чорбог» в эпоху Темуридов в XIV-XV вв.

До нашего времени сохранились руины обширного дворцового ансамбля Касри-Ширин (590-628) площадью 120 га и комплекса Хом-Кури (40 га). Из литературных источников достоверно известно, что приемы садово-парковых композиций персов передавались от поколения к поколению в течение тысячи лет. [12,11]. Флора из редчайших деревьев и великолепных цветов составляла основу сада [15,115]. Планировку дополняли фонтаны и полноводные каналы. Большие парадные аллеи с каналом по оси и стены, которые одновременно служили акведуками, придавали садам необычайную красоту. С учётом вышеизложенных

определений мы можем этот период назвать начальным этапом формирования садово-паркового искусства на Востоке и зарождения его традиционных стилей.

Мавританцы, завоевав Испанию в VIII веке, на основе мусульманских канон сформировали новый тип традиционного сада, именуемым как «мавританский». Находившейся несколько веков под влиянием арабов (VIII- XIV), мавританцы создали относительно небольшие по площади уединённые внутренние дворы сады, именуемые как «Патио». Патио относительно небольшие по площади сады, представляли собой своеобразные комнаты на открытом воздухе.

Особенности традиции испано-мавританского сада заключались в следующем: планировка таких садов имеет замкнутое малое пространство, где учитывается простота, регулярность и индивидуальность при её решении. При постройке на рельефной основе строго соблюдается точность геометрических планов. В некоторых садах-патио в планировке подчеркивалось геометрическое деление на крупные квадраты (а затем каждый из них - на более мелкие).

В плане имеет место орнамент из священной книги Корана, а также наличие водных устройств, (каскады, фонтаны) подчеркивающих ценность каждой капли воды. Водоемы в геометрической форме (круг, квадрат, прямоугольник, восьмигранник) делают плоскими, украшая мозаикой [24,64]. Демонстрация и значимость каждого экземпляра растения важна, поскольку большое количество цветов и пряных трав являлось особенностью мавританских садов. Широко использовалось декоративное мощение свободных от посадок пространств, поскольку жаркий климат не позволял использовать газон. Это придавало садам особое изящество и красоту всей территории.

В целом изысканность мавританских садов основана на гармонии между водными пространствами и декоративными архитектурными элементами внутри двора. Сады воздействовали на все органы чувств: для взгляда - сочные оттенки, свет и тень; для обоняния - ароматы; для слуха - журчание воды в фонтанах; для осязания - текстура разных материалов; для вкуса - сладость фруктов. Примером могут быть летние сады Хенералифе резиденции эмиров Гранады (юг Испании), сады Альгамбры, расположенные в Гранаде и построенные между 1350 и 1500 годами. Они находятся на изолированных зонах, которые занимают 8 террас. (рис 7;8). Комплекс включает несколько уединенных садов-патио, размещенных на террасе. Один из них Патио-де-ла-Асекиа («двор ручья») с колоннами, протяженным бассейном, клубами и павильонами [12]. Этот период, который нами был рассмотрен, можно назвать вторым этапом формирования садово-паркового искусства на Востоке и зарождения его традиционных стилей. Эти сады придали большой толчок для создания и развития средневекового садово-паркового стиля «Чорбог».

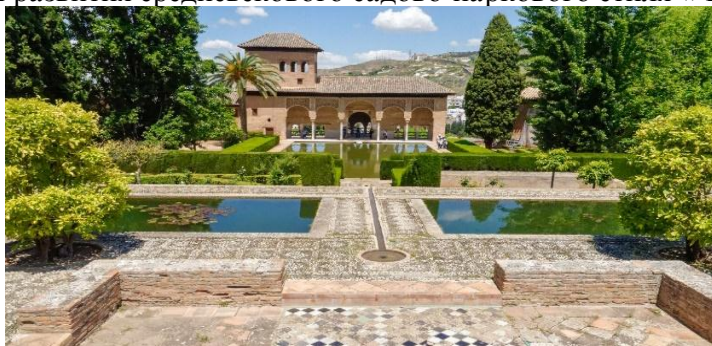

Рисунок 7. Летние сады Хенералифе - Jannat al-'Arif «ароткетихра дас». Бывшая загородная резиденция эмиров династии Насридов, правивших Гранадой в XIII-XIV веках.

Рисунок 8. Сады Альгамбры. Восточная часть города Гранада на юге Испании. Построены в 1350-1500 гг.

Прежде чем перейти к особенностям среднеазиатского сада «Чорбог», необходимо раскрыть тематику традиционных восточных садов в целом. Восточный стиль садов (мавританские, арабские, в целом исламские) это направление ландшафтного дизайна, которое считается традиционным, где этика и философия оформления строго следуют, согласно религии ислама. Под понятием «исламские сады» обычно подразумеваются сады, возникшие в разных регионах мусульманского мира в XI-XV вв. [9, 81]. Но если быть точнее, исламское садово-парковое искусство с изысканным воплощением мусульманских представлений о райском саде, берет своё начало в эпоху первых культурных достижений арабо-исламских цивилизаций в XI-XII вв. в Магрибе и Аль-Андалусии формировалось до распада империи Великих Моголов в XVII веке на субконтиненте Индостан.

Базовый вид исламского сада с модификациями и повторами внутри одного сада, в зависимости от его размера и рельефа местности можно обнаружить в исламском мире повсеместно.

Совокупные признаки, позволяющие определить традиционный стиль исламских садов, были следующими; сады имели замкнутое пространство жилых или дворцовых комплексов; площадь для постройки имели значительных размеров; планировочное решение сада было регулярно геометрической формы, которое подчеркивалось с помощью дорожек; растений и канальцев с водой. Основу мусульманского сада, составляет план сада «Чорбог». План сада делится на четыре ровных квадрата. Эти членения осуществляются с помощью нешироких каналов. В центре квадрата размещаются бассейны с крохотными фонтанчиками или небольшие фонтаны. Водные устройства, облицованные мрамором, разноцветными керамическими плитками и стеклом являются главным украшением всего сада. Основными элементами исламского сада является вода, которая является источником жизни и придает очищение всему живому. Зеленые насаждения - основное слагаемое сада, придает тень в сухое жаркое время.

Сад занимает особое место в Исламском мире, хадисах Пророка и Священном Коране. Исламский сад - это сад под влиянием ислама [16,253]. В сурах священного Корана улемами выявлены четыре основные показатели, которые составляют

построения райского сада: архитектура (дом, дворец, особняк); четыре сада; вода (водные устройства разного характера); дерево (начиная от малых до больших видов растений).

Приведем несколько аятов из священного Корана: 13:35 Вот описание Рая, обещанного богобоязненным. «Там текут реки, не иссякают яства, и не исчезает тень. 38:50 Сады Эдема. Врата которых будут раскрываться перед ними. 76:12 А за то, что они проявили терпение, Он воздаст им Райскими садами и шелками. 76:13 Они будут лежать на ложах, прислонившись, и не увидят там ни солнца, ни стужи. 78:32 Райские сады и виноградники» [6].

Во время правления Саманидов в IX-X вв. (в садах Средней Азии) не была выработана их определенная типология, но в планировке уже прослеживалась тенденция к выявлению двух взаимно пересекающихся осей и созданию так называемого «Чорбога» - четыре сада. Ими могут быть каналы, тротуары, или дорожки [12].

Типология садово-паркового искусства XI-XV веков в Средней Азии идут по двум направлениям: пейзажный вид здесь учитывается особенности рельефа местности, нередко включает в себя естественную природу в пределах культивированной растительности: регулярный вид прямоугольное или квадратное пространство сада, которое разбивали при помощи аллей на четырехугольные площадки (чорчаман). В источниках более известно, как сад «Чорбог». В глубине сада воздвигали дворец, куда вела обычно главная аллея. Перед дворцом находился водоем. Нередко возвышенность рельефа местности служила основой для планировки исламских садов в виде каскадных террас, а дворцы часто строились на холме. Нововведением Темуридов является образование вокруг городов гирлянды загородных садов и аллей – «Хиёбон», соединяющих город с садами Самарканда, мазорами Бухары, мавзолеями Герата. Хиёбон, как соединяющая аллея между садами эмира Темура, в свою очередь сформировала также «галерею» внутри садов, которая была покрытием от палящего солнца для посетителя сада. Галерея обычно размещалась по периметру садов мавританских эмиров в виде полуоткрытых навесов с узорами традиционного характера.

Имеются сведения, что в XV в. на месте существовавших парков, создавались великолепные дворцовые комплексы с садами вокруг себя. Растительная среда была в комбинации с декоративно - плодовыми деревьями, и имевшейся системой ирригации. Доказано, что существующие посадки подчинялись новой планировке, а на месте старых построек возводились новые, более обширные и роскошные дворцы и павильоны. Например, Боги Дилкушо; Боги Джахоноро – на месте Боги Мурад в Герате и т.д. Садово-парковый ансамбль Дарवेशа Мухаммада Тарханы был признан Бабуром одним из самых лучших в Самарканде: В саду разбили ступенчатые площадки. Недостаток сада заключался в отсутствие проточного ручья [2,523]. Форма бассейнов зачастую была строго геометричной: прямоугольной, круглой, многоугольной (восьми - десятигранной), ортогональной, квадратной.

Террасообразные сады были построены Захрадином Бобуром, потомком эмира Темура в Кабуле, Дели и Агре (Индия). Среди них были такие знаменитые сады, как сады Султана Хусейна Байкаро, Боги-Баланд (Высокий сад), Боги Сафед (Белый сад) и самый лучший из них – Боги Нахши-Джаханоро (Сад украшение мира). По историческим сведениям, он построил около 10 садов на территории современных Афганистана и Индии, большей частью террасного типа: «Боги Софа» (Сад непорочности) в Калла Кахар, «Боги-Бунафша» (Сад фиалок), «Боги-Бехишт» (Райский сад), «Боги-Чинор» (Сад платанов), а также другие сады:

Сад верности; Сад, украшающий город; Сад, пленяющий сердце; Сад лунного света [2,514]. В садах Кашмира (горной местности) и в предгорьях, были мастерски использовано террасирование.

Итак, можно резюмировать, что исламское садово-парковое искусство является воплощением мусульманских представлений о райском саде на земле. Исламские сады в Южной Испании XIII в., в Самарканде XIV в. и в Исфахане XVI в. базируются на числе четыре и неспроста. Цифра 4 имеет свое особое значение в планировке сада. «Чорбог», что означает – четыре сада.

Согласно утверждениям историка исламского искусства и архитектуры, профессора факультета ландшафтной архитектуры Иллинойского Университета Фэйрчайлда Раггльза, «в Чорбоге или в райском саду четыре водоканала обычно переносят воду в центральный бассейн или фонтаны, которые интерпретируются как четыре реки в раю, наполненные молоком, медом, вином и водой. Четвертной сад (состоящий из четырех частей) символизирует сад сердца, сад души, сад духа и сад сущности [19,5].

К.Д. Рахимов, Н.Н. Файзуллаева в своей научной работе о «Ландшафтном зодчестве Мавераннахра в эпоху амира Темура» иначе раскрыли виды садов в стиле «Чорбог». Значимость планировочных решений исламских садов ими трактуется так: «...одна из главных идей мусульманского общества - философии «чор унсур» (четырёх предметов). Это понимание мира и всего сущего в нем как четырех стихий - земли, воды, огня и воздуха. «Чор - унсур» характеризует Рай, символом которого считается сад, огражденный от небес стенами с четырех сторон. В центре расположен «райский источник», от которого вода переливается и течет по арыкам, направленным к четырем сторонам сада [9,80]. Высокие стены, обнесенные вокруг сада, обеспечивает защиту, таинственность, уединение обитателей от внешнего мира. По словам С.Н. Садыковой «таинственность» это эффект неожиданного раскрытия - планировка сада, подобно исламскому дому или мечети, имеет типичную черту, состоящую в использовании затемненной входной группы с кривой осью, защищающей личные покои, жизнь обитателей от постороннего взгляда [11, 93].

Сады также украшали традиционными каллиграфическими надписями - цитатами из Корана, поэтическими четверостишиями [23,22]. Надписи можно увидеть на возвышенности фасадов дворцовых комплексов, минаретов, мечетей. Они приподняты поскольку по святым текстам нельзя ходить. Исламский сад символизирует устремление внутрь - к сердцу и вверх - к звездам, небесам, душе.

По утверждению Малики и Мухайё Махмудовых, кроме национально-традиционных садов в стиле «Чорбог», в исламском мире существовали и другие сады в менее значительных размерах.

Бустан - (персидское слово) – «фруктовый сад» – сады, состоящие из больших спокойных бассейнов, окружённых оливковыми и пальмовыми рощами, фруктовыми деревьями;

Гулистан - (персидское слово) – «гул», означает цветок розы. Состоит из стены и беседки с вьющимися розами или несколькими кустами роз во дворе [20,709]. Фэйрчайлд Раггльз изложил иную версию по существованию других садов исламского мира. Мусульмане имели разные сады, служащие различным целям [14].

Согласно выводам, становятся очевидно, что планировочное строение и значения средневековых восточных садово-парковых комплексов имели древние корни. Они берут начало в искусстве садостроения Древнего Востока, южной Европы (под правлением арабов) и уже позже формируются непосредственно под влияни-

ем религии Ислам с использованием геометрических форм с правильной ориентацией по сторонам света. Квадратные, прямоугольные на регулярных местностях и ландшафтно - пейзажные стили были конкретными характерными планировочными направлениями садово-парковых объектов того времени. Разница между персидскими, испано - мавританскими и другими исламскими концепциями сада была в том, что они по-разному интерпретируют коранический Рай и подходы к его земному воплощению. В восточных садах планировка непосредственно была геометрической формы. Архитектурно - пространственное решение ландшафтных комплексов всего лишь зависело от природо-климатической среды. Каждый элемент, дополняющий сад, имел своё значение и выполнял свою определённую функцию.

ЛИТЕРАТУРА

1. Висячие сады Семирамиды. Электронный ресурс: <https://ru.wikipedia.org/wiki/> дата обр. 22.10.23 г.
2. Гафуров Б. История таджикского народа. -III том. -Душанбе: «Ирфон», 1983. -С. 978.
3. Денгуб Е.А. Сад - «Парадиз» на Ближнем Востоке. Севастопольский Государственный Университет, магистрант ЛА/М-20-1-О. Севастополь, 2020, презентация. с.17. [электронный ресурс] <https://ppt-online.org/1175955> (дата обращения 16.06.2023).
4. Жирнов А. Д. Садово-парковое искусство //Искусство паркостроения. –Львов, - 1977. - с. 208. [Электронный ресурс]. URL: <http://salgirka.com/art.php?page=3/>(дата обращения: 10.08.22).
5. Кайдалова Е.В. Четырехчастный сад как образ рая в культуре разных времен и народов//ВЕЛИКИЕ РЕКИ' 2010. Нижегородский государственный архитектурно-строительный университет, 2011. – С. 540-543.
6. Кулешов В.Н. Современный взгляд на скульптуру и садовый декор/ [Электронный ресурс] _URL: <https://www.k-v-n.ru/poleznoe/topiar/> (дата обращения 31.01.2023).
7. Мирзоева Ф.З. Развитие ландшафтного искусства в градостроительной среде Таджикистана: история и современность//Вестник Таджикского технического университета. Серия Инженерных исследований, 2015. - № 2 (30). -С. 110-116.
8. Мухиддинова Р.К. Садово – парковое искусство, как объект историко – культурного наследия//Вестник Таджикского технического университета. Серия Инженерных исследований, 2020. -№3(51). - С 129-133.
9. Рахимов К.Д., Файзуллаева Н.Н. Ландшафтное зодчество Мавераннахра в эпоху амира Темура. Вестник МИЦАИ. - Выпуск 25, 2017. – С 77-107.
10. Сад в восточном стиле. 2017. С.10-13 [Электронный ресурс]._URL: [https:// studref.com/522473/agropromyshlennost/persidskiy_paradiz](https://studref.com/522473/agropromyshlennost/persidskiy_paradiz) (дата обращения: 16.07.22).
11. Садыкова С.Н. Научные рекомендации по возрождению садов Чорбаг// Молодой ученый. - 2013. - №3. - С. 91-98.
12. Стили в садово-парковом искусстве/ [Электронный ресурс]. _URL: https://studwood.net/1614376/nedvizhimost/stili_sadovo_parkovom_iskusstve (дата обращения: 16.07.22).
13. Эккарт Элере Исламские сады.
14. D. Fairchild Ruggles Islamic Gardens and Landscapes (Penn Studies in Landscape Architecture)/F. Ruggles /University of Pennsylvania Press – 2007 [электронный ресурс] <https://www.amazon.com/Islamic-Gardens-Landscapes-Landscape-Architecture/dp/0812240251> (дата обращения 11.03.2023).
15. Emma Clark THE ART OF THE ISLAMIC GARDEN/ E. Clark/ The crowood press-2010: 208p. [электронный ресурс] <https://www.crowood.com/products/the-art-of-the-islamic-garden-by-emma-clark> (дата обращения 11.03.2023).
16. Haza Hanurhaza, Nor Zalina Harun, Mazlina Mansor, Ismawi Zen Discovering the Values of the Islamic Garden / Н. Hanu.

ПЛАНИРОВОЧНОЕ СТРОЕНИЕ И ЗНАЧЕНИЯ СРЕДНЕВЕКОВЫХ ВОСТОЧНЫХ САДОВО-ПАРКОВЫХ КОМПЛЕКСОВ

Данная статья рассматривает архитектурно-планировочное решение древних и средневековых садово-парковых комплексов восточного стиля. Значение стилизованного образа, форма, различительные черты ландшафтных объектов является высшим аспектом для развития или комбинирования элементов садово-паркового убранства на сегодняшний день. Каждый ландшафтный объект прошлого столетия имеет свою особую историю зарождения, которая непосредственно влияет на архитектурно - ландшафтную культуру другого народа.

Иллюстративные изображения, как аналог прошлого, дают визуальные представления о предметно-пространственной среде зеленых оазисов. Своего апогея садово-парковые комплексы восточного стиля получили с конца VI-XVII вв., такие как садовые убранства сад «Парадиз», «Мавританские сады», сад «Чорбог». Также в статье раскрываются малые садовые стили, имеющие специфический характер, применяемые как в средневековых садах, так и в современной ландшафтной среде.

Ключевые слова: *Садово - парковое искусство, ландшафтная среда, стилизованный образ, парадиз, мавританские сады, чорбог, планировочное строение, средневековье, архитектурно - художественное решение, ландшафтные компоненты.*

THE PLANNING STRUCTURE AND VALUES OF MEDIEVAL ORIENTAL GARDEN AND PARK COMPLEXES

This article examines the architectural and planning solutions of ancient and medieval garden-park complexes in the Eastern style. The significance of the stylistic image, form, and distinctive features of landscape objects is a significant aspect for developing or combining elements of garden-park decor today. Each landscape object of the past century has its own unique history and origin, directly influencing other people's architectural landscape culture.

Illustrative images, as analogs of the past, provide a visual representation of the object-spatial environment of green oases. Eastern-style garden-park complexes reached their peak from the late 6th to the 17th centuries, such as the garden decor of the «Paradise» garden, «Moorish Gardens», and the «Chorbog» garden. The article also explores small garden styles with specific characteristics used in medieval gardens and modern environments.

Key words: *Garden-park art, landscape environment, stylistic image, paradise, Moorish gardens, chorbog, planning structure, medieval times, architectural-artistic solution, landscape components.*

СОХТОРИ ТАРҲРЕЗӢ ВА АҲАММИЯТИ МАЪМААҶОИ БОҒҶОИ ШАРҚӢИ АСРИМИЁНАӢ

Дар ин мақола масъалаи меъморӣ ва инчунин банақшагирии маъмааҳои боғҳои қадимӣ ва асримӣнагии услуби шарқӣ мавриди баррасӣ қарор гирифтааст. Маъноии тасвири услубӣ, шакл, хусусиятҳои фарқкунандаи иншооти ландшафти ҷанбаи баланд барои рушд ё омезиши унсурҳои санъати боғу боғсозӣ дар шароити муосир маҳсуб меёбанд. Ҳар як иншооти манзаравии асри гузашта таърихи маҳсули пайдоиши худро дорад, ки ба фарҳанги меъморӣ ва манзаравии халқи дигар ҳоҳ – ноҳоҳ таъсири худро мерасонад.

Тасвирот ҳамчун мероси гузашта, тасаввуроти визуалиро дар бораи муҳити атроф ва фазои оазиси сабз медиҳад. Нуктаи баланди худро маъмааҳои боғсозӣ бо услуби шарқӣ аз охири асрҳои VI-XVII ба монанди ороиши боғҳои Парадиз, боғҳои Мавританӣ, боғи Чорбоғ гирифта шудаанд. Инчунин дар мақола доир ба услубҳои хурди боғсозӣ бо хусусияти ҳос, ки дар боғҳои асримӣнагӣ нишон дода шудааст.

Калидвожаҳо: *санъати боғу боғсозӣ, муҳити ландшафти, тасвири услубӣ, парадиз, боғҳои мавританӣ, чорбоғ, сохтори банақшагирии, асрҳои миёна, халли санъати меъморӣ ва бадеӣ, ҷузъҳои ландшафти.*

Маълумот дар бораи муаллиф: **Муҳиддинова Рухшона Кутфиевна** – ассистенти кафедраи «Дизайни муҳити меъморӣ ва тармим» - и Донишгоҳи техникии Тоҷикистон ба номи академик М. С. Осимӣ. Тел: (+ 992) 98 -563- 89- 88. E-mail: rmukhiddinova@inbox.ru

Information about the author: **Muhiddinova Rukhshona Kutfievna** - assistant of the Department of «Design of the architectural environment and restoration» of Tajik technical university named after Academician M.S.Osimi. phone: (+ 992) 98-563- 89- 88. E-mail: rmukhiddinova@inbox.ru

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ТРУДОВЫХ МИГРАНТОВ ГБАО В ГОРОДЕ МОСКВЕ¹

АБУЛХАЕВ Р. А.,

Институт истории, археологии и этнографии им. А. Дониша НАНТ

В первые годы независимости республика Таджикистан в результате гражданской войны столкнулась с трудностями в общественной жизни и, в первую очередь, с экономическими проблемами. А так же столкнулась с социальным кризисом, и выбраться из этой пропасти предоставила возможность трудовая миграция.

Часть жителей Крыши Мира в силу некоторых социально-экономических причин покинули на время свои земли и уехала за границу на заработки денег и товаров в качестве трудовых мигрантов. Они расширили этот опыт, особенно в беспокойные годы в республике, и пробились в регионы и города Российской Федерации. Руководство столицы Российской Федерации пытались и пытаются мобилизовать талантливых людей, знающих несколько языков, образованную и культурную молодежь и известных спортсменов из числа трудовых мигрантов Бадахшана.

Более 30 лет труженики Памирского высокогорья работают в столице Российской Федерации в городе Москве, и время показало, что они проявили образцовую общественную активность в этом политическом, культурном и административном центре, соблюдая законы. Практикующие специалисты этой страны полагаются на них и действуют. Памирские трудовые мигранты, мужчины и женщины, своим честным и самоотверженным трудом вносили и вносят посильный вклад в развитие экономики, науки и культуры РФ и независимого Таджикистана, а также в образование своих детей.

Когда трудящиеся Памира работали в различных сферах общественной жизни Москвы и продолжают это делать, они коллективно и этически решают многие социально-экономические, научные, культурные, политические и другие необходимые вопросы общественной жизни. Для решения этих проблем жителям Бадахшана, как и другим трудовым мигрантам, необходимо было организовать здесь диаспору и общественные организации, а лидеров выбрать из числа людей, обладающих знаниями и навыками организации.

Конечно, решение этой проблемы не было разовым, оно делалось консультативно и вдумчиво. Даже по поводу названия диаспоры и общественной организации, выбора лидера были разные мнения и дискуссии, а также происходили различные споры между отдельными представителями трудовых мигрантов, а затем все разрешилось в их пользу.

Долгие годы в городе Москве действует диаспорическая организация трудовых мигрантов Памира под названием «Нур» (Луч), которая была основана еще в 2005 году и ведет активную деятельность до сих пор, о чем остановимся чуть дальше.

Численность трудовых мигрантов в разные годы была разной, и это явление было тесно связано с социально-экономическим и политическим положением Российской Федерации и этого горного края и постоянно менялось. Например, по данным Комитета статистики Горно Бадахшанской Автономной Области, в октябре 2008 года количество трудовых мигрантов составило более 20 тысяч жителей региона [10,69].

¹Статья написана в рамках проекта «История таджикского народа» (Таджикистан в период Советского Союза), государственный регистрационный номер 0121ТJ 1200.

И многие материалы свидетельствуют о том, что необходимо защищать права трудовых мигрантов, освобождать их от притеснений со стороны работодателей, своевременно получать заработную плату согласно законам РФ, сохранять национальный язык, обычаи и традиции в условиях этой страны.

Также среди жителей этой огромной страны проходит презентация своей культуры, торжественное проведение национальных праздников, в том числе международного праздника «Навруз», «Мехргон», «Сада», «Тиргон» на всей территории РФ, включая ее столицу. Помимо диаспор и общественных организаций при Посольстве Республики Таджикистан в РФ существует группа по содействию работе с трудовыми мигрантами и региональные организации таджикской общечественности, которая на протяжении длительного времени контролирует их деятельность и методы обеспечения занятости и получения заработной платы трудовых мигрантов в установленные сроки. Информация этой группы свидетельствует о том, как работает эта группа. Данная группа действует в составе Посольства в соответствии с Постановлением Правительства Республики Таджикистан № 362 от 24 декабря 2005 года.

На территории РФ было организовано более 60 региональных организаций таджиков, из них 15 действовали в Москве, представляя богатую культуру таджиков среди представителей других наций.

В результате тщательного рассмотрения жалоб представителей трудовых мигрантов выяснилось, что на территории РФ в том числе в городе Москве, случаи невыплаты трудовым мигрантам заработной платы стали постоянной практикой в жизни. Например, еще летом 2007 года в одном из строительных центров г. Москвы (Варшавский городской торговый центр) работодатели не выплатили заработную плату работникам (бригадирам Давлатову, Оймахмадову и другим) в размере 426,4 тыс. российских рублей.

И в результате работы и многочисленных усилий членов группы указанная сумма была возвращена таджикским трудовым мигрантам по их правам. Подобные отклонения часто происходили со стороны недобросовестных специалистов, что положительно разрешалось руководителями диаспор и общественных организаций и групп [11,54].

Особо следует отметить, что Посольство Таджикистана в РФ проводит большую разъяснительную работу среди трудовых мигрантов и диаспор ГБАО по вопросам соблюдения законов этой страны, признания и уважения традиций и обычаев проживающих там представителей разных народов и народностей.

Помимо этого, Посольство Таджикистана организует творческие и культурные вечера, художественные представления, в которых в основном принимают участие граждане России, иностранные гости, видные писатели и поэты, ученые, художники и представители творческой сферы, живущие и работающие в Москве. Поэтому вопросу как аргумент можно привести конкретные примеры, свидетельствующие о роли и места диаспор и общественных организаций трудовых мигрантов ГБАО в Москве.

Ежегодно отмечаются национальные и государственные праздники, то есть день независимости Таджикистана и всем известный и любимый весенний праздник «Навруз», а новый год отмечается с новым ежегодником. Среди многих отмеченных событий участие Республики Таджикистан в общегородском празднике «Навруз» в Москве, который состоялся 21 марта 2007 года в зале центра Всемирной выставки, с участием многих людей рассматриваются национальные диаспо-

ры, сотни артистов и самодеятельных коллективов. Заметную активность на мероприятии проявили и Памирские диаспоры [12,21].

Следует отметить, что несколько лет назад в Москве при участии лидеров диаспоры ГБАО издавалась газета под названием «Русские таджики», на страницах которой отражалась жизнь и деятельность таджиков за пределами страны.

Необходимо учитывать случаи трудоустройства в Москве памирских трудовых мигрантов, заработная плата которых была ниже, чем заработная плата жителей этого города. В этом случае у работодателей был стимул трудоустроить их быстрее, привлечь их на работу. В результате между жителями Москвы и трудовыми мигрантами ГБАО иногда возникали конфликты, которые путем переговоров диаспор и общественных организации с руководством города удалось утихомирить. Этот процесс давал возможность из года в год увеличить численность мигрантов ГБАО в г. Москве и работать им в различных сферах общественной жизни.

По некоторым данным, в 2008 году более 20 тысяч работников этой горной области Таджикистана стали трудовыми мигрантами в РФ, работали и работают [13,69].

По словам директора Центра миграционных исследований Москвы Дмитрия Политаева, общественные организации и таджикские диаспоры долгое время были неорганизованными как механизм.

Таджикская диаспора относительно молода по сравнению с другими авторитетными учреждениями, имеющими собственный фонд деятельности. Она только формируется и ее ресурсы невелики, но в последние 2-3 года эти диаспоры формируются, хотя и мало соприкасаются с прародиной [5,9].

Памирские трудовые мигранты во главе с людьми, обладающими знаниями и опытом, организовались, чтобы уважать древнюю культуру и знания, древние ритуалы, отмечать народные праздники и защищать права мигрантов.

Они получали зарплату от своих работодателей и другие права человека в Москве, своевременно организовали несколько диаспор и общественные организации.

В том числе были созданы региональная общественная организация «Нур» во главе с Мамеднасимовым Карамшо, «Ватан» во главе с Мухаббатовым Хокимшо, «Центр таджикской культуры» во главе с Хамрокуловой Хуршедой и «Женский семейный клуб» под руководством Максумовой Лутфии и другие.

И эта диаспора и ее общественные организации в ходе своей деятельности представляли немало жертв борьбы между так называемыми московскими памирцами и многонациональным народом России.

Один из членов диаспоры Абдумамад Бекмамадови Бадахши, в 80-х годах прош-лого столетия служил солдатом в Москве, а позже, то есть после распада Советского Союза получил гражданство и жил в городе Москве. Считается, что он был одним из пропагандистов таджикской культуры в Москве.

После создания общественной организации «Нур» (Луч) у артиста появилась прекрасная база для репетиций, что обеспечивало удобные условия для периодических выступлений перед публикой. В годы существования Советской власти, по словам этого художника, москвичи были самым добрым и гостеприимным народом. Если бы ты искал дорогу, тебе бы не только подсказали направление, но и взяли бы за руку и повели бы в нужное место [21].

13 декабря 2009 в г. Москве в концертном зале Российской академии физической культуры состоялся Фестиваль музыки и культуры Памира. Инициаторами его проведения выступили общественная организация «Нур» и Фонд культурного наследия «Памир». Среди гостей фестиваля были руководители Представительства МВД Республики Таджикистан по миграции в Российской Федерации, Союза таджикстанцев России и другие.

Фестиваль начался приветствием руководителей общественной организации «Нур», Фонда культурного наследия «Памир» Бохшо Лашкарбекова, Мукима Майбалиева и Б. Бекова и показом слайд-шоу «Таджикистан-край мой». Перед многочисленной публикой выступили ансамбли «Чашмаи Носир», «Равшандилони Рушон», «Андалебон», «Гарибон», детский культурно-просветительский ансамбль «Нур», артисты - гости из башкирских и татарских диаспор, певец Рустам Саидов. Аплодисментами участники фестиваля встретили выступление гостя из Душанбе - известного таджикского певца Нобовара Чанорова. Отличившиеся студенты и активисты диаспор были удостоены денежных премий. Фестиваль завершился спортивными состязаниями [17].

22 января 2009 года в Москве под руководством общественного деятеля Мукима Майбалиева прошла презентация Фонда культурного наследия населения Памира. В мероприятии приняли участие официальные представители Правительства Таджикистана, России, научная и творческая интеллигенция, представители таджикской диаспоры в России и представители средств массовой информации [24].

По заявлению председателя Фонда Мукима Майбалиева, ясно, что задачей этой гуманитарной организации, программа которой подготовлена по заданию правительства Республики Таджикистан, должно быть обеспечение благоприятного трудового и социально — экономического условия жизни граждан Таджикистана, проживающих на территории РФ в том числе в г. Москве.

Для реализации задач, стоящих перед этой организацией, существует центр кадрового учета. Этот центр должен быть в курсе всех проблем, с которыми сталкиваются трудовые мигранты, когда они приезжают в Россию, и при необходимости своевременно решать эти проблемы в их пользу.

Среди нескольких вопросов важнейшей жизненной задачей является обеспечение трудовых мигрантов работой в удобном месте. Центр придает большое значение трудоустройству людей со средним и высшим образованием. Еще одной важной задачей Центра является защита трудовых мигрантов с юридической точки зрения во время их пребывания в России [16].

С начала XXI века и по настоящее время, под воздействием известных внешних и внутренних факторов, Таджикистан был вовлечен в феномен миграции, особенно трудовой миграции, ставшей неизбежным процессом в современном мире. Этот процесс, безусловно, имеет как положительные, так и отрицательные стороны, наряду с определенной экономической выгодой, он имеет и другие выгодные стороны.

Например, трудовые мигранты расширили свое мировоззрение, близко познакомились с русским языком, культурой других народов и наций, освоили различные профессии и специальности современного мира, а после возвращения на родину используют свои навыки и опыт работы на развитие экономики и культуры своей страны.

Одним из приоритетных направлений в этой сфере является организация системы процесса трудовой миграции со странами-принимающими рабочую силу, в

том числе с Российской Федерацией. Потому что более 90% таджикских трудовых мигрантов живут и работают на просторах этой страны.

Важный вопрос, с которым сталкиваются трудовые мигранты, как отправить честно заработанную сумму на родину в семью без всякого ущерба. Одной из трудностей, стоящих на пути решения этого вопроса, является то, что большое количество таджикских мигрантов в России по разным причинам работают нелегально.

Боясь, что по пути в банк «правозащитники» заберут всю зарплату, они переводят свои деньги через «частные» банки и под проценты в три раза больше, чем официальные банки своим родственникам. «Отделения» таких «частных» банков существуют [3] практически во всех российских городах, где живут и работают таджикские мигранты.

Другие недобросовестные люди путем обмана и интриг сотрудничали с некоторыми «правозащитными» организациями РФ и вымогали деньги у нуждающихся мигрантов, отбирали последнюю копейку.

Например, было время, когда цена штрафа в 51-65 округах Москвы поднималась до 15000 рублей, тогда как официальный штраф составлял 2000 рублей. Их держали под стражей неделями, пока кто-то не появился и не освобождал.

За преступления, связанные с наркотиками, они «подменяют» нескольких молодых людей (подбрасывая им определенное количество наркотиков). В этой ситуации богатый человек спасся бы сделав что-нибудь, а нуждающийся оказался бы в тюрьме [2].

С этой целью принят ряд межправительственных соглашений, законов, указов Президента и постановлений Правительства, в том числе Закон Республики Таджикистан «О миграции», Концепция государственной миграционной политики Республики Таджикистан «О трудовой миграции за рубежом» и «Программа трудовой миграции». Подписаны соглашения о миграции граждан Республики Таджикистан за границу на 2011-2015 годы, которые постепенно реализуются [24, 101-102].

Миграционная карта выдается иностранному гражданину, в том числе таджикистанцу, при въезде на территорию Российской Федерации, в том числе в город Москву, особенно в аэропортах, в самолетах, поездах, и автобусах. Пограничный контроль осуществляется бесплатно и в обязательном порядке. Его необходимо заполнить и передать сотруднику пункта пограничного контроля.

Положение в этом документе также подразумевает, что возраст трудового мигранта должен быть старше 18 лет для работы в РФ. Согласно новому законодательству, граждане, которые едут учиться в образовательные учреждения РФ, не имеют права работать. Все правила и законы, принятые компетентными организациями РФ, должны быть известны и приняты всеми трудовыми мигрантами, въезжающими на территорию этой страны, в том числе жителями ГБАО, выбравшими Москву местом работы и жизни. Нарушение этого правила и закона является причиной выезда из этой страны и потери права въезда сюда на несколько лет. Поэтому трудовые мигранты ГБАО руководимыми диаспорами и общественными организациями стремились соблюдать все права и законы существующими в РФ. Это давало возможность трудовым мигрантам ГБАО развернуть в Москве свою деятельность.

В сентябре 2010 г. в Московском государственном университете культуры и искусства (МГУКИ) проходила фотовыставка работ таджикского фотохудожника Шухрата Ёрова, под названием «Мой край – Таджикистан». Около ста фоторабот

автора были представлены на суд посетителей выставки – преподавателей и студентов этого престижного российского ВУЗа.

Ректор МГУКИ, президент общества «Россия-Таджикистан» Рамазан Абдулатипов на церемонии открытия выставки 1 сентября, в частности, сказал: «Таджикистан это не только трудовые мигранты, это ещё и студенты, представители этой страны, которые учатся в нашем университете и во многих других вузах России» [18].

Гала-концерт популярных таджикских исполнителей и музыкантов, таких, как группа «Шамс», рэпер Мастер Исмаил, группа «Барака» и певица Тахмина Ниязова, в честь Международного праздника «Навруз», с огромным успехом прошел вечером 28 марта 2015 в киноконцертном зале «Россия» в Москве. Концертная программа, которую вел известный тележурналист Аслишо Акимбеков, была настолько колоритная, яркая и впечатляющая, что зрители стоя аплодировали артистам [19].

8 мая 2011 г. в честь Дня Победы в театрально-концертном зале «Дворец на Яузе» в городе Москве прошел II фестиваль фольклорно-этнографической музыки народов Памира и смотр-конкурс «Мелодии памирских гор». Фестиваль открылся небольшим экскурсом в историю культуры и искусства Таджикистана, в частности Памира и выступлением оркестра народных инструментов «Нур», в состав которого вошли трудовые мигранты из разных регионов России, представители разных районов ГБАО Таджикистана [20].

По поводу регулирования труда и жизни таджикстанцев в РФ, в том числе в городе Москве, и их честного и мужественного труда, Председатель Совета Российской Ассамблеи, бывший посол Российской Федерации в Таджикистане Рамазон Абдулатипов в беседе с корреспондентом «Утро. RU»: Следует понимать, что в ближайшее время нам будет сложно обойтись без мигрантов. Поэтому мы должны формировать свой класс трудовых мигрантов, учитывать их, постепенно приспосабливать к условиям. Московские власти установили наилучшие отношения с таджикскими мигрантами. Я был на стройках этого города, в местах, где работают подрядчики. В некоторых учреждениях, в зависимости от специальности, их ежемесячная зарплата составляла почти тысячу долларов» [23].

По словам директора Центра миграционных исследований г. Москвы Дмитрия Политаева, в настоящее время гастарбайтеры Республики Таджикистан уделяют больше внимания профессиональному образованию своих детей и тратят деньги. По его словам, вклад таджикских диаспор и общественных организаций в РФ также очень велик в этом направлении.

Таджикская диаспора относительно молода по сравнению с другими авторитетными учреждениями, имеющими собственный фонд деятельности. Она только формируется и ее ресурсы невелики, но в последние 2-3 года эти диаспоры формируются, хотя и мало соприкасаются с прародиной [5].

Таджикские медики вносят ценный вклад в лечение больных не только на территории Республики Таджикистан, но и за ее пределами. Среди них известный врач Мавджигуль Бахадурова, проживающая в столице РФ г. Москве лечит более тысяча пациентов. Она выпускник Душанбинского государственного медицинского института имени Абуали ибн Сины.

Уже много лет Мавджигуль Бахадурова работает в медицинских учреждениях г. Москвы. В 2015 году она высказала мнение о необходимости

создания отдельного медицинского учреждения для таджикских трудовых мигрантов в г. Москве - место, где они живут и работают.

Наконец предложение врача было принято и трудовые мигранты получили такое место. Вначале за консультацией и лечением обращались только таджикские трудовые мигранты. Позже география обращения пациентов расширилась. Сейчас она стала признанным врачом для 6 тысяч русских, армян, азербайджанцев, афганцев, иранцев, киргизов, узбеков, турков и местных жителей.

В Москве и ее окрестностях живут и работают около 35000 мигрантов из Таджикистана. В частности, поднят вопрос об открытии для них дошкольного учреждения [14]. Этот вопрос был поднят на высшем уровне в Республике Таджикистан и предложения были представлены центральному правительству РФ.

На протяжении многих лет жители Республики Таджикистан, после гражданской войны, в качестве трудовых мигрантов находили работу и жизнь в городах и регионах РФ. Например, в 2002 году за границу выехало всего 262 000 трудовых мигрантов из Таджикистана, а в 2011 году это число увеличилось до 750 391 человека, и такая ситуация вызывает беспокойство, поскольку вопрос управления миграционными процессами на практике сегодня имеет особое значение [7,92].

По словам бывшего первого заместителя руководителя Миграционной службы при правительстве РТ А. Бобоева в плане поддержки и финансовой помощи трудовым мигрантам и членам их семей, как показывает передовой опыт филиппинского государства, необходимо создание общественно-государственного социального фонда, информационно-правовых центров репатриации, реабилитации и реинтеграции [8,93].

На наш взгляд, такое предложение специалиста имеет немаловажное значение для регулирования трудового потока и нормальной жизни трудовых мигрантов, как в городе Москве, так и в целом по России.

К сожалению, в последние годы некоторые должностные лица министерств и ведомств Таджикистана не считают вопрос трудовой миграции важным для общества, и придерживаются мнения, что в этом нет необходимости, этому явлению следует придавать серьезное значение.

Такое мнение высказывают те люди, которые далеки от опыта жизни, науки и политики эмиграции, не понимают сути вопроса, обеспокоены тем, что трудовая деятельность эмигрантов и нанесение вреда членам их семей. Эта точка зрения совершенно неверна, что подтверждается неоспоримыми фактами и цифрами.

Например, экспорт рабочей силы рассматривается как важный источник притока иностранной валюты в страну. По данным Международного валютного фонда, средняя норма прибыли при экспорте имущества составляет 20%, услуг 50%, но прибыль от экспорта рабочей силы гораздо больше. По данным этого фонда, в доходной части платежного баланса 90% составляют денежные переводы мигрантов [9,57].

Проблема трудовой миграции, как уже говорилось выше, распространена в Таджикистане, как и в других странах мира, и не скрыта от обычных наблюдателей страны. Потому что Таджикистан, как молодая страна, в сегодняшних условиях располагает большим количеством трудовых ресурсов. О регулировании трудовой миграции Правительство Республики Таджикистан всегда обращало серьезное внимание, поскольку это явление имеет большое и в конечном счете решающее положение в общественной жизни.

Последняя национальная стратегия трудовой миграции граждан Таджикистана за границу на 2011-2015 годы была принята в 2011 году. В этом документе государство признало положительное влияние трудовой миграции на экономику и подняло необходимость принятия нового и серьезного подхода к регулированию этого явления.

Исторический опыт показал, что трудовые мигранты ГБАО, руководимые диаспорами и общественными организациями, в течение довольно многих лет не только безупречно трудились в производственных организациях и в других сферах жизни г. Москвы, но они среди различных наций и народностей показали древнюю материальную и духовную культуру таджикского народа.

В Москве открылся первый этномагазин таджикских сувениров. В торговом центре «Спектр» возле метро «Теплый стан» появился магазин этнических сувениров и подарков ручной работы.

Здесь и посуда, и ювелирные изделия, и коллекционные ножи, и куклы. В магазине можно найти бусы из бисера (мухра), которые делают в ГБАО, тибетейки из разных районов Таджикистана, Памирские носки - джурабы, тарелки, браслетики, кинжалы, природные рога горного козла и самоцветы. От изобилия товаров на прилавках маленького магазинчика 29-летнего Фатхиддина Насимова рябит в глазах, говорится в сообщении [1].

Жителю республики, то есть трудовому мигранту, следует помнить, что работодатель не имеет права отобрать у него паспорт во время работы в РФ.

Трудовой мигрант должен скопировать все свои документы (паспорт, миграционную карту, миграционный учет, свидетельство и патент) и заверить их в нотариальной конторе и хранить в надежном месте. Таджикский трудовой мигрант имеет право прекратить трудовые отношения с работодателем по собственному желанию в неприятной ситуации, организованной работодателем.

В случае жесткого обращения со стороны работодателя иммигрант имеет право сообщить об этом в соответствующие правоохранительные органы РФ. И обратиться за помощью в управление МВД по миграции, в органы юстиции.

Сегодня, независимо от своей численности, памирцы работают практически во всех регионах Российской Федерации. Чтобы стабилизировать свои жилищные условия они создали региональные общественные организации в таких центральных городах, как Москва - «Нур», Санкт - Петербург «Памир» и Екатеринбург - «Дидор».

В областной общественной организации «Нур» действуют такие комитеты, как волонтеры, комитет молодежи и физического воспитания, комитет экономического планирования, комитет науки и образования, комитет здравоохранения, комитет связи, женский комитет, юридический комитет, комитет по социальным вопросам, комитет по культуре. и искусству, которые работают только на благо трудовых мигрантов.

Региональная организация «Нур» в Москве, с одной стороны, выступает посредником между государственными организациями, а с другой – между трудовыми мигрантами. Эта организация, не колеблясь, помогает своим соотечественникам, передавая проблемы, которые необходимо решить, государственным организациям для их решения [25].

Таким образом, трудовая миграция является одной из важных сторон общественной жизни, и сегодня она вышла за рамки отдельных стран, это глобальное явление.

В действительности, именно это и происходит в общественной жизни конца XX и начала XXI века, особенно для тех стран, которые имеют избыток рабочей силы и не могут использовать ее должным образом из-за недостаточности производственных мощностей, стало объективным явлением. Не осталась в стороне от этого процесса и Республика Таджикистан, поскольку трудовая миграция играет важную роль в развитии общественной жизни играет значительную роль в экономической, научной и культурной сферах страны.

ЛИТЕРАТУРА

1. Агентство «Sputnik», 2017.
2. Газета «Занятость и миграция», 9 февраля 2016 г.
3. Газета «Миллат», 3 июля 2009 года.
4. Газета «Миллат», 3 июля 2009 года.
5. Газета «Занятость и миграция», 9 февраля 2016 г.
6. Газета «Занятость и миграция», 5 июля 2016 г.
7. Действующий архив Центра стратегических исследований при Президенте Республики Таджикистан. Таджикистан и мир сегодня, № 4 (33), – 2012, с. 92.
8. Действующий архив Центра стратегических исследований при Президенте Республики Таджикистан. Таджикистан и мир сегодня, № 4 (33), – 2012, с. 93.
9. Действующий архив Центра стратегических исследований при Президенте Республики Таджикистан. Промежуточные отчеты, – 2012, стр. 57.
10. Журнал: «Мигрант», №1, октябрь 2008 г., с. 69.
11. Журнал: «Мухочир» (Мигрант), №3, июнь 2007 г., с. 54.
12. Журнал: «Мухочир» (Мигрант), №3, июнь 2007 г., стр. 20.
13. Журнал: «Мухочир» (Мигрант), № 1, октябрь 2008 г., стр. 69.
14. Интерфакс. Ру, М 26 октября 2018 г.
15. Источник: ТАџнфо. 29.09 , № 5 (584).
16. НИАТ «Ховар», февраль 18, 2009.
17. НИАТ «Ховар», декабрь 2009.
18. НИАТ «Ховар», 1 сентября 2010.
19. НИАТ «Ховар», 30.03.2015.
20. НИАТ «Ховар», 11 мая. 2011.
21. Презентация «Авесто - Тревел» и «Оригинал» Таджикистан». V Москва. 30 мая 2009 г.
22. Проблемы процесса трудовой миграции в Российской Федерации. 2013. С. 101-102.
23. Трудовая миграция и ее проблемы. Душанбе: «Ирфон», 2010, с. 26, 27.
24. Текущий архив Центра стратегических исследований при Президенте Республики Таджикистан. Проблемы процесса трудовой миграции в Российской Федерации. 2013. с. 101-102.
25. Фонд культурного наследия Памира, 22 января 2009 года.

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ТРУДОВЫХ МИГРАНТОВ ГБАО В ГОРОДЕ МОСКВЕ

Статья посвящена основной причине обоснования жителей высокогорного Бадахшана в качестве трудовых мигрантов в столице Российской Федерации г. Москве. В условиях гражданской войны и позднее трудовая миграция в суверенной Республике Таджикистан стала одним из важных вопросов стратегии государственной политики занятости населения.

Поэтому автор на основе достоверных материалов анализирует и освещает процесс трудовой миграции, как важное социально-экономическое явление и средство улучшения уровня жизни людей. Жители горных районов Таджикистана, в том числе ГБАО, условия жизни которых были ниже, чем в городах, вступили на путь трудовой миграции, с целью обеспечить свои семьи.

В целях комплексной защиты прав и условий труда и жизни памирских трудовых мигрантов в г. Москве образовались, и действуют ряд диаспор и общественных организаций, среди которых «Нур» считается наиболее эффективной и профессиональной.

За период более чем 30-летней трудовой миграции, работая в различных областях общественного производства и других сферах жизни, трудовые мигранты ГБАО приобрели определенный опыт, о котором говорится в данной статье.

Помимо всего сказанного автор статьи обратил внимание роли и месту трудовых мигрантов при участии диаспор и общественных организаций, в распространениях и защите древней и богатой материальной и духовной культуры таджикского народа среди представителей нации и народностей РФ в г. Москве.

Ключевые слова: *трудовые мигранты, гражданская война, Крыша Мира, регионы и города, горный край, музыканты, трудовые ресурсы, концепция, диаспора, министерство, ведомство, народы и нации, общественные организации.*

ФАЪОЛИЯТИ МУҲОЧИРОНИ МЕҲНАТИИ ВИЛОЯТИ МУХТОРИ КҶҲИСТОНИ БАДАҲШОН ДАР ШАҲРИ МАСКАВ

Мақола ба масъалаи сабабҳои асосии дар пойтахти Федератсияи Россия - шаҳри Москва ҳамчун муҳоҷирони меҳнатӣ манзил гирифтани меҳнаткашонии Вилояти Мухтори Кӯҳистони Бадахшон бахшида шудааст. Дар шароити ҷанги таҳмилии шаҳрвандӣ ва минбаъд дар Тоҷикистони соҳибистиклол муҳоҷирати меҳнатӣ, ба яке аз масъалаҳои муҳимии стратегияи сиёсати давлатӣ оид ба қор ҷалб намудани аҳоли ба ҳисоб мерафт.

Аз ин рӯ, муаллиф ба маводи бозӣти мод така қарда, қараёни муҳоҷирати меҳнатиро ҷун воқеа ва воситани муҳимии бехтар қардани шароити иҷтимоӣ - иқтисодӣ ва ҳамзамон баланд бардоштани дараҷаи некӯаҳволии мардум ҳамачониба таҳлилу таҳқиқ қардааст. Дар ин давра махсусан шаҳрвандони ноҳияҳои кӯҳии Тоҷикистон, аз ҷумла, Вилояти Мухтори Кӯҳистони Бадахшон дараҷаи зиндагонашон нисбати шаҳрвандони шаҳр пастрар ба назар мерасид, барои аз ин душворӣ баромадан онҳо роҳи муҳоҷирати меҳнатиро пеш гирифтанд.

Бо мақсади ҳамачониба ҳифз қардани ҳуқуқ ва шароити қору зиндагӣ дар шаҳри Маскав диаспору ташкилоти ҷамъиятӣ таъсис ёфтанд, ки аз байни онҳо Ташкилоти ҷамъиятии «Нур» фаъолияти самараноку касбӣ нишон меод.

Дар муддати зиёда аз 30-соли фаъолияти қорӣ муҳоҷирони меҳнатии Вилояти Мухтори Кӯҳистони Бадахшон дар соҳаҳои мухталифи истеҳсолоти ҷамъиятӣ ва дигар ҷабҳаҳои ҳаёт таҷрибаи муайяне ба даст оварданд, ки дар ин ҳусус, суҳан меравад. Ба ҷуз ин муаллиф ба масъалаи мавқеъ ва ҷойи муҳоҷирони меҳнатӣ бо яққоягии диаспораҳо ва ташкилоти ҷамъиятӣ дар байни намояндагони миллату халқиятҳои шаҳри Маскав паҳн ва ҳифз намудани маданияти қадиму бойи моддӣ ва маънавии халқи тоҷик таваҷҷуҳи бештар додаст.

Қалидвожаҳо: *муҳоҷирони меҳнатӣ, ҷанги шаҳрвандӣ, Боми Ҷаҳон, мавзеъ, шаҳрҳо, кишвари кӯҳӣ, мусиқаҷиҳо, захираҳои меҳнатӣ, нуқтаи назар, диаспораҳо, вазоратҳо, қор-қонаҳо, халқҳо ва миллат, ташкилоти ҷамъиятӣ.*

CTIVITIES OF GBAO LABOR MIGRANTS TO THE CITY OF MOSCOW

The article is devoted to the problem of the main reason for the justification of residents of high-mountain Badakhshan as labor migrants in the capital of the Russian Federation, Moscow. In the conditions of the civil war and later, labor migration in the sovereign Republic of Tajikistan became one of the important issues in the strategy of state employment policy.

Therefore, the author, based on reliable materials, analyzes and promises the process of labor migration as an important socio-economic phenomenon and a means of improving people's living standards. Especially residents of the mountainous regions of Tajikistan, including GBAO, whose living conditions were lower than in cities and embarked on the path of labor migration in order to provide for their families.

In order to comprehensively protect the rights and working and living conditions of Pamir labor migrants, a number of diasporas and public organizations were formed and operated in Moscow, among which «Nur» is considered the most effective and professional.

Over a period of more than 30 years of labor migration, working in various areas of social production and other spheres of life, GBAO labor migrants have acquired certain experience, which is discussed in this article. In addition to all that has been said, the author of the article drew attention to the role and place of labor migrants with the participation of the diaspora and public organizations to disseminate and protect the ancient and rich material and spiritual cul-

ture of the Tajik people among representatives of the nation and nationalities of the Russian Federation in Moscow.

Key words: *labor migrants, civil war, Krishna of the World, regions and cities, mountainous region, musicians, labor resources, concept, diaspora, ministries, departments, peoples and nations, public organizations.*

Маълумот дар бораи муаллиф: Абулҳаев Ракиб Абулҳаевич - доктори илмҳои таърих, профессор, ходими калони илмии Институти таърих, бостоншиносӣ ва мардумшиносӣ ба номи Аҳмади Дониши Академияи миллии илмҳои Тоҷикистон. Телефон: (+992) 93 - 900 -55 - 36.

Information about the author: *Abulhaev Rakib Abulhaevich* - doctor of historical sciences, professor, senior researcher of the Ahmadi Donshi Institute of History, Archeology and Ethnology of the National Academy of Sciences of Tajikistan. Phone: (+992) 93 - 900 -55 - 36.

УДК 631.115.1 : 94 (575. 34/ 35)

СТАНОВЛЕНИЕ И РАЗВИТИЕ ДЕХКАНСКОГО (ФЕРМЕРСКОГО) ХОЗЯЙСТВА В ХАТЛОНСКОЙ ОБЛАСТИ

КАХАРОВ Т. И.,

Российско - Таджикиский (Славянский) университет

В разных местах фермерство развивалось по - разному. Например, в Северной Америке и некоторых странах Океании это связано с колониальной политикой, а в Западной Европе - с развитием капитализма. Независимо от этого, фермер - это тот, кто занимается сельским хозяйством через наемный труд.

На Востоке аналогом фермера является «дехканин», применяемый к крестьянам из Средней Азии. Оба заняты сельским хозяйством, но отличаются в управлении и использовании трудовых ресурсов: фермеры используют наемный труд, в то время как дехкане обычно работают сами и с семьей.

Термин «дехканин» появился среди среднеазиатских крестьян средневековья, изначально обозначая зажиточных крестьян, но потом его значение расширилось: некоторые стали феодалами, другие - сельскими старшинами. В VII-XII веках в Средней Азии дехкане владели землей, рядом с феодалами. После XIII века термин стал общим для всех крестьян. До XX века в Таджикистане существовали разные формы земельной собственности, включая земли принадлежавшие религиозным учреждениям (вакф), земли на правах собственности (мульк), и государственные земли (амлок).

В XX веке в Таджикистане из - за земельно-водной реформы и коллективизации произошли изменения в земельных отношениях. Термин «дехканин» остался в употреблении и при советской власти. В 1990 - х введен термин «дехканское (фермерское) хозяйство» в связи с аграрными изменениями.

В 1990 - х годах Таджикистане началось реформирование сельского хозяйства, и появились первые дехканские (фермерские) хозяйства. В это время особенно активно развивалось личное подсобное хозяйство населения (ЛПХ), особенно в сельских районах [30, 107].

В 1992 году в Таджикистане началось формирование дехканских (фермерских) хозяйств после принятия Закона «О дехканском (фермерском) хозяйстве», устанавливающего правовые основы для их создания и функционирования. Первые дехканские (фермерские) хозяйства возникли на арендованных участках колхозов и совхозов, хотя некоторые из них начали формироваться уже в 1990 году [13, 519].

Принятые законы и нормативные акты создают основу для новых форм хозяйственной деятельности. Закон «О дехканском (фермерском) хозяйстве» определяет несколько форм:

- дехканское хозяйство на индивидуальной основе;
- семейное предпринимательство;
- дехканское хозяйство в форме простого товарищества. Наемные работники не включаются в состав дехканских хозяйств.

Однако закон не различает фермерские и дехканские хозяйства, что приводит к их смешению. Дехканские хозяйства часто называют фермерскими, но они арендуют землю на короткий срок и зависят от государства. Новые методы управления и закон «О дехканском (фермерском) хозяйстве» дали дехканам большую автономию, позволяя им выбирать культуры для выращивания и использования семян. Эта свобода для них была новшеством, так как ранее они работали в коллективе и подчинялись управлению и планированию.

Аграрные реформы в Таджикистане начались в 1990-х годах в условиях военно-политической нестабильности, что отрицательно сказалось на аграрном секторе, особенно в центральных и южных районах.

Формирование дехканских хозяйств в южных районах началось в начале 1990-х, но в Хатлонской области процесс был замедленным. К началу 1995 года в Таджикистане оставалось незанятыми более 21,000 гектара земли [13, 516], причем более 16,000 гектаров приходилось на Хатлонскую область [25, 72].

9 октября 1995 года Президент Таджикистана Эмомали Рахмон подписал указ №342, предоставляя 50,000 гектаров земли для личного подсобного хозяйства граждан. Министерство сельского хозяйства Республики Таджикистан и местные органы власти должны были выделить эти участки до 1 февраля 1996 года. Максимальный размер участков был установлен: до 0,15 гектара для орошаемых и до 0,50 гектара для неорошаемых. Участки были названы «президентскими землями» [20, 404].

По указу от 9 октября 1995 года в Хатлонской области более 577,000 человек получили свыше 32,000 гектара земли для личного хозяйства [10, 3].

С 1997 года началось масштабное создание дехканских хозяйств в Таджикистане, обусловленное реорганизацией крупных хозяйств, информационной работой местных органов власти и общественно-политической стабильностью. Роль в этом сыграла Национальная Ассоциация дехканских (фермерских) хозяйств (НАДХ), созданная на основе добровольного объединения существующих дехканских хозяйств для защиты их интересов и создания благоприятных условий для развития сельскохозяйственного производства.

В сельском секторе Таджикистана проблема отсутствия учета определенных земельных участков привела к тому, что орошаемые участки в 25 районах оставались незарегистрированными в хозяйствах с 1970-х по 1997 год. Это негативно сказалось на распределении земли для новых форм хозяйствования. Аграрные реформы включали законодательные и организационные изменения, включая преобразование колхозов и совхозов в дехканские хозяйства. Создание условий для реорганизации и формирования собственных хозяйств способствовало увеличению числа дехканских хозяйств во второй половине 1990-х годов.

При распределении земли для новых форм хозяйствования возникали проблемы. К 1997 году лишь 1,3% земель в Таджикистане было отведено под дехканские (фермерские) хозяйства. Правительство предприняло меры по изменению законодательства в области землепользования, в результате чего к концу 1997 года

было создано 8,011 дехканских (фермерских) хозяйств на общей площади 132,400 гектаров, в том числе 1,145 в Хатлонской области. Кроме того, в 1997 году в Хатлонской области 30 хозяйств были преобразованы в арендные предприятия [1, 21].

При формировании дехканских хозяйств основным методом распределения земли были земельные паи, определяемые в соответствии с инструкцией о преобразовании сельскохозяйственных предприятий. Власти Таджикистана активно реформировали земельное законодательство и упрощали процесс реорганизации крупных предприятий в мелкие дехканские хозяйства.

При формировании дехканских хозяйств возникали социально-экономические проблемы. Работникам, привыкшим к коллективному труду в колхозе, было сложно отказаться от этого опыта. Для разделения от коллектива каждый получал земельный пай, соответствующий его доле в колхозе, но их размер различался в разных районах и зависел от численности и площади земли. Дехкане также сталкивались с неопределенностью относительно типа хозяйства. Решение этих проблем поддерживалось Проектом по регистрации кадастровой системы земель, инициированным Правительством Таджикистана и Мировым Банком. Проект включал информирование и обучение сельского населения о законодательстве, дехканских хозяйствах и реорганизации сельскохозяйственных предприятий.

При информационных кампаниях акцент делался на создании различных типов дехканских хозяйств и определении этапов и шагов для их формирования. Благодаря усилиям сотрудников проекта к 1997 году было подготовлено более 1,072 землеустроительных дел и выданы Государственные акты на право пользования землей для 936 дехканских хозяйств. Всего в 1997 году такие акты получили 1,013 землепользователей.

Президент Таджикистана подписал Указ №522 от 25 июня 1996 года, направленный на реорганизацию сельскохозяйственных предприятий. По этому Указу убыточные колхозы и совхозы должны были быть ликвидированы, а на их место созданы индивидуальные дехканские (фермерские) хозяйства [18, 28].

1 декабря 1997 года Президент Таджикистана Эмомали Рахмон выпустил указ, выделяющий 25,000 гектаров земли для личных подсобных хозяйств. Комитет по земельным ресурсам и землеустройству должен был обеспечить предоставление этой земли к 1 февраля 1998 года, устанавливая при этом предельные размеры участков до 0,15 гектара для орошаемых земель и 0,50 гектара для богарных [13, 517].

В конце 1997 года количество дехканских хозяйств превысило 6,000, занимая более 45,000 гектаров земли. Программы формирования таких хозяйств активно продвигались в Хатлонской области, особенно в Яванском и Московском районах, с поддержкой Ассоциаций дехканских хозяйств [28, 42]. В период с 1997 по 1998 год были предприняты масштабные усилия по созданию этих хозяйств, что привело к появлению в Хатлонской области 1,200 дехканских хозяйств на площади в 32,000 гектара [29, 13-17].

Центр поддержки приватизации хозяйств, созданный по указу Президента № 216 от 16 июня 1998 года, был ключевым институтом в процессе реструктуризации сельскохозяйственных организаций. Он занимался важными задачами, включая земельную регистрацию, восстановление оросительных систем и кредитование сельскохозяйственного производства [2, 151]. Формирование дехканских хозяйств в Таджикистане началось в 1991 году, а законодательные основы для их функционирования были установлены Законом «О дехканском хозяйстве» в 2002 году [20, 321].

В начале перехода к рыночной экономике наибольшее развитие получило личное подсобное хозяйство населения (ЛПХ), особенно в пригородных и сельских районах. К 2003 году сельское хозяйство разнообразилось за счёт множества форм хозяйствования, благодаря праву выбора, предоставленному дехканам в рамках реформ, направленных на демократизацию аграрного сектора. К тому времени в Таджикистане уже действовали 16,433 дехканских (фермерских) хозяйств, 182 ассоциации дехканских хозяйств, 193 коллективных дехканских хозяйств и 248 подсобных хозяйств, принадлежащих организациям и предприятиям [24, 36-37].

Сельское хозяйство столкнулось с проблемой обеспечения дехканских хозяйств техникой, удобрениями и семенами из-за перехода к новым системам хозяйствования. Например, семенные хозяйства Муминабадского и Шурабадского районов Хатлонской области не могли удовлетворить потребности хозяйств в семенах, и лишь 10% дехкан получали необходимые семена и удобрения [6].

С 2004 года началась работа по информационно-образовательным мероприятиям, организуемым различными государственными и международными организациями для поддержки дехканских и фермерских хозяйств в Таджикистане. Национальная Ассоциация дехканских хозяйств (НАДХ) и местные ассоциации сыграли ключевую роль в этом процессе, организуя обучающие мероприятия и разработку информационных материалов, чтобы повысить квалификацию дехкан и обеспечить им доступ к последним новостям и законодательству отрасли.

В 1990-е годы в Таджикистане активно проводилась фермеризация сельского хозяйства, заменяя бывшие колхозы и совхозы мелкими крестьянскими или реорганизованными крупными предприятиями. К примеру, только в 1998 году было реорганизовано 121 хозяйство. К апрелю 1999 года зарегистрировано 11,000 дехканских (фермерских) хозяйств, 89 ассоциаций, 8 межхозяйственных, 171 арендное, 61 акционерное общество и 118 сельскохозяйственных кооперативов [8].

В начале 2000-х годов дехканские хозяйства в Таджикистане развивались динамично. Уже на 1 апреля 2004 года существовало 20,743 дехканских хозяйств, из которых 2,797 коллективных, 4767 пилотных, а также 13,179 семейных (индивидуальных). Дехканские хозяйства данного периода использовали 4,590,070 гектаров земли. [12, 19].

В 2002 году принят новый Закон Таджикистана о дехканских хозяйствах, что способствовало их быстрому росту и установлению правовых основ. Правительство и Комитет по землеустройству активно готовили местные кадры, ускоряя процесс регистрации новых хозяйств. Были созданы земельные фонды на районном и городском уровнях для предоставления земли гражданам, желающим организовать дехканские хозяйства. Несмотря на экономические трудности, дехканские хозяйства становились все более конкурентоспособными.

К 1 января 2005 года в Хатлонской области было учреждено 8,363 дехканских хозяйства, управляющие 753,000 гектарами земли. Под посевы выделено 220,400 гектара, под орошаемые угодья – 150,200 гектара. Вклад дехканских хозяйств в общую стоимость сельскохозяйственной продукции составил 16%, в производство зерна – 13%, хлопка – 28%, а в другие культуры – от 5% до 19% [7, 16].

Дехканам было сложно справиться с правовыми аспектами землепользования и заключением соглашений о совместной деятельности. Хотя закон требовал такие соглашения, они не всегда заключались на практике. Недавние исследования показали, что ни одно из новых дехканских хозяйств не имело такого соглашения. В то же время, количество дехканских хозяйств в Таджикистане увеличи-

лось с 20,742 до 28,542 с 2004 по 2006 год, но все они получили необходимые сертификаты на землю. Эти хозяйства владели 415,000 гектарами земли, включая 298,000 гектаров орошаемых участков, и выращивали 40% сельскохозяйственной продукции страны [26].

В это время в Таджикистане правительство активно поддерживало предпринимательство и реформировало сельское хозяйство. Почти половина земель уже была в частных руках. Количество дехканских хозяйств к 2006 году достигло 29,000 и они стали важным производителем сельхозпродукции. По данным Национальной Ассоциации дехканских хозяйств, к 2007 году более 28,542 дехканских хозяйств получили сертификаты на землю, общее число землепользователей составило около 681,000 человек. Владение дехканских хозяйств землей составляло 415,000 гектара, из них 298,000 гектара были под орошением [27].

Дехкане, помимо юридических аспектов, сталкивались с проблемами наследования долгов от колхозов, отсутствием техники и оборудования, а также недостаточным образованием. Правительство Таджикистана активно решало материально-технические проблемы новых дехканских хозяйств, включая задолженности хлопкосеющих хозяйств. В 2006 году в республике было 11,000 таких хозяйств, с 90% задолженностей перед фьючерсистами, причем крупные игроки включались в этот процесс [3].

Долги хлопкосеющих предприятий Таджикистана перед инвесторами и за услуги составляли около 400 миллионов долларов США. Правительство Таджикистана в 2007 году приняло Постановление №111, планируя решить эти проблемы до 2009 года. Он включал 14 пунктов, в том числе улучшение правовой базы для защиты прав землепользования, определение статуса ДХ и другие меры, некоторые из которых уже были реализованы [2, 160].

Правительство Таджикистана и Всемирный банк подписали соглашение о финансировании проекта «Восстановление хлопковой отрасли» в 2007 году, но меры не дали ожидаемых результатов. Урожайность хлопка сократилась, задолженности предприятий превысили 400 миллионов долларов США. Правительство взяло на себя долги предприятий до 2008 года. В ответ на ухудшение ситуации, в 2009 году была разработана программа аграрной реформы на основе концепции «свобода фермерства», включающая предоставление фермерам независимости в принятии решений, свободное колебание цен на продукцию и изменение роли Минсельхоза.

Правительство Таджикистана и Всемирный банк подписали соглашение о финансировании проекта «Восстановление хлопковой отрасли» в 2007 году. Однако результаты оказались недостаточными: урожайность хлопка упала, задолженности превысили 400 миллионов долларов США. Правительство взяло на себя долги предприятий, что привело к дополнительным проблемам. В 2009 году началась разработка программы аграрной реформы на основе концепции «свобода фермерства», включающая свободу принятия решений фермерами, гибкое ценообразование и изменение роли Минсельхоза, и свободу выхода членов дехканских хозяйств на основе их земельной доли. Эти меры были закреплены в Постановлении №406 «О дополнительных мерах поддержки сельского хозяйства». Законодательные изменения, внесенные в Земельный Кодекс в 2008 году, существенно изменили ситуацию для дехканских хозяйств. Правительство также частично списало хлопковый долг и помогло преобразованию крупных коллективных хозяйств. Несмотря на прогресс в индивидуализации сельского хозяйства, развитие фермерских хозяйств ограничено из-за проблем с финансированием и кредитованием.

Это создает неопределенность в отношении земельного владения из-за отсутствия системы регистрации прав.

Правительство Таджикистана поддержало аграрный сектор с финансовой помощью, сосредоточившись на хлопководческих дехканских хозяйствах. Кулябское отделение Национального банка в пяти районах Хатлонской области выделило дехканским хозяйствам льготные кредиты на 62 млн. сомони в 2008-2010 годах, но заемщики не вернули 2 млн. 28,000 сомони [5]. Также был принят новый закон о дехканских (фермерских) хозяйствах для улучшения их правового статуса и определения деятельности в соответствии с соответствующими постановлениями Маджлиси намояндагон и Маджлиси Милли [19].

Принят новый Закон Таджикистана «О дехканских (фермерских) хозяйствах» 19 мая 2009 года, который заменил предыдущий закон от 10 мая 2002 года. Он призван улучшить регулирование деятельности дехканских хозяйств в контексте их важной роли в производстве сельскохозяйственной продукции. Этот закон определяет дехканское хозяйство как отдельный субъект, основанный на личном труде одного лица, членов семьи или группы лиц, и базирующийся на земельном участке и другом имуществе.

С 2000-х годов количество дехканских хозяйств в Хатлонской области резко возросло, превысив к 2010 году 27,000, что составляло более половины всех дехканских хозяйств в республике. Правительство Таджикистана поддерживало развитие дехканских хозяйств, увеличивая число семейных и индивидуальных хозяйств. К концу 2012 года около 50,000 дехканских хозяйств получили сертификаты на право землепользования [15, 7]. Таким образом, к 2012 году в сельском хозяйстве Таджикистана действовало более 54,300 дехканских (фермерских) хозяйств, включая ассоциации, коллективные и кооперативные формы [17, 15].

Дехканские (фермерские) хозяйства в Таджикистане особенны своим правовым статусом: трудовые отношения основаны на соглашениях между членами о совместной работе, не образуя юридического лица. Они проводят все операции по соглашению сторон и имеют независимые расчетные счета и бланки. В отличие от колхозов и совхозов, дехканские хозяйства самостоятельно организуют свою деятельность, учитывая свои интересы. В сфере земельного законодательства они регулируются значимыми нормативными актами правительства и Парламента, позволяющими им заниматься различными видами деятельности, включая сельское хозяйство и внешнеэкономическую.

Фермерское движение в Таджикистане столкнулось с трудностями, но многие дехканские хозяйства смогли стать прибыльными и самообеспеченными, даже несмотря на наличие долгов. Так, например в Хатлонской области, дехканские хозяйства в джамоате Дахана Кулябского района и хозяйстве «Шухрат» в Фархорском районе смогли погасить долги и стать экономически самостоятельными и стабильными в короткие сроки [14].

В каждом районе Хатлонской области были обнаружены прибыльные дехканские хозяйства. В 2009 году объем производства сельскохозяйственной продукции в области достиг 3,687 млрд. 275 тыс. сомони. Урожайность зерна в дехканских хозяйствах составила 27 центнеров с гектара, что привело к производству 774,005 тонн зерна. Более 22,000 тонн сельскохозяйственной продукции было экспортировано из области [16, 17].

Рост числа дехканских хозяйств в Таджикистане поддерживался увеличенной самостоятельностью, предоставленной им по новому Закону «О дехканском хозяйстве» 2009 года. Этот закон устанавливал статус независимости для хозяйств,

защищая их от вмешательства государственных органов. Индивидуальные и семейные дехканские хозяйства могли создавать хозяйственные товарищества или кооперативы на основе своего имущества, в соответствии с Гражданским кодексом Республики Таджикистан.

В процессе реформирования возникла проблема недостаточной правовой осведомленности дехкан. Американское агентство по международному развитию проводило тренинги по различным аспектам, таким как организация дехканских хозяйств, права и обязанности их членов, налогообложение, трудовые отношения, формирование ассоциаций и правовые аспекты землепользования. Они также предоставляли информационные материалы для фермеров, охватывающие создание и модернизацию хозяйств, процедуры выхода из них и структурирование кооперативов [15, 32].

С течением времени количество дехканских хозяйств различных форм хозяйствования постоянно росло. К началу 2014 года их число достигло 87,594, с более чем половиной из них в Хатлонской области [21, 62]. В начале реформирования преобладали крупные хозяйства, но по мере завершения процессов реорганизации активно возрастало число индивидуальных и семейных хозяйств. За два десятилетия число дехканских хозяйств выросло почти в сто раз. К 2016 году в Таджикистане было создано 164,042 дехканских хозяйства [9, 8], включая 63,212 в Хатлонской области [22, 3-12].

Опыт формирования индивидуальных дехканских хозяйств показывает, что структурные изменения необходимы, так как эффективное использование земельных ресурсов и производство сельскохозяйственной продукции в таких хозяйствах значительно выше, чем в крупных.

ЛИТЕРАТУРА

1. Абдуалимов А. Земля и её использование в Таджикистане//Вестник Таджикского аграрного университета. - № 4.- 1998. – С. 21.
2. Абдурашитов Ф. М. Земельно-водная реформа в Таджикистане в конце XX – начале XXI века. – Душанбе, - 2018. – 371 с.
3. Азия Плюс. - 4 июля 2006 г.
4. Азия Плюс. - 23 апреля 2008 г.
5. Азия Плюс. - 19 июля 2012 г.
6. Алихон Зарифов. Садои мардум. - 17 мая 2005 года.
7. Барномаи рушди иҷтимоию иқтисодии вилояти Хатлон дар давраи то соли 2015. – Душанбе, - 2005. - С. 16.
8. Бизнес и политика. - июнь 1999 г.
9. Замини муқаддаси Ватан. Издание Комитета по земельному управлению и геодезии Таджикистана. – Худжанд; Хуросон, 2016. -С. 8.
10. Земельный кодекс Республики Таджикистан//Ахбори Маджлиси Оли Республики Таджикистан. – №3. - 2004 г.
11. История таджикского народа. Т.6 - Душанбе, 2011. - С.518.
12. Концепция использования земель в республике Таджикистан. - Душанбе, - 2004. - С. 19.
13. Масов Р. М. История таджикского народа. Том VI: Новейшая история (1941-2010 гг.). - Душанбе, 2011. - С.519.
14. Минбари халк. 24 октября 2013 г.
15. Отчет Проекта по Земельной реформе. - Душанбе, 2013. - С.32.
16. Отчет Управления сельского хозяйства Хатлонской области за 2009 г.//Текущий архив Управления сельского хозяйства – Д. 10. – Л. 17.
17. Программа реформирования сельского хозяйства Таджикистана до 2020 г. - Душанбе, 2012. -С.15.
18. Рахмонов Э. Ш. Экономические реформы-веление времени. –Душанбе: Ирфон, 1998. –С. 28.
19. Сайт «Адлия» Министерства юстиции РТ. Постановление Маджлиси намоёндағони Маджлиси Оли Республики Таджикистан от 18 марта 2009 года, № 1269.

20. Свод законов и другие нормативно - правовые акты о земле. – Душанбе, 2004. - С.404.
21. Статистический сборник. Основные показатели сельского хозяйства в Республике Таджикистан. - Душанбе, 2016. - С 62.
22. Текущий архив Комитета по земельному управлению и геодезии РТ. Отчет за 2016 г. – С.3-12.
23. Текущий архив ЦСИ при Президенте РТ. Отчеты. Стратегия развития аграрного сектора экономики Таджикистана. – 1996. – Л.38.
24. Текущий архив ЦСИ РТ. Отчет за 2004 г. Стратегия обеспечения продовольственной безопасности Республики Таджикистан. - С.36 – 37.
25. Хотамов Н.Б. Социально-экономические образования Республики Таджикистан в период суверенитета (1991-2006 гг.). – Душанбе, 2008. – С. 72.
26. Чумхурият. -12 декабря 2006 г.
27. Чумхурият. № 12/3. - 2016. - С.13.
28. Шарипов А.Ф. Дехканину быть с землей//Вестник Таджикского аграрного университета. - № 1 1997, - С. 42.
29. Шарипов А.Ф. Проблемы радикальных преобразований//Вестник Таджикского аграрного университета. - № 2, 1998, - С.13 - 17.
30. Шарофов П.У. Проблемы экономического преобразования в сельском хозяйстве //Экономика Таджикистана: Стратегия развития. – 2004. – № 4. – С. 107.

СТАНОВЛЕНИЕ И РАЗВИТИЕ ДЕХКАНСКОГО (ФЕРМЕРСКОГО) ХОЗЯЙСТВА В ХАТЛОНСКОЙ ОБЛАСТИ

В конце XX и начале XXI веков в Таджикистане произошли значительные изменения в политической и социально-экономической сферах. Эти преобразования проходили в условиях сложной военно-политической ситуации и гражданской войны (1992 - 1997 гг.), в ходе которой аграрная инфраструктура южных и центральных районов республики была практически уничтожена и разграблена. В аграрных регионах, оказавшихся в эпицентре боевых действий, сельскохозяйственное производство было полностью парализовано.

Реформы охватили почти все аспекты жизни общества и государства. Аграрная реформа, проведенная в Таджикистане, кардинально изменила судьбы сотен тысяч сельских трудоспособных жителей, вызвав массовую безработицу и трудовую миграцию. В ходе массовой деколлективизации сельского хозяйства в республике сформировался новый институт сельскохозяйственного производства – дехканские (фермерские) хозяйства. Это привело к коренному изменению аграрного сектора: вместо реорганизованных колхозов и совхозов, которые десятилетиями составляли основу аграрной экономики Таджикистана, появилось множество индивидуальных, семейных и коллективных дехканских хозяйств, часть из которых объединились в ассоциации фермерских хозяйств.

Ключевые слова: *Таджикистан, Хатлонская область, колхозы, совхозы, дехканские (фермерские) хозяйства, сельское хозяйство, земельно-водная реформа, дехкане, фермеры.*

ТАШАККУЛ ВА РУШДИ ХОЧАГИИ ДЕХҚОНӢ (ФЕРМЕРӢ) ДАР ВИЛОЯТИ ХАТЛОН

Дар охири асри XX ва аввали асри XXI дар Тоҷикистон тағйироти муҳимме дар соҳаҳои сиёсӣ ва иқтисодӣ ба амал омаданд. Ин дигаргуниҳо дар шароити мураккаби низомӣ-сиёсӣ ва ҷанги шаҳравандӣ (1992-1997) рух доданд, ки дар натиҷаи он инфрасохтори кишоварзии ноҳияҳои ҷанубӣ ва марказии ҷумҳурӣ қариб пурра несту нобуд карда шуд. Дар минтақаҳои кишоварзӣ, ки дар маркази низомӣ мусаллаҳона қарор доштанд, истеҳсоли маҳсулоти кишоварзӣ қомилан фалаҷ шуд.

Ислохот қариб ҳамаи ҷанбаҳои зиндагии ҷомеа ва давлатро фаро гирифтанд. Ислохоти аграрӣ, ки дар Тоҷикистон гузаронида шуд, сарнавишти садҳо ҳазор нафар сокинони қобили меҳнати деҳотро ба таври қулӣ тағйир дод ва боиси бекории оммавӣ ва муҳочирати меҳнатӣ гардид. Дар рафти деколлективизатсияи оммавии кишоварзӣ дар ҷумҳурӣ як ниҳоди нави истеҳсолоти кишоварзӣ – хоҷагиҳои деҳқонӣ (фермерӣ) ташаққул ёфт. Ин ба тағйироти амиқ дар соҳаи аграрӣ оварда расонд: ба ҷойи колхозҳо ва совхозҳои тағйирёфта, ки дахсолаҳо асоси иқтисодиёти аграрӣ Тоҷикистонро ташкил медоданд, садҳо хоҷагиҳои деҳқонии инфиродӣ, оилавӣ ва коллективӣ пайдо шуданд, ки қисмате аз онҳо ба ассотсиатсияҳои хоҷагиҳои фермерӣ ҳамроҳ шуданд.

Калидвожаҳо: Тоҷикистон, вилояти Хатлон, колхозҳо, совхозҳо, хочагиҳои деҳқонӣ (фермерӣ), кишоварзӣ, ислохоти замини об, деҳқонон, фермерон.

FORMATION AND DEVELOPMENT OF DEHKAN (FARMER) FARMS IN THE KHATLON REGION

At the end of the 20th century and the beginning of the 21st century, significant changes occurred in the political and socio-economic spheres of Tajikistan. These transformations took place under complex military-political conditions and a civil war (1992-1997), during which the agricultural infrastructure of the southern and central regions of the republic was almost completely destroyed and looted. In the agricultural regions that found themselves at the epicenter of the fighting, agricultural production was completely paralyzed.

The reforms encompassed almost all aspects of society and the state. The agrarian reform carried out in Tajikistan drastically changed the lives of hundreds of thousands of rural working-age residents, causing mass unemployment and labor migration. During the mass decollectivization of agriculture in the republic, a new institution of agricultural production was formed – dehkans (farmer) farms. This led to a fundamental transformation of the agrarian sector: instead of the reorganized kolkhozes and sovkhoses that had been the backbone of Tajikistan's agrarian economy for decades, numerous individual, family, and collective dehkans emerged, some of which united into associations of farmer farms.

Key words: *Tajikistan, Khatlon region, kolkhozes, sovkhoses, dehkans (farmer) farms, agriculture, land and water reform, dehkans, farmers.*

Маълумот дар бораи муаллиф: Қаҳҳоров Тимур Иззатулоевич – омӯзгори кафедраи таърихи умумӣ ва миллии факултети таърих ва муносибатҳои байналмилалӣ Донишгоҳи славянии Русияву Тоҷикистон. Суроға: Ҷумҳурии Тоҷикистон, шаҳри Душанбе, кӯчаи Мирзо Турсонзода, 30. E-mail: timur.kaharov@bk.ru

Information about the author: **Kaharov Timur Izatuloevich** - lecturer at the Department of General and National History, Faculty of History and International Relations, Russian-Tajik (Slavonic) University (RTSU). Address: Republic of Tajikistan, Dushanbe, Mirzo Tursonzoda Street, 30. E-mail: timur.kaharov@bk.ru

УДК 94 (575.3) "1924" : 61

ОБРАЗОВАНИЕ ТАДЖИКСКОЙ АССР И ПЕРВЫЕ ШАГИ В ФОРМИРОВАНИИ СОВРЕМЕННОЙ МЕДИЦИНЫ

НУРЗОДА А. Р.,

Таджикский национальный университет
Государственного образовательного учреждения
«Медицинский колледж города Канибадам»

В ночь с 25 на 26 октября 1917 г. военные формирования РКП (б) и её союзников в Петрограде заняли Зимний дворец и арестовали членов Временного правительства. Вслед за этим вооруженные восстания произошли в Москве, Нижнем Новгороде, Саратове и ряде других крупных центрах России. 26 октября в Смольном открылся II Всероссийский съезд Советов, который подтвердил свержение Временного правительства, провозгласил установление власти Советов по всей стране и принял Декрет об образовании нового правительства России – Совета Народных Комиссаров (СНК) во главе с В. И. Лениным.

Победа вооружённого восстания в Петрограде, Москве, образование СНК ускорили процесс захвата власти большевиками по всей территории страны, в том числе и в Туркестане. 1 (14) ноября 1917 г. власть в городе Ташкенте перешла в руки Советов. В тот же день Ташкентский Совет рабочих и солдатских депутатов опубликовал воззвание «К населению», в котором извещал о взятии власти в городе в свои руки Краевым Советом и Исполнительным комитетом Ташкентского Совета рабочих и солдатских депутатов [33].

В ряде районов Северного Таджикистана Советская власть установилась мирным пу-

тем. Так взяли власть в свои руки Советы рабочих депутатов Сулюктинских и Шурабских каменноугольных копей и нефтепромысла САНТО [10,130]. Советская власть в Ходженте и Ходжентском уезде была провозглашена 11 ноября 1917 г. В этот день состоялось расширенное заседание Ходжентского Совета рабочих и солдатских депутатов совместно с представителями «Союза трудящихся», городской Думы и исполкомов Советов ближайших к городу Кистакузской и Унджинской волостей. Совет обязал Ходжентского уездного комиссара созвать 5 декабря 1917 г. волостных комиссаров и приступить к организации на местах власти Советов [9,23].

С 15 по 22 ноября 1917 г. в Ташкенте проходил III краевой съезд Советов. Съезд принял резолюцию об установлении Советской власти в Туркестанском крае, избрал первое Советское правительство Туркестана – Совет Народных Комиссаров, призвал к организации власти Советов на местах. К концу 1918 г. – весне 1919 г. Советская власть была провозглашена на всей территории Таджикистана, входившей в состав Туркестана.

30 апреля 1918 г. V краевой съезд Советов принял постановление об образовании Туркестанской Автономной Советской Социалистической Республики и утвердил «Положение о Туркестанской Федеративной Республике». В первом пункте Положения говорилось: «Территория Туркестанского края объявляется Туркестанской Советской Республикой Российской Советской Федерации. В состав Туркестанской республики входит вся страна Туркестан в его географических границах, исключая Хиву и Бухару». В «Положении» указывалось, что Туркестанская советская республика управляется автономно, но признает и координирует свою деятельность с правительством Российской Федерации» [32]. Советское здравоохранение стало важной отраслью в советском государстве. Оно росло и развивалось с развитием всех отраслей народного хозяйства. В наследство от царского режима молодое советское государство получило не только разрушенное народное хозяйство, нищету народных масс, но и низкий уровень культурного развития, тяжелое санитарное состояние страны, высокую заболеваемость и смертность, и почти полное отсутствие на местах медико-санитарных учреждений. Поэтому в первые же дни после Октябрьской революции Коммунистическая партия и Советское правительство приступили к реорганизации народного хозяйства. 26 октября 1917 года был создан медико-санитарный отдел Военно-революционного комитета Петроградского Совета рабочих и крестьянских депутатов, который, согласно указаниям В.И. Ленина начал перестройку медико-санитарного дела. Подобные отделы стали создаваться повсеместно при местных Советах. В тяжёлых условиях гражданской войны они принимали меры к сохранению и созданию новой медико-санитарной сети как в городах, так и в сельской местности [36, 7].

11 июля 1918 г. за подписью В.И. Ленина был издан Декрет Совета Народных Комиссаров РСФСР о создании первого в мире подлинного народного государственного органа управления по здравоохранению - Народного комиссариата здравоохранения РСФСР. По этому Декрету на бюджет государства и в ведение Наркомздрава РСФСР перешли все медико-санитарные учреждения, ранее принадлежавшие различным ведомствам, организациям, частным лицам. При Наркомздраве РСФСР был создан в качестве совещательного органа Центральный медико-санитарный совет, в который вошли представители рабочих организаций. Были приняты решительные меры к укреплению созданных на местах отделов здравоохранения при Советах. По мере образования союзных и автономных республик народные комиссариаты здравоохранения стали создаваться на местах. Так, по Конституции Туркестанской АССР 1918 г. предусматривалась организация ряда наркоматов, в том числе и Наркомата здравоохранения [24, 58]. Основные задачи охраны народного здоровья были сформулированы в программе партии, принятой в 1919 г. на VIII съезде РКП (б). «В основу своей деятельности в области охраны народного здоровья, - говорилось в програм-

ме партии, - РКП полагает прежде всего проведение широких оздоровительных и санитарных мер, имеющих целью предупреждение развития заболеваний...

В соответствии с этим РКП ставит своей целью и ближайшей задачей: 1. Решительное проведение широких санитарных мероприятий в интересах трудящихся, как то: а) оздоровление населенных мест (охрана почвы, воды и воздуха); б) постановка общественного питания на научно-гигиенических началах; в) организация мер, предупреждающих развитие и распространение заразных болезней; г) создание санитарного законодательства. 2. Борьбу с социальными болезнями (туберкулёзом, венерическими заболеваниями, алкоголизмом и т.д.). 3. Обеспечение общедоступной, бесплатной и квалифицированной лечебной и лекарственной помощи».

В программе партии Н.А. Семашко и З.П. Соловьев сформулировали основные принципы советского здравоохранения. Среди них ведущим было профилактическое направление. И здесь речь шла не об узкой профилактике. Профилактическое направление партия положила в основу своей деятельности по охране народного здоровья: «...профилактику надо понимать не узко, как ведомственную задачу органов здравоохранения, а широко и глубоко, как задачу Советского государства об укреплении советского народа» [24,16]. Органы здравоохранения с первых дней развернули огромную работу по организации медико-санитарного обслуживания населения. Она протекала в невероятно трудных условиях гражданской войны и иностранной интервенции, в тяжёлой эпидемиологической обстановке.

Однако органы здравоохранения вели работу не только по борьбе с эпидемиями сыпного тифа и других инфекций, но и восстановлению, укреплению и развёртыванию сети медицинских учреждений в городе и селе. Получила планомерное развитие сеть учреждений по охране здоровья матери и ребенка. Было введено в эксплуатацию значительное число курортов, санаториев и домов отдыха. Возникли новые высшие и средние медицинские учебные учреждения. Так, в стране число больничных коек с 175,7 тыс. в 1913 г. увеличилось до 246,5 тыс. в 1928 г., т.е. на 40%. Это создало определённые предпосылки для повышения качества и культуры стационарного обслуживания городского и сельского населения. За этот период показатель коечного обслуживания городского населения возрос с 3,8 до 6,0, а сельского населения - с 0,44 до 0,49 на 1000 населения. Значительные успехи были достигнуты в развитии внебольничной помощи. Так, число амбулаторно-поликлинических учреждений с 1230 в 1913 г. увеличилось на 5674 в 1928 г. т.е. в 4,5 раза. Также возросло количество медицинских кадров. Число врачей с 19785 в 1913 г. увеличилось до 63162 в 1928 г., т.е. в три с лишним раза [31, 84-96].

До образования Наркомздрава в Туркестане не было единого санитарного центра. Наряду с военно-санитарной организацией существовали самостоятельные городские, земские, железнодорожные, переселенческие и частные медицинские учреждения со своими штатами, сметами и т.д. [17, л.55] Народный комиссариат здравоохранения Туркестанской АССР перевёл себе все эти медицинские учреждения. Свою работу он начал в чрезвычайно сложных условиях. Ломка старого санитарного аппарата и создание нового проводились в разгар гражданской войны, голода и эпидемий. Существовавшие немногочисленные больницы были переполнены ранеными и больными с фронтов [28, с.516]. Лечебные учреждения в основном помещались в малопригодных помещениях, ощущалась резкая нехватка медицинского персонала. С тем, чтобы выявить наличие медицинского персонала в Туркестанской АССР, Наркомздрав республики в 1918 году провел регистрацию всех медицинских работников, которые были мобилизованы на работу в медицинские учреждения. Большая помощь была оказана раненым и больным фронтовикам. В 1918 году на фронт было отправлено три санитарных поезда [16, л.18, 28]. Однако главной задачей Нарком-

здрави по-прежнему оставалась организация лечебного дела в республике. Было намечено в короткие сроки открыть 45 участков больниц и 124 амбулаторных пункта [15, л.12].

Каждый уезд предполагалось разделить на ряд врачебных участков по числу больниц, к которым прикреплялись 3-4 амбулаторно-фельдшерских пункта. Врач участковой больницы должен был помимо оказания лечебной помощи больным осуществлять контроль за работой амбулаторно-фельдшерских пунктов, проводить общее руководство по санитарному надзору на своем участке, вести санитарно-просветительскую работу среди населения и в школах. Важную работу по налаживанию лечебного дела проводили в Туркестанской АССР соответствующие отделы при местных Советах, созданные по решению СНК ТАССР. В начале 1918 года такой отдел начал функционировать при Совете Ходженского уезда [25,6].

Создание лечебных учреждений и реорганизация органов здравоохранения требовала больших ассигнований. Несмотря на трудности военного времени, правительство выделяло значительные по тому времени средства, которые увеличились с каждым годом. Если в 1918 году капитальные вложения на развитие здравоохранения составляли 107, 96 млн. руб. (по курсу рубля того времени), или 5% общего бюджета, то в 1920 году они возросли до 800,22 млн. руб. и составили 6,7% от общего бюджета Туркестанской Республики [25,195].

Большую помощь медикаментами, лабораторным и госпитальным оборудованием, кадрами, дополнительными ассигнованиями оказывала Туркестанской АССР Российская Федерация. Как ни слаба была база, на которой строилось советское здравоохранение, на большей части территории страны она всё же была. В Таджикистане же такой базы не было и организовывать здравоохранение предстояло фактически на пустом месте. Период по 1929 год, охватывавший первые этапы развития здравоохранения Таджикистана, был особым и крайне сложным. Здесь развитие здравоохранения проходило в иных, по сравнению с другими республиками СССР, условиях. Они определялись, прежде всего «многоэтапностью» формирования республики, а также особенностями её политического, экономического и культурного развития. Как отмечалось, после Октябрьской революции современные районы Северного Таджикистана и Восточный Памир вошли в состав образованной в 1917 году Туркестанской АССР, а Южный и Центральный Таджикистан с Западным Памиром до конца 1920 года оставались в составе Бухарского эмирата.

На территории Северного Таджикистана были образованы Пенджикентский и Ура-Тюбинский вилайеты, а также Ходжентский округ. Указанные вилайеты оставались до 1925 года в составе Туркестанской АССР, после чего воссоединились с Таджикской АССР. Ходжентский округ первоначально вошел в состав Узбекской ССР и воссоединился с Таджикской ССР лишь в 1929 году. На остальной территории современного Таджикистана, известной в истории под названием Восточной Бухары, советская власть была установлена лишь в конце 1920 г. С этого периода по 1924 г. Восточная Бухара находилась в составе образованной в 1920 г. Бухарской Народной Советской Республики (БНСР). Сразу же после установления Советской власти и образования Бухарской Народной Советской Республики в декабре 1920 г. был создан Назират (Наркомат) народного образования, а при нём подотдел здравоохранения, который возглавил работу по организации медицинской помощи в республике. На него были возложены задачи организации медико-санитарного обслуживания населения республики. Оно осуществлялось, «по двум направлениям: 1) лечение заболевших граждан и 2) создание таких санитарно-гигиенических условий в республике, при которых бы не могли развиваться эпидемические заболевания, так губительно отражающиеся на населении республики» [14, л.10]. НКЗдрав БНСР просуществовал недолго. Согласно постановлению Совета народных назиров БНСР от 12 марта 1921 г. «О соединении функций некоторых назиратов», назираты труда, социального обеспечения и здраво-

охранения были объединены в единый назират труда, социального обеспечения и здравоохранения [26,116].

В соответствии с «Положением о назирате труда, социального обеспечения и здравоохранения БНСР» при назирате был создан отдел здравоохранения с подотделами (лечебным, санитарно-эпидемиологическим, медицинского снабжения, ветеринарным и военно-санитарным). Он являлся высшим медицинским органом в республике, ведавшим всеми вопросами организации здравоохранения в БНСР. В его задачи входила организация медико-санитарного обслуживания населения республики [13, л.1].

На территории Восточной Бухары в связи с начавшейся там гражданской войной отдел здравоохранения практически не проводил никакой работы. Здесь лечебную помощь оказывали врачебные пункты воинских частей и госпитали. Для организации медицинской помощи населению Восточной Бухары в начале 1921 года был создан Восточно-Бухарский здравотдел, не располагавший ни сетью лечебных учреждений, ни медицинскими кадрами. Здравотдел проводил некоторую работу по медицинскому обслуживанию населения через Управление санитарной части 13 стрелкового корпуса, находившегося в те годы в Восточной Бухаре на основании заключённого в 1923 году договора [1, л.12]. В нем говорилось: «Установить оказание медицинской помощи коренному населению санитарными учреждениями корпуса в тех пунктах, где таковая не может быть оказана гражданскими лечебными учреждениями». Управление санитарной части корпуса обязалось оказывать медицинскую помощь в следующих пунктах: а) амбулаторную в Гарме, Кулябе, Ширабаде, Юрчах, Кабадиане, Сары-Асие и Яване; б) стационарную в Кули Сафионе, Каратаге, Байсуне и Душанбе, выделив в первых трех по 5 коек, а в Душанбе -10.

Развёрнутые санчастью стрелкового корпуса амбулатории открывались и закрывались в зависимости от дислокации воинских частей и боевой обстановки. Кроме того, в то время за счёт Бухарской республики в Восточной Бухаре содержалось около 15 врачебных пунктов. Медицинская помощь, оказывавшаяся населению санчастью корпуса, носила случайный характер, так как пункты функционировали в зависимости от дислокации воинских частей, и военные медицинские работники были перегружены своей основной работой из-за высокой заболеваемости малярией и дизентерией, а также большого числа раненых [8, л.92]. Несмотря на это, договор имел положительное значение, так как военные медицинские работники были пионерами не только в оказании медицинской помощи местному населению, но и в проведении некоторых санитарно-противоэпидемических мероприятий. Этим исчерпываются сохранившиеся сведения о состоянии здравоохранения в Восточной Бухаре в период её вхождения в состав Бухарской Народной Советской Республики.

Как говорилось выше, территория нынешнего Таджикистана до 1924 года входила в состав Туркестанской АССР. В 1917 году был создан Комиссариат народного здравоохранения Туркестанской АССР - государственный орган управления делом здравоохранения в республике. Комиссариат народного здравоохранения приступил к восстановлению и росту сети лечебных учреждений, оснащению их оборудованием, подбору и подготовке медицинских кадров. Была открыта Высшая медицинская школа в 1919 году, реорганизованная впоследствии в Ташкентский медицинский институт. Принятые мероприятия дали Комиссариату народного здравоохранения возможность сосредоточить основное внимание органов и учреждений здравоохранения республики на организации медико-санитарного обслуживания воинских частей и населения, а также на борьбе с эпидемиями. Выполнение этих важных задач временами проходило в отрыве от центральных органов здравоохранения страны, без руководящих положений и опыта, а также без наличия должных материальных ресурсов, в тяжелой эпидемиологической обстановке, в условиях хозяйственной разрухи, голода и т.д. Несмотря на это, органы здравоохранения республики добились некоторых успехов. Об этом свидетельствуют данные статистики. Так, в республике число заболеваний сыпным тифом

в 1923 году против 1921 года снизилось в 7 раз, возвратным тифом – в 6,8 раз, брюшным тифом – в 6, 0, малярией – в 2,1, детскими инфекционными заболеваниями – в 3,2, а оспой – на 39,8%; если в 1921 году было зарегистрировано 3315 заболеваний холерой, то в 1924 г. – 4 случая [21, 50-51]. Первые успехи были достигнуты и в обеспечении населения бесплатной и общедоступной медицинской помощью. Для выполнения этой важной задачи, в частности, на территории Северного Таджикистана, функционировали Ходжентская и Ура-Тюбинские городские больницы, Пенджикентская и Науская участковые больницы, а также несколько амбулаторий (в Канибадаме, Исфаре, Ходженте, Аште и др.).

После национально-территориального размежевания Средней Азии в 1924 году одна часть территории Северного Таджикистана – Пенджикентский и Ура-Тюбинский вилайаты вошли в состав Таджикской АССР, а другая, впоследствии получившая название Ходжентского округа, до 1929 года оставалась в составе Узбекской ССР. После воссоединения в 1929 году Ходжентского округа с Таджикистаном Таджикская АССР была преобразована в союзную республику.

В 1924 году в связи с образованием Таджикской АССР, Восточно-Бухарский здравоотдел был реорганизован в Народный Комиссариат здравоохранения Таджикской АССР. Направление и содержание работы соответствовало главным принципам, выработанным Коммунистической партией и Советской властью. Они сводились к следующему:

1. Проведение широких санитарных мероприятий в интересах трудящихся.
2. Борьба с социальными болезнями.
3. Обеспечение общедоступной бесплатной и квалифицированной медпомощью [30,429-430].

Становление здравоохранения в республике происходило в чрезвычайно трудных условиях. Не было необходимых кадров, помещений, инвентаря инструментария, не хватало медикаментов. Даже Наркомздрав республики, как, в прочем и другие правительственные учреждения, помещался в глинобитной кибитке и имел чрезвычайно малый аппарат управления. Как писал позднее один из пионеров здравоохранения в Таджикистане Л.Ф. Парадоксов, «кибитка была только что отремонтирована, стены наново смазаны глиной, при топке железных печей от стен шел пар, а через несколько дней на стенах начала расти пшеница» [34, с.6]. Следует учитывать, что хозяйство и без того отсталого края было разрушено затянувшейся гражданской войной. В ряде районов бесчинствовали басмаческие банды.

Таким образом, развитие здравоохранения, как и другие социалистические преобразования в республике, было возможно только при всесторонней помощи и поддержке Коммунистической партии, Союзного правительства и других народов СССР.

Наркомздрав республики начал свою деятельность с укреплением деловых связей с военным ведомством и постепенно стал готовить базу для развёртывания первых гражданских лечебных учреждений. Из других республик в Таджикистан были отправлены группы специалистов, поступило новое оборудование, инструменты и т.д. Это позволило Наркомздраву Таджикской АССР приступить к созданию в республике сети медицинских учреждений. Доктору Л.Ф. Парадоксову было поручено организовать глазную амбулаторию в Душанбе, открытие которой состоялось 28 февраля 1925 года. Из военного ведомства Наркомздрав пригласил на работу хирурга Ласточкина, и в мае того же года была создана глазо-хирургическая больница на 12 коек [18, л.1].

Создание первых советских медицинских учреждений в Таджикской АССР стало большим событием. О них писалось в газетах, говорилось по радио. Так, 13 мая 1925 года газета «Правда Востока» сообщала: «Сегодня в присутствии комфронтов Левандовского, помначсанчасти Кугирянца, заместителя председателя Ревкома Дадабаева и представителей профсоюзов состоялось открытие первой глазо-хирургической больницы в Таджики-

стане. Выступивший с приветствием от имени Среднеазиатского бюро ЦК РКП комфронт Левандовский указал, что первой задачей момента является оказание медпомощи кишлаку. Открытие больницы имеет громадное политическое значение в деле борьбы с басмачеством» [23, с. 235]. В декабре больнице, которая стала называться «Центральной», было предоставлено здание, освобождённое военведомством и Ревкомом. В больнице число коек с 8 возросло в июне 1925 г. до 33; она состояла из хирургического отделения на 12 коек, глазного – на 6, терапевтического и венерического – на 9 и акушерско-гинекологического – на 6 коек; к концу 1925 г. она уже насчитывала 45 коек. В 1928 г. городская больница располагала 125 койками и состояла из терапевтического отделения на 30 коек, хирургического – на 30 коек, акушерско-гинекологического – на 20, детского – на 20, инфекционного на 20 коек и глазного отделения – на 5 коек. В этом же году она была преобразована в Республиканскую больницу. Больница всё более благоустраивалась, улучшалось её оснащение медицинским и хозяйственным оборудованием. При ней были организованы в 1929 году рентгеновский кабинет и физико-терапевтическое отделение, судебно-медицинская экспертиза, станция скорой помощи и другие лечебно-диагностические и вспомогательные кабинеты (отделения). Осуществлённые мероприятия способствовали повышению качества лечебно-профилактической помощи населению

Создание в городах одного медицинского учреждения за другим давало возможность постепенно обеспечить городское население бесплатной и общедоступной помощью [18, л.1].

В республике к марту 1925 года имелось 28 врачебных пунктов, из них 26 –военно-гражданских и 2 –гражданских, а в мае 1926 года их соотношение изменилось: военно-гражданских стало 12, а гражданских -14. Силами этих учреждений, а также врачебных отрядов НКЗдрав Таджикской АССР приступил к обеспечению медицинской помощью прежде всего в районах, сильно пострадавших от басмачества. Гражданские медики передвигались в основном с воинскими частями корпуса. «В походной обстановке ехали гражданские врачи, ехали медицинские сестры. И эти сестры и врачи на первой мирной стоянке, после боя с басмачами, развёртывали помощь населению» [6, л.360-362]. В республике число пунктов к концу 1926 года возросло с 26 до 37. Это число не было стабильным: оно то росло, то уменьшалось в зависимости от сложившихся условий. Следовательно, развёрнутые пункты - врачебные и фельдшерские – были первыми лечебными учреждениями, обеспечившими население бесплатной и общедоступной медицинской помощью.

НКЗдрав республики в своей деятельности руководствовался «Положением о Наркомздраве Таджикской АССР», утверждённым 20 марта 1925 г. «Наркомздрав, - говорилось в «Положении», - является центральным органом, руководящим всем медико-санитарным делом в республике». На НКЗдрав возлагались следующие основные обязанности: 1) разработка и подготовка законодательных норм в области медико-санитарного дела; 2) наблюдение и контроль за применением этих норм и принятие мер к их неуклонному выполнению; 3) издание обязательных для всех учреждений и граждан республики распоряжений и постановлений в области медико-санитарного дела; 4) содействие всем учреждениям республики в осуществлении медико-санитарных задач; 5) руководство центральными медико-санитарными учреждениями научного и практического характера; 6) обеспечение в финансовом и хозяйственном отношении медико-санитарных учреждений краевого масштаба; 7) контроль за материально-финансовым обеспечением всех лечебно-профилактических учреждений, перешедших на местный бюджет, а также финансовым содержанием эпидемических мероприятий; 8) согласование проводимых мероприятий с медико-санитарной деятельностью местных отделов здравоохранения.

НКЗдрав состоял из двух отделов: лечебного и организационно-хозяйственного. В состав лечебного отдела входил фармацевтический подотдел, а организационно-хозяйст-

венный объединял административно-организационный и материально-финансовый подотделы. В «Положении» были определены также основные задачи отделов и подотделов НКЗдрава [2, л.1-2].

По мере экономического укрепления республики росли и ассигнования на нужды здравоохранения, в том числе на строительство медицинских учреждений и их оснащение. Например, за 1929/30 г., против 1924 г. бюджет здравоохранения вырос в 25 раз. Финансирование здравоохранения в начале шло преимущественно за счет республиканского бюджета, но затем доля местного бюджета с 5,4% в 1925/26 возросла до 46,8% в 1928/29 г., что отражало быстрое экономическое развитие городов и районов молодой республики. Доля бюджета здравоохранения республики в объеме бюджета Таджикской АССР с 4% в 1924/25г. возросла до 8% в 1929/30 г.

Для производства ремонта и строительства медицинских учреждений ежегодно отпускались значительные ассигнования. С 150 тыс. рублей в 1925/26 г., 335 тыс. рублей в 1926/27г. и 260 тыс. рублей в 1927/28г. они возросли до 2 млн. рублей в 1929/30 г. За счет этих средств, в частности, были построены участковые и районные больницы в Сарай-Камарском, Гармском, Кулябском, Курган-Тюбинском, Пархарском, Оби-Гармском, Ховалинском и в других районах республики.

Несмотря на рост бюджета здравоохранения, средние расходы на душу населения по здравоохранению в Таджикской АССР были гораздо ниже, чем в других республиках. Так, если в Таджикской АССР на душу населения расходовалось в 1924 г. 17 коп., а в 1929/30 г. – 5,3 руб., то в РСФСР уже в 1927 г. расходовалось 7 руб. 76 коп. [8, л.36].

В 1925 г. в Среднюю Азию прибыл Народный комиссар здравоохранения РСФСР Н.А. Семашко для непосредственного ознакомления с делом народного здравоохранения в среднеазиатских республиках. Он побывал в Ашхабаде, Самарканде, Бухаре и Ташкенте.

На съезде здравоохранения в Ташкенте в 1925 году, происходившем с его участием, были заслушаны доклады руководителей органов здравоохранения автономных республик и областей Средней Азии об организации лечебной помощи застрахованным и кочевникам, о санитарном состоянии и о мероприятиях по улучшению охраны материнства и младенчества. Н.А. Семашко отметил тогда, что «...состояние дела здравоохранения в Средней Азии носит пёстрый характер, но одна общая черта характеризует постановку дела во всей Средней Азии: на пустом почти месте уже растёт сеть учреждений здравоохранения, теперь здравоохранение уже проникает в кишлаки и аулы» [35].

Н.А. Семашко призвал органы здравоохранения республик и областей Средней Азии повернуться лицом к кишлакам и аулам, обеспечить медицинскую помощью коренное население, поголовно болеющее «бытовыми» болезнями, а иногда вымирающее от них, усилить мероприятия по охране материнства и младенчества, а также по борьбе с социально-бытовыми болезнями, как можно шире развернуть санитарное просвещение, прежде всего среди коренного населения.

Указания Н.А. Семашко имели большое значение в период становления и развития советского здравоохранения в Средней Азии, в том числе и в Таджикской АССР. Он, будучи долгое время Народным комиссаром здравоохранения РСФСР, и в дальнейшем оказывал постоянную организационно-методическую, научно-практическую и материальную помощь органам здравоохранения республик Советского Востока.

Гораздо труднее было развёртывать лечебные учреждения в сельской местности. В разрушенных и разорённых басмачами районных центрах и кишлаках республики порою не находилось соответствующих помещений, которые можно было бы после ремонта занять под медицинские учреждения. «Помещения, занимаемые лечебными заведениями, - говорилось в докладной НКЗдрава в 1926 г., - за исключением Центральной больницы в г. Душанбе, совершенно не соответствуют запросам, т.к. большинство не побелено, без окон,

стекол и дверей, с протекающими крышами» [3, л.35]. В отчётном докладе правительства республики IV съезду Советов Таджикской ССР в 1929 году указывалось, что «...96% больниц помещаются в зданиях кибиточного типа» [19, л.158].

В этой «стране классического бездорожья», как ещё совсем недавно указывали Таджикистан, трудно было подвозить в лечебные учреждения необходимое медицинское и хозяйственное имущество и медикаменты.

Кроме того, проведению лечебной и особенно профилактической работы в республике всячески мешали духовенство и баи. Под влиянием их агитации часть запуганного населения, главным образом в сельской местности, вначале уклонялось от лечебных и особенно профилактических мероприятий. «Трудности в работе усугублялись еще и тем, что служители религиозного культа и байство..., а также табибы, знахари и другие врачеватели чинили всяческие препятствия новому строительству» [22,5-9]. Некоторая часть населения под влиянием религиозных предрассудков не решалась обращаться к врачу за помощью. «Женщины, например, соглашались подвергнуть себя врачебному осмотру лишь в присутствии моей жены», писал врач А.И. Большемеяников [29].

Наконец, медицинскому персоналу приходилось считаться и с постоянной угрозой нападения басмаческих банд. Однако, на первых этапах органы здравоохранения Таджикской АССР, преодолевая все трудности, продолжали вести работу по расширению сети лечебных учреждений, комплектованию их кадрами специалистов и оснащению их необходимым оборудованием.

Советское здравоохранение завоёвывало всё более и более прочный авторитет среди населения республики, неуклонно росла обращаемость населения, в том числе сельского, в лечебные учреждения. «Успешность в лечении трудящихся масс, - говорилось в Отчётном докладе правительства Таджикской АССР в 1926 году, - очевидные преимущества советской медицины перед табибством, постепенное, но настойчивое продвижение в глубь кишлака обеспечили рост авторитета советской медицины в основных массах коренного населения. Советская медицина завоевала доверие трудящихся и служит смычкой Советской власти с населением» [5, л.130].

В республике число больниц с 5 на 105 коек в 1925 году возросло до 21 (в том числе 14 городских) с 960 больничными койками в 1929 г., а амбулаторных учреждений соответственно от 8 возросло до 60. Несмотря на это, сеть лечебных учреждений была ещё недостаточной, а медицинская помощь – весьма ограниченной. В начале этого периода часть населения по-прежнему продолжала пользоваться услугами медико-санитарных учреждений военного ведомства.

Квалифицированная врачебная помощь оказывалась только в Душанбе и лишь в некоторой степени в областных центрах, где население обеспечивалось терапевтической, хирургической и зубоврачебной помощью. Медицинскую помощь сельскому населению оказывали амбулаторные пункты, а также городские медицинские учреждения и врачи отрядов и бригад, периодически направлявшихся в сельскую местность. Медицинские бригады явились первой формой организации здравоохранения на селе, которая основывалась на осуществлении широких оздоровительных мероприятий и на учете особенностей труда и быта социалистического сектора деревни [20,12].

В республике год от года увеличивался объем оказываемой населению амбулаторно-поликлинической помощи. Так, общее число посещений с 64,1 тыс. в 1924/25 г. увеличилось до 594,4 тыс. [4, л.139-140].

В структуре заболеваемости населения высокий удельный вес занимали желудочно-кишечные и кожные заболевания, преимущественно чесотка, экзема, грибковые заболевания, малярия и трахома. Значительным был удельный вес туберкулёза и сифилиса, главным образом его врожденных форм. Ведущими по частоте всё еще были инфекционные заболе-

вания. Однако можно отметить, что пришлое население реже болело кожными и глазными заболеваниями, а также сифилисом, зато значительно чаще – малярией.

В системе внебольничной помощи постепенно налаживалась скорая и неотложная медицинская помощь. Для этого специальный медицинский персонал предусматривался только в Душанбе и областных центрах республики. Впервые в республике в 1925 г. в Душанбе был создан пункт скорой медицинской помощи, где работали врач и «лекпом» (лекарский помощник). Ими в 1926/27 гг., например, было выполнено 6408 вызовов, в том числе 4278 - первичных и 2130 - повторных [7, л.155].

Если на первых этапах здравоохранения основное внимание уделялось развитию сети учреждений внебольничной помощи, то с переходом на рельсы мирного строительства стала налаживаться и стационарная помощь населению.

Однако лечебно-профилактическое дело в республике развивалось очень медленными темпами и к концу периода население Таджикской АССР обеспечивалось стационарной помощью в несколько раз хуже, чем жители большинства республик Средней Азии и Закавказья. Так, если в 1926/27 г в РСФСР одна койка приходилась на 666 человек, в Грузинской ССР – на 625, в Туркменкой ССР – на 1974 человека, то в Таджикской АССР – на 3919 человек. Соответственно одна амбулатория приходилась на 16352,21542, 14641 и 203250 человек [7, л.100].

Ходженский округ, образованный в 1926 году из части районов Самаркандской и Ферганской областей Узбекской ССР, оставался в составе этой республики до 1929 года. Созданный окружной отдел здравоохранения, состоявший из подразделов лечебно-санитарного, охраны материнства и детства, а также общего отдела, проделал определённую работу по развёртыванию и укреплению сети медицинских учреждений в округе.

Созданные медицинские учреждения способствовали улучшению обеспечения населения амбулаторной и больничной помощью. Например, число посещений к врачам округа с 68,8 тыс. в 1926 г. увеличилось до 220,2 тыс. в 1929 г., т.е. более чем в три раза (соответственно 0,3 и 1,0 посещение на одного жителя в год). Первые материалы, полученные амбулаторными учреждениями, дали возможность судить о структуре заболеваемости, в которой значительный удельный вес, как и в бывшей Восточной Бухаре, занимали инфекционные заболевания. Последние, например, в 1927-28 гг. составляли 14,8% к числу всех заболеваний, зарегистрированных амбулаторными учреждениями округа. Среди инфекционных заболеваний малярия составила 48,3%, туберкулёз -17,3%, венерические заболевания - 15,3%, грипп -11,6%.

Принимая во внимание слабое развитие сети медицинских учреждений в сёлах, окрестным районом были введены должности разъездных лекпомов, которые оказывали медицинскую помощь сельскому населению округа и проводили на местах профилактическую работу.

Претворение в практику этого нового вида помощи (разъездного обслуживания) способствовало значительному приближению бесплатной медицинской помощи сельскому населению.

В округе постепенно налаживалось обеспечение населения и больничной помощью. Например, число больных, пользовавшихся стационарной помощью, с 1780 в 1927 г. возросло до 3829 в 1929 г. Соответственно ими было проведено 17680 и 38984 койко-дней. Среднее пребывание больного на койке составляло соответственно 9,9 -10,2 дня, а больничная летальность - 2,5%. В эти годы объем оказываемой стационарной помощи был крайне ограниченным. Ее получало около 8% от общего числа больных, нуждавшихся в стационарном лечении.

Рост сети медицинских учреждений требовал планового комплектования их кадрами высшей и средней квалификации. Их число в округе, как и в Таджикской АССР, росло ис-

ключительно за счет приглашения Окрздравотделом медицинских работников из других районов страны. Число медицинских работников с 20 (в том числе 5 врачей) в 1923/24 гг. увеличилось до 94 человек (в том числе 42 врача) в 1929 г. [11, л. 906].

Достигнутые в округе успехи по развитию сети медицинских учреждений были связаны, прежде всего, с ростом ассигнований на нужды здравоохранения Окрздравотделом с 121,2 тыс. руб. в 1926 г. возрос до 791,6 тыс. руб. в 1929 г. [12, л.461] т.е. в 6,5 раза. Соответственно увеличивались расходы по здравоохранению на душу населения. Они, например, с 14 коп. в 1913 г и до 58 коп. в 1926 г. возросли до 4,0 руб. в 1929 г.

Таким образом вышеприведенное исследование показывает, что в рассматриваемый период Таджикская АССР фактически лишь приступила к организации медицинской сети. К концу периода она была еще очень слабой, и объем её деятельности был невелик. Однако сам по себе факт начала строительства медицинской сети в крае, который в недавнем прошлом был самой порабощенной и наиболее отсталой в политическом, экономическом и культурном отношениях колонией царизма, факт приобщения населения этого края к научной медицине имел огромное политическое значение.

ЛИТЕРАТУРА

1. ЦГА Республики Таджикистан. – Ф.2. – Оп.1. – Ед.хр.58. – Л.12.
2. ЦГА Республики Таджикистан. – Ф.9. – Оп.1. – Ед.хр.175. – Л.1-2.
3. ЦГА Республики Таджикистан. – Ф.9. – Оп.1. – Ед.хр.266. – Л.35.
4. ЦГА Республики Таджикистан. – Ф.10. – Оп.1. – Ед.хр.54-а. – Л.139-140.
5. ЦГА Республики Таджикистан. – Ф.12. – Оп.1. – Ед.хр.1. – Л.130.
6. ЦГА Республики Таджикистан. – Ф.12. – Оп.1. – Ед.хр.2. – Л.360-362.
7. ЦГА Республики Таджикистан. – Ф.17. – Оп.1. – Ед.хр.302-а. – Л.100, 155.
8. ЦГА Республики Таджикистан. – Ф.19. – Оп.1. – Ед.хр.167. – Л.36, 92.
9. ЦГА Республики Таджикистан. – Ф.82. – Оп.1. – Д.13. – Л.23.
10. ЦГА Республики Таджикистан. – Ф.82. – Оп.1. – Д.64. – Л.130.
11. ЦГА Республики Таджикистан. – Ф.172. – Оп.1. – Ед.хр.58. – Л.906.
12. ЦГА Республики Таджикистан. – Ф.279. – Оп.7. – Ед.хр.21. – Л.461.
13. ЦГА Республики Узбекистан. – Ф.61. – Оп.1. – Ед.хр.81. – Л.1.
14. ЦГА Республики Узбекистан. – Ф.61. – Оп.1. – Ед.хр.83. – Л.10.
15. ЦГА Российской Федерации. – Ф.482. – Оп.2. – Д.226. – Л.12.
16. ЦГАОР Российской Федерации. – Ф.1334. – Оп.1. – Д.27. – Л.18, 28.
17. ЦГАОР Российской Федерации. – Ф.1334. – Оп.1. – Д.29. – Л.55.
18. ЦГАОР Российской Федерации. – Ф.8009. – Оп.5. – Д.197. – Л.1.
19. ПАТФ ИМЛ. – Ф.3. – Оп.1. – Ед.хр.149. – Л.158.
20. Виноградов Н.А. Здравоохранение в период борьбы за коллективизацию сельского хозяйства. – М., 1955. – 41 с.
21. Дембо Г.И. Санитарно-лечебное дело в Туркесреспублике и план его развития. – Ташкент, 1924. – 112 с.
22. Здравоохранение Таджикистана. – 1936. – №2. – С.5-9.
23. Из истории культурного строительства в Таджикистане [Текст]. – Душанбе, 1966. – Т.1. – 672 с.
24. История советского государства и права Узбекистана (1917-1924 гг.) [Текст]. – Ташкент, 1960. – Т.1. – 511 с.
25. История культурного строительства в Таджикистане (1917-1977 гг.). – Душанбе: Дониш, 1983. – Т.2. – 472 с.
26. Ишанов А.И. Создание Бухарской Народной Советской Республики (1920-1924 гг.), – Ташкент, 1955. – 180 с.
27. Кадыров А. К истории создания советской системы народного здравоохранения Северного Таджикистана (1917-1929 гг.) [Текст]/Из истории строительства в Таджикистане. – Душанбе, 1968. – Вып.1. – С.195.
28. Кары-Ниязов Т.Н. Очерки истории культуры Советского Узбекистана [Текст]. – М., 1955. – 560 с.
29. Комсомольская правда. – 1939. – 9 января.
30. КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК [Текст]. -7-е изд. -М., 1954. – Ч.1. – 832 с.
31. Митерев Г.А. Народное здравоохранение за 25 лет Советской власти [Текст] – М., 1942. – 95 с.
32. Наша газета. – 1918. – 5 мая.
33. Наша газета. – 1917. – 9 ноября.
34. Парадоксов Л.Ф. 10 лет здравоохранения в Южном Таджикистане//Здравоохранение в Таджикистане. -1936. - №2. С.6.
35. Правда Востока. – 1925. – 26 марта.
36. Семашко Н.А. Очерки по теории организации советского здравоохранения [Текст]/- М., 1947. – 47 с.

ТАЪСИСИ ҶМШС ТОҶИКИСТОН ВА ҚАДАМҲОИ АВВАЛ ДАР ТАШАҚҚУЛИ ТИББИ МУОСИР

Дар ин мақола дар бораи таъсиси Ҷумҳурии Мухтори Шуравии Сотсиалистии Тоҷикистон ва қадамҳои аввал дар ташаққули тибби муосир маълумот дода шудааст. Муаллиф дар асоси маълумо-

ти бойгонӣ, адабиёт ва маҷаллаҳои илмӣ, инчунин дигар сарчашмаҳои ҳолати ташаккулёбии низоми тиб ва тандурусти муосирро баъд аз ташкилшавии Ҷумҳурии Мухтори Шуравии Сотсиалистии Тоҷикистон мавриди паҷӯшиши илмӣ қарор додааст. Аз ҷумла, қайд шудааст, ки барои ташкили кумаки тиббӣ ба аҳолии Бухорои Шарқӣ, ки қисмати зиёди Тоҷикистони имрӯза ба ҳудуди он шомил буд, дар ибтидои соли 1921 шӯбаи тандурусти Бухорои Шарқӣ ташкил гардид, ки дар соҳтори он на муассисаҳои табобатӣ ва на духтурони касбӣ буданд. Соли 1924 баъд аз таъсиси Ҷумҳурии Мухтори Шуравии Сотсиалистии Тоҷикистон, шӯбаи тандурусти Бухорои Шарқӣ ба Комиссариати Халқии ҶМШС Тоҷикистон таъсис дода шуда, ин омил заминаи асосӣ барои ташаккули тиб ва соҳаи тандурусти муосири Тоҷикистони имрӯза гардид, ки дар мақолаи мазкур ҳананда метавонад ба қадамҳои аввалини ташаккули он шинос шавад.

Калидвожаҳо: таърихи тиб, Осӣи Миёна, ҶМШС Тоҷикистон, тибби муосир, беморхона, Бухорои Шарқӣ.

ОБРАЗОВАНИЕ ТАДЖИКСКОЙ АССР И ПЕРВЫЕ ШАГИ В ФОРМИРОВАНИИ СОВРЕМЕННОЙ МЕДИЦИНЫ

В данной статье представлены сведения об образовании Таджикской Автономной Советской Социалистической республики и о первых шагах на пути создания современной медицины. Автор на основе данных архивов, научных трудов и журналов, других авторитетных источников исследует состояние процесса создания современной системы здравоохранения после образования Таджикской Автономной Советской Социалистической республики. Отмечено, что для организации медицинской помощи населению Восточной Бухары, в которую входила большая часть сегодняшнего Таджикистана, в начале 1921 года был организован отдел здравоохранения Восточной Бухары, в структуре которого не было ни медицинских учреждений, ни профессиональных врачей.

В 1924 году, после образования Таджикской АССР, отдел здравоохранения Восточной Бухары был преобразован в Народный Комиссариат Таджикской АССР, что явилось основой для создания современной медицины и системы здравоохранения сегодняшнего Таджикистана.

В данной статье читатель может ознакомиться с первыми шагами на пути создания этой важной сферы жизни общества.

Ключевые слова: история медицины, Средняя Азия, Таджикская АССР, современная медицина, больница, Восточная Бухара.

THE ORGANIZATION OF THE REPUBLIC OF TAJIKISTAN AND THE FIRST STEPS IN THE ORGANIZATION OF MODERN MEDICINE

This article provides information about the organization of the Autonomous Soviet Socialist Republic of Tajikistan and the first steps in the organization of modern medicine. In this article, based on archival data, literature and scientific journals, as well as other sources, the author has made a scientific study of the state of organization of the modern medical and health care system after the establishment of the Tajikistan Autonomous Soviet Socialist Republic. In particular, it has been noted that in order to organize medical assistance to the population of Eastern Bukhara, which included a large part of present-day Tajikistan, in the beginning of 1921, the health department of Eastern Bukhara was established, which did not include medical institutions or doctors. were professional. In 1924, after the establishment of the Autonomous Soviet Socialist Republic of Tajikistan, the health department of Eastern Bukhara was transformed into the People's Commissariat of the Tajik CIS, and this factor became the main basis for the formation of modern medicine and healthcare in Tajikistan.

Keywords: history of medicine. Central Asia, Tajikistan CIS, modern medicine, hospital, Eastern Bukhara

Сведения об авторе: Нурзода Амирджон Рузихон - кандидат исторических наук, - соискатель - докторант кафедры истории таджикского народа факультета истории Национального университета Таджикистана, директор Государственного образовательного учреждения «Медицинский колледж города Канибадам». Тел: +992918247678; E-mail: amirinur@mail.ru

Information about the author: Nurzoda Amirjon Ruzikhon - Candidate of Historical Sciences, Working for degree of doctors of the Department of History of the Tajik People, Faculty of History, National University of Tajikistan, director of the Medical College of Kanibadam; Tel: +992918247678; E-mail: amirinur@mail.ru

ОМУЌИШИ ТАЪРИХИ РУШДИ ТАРРОҲИИ КОСТЮМ ДАР РАВАНДИ ТАЪЛИМ

САФАРОВА З. Н.,

Донишгоҳи технологии Тоҷикистон

Санъат наметавонад, ки аз решаҳои таърихии худ чудо шуда, дар ҷойи ҳолӣ рушд кунад. Инноватсияи ҳақиқӣ ва пешрафта танҳо дар асоси аз худкунии амик ва тан-кидии анъанаҳо, муносибати эҳтиёткорона ба мероси бадеӣ амалӣ карда мешавад.

Дар раванди таълиму тарбия оид ба методикаи таълими расмкашӣ ва лоиҳа-кашии донишҷӯёни дизайнер, ҳангоми омӯзиши тасвир, инчунин фанҳо, падидаҳо, рӯйдодҳои марбут ба шинохти он дар пайдоиш ва рушди онҳо, дар робита бо дигар моддаҳо, ашё, баррасӣ карда мешаванд.

Истифодаи маълумоти таърихӣ дар раванди таълим принсипи дидактикӣ ва унсури муҳимми гуманизатсияи таълим мебошад, ки ба рушди тавачҷуҳи маърифатӣ ҳама-ҷониба мусоидат мекунад.

Равандҳои маърифатӣ (дарк, хотира, тафаккур, ҳаёлот) ҳамчун қисми таркибии ҳама гуна намудҳои фаъолияти инсон дохил мешаванд ва самаранокии онро таъмин мекунанд [9,112].

Равандҳои маърифатӣ ба шахс имкон медиҳанд, ки ҳадафҳо, нақшаҳо ва мундари-ҷаи фаъолияти дар пешистодаро пешакӣ муайян кунад, дар зехни худ ҷараёни ин фаъолият, амалҳо ва рафтори худро такрор намуда, натиҷаҳои амалҳои худро пешгӯӣ кунад ва онҳоро ҳангоми иҷро истифода барад. Осонӣ ва самаранокии таълимоти ӯ аз сатҳи рушди равандҳои маърифатии донишҷӯ вобаста аст.

Татбиқи маълумоти таърихӣ дар раванди таълиму тарбия бояд бо муносибати таърихӣ фаҳмида шавад. Бояд таъкид кард, ки дастовардҳои фарҳанги муносири тарроҳӣ - натиҷаи роҳи тӯлонии таърихӣ рушди он, маҳсули амалияи иҷтимоӣ - таърихӣ мебошанд.

Вазифаи мо - баланд бардоштани тавачҷуҳ бо истифода на танҳо аз маводи воқеӣ, балки маълумоти мухталифи ҷолиб ва иттилоотӣ ҳам дар бораи фаъолияти ҳунармандони боистеъдоди мӯд ва ҳам таърихӣ онҳо мебошад.

Муносибати системавӣ, таърихӣ - мантиқӣ ба омӯзиш (аз таърих ба асосҳои назариявӣ ва маводи воқеӣ) имкон медиҳад, ки тасвири пурраи мукамал омӯхташавандаро ташаккул дода, ҳамзамон аҳамияти онро нишон диҳад ва исбот кунад. Ҳамаи ин дар маҷмӯъ ба инсон имкон медиҳад, ки шахсияти худро инкишоф диҳад.

Нақшаи анъанавии таълим талаботи хеле муҳимми мантиқӣ, пайдарпайӣ ва мутгасилро дар бар мегирад, вақте ки ҳар як дониш ё малака ва маҳорати минбаъда ба дониши қаблӣ асосёфта, онро идома медиҳад.

Психология исбот кард, ки дар таълим марҳалаҳои асосии раванди таърихӣ маърифат нигоҳ дошта мешаванд [9, 117].

Дар маҷмӯъ далелҳои таърихӣ бояд:

- ба таври органикӣ бо маводи барномавӣ алоқаманд бошанд, огоҳии онро мусоидат кунанд ва онро дар хотира мустаҳкам намоянд;

- шиносӣ бо усули илмӣ - гузариш «аз нодонӣ ба дониш, аз дониши нопурра ва носаҳеҳ ба пурратар ва дақиқтар»;

- шиносӣ бо қувваҳои пешбарандаи рушди илм - мантиқи дохилии рушди он ва фармоиши иҷтимоӣ;

- ҳавасманд кардани таваҷҷуҳ ба илм.

Методистон қайд мекунанд, ки истифодаи принципи таърихшиносӣ дар азҳу-
дкунии асосҳои тарроҳии костюм ба аҳамияти тарбиявӣ вобаста мебошад. Ва
андешаҳои мо нисбати тавсифи нақши устодони барҷастаи мӯд аҳамияти бузур-
ги тарбиявии худро низ дорад.

Мо боварӣ дорем, ки ба мундариҷаи фанни таълимӣ дохил кардани баъзе
маълумот аз таърих ва тарҳсозии костюм аҳамияти бузурги таълимӣ ва тарби-
явиро дар бар мегирад. Вазифаи асосии методология аз дуруст муайян кардани
ҳаҷми маводи таърихӣ ва тарзи истифодаи он иборат аст.

Имрӯз, бисёре аз назарияшиносон ва амалияҳои тарроҳӣ дар бораи ҳадафи
тарроҳӣ ҳамчун фаъолияти маъносоз сухан мегӯянд. «Дизайн баръакси тасодуфӣ
аст (Д. Лауэр, С. Пентак «Асосҳои тарроҳӣ») [10, 121] «Маҳсулоти тарроҳӣ оме-
зиши шакл ва мундариҷа, татбиқ ва таҷассуми беназири идеяи аслии аст». (Ранд
дар китоби худ «Дизайн: шакл ва бесарусомонӣ») [13, 109] ва бисёр дигарон.

Рушди тарроҳии костюм дар мамлақати мо аз солҳои 20-уми асри ХХ ба
назар мерасад. Бори аввал вазифаи гузошта шуд, ки либоси хушсифати оммавӣ,
дастраси умум гардонида шавад. Бо ин мақсад сеҳи либосдӯзии муосир ташкил
карда шуд, ки ба он моделер ва расоми театр Надежда Ломанова роҳбарӣ ме-
намуд, ки на танҳо дар Россия, балки дар хориҷа ҳам машҳур аст.

Соли 1923 нахустин ателеи мӯд кушода шуд, ки бо истехсоли либос барои
фармоишгарони инфиродӣ машғул буд. Дар ҳамон сол маҷаллаи «Ателе мӯд» оид
ба масъалаҳои фарҳанги либос ба нашр расид. Ҳамаи ин форматсияҳои нав дар
мамлакат ба як навъ маркази санъати моделсозӣ ва назарияи либосҳои маишии
харрӯза табдил ёфтаанд.

Таҳияи барномаи назариявӣ оид ба моделсозӣ ва тарроҳии бадеии либос, Ло-
манова дар соли 1922 аз ҷумла, чунин навиштааст: «Костюм яке аз зуҳуроти
ҳассосарини рӯзгори ҷамъиятӣ ва психология мебошад». Ӯ вазифаи хидматӣ до-
рад, ки бо тарзи ҳаёти мо ва кори мо алоқаманд аст, бинобар ин, ӯ бояд на танҳо
ба ӯ (ба инсон) ҳалал нарасонад, балки ба ӯ кумак намояд.

Тарроҳон ва истехсолкунандагони либоси муосир дар фаъолияти худ ба ис-
тифодаи маводи навтарин ва технологияҳои пешрафта таъҷиб мекунанд.

Дар натиҷа, либос аз таваҷҷуҳи шахси алоҳида ба қадри имкон озод шуда, ба
мавзуи технологияи баланд табдил меёбад, ки дар он вазифаи комил ба мадди ав-
вал гузошта мешавад.

Аммо новобаста аз он ки мӯд чӣ гуна функсионалӣ аст, аз он ки дизайнер чӣ
гуна усулҳои оқилонаро роҳнамоӣ мекунад, ӯ ҳамеша ихтироъкор ва рассом боқӣ
мемонад, ки эҷодиёташ комилан ба инсон бахшида шудааст.

Таърихи костюм номи рассомони фаронсавиро медонад, ки дар рушди
санъати костюмсозӣ назария ва амалияи моделсозӣ саҳми арзанда гузоштаанд:
Габриэл Шанел, Кристиан Диор, Пер Кардин. Бо вучуди ин, имрӯз санъати мӯди
Русия устодони барҷаста дорад. Инҳо Н. П. Ламанова, А. А. Левашова, Р. В. За-
харжевская, В. М. Зайтсев мебошанд.

Дар мисоли фаъолияти эҷодкорони боистеъдоди мӯд мо мебинем, ки кори
рассоми моделсоз чӣ қадар гуногунҷабҳа, душвор ва ҷолиб аст.

Габриэл Бонёр (Коко) Шанел моделери фаронсавӣ, ки Хонаи мӯди Chanel-ро
таъсис дод ва ба мӯди аврупоии асри ХХ таъсири назаррас гузошт.

Услуги Шанел ба содда кардани либоси занона мусоидат кард, ки унсурҳои гардероби анъанавии мардонро гирифтааст. Вай жакети мувофиқ ба камар ва пирохани хурди сиёхро ба мӯди занон овард; аз лавозимот (аксессуаров), маъруфтарин чузъдон бо занҷир ва чавахироти калон, пеш аз ҳама броши камелия ва марвориди сунъӣ буданд. Атри мавсуф Chanel No.5 бестселлери порфюми асри XX гардид [16, 55].

Бо номи Г. Шанел мӯди тамоми асри XX алоқаманд аст. Дар дасти ӯ либоси харрӯзаи занона ба асари санъат табдил ёфт. Вай чунон ки дизайнерони мӯд мегӯянд, ҳисси ғайриодии хуби матоъ дошт: вай метавонист ба мавод дуруст баҳо диҳад ва аз он мохирина истифода барад. Матоъ ба рассом шакл, расми моделро дикто мекард.

Шанел завқу истеъдоди худро бо назардошти портретҳои қадимаи фаронсавӣ, ҳолландӣ, испанӣ, ки дар он дурахши ороишҳо дар либосҳои торик, бозии риштаҳои релефии ҳамвор бо ҳамсадоии истисноии сару либосҳо ва рӯҳи портретшаванда омезиш ёфтааст, рушд дод.

Шанел ин ҳамаро ба санъати худ дохил кард. Вай муҳолифи мӯди муваққатӣ буд. Мақсади тамоми ҳаёти ӯ эҷоди услуги байналмилалӣ дар либос буд. Ва расом ниҳоят ба ин ҳадафи худ ноил шуд: Номи Шанел аз марзҳои Фаронса гузашта, нишондиҳандаи тарзи либоспӯшӣ гардид.

Айни замон, мутахассиси соҳаи тарроҳии маҳсулоти дӯзандагӣ бояд дар бораи шаклдиҳии костюм дониши васеъ дошта бошад. Яке аз самтҳои дизайни лоихакашӣ қор карда баромадани воситаҳо ва усулҳои нави шаклсозӣ бо назардошти имкониятҳои техника ва технология мебошад [12, 113]. Либоси муосир натиҷаи таҳаввули либоси таърихӣ мебошад, ки аз беҳтарин қоркардҳои замони гузашта ҷаҳлона истифода мебарад, бинобар ин, дизайнер бояд рушди либоси таърихиро донанд.

Донишҷӯён дар доираи фанни «Таърихи либос ва мӯд» рушди мӯдро омӯхта, илова бар ин робитаи зичи либосро бо вазъи таърихӣ фарҳангии давраи замон, сатҳи рушди технологӣ, ақидаҳои эстетикӣ ва меъёрҳои ахлоқӣ зебопарастии одамон баррасӣ мекунанд.

Дӯзандагони замони гузашта, ки дар арсеналҳои худ танҳо асбобҳои дастӣ доштанд, шоҳасарҳои воқеиро бо шаклҳои мураккаби фазоӣ офариданд. Омӯзиши либоси таърихӣ ба ташаккули салоҳиятҳои умумии фарҳангӣ ва касбии донишҷӯён нигаронида шудааст.

Ин фан давраи дурро дарози таърихро аз ҷамъияти ибтидоӣ (ҳазораи 10-8 пеш аз милод) то ҷомеаи муосир дар бар мегирад. Дар доираи маводи омӯхташуда намудҳои зерини костюмҳо ҷудо карда мешаванд: ҷаҳони қадим, анъанавии рус, кишварҳои шарқӣ, либоси аврупоӣ. Костюмҳои аврупоӣ, дар навбати худ, аз рӯйи услубҳои санъат тақсим карда мешаванд: романскӣ, готикӣ, барокко, рококо, модерн ва ғайраҳо [5, 113].

Натиҷаи амалии азхудкунии фан ин ба итмом расонидани офаридани лоихаи қорӣ дар мавод мебошад, ки объекти он модели либоси таърихӣ маҳсуб меёбад. Мушоҳида карда шуд, ки дар дарсҳои таълимӣ ва ҳангоми омода кардани маҳсулоти макетӣ мушкулоти зерин ба миён меояд: либос аз ҷониби донишҷӯён ҳамчун тасвири ҳамвор, тасвири зебо, бе робита бо буридан, мавод ва шакли бадани инсон қабул карда мешавад. Аз ин рӯ, дар дарсҳо на танҳо ба хусусиятҳои намуди зоҳирӣ, балки ба шаклдиҳии костюм низ таваҷҷуҳи маҳсус додан муҳим аст.

Либоси таърихӣ як сохтори мураккаби бисёрқабатаи унсурҳои ба ҳам алоқаманд мебошад, ки нақш ва мавқеаи ҳар кадоми онҳо дар раванди рушди

эволюсионӣ равшан муайян карда шудааст. Ҳар як ҷузъиёти ба назар ночиз ба-рои ба даст овардани шакли зарурӣ нақши муҳим мебозад. Танҳо дар сурати му-носибати қатъӣ ба тамоми ҷузъиёти буриш, конфигуратсия ва лавозимот, шумо метавонед ба интиқоли дақиқи сояҳои беохири силуети мӯд ноил шавед. Дар ин-тиқоли намуди зоҳирӣ ба тезӣ ноил шудан бошад ин нозуқиҳои ғании мӯдро бо тамоми шукуҳу гуногунрангии худ эҳё ва дубора тавлид карда тавоништан аст [5, 84].

Барои кӯмак ба донишҷӯён дар азхудкунии мавод, ташаккули либоси таърихӣ таҳлил карда мешавад. Натиҷаи кори мо гурӯҳбандие буд, ки мо хусусиятҳои асо-сиро ба назар гирифтём: давру замон, кишвари пайдоиш, масолеҳи истифодашуда, буридан, усули ба даст овардани шакли зарурӣ, намуди қабатҳои истифодашаван-да.

Либос бо вазъияти сиёсӣ, дараҷаи рушди саноат, иқтисодиёт, фарҳанг, санъат, ақидаҳои ахлоқӣ ва фалсафаи замони худ робитаи ногусастани дорад.

Ба инкишофи либос шароити иқлим, анъанаҳои таърихӣ, фарҳанг, дин ва ҷаҳонбинии кишвари аслиашон таъсири калони худро мерасонад. Вақте, ки ко-стюм аз ҷониби дигар кишварҳо пазируфта мешавад, он метавонад, ки хусуси-ятҳои миллиро пайдо кунад, ки асосан ба ҷузъҳои ороишӣ ва нақшаи рангҳо дахл доранд, аммо ба буридан ва силуэт ягон хел таъсир намерасонанд.

Ҳангоми баррасии шакли либоси таърихӣ маводи истифодашударо омӯштан лозим аст. Мо наметавонем дақиқ бигӯем, ки чи дар навбати аввал меояд: матоъ, ки мувофиқи хусусияти он либос офарида мешавад ё образи бадеии маҳсулот, ки ба вучуд омадани навъҳои нави матоъро тақозо мекунад. Матоъро метавон ҳам-чун дафтари таърихи фарҳанг, дастовардҳои техникаи давра баррасӣ кард. Чунки хусусиятҳои пластикии он (нармаӣ, мустаҳкамӣ, чандирӣ ё сахтӣ) ин ё он шакли костюмро таъмин мекунанд [12,108].

Роҳи аввалини шакл додани либос ороиш бо чилдҳо ё қабатҳои матоъ буд. Костюм бе истифодаи буридан аз як пораи пурраи матоъ сохта мешуд, ки он ба таври муайян ҷуссаи одамро бо ташаккули чилдҳои ҳамоҳангии намудҳои мухта-лиф фарогирӣ намояд. Марҳалаи навбатӣ пайдоиши бурриши аввал ростхатта ва сипас бо хати уреб аст, ки ба гирифтани шаклҳои мураккаб, наздик ё дур будан ба хатҳои табиӣ бадани инсон имкон медиҳад. Инчунин дар либоси таърихӣ ҷаҳорҷӯбаҳои гуногун, аз ҷумла барои деформатсияи бадан васеъ истифода бурда мешуданд.

Бояд нақши қабати поёнии либосро қайд кард: масалан, корсет барои ба даст овардани камари ғайритабиӣ, лоғар ва синаҳои баланду зебо кумак кард, ки та-шаккул додани силуэти «секунча бо қуллаи он ба поён»; – ро ташкил медиҳад; до-манҳои поёнӣ, фиҷмаҳо, пане, кринолин дар қисми поёнии фигура «секунча бо қуллаи он ба боло»- ро эҷод мекунанд; дар охири асри XIX силуэти S-шакл аз ҳисоби истифодаи корсети бурриши маҳсус ва қолаби даврашакли зерӣ доман пӯшида шуда ба даст оварда шуд.

Истифодаи чилди қатҳо дар яқоягӣ бо буриш имкон дод, ки ҳаҷм ва шакли зарурӣ дар маҳсулот ба даст оварда шавад. Дар либос ҳамаи намудҳои чилди қатҳо истифода мешаванд: амудӣ, ба самти поён, спиралӣ, инертӣ. Либос метаво-над, ки бе истифодаи чилди қатҳо шакли ҳамвори худро дошта бошад.

Таснифоте, ки мо сохтаем, метавонад дар марҳалаҳои мухталифи омӯзиш ис-тифода шавад:

- ҳангоми омӯзиши маводи нав;
- ҳангоми тақрор ва мустаҳкам кардани маводи гузашта;

- хангоми ичрои корҳои назариявӣ ва амалӣ дар доираи дигар фанҳо (хамба-стагии сару либос, тархрезӣ ва дигаргунсозии либос);

- дар фаъолияти касбии хатмкунандагон.

Таҳияи анҷомшуда ҳам барои донишҷӯён ва ҳам барои мутахассисони соҳаи либоси таърихӣ ва театри дар марҳалаҳои ибтидоии тарроҳии муосир басо ҳам муфид хоҳад буд.

Ислоҳот ба рушди либос ва дигаргун сохтани шаклҳои он дар асри XX ба роҳ монда шуд.

Дар робита ба тағйирот дар сохтори чамбиятӣ, иқтисод, рушди босуръати технология ва истехсолот, бо тағйири нақши иҷтимоии бонувон, либос, аз як та-раф ба таври назаррас содда карда мешавад, ки аз ҷаҳорҷӯбаҳо ва намудҳои мух-талифи астарҳо маҳрум мешавад, аз тарафи дигар рушди буридан, васеъшавии беназири доираи маводи истифодашаванда ба гуногунии зиёди намудҳо ва ша-клҳои либос оварда мерасонад.

Ҳоло бошад ягон намуди силуэти муқарраршуда вучуд надорад, услуб дар ҷойи аввал меистад. Дар доираи фанни «Таърихи костюм ва мӯд» либоси асри XX на шакл, балки аз нигоҳи ташаккули симои мӯд, пеш аз ҳама, мавриди баррасӣ қарор дода мешавад. Ташаккули либоси муосир ба коркарди давраҳои гузашта така карда, намунаҳои бехтаринро ба таври васеъ истифода мебарад.

Ҳамин тариқ, омӯзиши либоси таърихӣ ҳамчун маҷмуи мураккаби хусуси-ятҳо, ки дар он буридан, хосиятҳои пластикии маводи истифодашаванда пайваст карда шудаанд, ҷилди қатҳо ва истифодаи ҷаҳорҷӯбаҳои гуногун ба ичрои бо-муваффақияти супоришҳои амалӣ ва лоиҳаҳо, инчунин истифодаи дониш ва ма-лакаҳои гирифташуда аз дигар фанҳо ба фаъолияти касбӣ ҳамачониба мусоидат мекунанд.

АДАБИЁТ

1. Бердник Т. О. Основы художественного проектирования одежды и эскизной гра-фики. Ростов-на-Дону, Феникс, 2001.
2. Бланк А. Ф., Фомина З. М. Моделирование и конструирование женской одежды. М., Легпромиздат, 1994.
3. Глазычев В. Л. О дизайне. Очерки по теории и практике дизайна на Западе. - М.: Искусство, 1970. -191 с.
4. Горина Г. С. Моделирование формы одежды. М., Легкая и пищевая промышлен-ность, 1982.
5. Захаржевская Р.В. История костюма [Текст]/Р.В. Захаржевская. - М.: РИПОЛ клас-сик, 2009. – 432 с.
6. Каримов И. А. Высокая духовность - непобедимая сила. - Т.: Узбекистан, 2008.
7. Ковешникова Н. А. История дизайна: учебное пособие/М.: Изд-во Омега-Л, 2015. - 256 с.
8. Козлова Т. В., Рывинская Л. Б., Тимашева З. Н. Моделирование и художествен-ное оформление женской и детской одежды. М., Легпромиздат, 1990.
9. Кузин В.С. Психология. М.: АГАР, 1997. - 304 с., ил. стр. 77. Лауэр, Д. Основы ди-зайна.
10. Лауэр Д., Пентак С. - СПб.: 2014. - 304 с.: ил. стр. 14.
11. Нигматова Ф., Хасанбаева Г., Исаева И. Специальное рисование и графика ко-стюма. (на узб. яз.). Ташкент, Изд.- «Янги аср авлоди», 2007. - 196 с.
12. Петушкова, Г.И. Проектирование костюма. [Текст]/Г. И. Петушкова - М.: Изда-тельский центр «Академия», 2004. – 416 с.

13. Рэнд П., Дизайн: форма и хаос/Пол Рэнд; пер. с англ. И. Фофонова. - М.: Изд-во Студия Артемия Лебедева, 2013. - 244 с.: ил. Стр. 16.

14. Степанищев А.Т. История: методология научного исследования и преподавания. М., 2009.

15. Хасанбаева Г. К., Шомансурова М. Ш. Специальная композиция (на узб.яз.). Ташкент, Изд. - «Янги аср авлоди», 2007. - 166 с.

16. Шанель. Коко Шанель. Жизнь, рассказанная ею самой/пер. с фр. Н. Павлицевой. - М.: Яуза-пресс, 2011. - 312 с.

17. Шелестова Е. С. Технология формирования креативности студентов-дизайнеров в процессе профессиональной подготовки: автореф. канд. пед. наук/Москва, 2014. - 22 с.

ИЗУЧЕНИЕ ИСТОРИИ РАЗВИТИЯ ДИЗАЙНА КОСТЮМА В УЧЕБНОМ ПРОЦЕССЕ

В статье рассматриваются вопросы исторического подхода в формировании будущих дизайнеров на занятиях спецпредметов.

Формирование исторических знаний в теоретическом плане, и использование их в процессе обучения является дидактическим принципом и важным элементом гуманизации образования будущих дизайнеров. Обсуждается дизайн и форма исторической одежды.

Своевременное правильное и использование наглядных пособий при сообщении студентам нового материала, во время проведения уроков по дисциплине «История костюма и моды», имеет большое значение. Костюм характеризует и дополняет картину общества на каждом этапе его развития.

Структура костюма включает материал, крой, силуэт, колористику, орнаментику, способы ношения и комплектования деталей костюма. Разработана классификация с учетом основных характеристик: эпохи, страны происхождения, используемых материалов, кроя, способа получения треб исторический костюм.

ОМУЗИШИ ТАЪРИХИ РУШДИ ТАРРОХИИ КОСТЮМ ДАР РАВАНДИ ТАЪЛИМ

Дар мақола аҳаммияти масъалаи муносибати таърихӣ дар ташаккули тарроҳони оянда дар дарсҳои фанҳои махсус баррасӣ карда мешавад.

Ташаккули донишҳои таърихӣ аз ҷиҳати назариявӣ ва истифодаи онҳо дар раванди таълим принсипи дидактикӣ ва унсурҳои муҳими гуманизатсияи таълими тарроҳони оянда мебошад.

Тарҳ ва шакли либоси таърихӣ муҳокима карда мешавад. Дар рафти дарсҳои фанни «Таърихи либос ва мӯд» ҳангоми ба донишҷӯён расондани маводи нав саривақт дуруст истифода бурдани асбобҳои аёни аҳаммияти калони ҳудро дорад. Либос тасвири ҷомеаро дар ҳар марҳалаи инкишофи худ тавсиф ва пурра мекунад.

Соҳтори костюм мавод, буридан, силуэт, ранг, ороиш, усулҳои пӯшидан ва пур кардани ҷузъҳои костюмро дар бар мегирад. Таснифот бо назардошти хусусиятҳои асосӣ таҳия шудааст: даври замон, кишвари пайдоиш, масолеҳи истифодашуда, буридан, усули ба даст овардани шакли зарурӣ, намуди қабатҳои истифодашаванда.

Қалидвожаҳо: *равиши таърихӣ, шаклсозӣ, тарроҳӣ, тарроҳии костюм, устодони мӯд, тарроҳи мӯд, ороишгари мӯд, қабатҳо, либоси таърихӣ.*

STUDYING THE HISTORY OF COSTUME DESIGN DEVELOPMENT IN THE EDUCATIONAL PROCESS

About importance of a question of the historical approach in formation of the future designers on employment special subjects.

In article formation of historical knowledge in the theoretical plan is considered, and their use in the course of training is a didactic principle and the important element of a humanisation of formation of the future designers.

The design and form of historical clothing are discussed. The timely correct and use of visual aids when communicating new material to students, during lessons on the discipline «History of costume and Fashion», is of great importance.

The costume characterizes and complements the picture of society at every stage of its development.

The structure of the costume includes the material, cut, silhouette, color, ornamentation, ways of wearing and completing the details of the costume. A classification has been developed taking into account the main characteristics: epoch, country of origin, materials used, cut, method of obtaining the required shape, type of folds used.

Key words: *the historical approach, shaping, design, costume design, fashion masters, fashion designer, drapery, historical costume.*

Маълумот дар бораи муаллиф: Сафарова Зайнура Немоновна - омӯзгори калони кафедраи «Дизайни либос ва санъати мӯд»-и Донишгоҳи технологияи Тоҷикистон (734061, Ҷумҳурии Тоҷикистон, Душанбе, кӯчаи Неъмат Қаробоев, 63/3). Тел: (+992) 909-77-19-15. E-mail: bahor-64@mail.ru.

Information about the author: Safarova Zainura Nemonovna - senior lecturer at the Department of Costume Design and Fashion Art of the Technological University of Tajikistan (734061, Republic of Tajikistan, Dushanbe, N. Karabaev St., 63/3). Тел: (+992) 909-77-19-15. E-mail: bahor-64@mail.ru.

УДК 94 (5) "08": 355.02 : 94 (536)

НАҚШИ ТУРКОН ДАР БУХРОНИ АМИҚ ВА ҲАМАҶОНИБАИ ХИЛОФАТИ БАҒДОД ДАР НИМАИ ДУЮМИ САДАИ IX – НИМАИ АВВАЛИ САДАИ XI¹

Ҳамза КАМОЛ,¹

Институти таърих, бостоншиносӣ ва мардумшиносии ба номи А. Дониш

Дар замони ҳукумати Аббосиён моҳияти умури хилофат ба таври кулӣ тағйир кард. Бар хилофи хулафои Умави, ки ба унвони раҳбарони қабоили араби бодиянишин ва фармондеҳони сипоҳ ҳукумат мекарданд, Аббосиён раҳбарони кулли ҷомеаи мусулмонон шуданд, ки ҳар мусулмоне ба он тааллуқ дошт, ҳатто касоне, ки хорич аз хилофат зиндагӣ мекарданд. Аъроб дар аҳди Аббосиён дар хилофат мавқеяи мумтози собиқ ва инҳисори қудрати худро аз даст доданд. Аббосиён хилофатро аз императории арабӣ, ки тахти фармони Умавиён буд, ба як давлати исломӣ табдил доданд, ки дар он дин дар таъйини мақоми шахс муҳимтар аз мансубияти наҷодӣ буд. Дар аҳди Аббосиён ҳар гуна иртиботи байни халифа ва ашрофи араб гусаста шуд, тоҷу тахт ба дасти хулафои мутаваллид аз ҳамсарон ва бардағони ғайриараб, мисли Ҳорунуррашид (аз канизи ямони ҷурашӣ бо номи Хайзурон [1, 4598]), ал-Восиқ (аз канизи румӣ ба номи Қаротис [2, 5206]) ва дигарон гузашт. Халифа ба унвони намоди ваҳдати сиёсӣ ва маънавии ҳамаи мусулмонони суннӣ новобаста ба мансубияти наҷодӣ дар назар гирифта шуд. Аббосиён дар талоши табдили хилофат ба як давлати муттамаказ буданд, ки дар он ҳокимияти олий бар пояи як девонсолори қудратманд устувор бошад. Бар хилофи давраи Умавиён дар замони Аббосиён ҳокимон дар қаламрави худ на танҳо ба анҷоми вазоифи низомӣ, инчунин ба иҷрои вазифаҳои идорӣ ва маданӣ низ мепардохтанд. Бад-ин манзур чун намунаи пойтахт муассисоти идорӣ, низомӣ ва молӣ дар вилоятҳо ба вучуд меомад. Барои ҳамоҳанг кардани фаъолиятҳои идороти марказӣ хулафои Аббосӣ мансаби вазирро таъсис доданд, ки ба унвони раиси дастгоҳи идории давлатӣ хидмат мекард. Симати вазир дар аҳди Умавиён вучуд надошт ва он бо эҳёи суннатҳои эронии аҳди Сосониён дар даврони Аббосиён ҳамроҳ буд. Дар замони хилофати Ҳорунуррашид (786-809) Бармакиёни Балхӣ, ки умури вазоратро ба дӯш доштанд, вазир ба ҳайси мушовири асосӣ, шахси мавриди эътимоди халифа, муҳофизи муҳри давлатӣ ва масъули умури идорӣ ва молӣ ифои вазифа мекард [11, 185-222]. Аз ибтидои садаи IX, дар замони хилофати Маъмун (813-833) ҳастаи горди шахсии халифаро бардагон - низомиёни хирфай аз шумори туркон ташкил медоданд.

Бояд гуфт, ки дар аҳди хилофати Маъмун ва Муътасим (833-842) Тоҳириён аз қаламрави давлаташон ғуломони туркро харидорӣ карда, барои хидмат дар сипоҳи халифа ба Бағдод мефиристонданд. Теъдоди дигари ғуломони туркро ҳокимони Озарбойҷон аз туркони хазарӣ харида, барои хидмат дар сипоҳи халифа маъмур медоштанд.

Халифа Муътасим, ки аз қиёмҳои доимии мардуми Бағдод ҳаросон шуда буд, пойтахтро тарк карда, шаҳри Сомарроро маҳалли иқомати худ қарор дод. Дар

¹ Мақола дар асоси лоиҳаи «Таърихи халқи тоҷик» (асрҳои III - аввали асри XX) рақами қайди давлатӣ 0121TJ 1211 навишта шудааст.

наздикии ин шаҳр қасри халифа ва бошишгоҳи горди туркии ӯ сохта шуд. Муътасим ба зудӣ дарк кард, ки ба шиддат зери таъсири горди туркӣ қарор дорад.

Робитаи румиён бо Аббосиён дар замони хилофати Маъмун тира буд. Муҷибии ин муносиботи тира он буд, ки Маъмун дастаҳоеро, ки бар зидди императори Рум Феофил (829-842) қиём мекарданд, ҷонибдорӣ менамуд. Ин амр боис шуд, ки Феофил ба ҳимоят аз Бобаки Хуррамдин бархезад ва қаламрави худро ба паногоҳи хуррамдиниён қарор диҳад. Замоне, ки Муътасим тамоми нируи худро сарфи фуру нишонидани қиёми хуррамдиниён карда, Бобак дар остонаи суқути конуни муборизааш дижи Баз ба кӯхистони Арманистон омада, дар садади рафтани ба Рум ва дарёфти кумак аз он ҷо буд, ин номаро ба императори Рум Феофил навишт: «шоҳи араб сипоҳиёну ҷанговарони хешро (ба зидди ман) равон карда, то он ҷо, ки хайёти хеш (яъне Ҷаъфар ибни Динор) ва таббоҳи хеш (яъне Итоҳи турк)-ро фиристода ва бар дари вай кас намонда. Агар қасди рафтани сӯи вай дорӣ, бидон, ки дар муқобили ту кас нест, ки монест шавад. Бобак аз ин нома, ки ба фармонравои Рум навишта буд, умед дошт, ки агар шоҳи Рум ба ҷунбиш ояд, Муътасим қисмате аз сипоҳиёни хешро аз муқобили вай сӯи сипоҳи Рум барад ва бад-ӯ машғул шавад ва аз вай бозмонад» [1, 5115].

Феофил соли 223 ҳ.к./838 ба қаламрави хилофат лашкар кашида, чанд шаҳр, аз ҷумла зодгоҳи халифа шаҳри Зибтараро ишғол карда, пас аз ғорату куштор илҳам ба бисёре аз сокинони ин шаҳрро ба асорат гирифта, шаҳрро оташ зад [1, 5115].

Баъд аз шикасти Бобаки Хуррамдин Муътасим дар иқдоми талофиҷӯёна тасмим гирифт, то бо ҳадафи тасарруфи шаҳри Аморий (Аммурия) воқеъ дар ғарби Осиё, ки зодгоҳи Феофил ва силсилаи хонадони ӯ Аморийҳо буд, ҳуҷуми густурдае ба Рум анҷом диҳад.

Муътасим барои ҳамла ба шаҳри Аморий, ки дар садаи IX яке аз муҳимтарин шаҳрҳои императории Рум буд, лашкари қасирултеъдод гирд оварда, ба ду қисмат тақсим кард. Як қисмати лашкар аз шимолу шарқ ва дигаре аз ҷануб ба сарзамини румӣҳо ҳамла карда, лашкари шимолу шарқӣ 22 июли соли 838 румӣҳоро бо раҳбарии Феофил шикаст доданд. Ин пирӯзӣ ба лашкари аъроб иҷозат дод, то ба умқи Осиёи Сағирӣ Рум нуфуз кунанд ва ҳар ду сипоҳи араб дар шаҳри Онқара (Анқара), ки румӣҳо онро гузошта, рафта буданд, бо ҳам пайванданд. Пас аз ғорати шаҳри Онқара аъроб ба ҷониби шаҳри Аморий рӯй оварда, 1 августи соли 838 ба ин шаҳр расиданд. Императори Рум Феофил натавонист ба шаҳри муҳосирашуда кумак кунанд ва лашкари Аббосиён муқовимати сангари муҳофизини Аморийро шикаст, ки дар натиҷа шаҳр ба бодӣ ғорат кашида шуда, аксари сокинонаш ба қатл расида, бозмондагонаш ба бардагӣ дароманданд [1, 5116-5131]. Лашкари Аббосиён ин шаҳрро онҷунон ба хароба табдил дод, ки дигарбора он натавонист эҳё гардад. Суқути Аморий ба давраи уфули сиёсати хориҷии Рум оғоз бахшид.

Ҳузури туркон дар ин лашкаркашӣ чашмгир буд ва фармондеҳони турк Ашнос, Васиф, Итоҳ ва Буғо фармондеҳии бахшҳои муҳимми сипоҳи халифаро ба уҳда дошта, дар ҷанг бо императори Рум, ки хатарноктарин душмани Муътасим буд, ӯро аз миён бардоштанд. Ин хидмати сипоҳи турк ва фармондеҳони он сабаб шуд, то дастгоҳи хилофат тавачҷуҳи бештаре ба ғуломони турк нишон диҳад. Муътасим барои ин пирӯзӣ ҳадоёи гаронарзише ба фармондеҳони турк нисор кард ва бо гузашти андак замоне пойгоҳи туркон дар идораи хилофат ба таври боварнакарданӣ қавӣ гардад [3, 97-98].

Баъд аз марги Муътасим писари вай Абуҷаъфар Ҷоруни Восиқ 8 рабеулаввали соли 227 ҳ.к./26 декабри соли 841 ба хилофат нишаст [2, 5206]. Бо вучуди ин ки Восиқ аз андешаи муътазилия ҷонибдорӣ мекард, аммо натавонист аз бори гарони

нуфузи фармондеҳони турк, мисли Буғо ва дигар туркон раҳой ёбад. Баъд аз марги ӯ дар соли 847 бародараш Чаъфари Мутаваккил (847-861) ба кумаки фармондеҳони турк Васиф ва Итоҳ ва дигарон халифа интиҳоб шуд. Аз воқеият дур нест, ки дар замони ӯ муътазила ва дигар муҳолифони исломи суннатгаро зери таъсири фармондеҳони турк таҳти таъкиб қарор гирифтанд. Мутаваккил бо ризоияти писараш Мунтасир аз ҷониби писари Буғои Бузурги турк – Буғои Кучак ва писарони Васифи турк дар маҷлиси айшу нӯш кушта мешавад [7, 4157-4163].

Мунтасир, ки дар таҳти хилофат бештар аз шаш моҳ нанишаста буд, шояд масмум гардида, соли 862 вафот кард [7,4177]. Халифаи тозаинтиҳоб Муътаин, набераи Муътасим, чун бозичаи дасти фармондеҳони турк василаи ҳама гуна иғвоҳои онҳо гардида, бо фишори ин фармондеҳон баъдан аз хилофат канор зада шуда, ба қатл мерасад. Ба иттифоқи назари гурӯҳи фармондеҳони турк писари Мутаваккил, Муътаз (866-869) ба сақуи хилофат шинонида мешавад. Ин халифа аз фармондеҳони турк ончунон дар ҳарос буд, ки шабонарӯз силоҳи худро ҳамроҳ мегирифт ва ҳатто дар ҳоле ки ғизои шом меҳӯрд, шамшеру найза бо худ дошт ва шабона онҳоро дар раҳти хоби худ мегузошт. Муътаз дар андешаи раҳой аз нуфузи туркон шуда, хост аз барбарҳо, ки дар горди ӯ буданд, кумак гирад. Аммо ин иқдоми ӯ ҷомаи амал напӯшида, ба фоҷеа анҷомид. Горди туркон ба қасри ӯ ҳучум оварда, ӯро ба зиндон афканданд, ки баъд аз шаш рӯз вафот кард. Муҳтадӣ (869-870), писари Восик, ки халифа интиҳоб шуд, ҳамагӣ ёздаҳ моҳ ҳукумат кард. Ӯ мекушид то ҳокими парҳезгор ва одил бошад. Аммо нияти амалинашавандаи ӯ барои ором кардани горди ҳашмгини туркон ба қимати ҷони ӯ тамом шуд. Посбонони масти турк шабона ворида утоқи хобаш шуда, ӯро ба қатл расониданд [5, 217-218].

Дар аҳди хилофати Муътамид (870-892) бархе аз ин ғуломони турк ба мансабҳои баланд дар дарбори хилофат ва сипоҳи Бағдод расида, барои хидмати содиқона халифа сипоҳиёни Бағдодро аз имтиёзоти ҳосе бархурдор карда буд. Ин замоне буд, ки дар Хуросон Яъкуби Лайси Саффорӣ ҳукумати хонадони Тоҳирӣ-нро суқут дод ва 4 шавволи соли 259 ҳ.к./3 августи соли 873 ворида Нишопур шуд [2, 10; 8, 4321-4322]. Яъкуби Лайс ҳамеша орзу мекард рӯзе ҳукумати бани Аббосро дар маҳдаш сарнагун созад. Ба ин ҳадаф моҳи муҳаррами соли 262 ҳ.к./октябри соли 875 Яъкуби Лайс аз Форс сӯйи Аҳвоз лашкар кашида, 24 ҷумодиулахири соли 262 ҳ.к./25 мартӣ соли 876 ворида Восит гардида, аз он ҷо ба Дайри Оқул рафт [8, 4350]. Чун хабари ҳаракати лашкари Яъкуби Лайс ба ҷониби Бағдод ба мардуми ин шаҳр расид ва низ онон аз пирӯзиҳои Яъкуби Лайс дар қаламрави Хуросону Эрон огаҳӣ доштанд, миёни мардум овозае паҳн шуд, ки гӯё халифа бо Яъқуб ҳамдасту ҳамдостон аст ва бинобар ин бар зидди халифа ва бародараш Талҳа даст ба шӯриш заданд. Халифаи Аббосӣ ба фишори мардум рӯбарӯ шуд ва ногузир дастури омодабоши ҷанг ба лашкар алайҳи Яъқубро дод. Чун Яъкуби Лайс ба Бағдод наздик шуд ва ба маҳалли Дайри Оқул [2, 5597] ва ба гуфтаи Ҳамдуллоҳи Қазвинӣ дар мавзеи Ҳалвон [16, 372] расид, дар баробари лашкаргоҳи халифа хайма зад ва исёни худро ошкор кард. Яъкуби Лайс ба назди халифа сафири худро фиристода, ба ӯ пешниҳод кард, ки Бағдодро тарк гӯяд. Халифа Муътамид ду моҳ замон хост, аммо Яъкуби Лайс ризоят надод. Халифаи Аббосӣ даст ба тадбир зад, ки онҳо коромад шуда, боиси шикасти лашкари хуросонӣ гардиданд [8, 4350].

Сипаҳсолори далери хуросонӣ дар лашкаркашияш ба Бағдод нуруи низомии халифаро нодида гирифт ва пиндошт, ки лашкари Бағдод дар даргириҳои тӯлонӣ дар ғарби Ироқ хаста шуда, тавони муқобила бо лашкари ӯро надорад ва халифа маҷбур хоҳад шуд ба пешниҳодҳои Яъқуб гардан ниҳад ва ӯ ба халифаи Аббосӣ

хамон хоҳад кард, ки бо Муҳаммад ибни Тоҳир дар Хуросон карда буд. Бояд гуфт, ки ин замон лашкари халифаи Аббосӣ умдатан аз ғуломони турк ташкил шуда буд. Ин чанг барои туркони сипоҳи халифа чун масъалаи дифоъ аз ҳастӣ ва мавқеияташон дар хилофати Бағдод маҳсуб мегашт. Зеро онҳо шакке надоштанд, ки пирӯзии Яъқуби Лайс дар Бағдод мучиби аз даст рафтани кудрати онҳо дар хилофати Аббосӣ хоҳад гашт. Бинобар ин онҳо бо ҳама тавонашон бар зидди сипоҳи Яъқуби Лайс размиданд ва Яъқуби Лайс неруи ин ғуломони туркро ба ҳисоб нагирифт, ки онҳо барои ҳифзи манофеи иҷтимоии худ дар хилофат то марзи ҷон хоҳанд чангид.

Фармондеҳони турк ва горди туркии халифа дар замони хилофати Муқтадир беш аз пеш ба умури идории хилофат даҳолат мекарданд. 13 зулқайдаи соли 295 х.к./14 августи соли 908 халифаи Аббосӣ Муқтафӣ вафот кард [12,679] ва Чаъфар ибни Муътазид мулаққаб ба Муқтадир Биллох, ки 13 сол дошт, пас аз марги бародараш ба хилофат расид. Чун ӯ хурдсол буд, соли 296 х.к./909 ӯро аз хилофат барканор карда, Абуабдуллоҳ Муҳаммад ибни Муътамидро бар сари қор оварданд [9, 4599-4601]. Аммо хилофати ӯ давом наёфт ва фармондеҳони турк ба иқоматгоҳи ӯ ҳучум бурда, Муътамидро дар банд карда, Муқтадирро дигарбора ба мақоми халифагӣ нишонданд. Давраи хилофати ӯ яке аз давронҳои талх ва ноғувори хилофати Аббосист, зеро ба иқтисоии табиаташ Муқтадир ҳокими заифе буд ва тарҷеҳ меод авқоти худро дар зиёфатҳо, тафреҳот ва ҳарамсаро бигузаронад. Ин халифаи беирода шадидан зери таъсири модараш ба исми Шағаб [9, 4601], ки аз канизакони Румӣ буд, қарор дошт. Шағаб қорҳои муҳимми давлати Аббосиро ба даст гирифта, бо тақя ба неруи низомии фармондеҳони турк ба таъйин ва қанор задани афрод ба вазифаҳо дар хилофат иқдом мекард. Таъйин ва қанор задани афрод, бавижа дар вазифаи вазорат ба ҷойе расид, ки дар муддати хилофати Муқтадир дувоздаҳ тан ба вазорат расиданд ва баъзе аз онон ду ё се бор мақоми вазоратро ба даст оварданд, чунончи Ибни Фурот се бор (295-299 х.к./907-08 – 911-12; 304-306 х.к./916-17 – 918-19; 311-312 х.к./923-24 – 924-25) бад-он мақом даст ёфт [3, 144; 13, 227-229].

Дар замони хилофати ӯ исмоилиён, ки фаъолияти онҳо дар замони халифа Муътазид ва Муқтафӣ то ҳудуде маҳдуд шуда буд, дубора фаъол шуда, таблиғоти онҳо сартосари минтақаи Ироқ, Шом ва шимоли Африқо, ҳатто Эрону Синдро фаро гирифт. Қори исмоилиён то ҷое қашид, ки яке аз пешвоёни онҳо ба исми Абутоҳири Қарматӣ 8 зулҳиҷҷаи соли 317 х.к./13 декабри соли 929 ба Макка ҳучум оварда, он ҷоро ғорат карда, теъдоди зиёдеро ба ғуломӣ бурда, ҳазорон тан аз зоирин ва соқинони онро аз дами теғ гузаронид: «Дар андаруни хонаи Худо хуни хоҷиён бирехт ва ҳачаруласвад (санги сиёҳи муқаддас)-ро аз ҷой биканд ва ба Ҳачар (наздики Басра ва Баҳрайн) бурд... Куштагон дар ҷоҳи Замзам афканда шуданд ва дигарон бе ҳеҷ марғҷома (қафан) дар Масҷидулҳаром ба хок супурда шуданд. Ҷанозаи ин гурӯҳ ғусл дода нашуд ва қас ба эшон намоз нагузорид. Абутоҳир рӯандози хонаи Худо бистуд ва миёни ёронаш бахшид» [9,4777]. Бино ба ахбори Ибни Асир исмоилиён дар моҳи зулқайдаи соли 339 х.к./апрел-майи соли 951 ҳачаруласвадро, ки 22 сол назди онҳо буд, ба Макка бозгардониданд: «Чун оҳанги бозгардонидани он карданд, нахуст онро ба Куфа бурданд ва дар масҷиди одинаи он шаҳр овехтанд, то мардум онро бубинанд ва он гоҳ ба Макка бурданд... Ин санг бистуду сол дар дасти онҳо буд» [10, 5028].

Туркон дар замони хилофати Муқтадир борҳо даст ба шӯриш заданд. Соли 317 х.к./929-930 бо роҳбарии яке аз пешвоёни туркон ба исми Муниси Ходим алайҳи Муқтадир иқдом карда, ӯро аз хилофат қанор зада, Муҳаммад ибни

Муътазидро, ки бо лақаби Ал-Қоҳир маъруф буд, ба хилофат бардоштан. Аммо хилофати ӯ дер напояд ва гурӯҳи дигаре аз туркон бар ӯ шӯрида, Муқтадирро бори сеум ба хилофат расониданд. Аммо Муниси Ходим дигарбора алайҳи Муқтадир ба мухалифат бархост ва Муқтадир дар моҳи шавволи соли 320 х.к./октябри соли 932 ба таҳрики дарбориён маҷбур бо туркон дохили набард шуд, ки дар натиҷа 27 шавволи соли 320 х.к./31 октябри соли 932 дар майдони ҷанг ба қатл расид [3, 147-148; 9, 4804-4806; 12, 679].

Бо сарвари Муниси Ходим туркон пас аз қатли Муқтадир, Муҳаммад ибни Муътазид мулаққаб ба ал-Қоҳирро дар 28 шавволи соли 320 х.к./1 ноябри соли 932 ба хилофат бардоштан [6, 705; 9, 4807; 12, 694]. «Дар айёми хилофати Муътазид,-менависад Ибни Халдун,-бештари навоҳии мулк ба ғалаба дар дасти дигарон буд. Масалан Хуросону Мовароуннаҳр дар тасарруфи Оли Сомон буд ва Баҳрайн дар тасарруфи қарматиён ва Миср дар дасти Ибни Тулун ва Африқия дар дасти Ибни ал-Ағлаб...» [6, 638].

Дар баёни ҳисоли Муҳаммад ибни Муътазид гуфтаанд, ки марде тундхӯ ва хунрезе буд ва туркон бо сарварашон Муниси Ходим натавонистанд бо ӯ канор биёянд. Хушунатҳои халифа боис шуд, то аз ҷониби туркон бо сарвари Муниси Ходим ва вазир Ибни Муқла алайҳи халифа даст ба шӯриш зананд. Аммо Муҳаммад ибни Муътазид ошӯбгаронро сарқӯб карда, дар моҳи шаъбони соли 321 х.к./июл-августии соли 933 Муниси Ходим ва иддае аз тарафдоронашро ба қатл расонид [9, 4821]. Аммо сипоҳиён ва ниғаҳбонон, ки аз хушунатҳои халифа ба танг омада буданд, ба ташвиқи Ибни Муқла шӯриши дигаре барпо карда, 5 ҷумодиулаввали соли 322 х.к./23 апрели соли 934 ал-Қоҳирро аз хилофат канор заданд [12, 694] ва дар манзилаш зиндонӣ намуданд. Муҳаммад ибни Муътазид барои наҷоташ аз қарматиён кумак хост, аммо шӯришиён ба ҷашмони ӯ мил кашида, ба зиндон андохтанд, то ин ки соли 333 х.к./944-945 дар маҳбус дар замони хилофати Мустақфӣ вафот кард [3, 149].

Баъд аз канор задани Муҳаммад ибни Муътазид аз хилофат, Абулаббос Аҳмад ибни Муқтадир маъруф ба ар-Розӣ бо дастгирии фармондеҳони турк 6 ҷумодиулаввали соли 322 х.к./24 апрели соли 934 ба хилофат расид [12, 702]. Чун марди беирода ва бесиёсат буд, дар натиҷа заминаи бехтаре барои қудратнамоии туркон ва рақобати муддаиёни ҳукумат ба вучуд омад.

Дар аҳди хилофати ар-Розӣ аз қаламрави густурдаи хилофат ҷуз Бағдод ва навоҳии атрофи он чизе барои халифаи Аббосӣ намонда буд. Фармондеҳони сипоҳи турк, ки ӯро бозичаи ҳама гуна иғвоҳои сиёсии худ қарор дода буданд, дар тасмимгириҳои ар-Розӣ ҳарфи қалидӣ мезаданд. Розӣ чун авзоъро дар умури идории хилофат нобасомон дид, хост бо таъсиси мансаби амирулумаро авзоъро сомон бахшад ва дорои қудрат ва ихтиёрооти бештаре дар хилофат гардад. Таъсиси мансаби амирулумаро, ки таҳаввули азим дар низоми идорӣ ва сиёсии дастгоҳи хилофат ба вучуд овард, бархоста аз фасоде буд, ки дар умури идорӣ ва давлатии Аббосиён ба дунболи нуфузи рӯзафзуни туркон дар дастгоҳи хилофат падида омад. Ҳамчунин таъсиси мансаби амирулумароиро беш аз ҳар чиз бояд ҳосили табоҳ шудани мансаби вазорат донист.

Мансаби вазорати хилофати Аббосӣ дар замони нуфузи туркон бар умури идории хилофат, бавижа аз замони хилофати Муқтадир (295-320 х.к.) василаи даромади хулафо ва савдогарони мансабҳои ҳукумати гардида буд. Ибни Муқла, ки дар канор задани халифа Муътазид нақши қалидӣ дошт, вақте бори сеум дар замони хилофати ар-Розӣ ба вазорат расид, 500 ҳазор динар ба халифа ар-Розӣ ришва дод, аммо вазораташ дерпо набуд. Яке аз вазирон ба исми Абулҳасан ибни

Фурот, ки зикраш рафт, се бор дар аҳди Аббосиён соҳиби мансаби вазорат шуда, дар маҷмуъ шаш сол вазорат карда, сарвати ҳангуфте аз фурӯши мансабҳои давлатӣ ба даст овард. Бино ба иттилои Ибни Халдун бори дувум «Муктадир дар моҳи зулқаддаи соли 304 ҳ.к. (апрел-майи соли 917) Ибни Фуротро бад-ин шарт, ки ҳар рӯз ҳазору панҷсад динор ба байтулмол ворид кунад, вазорат дод» [6,666]. Вазири дигаре ба исми Муҳаммад ибни Абдуллоҳи Хоқонӣ, ки бо аъмоли номатлубаш мавриди мазҳакаи мардум шуда буд, дар як рӯз нозироти шаҳри Куфара ба 19 нафар дода, аз ҳар кадом ришвае ситонд. Абулаббоси Хасибӣ аз вазирони дигари хилофат аст, ки дар тамоми даврони вазораташ шабонарӯз маст буд ва ӯ корҳои вазоратро ба Абулфараҷи Исроили насронӣ супурд, ки ӯ ба саликаи худ умурро пеш мебурд [3, 150-156].

Дар нимаи моҳи рабеулаввали соли 329 ҳ.к. / нимаи аввали моҳи декабри соли 940 халифаи Аббосӣ ар-Розӣ вафот кард ва Иброҳим ибни Муктадир маъруф ба ал-Муттақӣ (940-944) халифа интихоб шуд [6, 738]. Аммо чуноне ки гуфта шуд, бо таъсиси мансаби амирулумаро дар хилофат тамоми ихтиёрот ва тасмимгириҳои ҷиддӣ аз халифа салб шуда буд ва ин халифаи тозаинтихоб низ ҳеҷ ихтиёре аз худ надошт. Дар замони хилофати кӯтоҳмуддати ӯ румиҳо то Нисибин расиданд ва нооромии дар гӯшаву канори хилофат бештар шуд. Бино ба аҳбори Ибни Халдун «чӯз уммоли Аҳвоз ва Басра ва Восит ҷоӣе дар дасти тасарруфи халифа набуд» ва баъдан Аҳвозу Восит низ ба дасти Аҳмад ибни Буя маъруф ба Муъизулдавла афтод, Ҷазира ва Мавсил дар дасти Бани Ҳамдон буд, Басра дар ихтиёри Абуабдуллоҳи Баридӣ монд [6,753].

Дар охири моҳи муҳаррами соли 333 ҳ.к./сентябри соли 944 Муттақиро гурӯҳе аз дарбориён бо сарвари амирулумаро Тузуни турк аз хилофат дур карда, Абулқосим Абдуллоҳ ибни Муттақӣ (944-946) маъруф ба ал-Мустақфиро халифа интихоб карданд [6,754].

Соли 334 ҳ.к./945-946 амирулумарои бонуфузи хилофат Тузуни турк вафот кард ва дар ҳоле ки дастгоҳи хилофат дар гирдоби харҷу марҷи шадид афтода буд, Мустақфӣ бозичаи дасти амирулумарои тозаинтихобшуда ба исми Ибни Шерзод гашт. Билохира дар авоили соли 946 хилофати Бағдод ба тасарруфи размандағони кӯҳистони Дайлам, Оли Буя (Бувайҳиён), силсилаи шиамазҳаби эронӣ даромад, ки ин силсила дар солҳои бистуми садаи даҳум таъсис ёфта буд.

Агар руҳдодҳои сиёсии охири садаи X-и Хуросони Бузургро, ки ҳудуди як сада дар он Сомониён давлатдорӣ карданд, бо ҳаводиси сиёсии нимаи дуҷуми садаи IX ва нимаи аввали садаи X-и хилофати Бағдод ба муқоиса гирем, мебинем, ки омилҳои асосии суқути ҳар ду ин давлат шабеҳи ҳамдигаранд. Дар давлати Сомониён мисли хилофати Бағдод нақши аслиро дар суқути давлат дар оғози садаи XI бартариӣ теъдоди туркон дар сипоҳ ва дарбори Сомониён бозидааст.

Бар асоси иттилооти манобеи таърихӣ, бавижа «Сиёсатнома»-и Низомулмулк сохтор ва созмондеҳии сипоҳи Сомониён, низомии назорат ва таркиби иҷтимоии он бо ҷузъиёти бештаре мушаххас шудааст. Дар боби «Андар захмат нокардани бандагон вақти хидмат ва тартиби кор эшон»-и Сиёсатнома Низомулмулк масири хидматро аз лаҳза ба даст овардани ғулом, боло бурдани ӯ аз тариқи нардбони мансаб то ба интисоби ӯ ба вазифаи ҳочиб, муфассал баён кардааст. Аз ҷумла Низомулмулк дар зербоби «Андар тарбияти ғуломони сарой» [15, 155-157] ҷи гуна тавассути нардбони мансаб иртиқоъ ёфтани ғуломи туркро чунин тасвир мекунад: «Ҳанӯз дар рӯзгори Сомониён ин тартиб бар ҷой буд ва ба тадриҷ ба андозаи

хидмат ва хунару шоистагӣ ғуломонро дараҷа меафзуданд, чунонки ғуломеро би-харидандӣ, як сол ўро пиёда дар рикоб хидмат фармудӣ, бо қабои зинданиҷӣ¹ ва мўза ва ин ғуломро фармон набудӣ, ки пинҳону ошкоро дар ин як сол бар асп нишастӣ ва агар маълум шудӣ, ўро молиш додандӣ. Ва чун як сол хидмат кардӣ, ву-соқбошӣ бо ҳоҷиб бигуфтӣ ва ҳоҷибро маълум кардӣ, он гоҳ ўро аспе фармудӣ бо зине дар хом гирифта² ва лағому даволи сода. Ва чун як сол бо аспу тозиёна хид-мат кардӣ, сеюм сол ўро қарочурӣ³ доданд, то бар миён бастӣ ва соли чаҳорум кешу қирбон⁴ фармудандӣ, то ба вақти барнишастан, барбастӣ ва соли панҷум зине беҳтар ва лақоме мукавкаб⁵ ва қабои рўдорӣ⁶ ва даббусе⁷, ки дар даббус ҳалқа овехтӣ ва соли шашум соқие фармудандӣ ва қадаҳе ба вай додандӣ, то дар миён овехтӣ ва соли ҳафтум чомадорӣ ва соли ҳаштум хаймаи яқсарӣ⁸ ва шон-здаҳмехӣ⁹ бидодандӣ ва се ғуломи навҳарида дар хайли ў қардандӣ ва ўро ву-соқбошӣ лақаб додандӣ ва қулоҳе намадини сиёҳи симкашида ва қабои ганҷай дарпўшонидандӣ. Ва ҳар сол таҷаммул ва мартабати ў меафзудандӣ, то хайл-бошӣ¹⁰ шудӣ ва ҳамчунин, то ҳоҷиб шудӣ. Чун шоистагӣ ва хунарҳо ва шуҷоати ў ҳама қасро маълум шудӣ ва қорҳои бузург аз дасти ў баромадӣ ва мардумдор ва худованддўст¹¹ будӣ, онгоҳ ўро то синопанҷсола нашудӣ амири надодандӣ ва ба вилоят номзад накардандӣ» [15, 155-156].

Ин масири иртиқои мансабро дар дарбори Сомониён яке аз ғуломони турк ба исми Алптегин, ки аз ҷониби Аҳмад писари Исмоили Сомонӣ (солҳои ҳукумат 907-914) дар солҳои охири зиндагиаш харидорӣ шудааст, паймудааст. Ў солҳои зиёд ба Наср ибни Аҳмад (914-943) хидмат карда, дар аҳди Нух ибни Насри Со-монӣ сипаҳсолори Хуросон таъйин мешавад, ки 35-сол дошт [15, 156].

Дар замони ҳукумати Абдулмалики Сомонӣ (954-961) нуфузи раҳбарони ни-зомии турк дар дарбори Сомониён ба шиддат афзоиш ёфт ва тақрибан тамоми умури идории давлат ба дасти онҳо расид. Дар ин ҳангом фармондеҳи горди тур-кон Алптегин ба унвони Ҳоҷиби Бузург ворида арсаи сиёсӣ шуд ва гувоҳи нақши таъйинкунандаи ў дар давлати Сомониён ин аст, ки амири Сомонӣ наметавонист қасеро бидуни ризоияти ў ба симати вазирӣ мансуб кунад. Ҳоҷиби Бузург яке аз олитарин мақомоти дарбори давлати Сомониён буд, ки дар умури идории давлат нуфузи зиёде дошт.

Алптегин беш аз панҷоҳ сол дар давлати Сомониён, бавижа дар Хуросон аз қудрати азиме бархурдор буд ва бо сўйистифода аз мақоми хеш дар дарбори Со-монӣ соҳиби сарвати ҳангуфте гардид. Ў дар Хуросони Бузург мулке бо панҷсад русто дошт, шаҳре набуд, ки дар он қасру чаҳорбоғу қорвонсаро, ҳаммому ан-борҳои мутааддиди ғалла нашошта бошад, соҳиби ҳазорҳо рама, сад ҳазор аспу шутуру ҳачир буд [14, 114, 117].

¹ Қабои зинданиҷӣ – матои камбаҳое, ки дар ноҳияи Зинданаи Бухоро мебофтанд.

² Зине аз ҷарми хом, ки нарму роҳат набудааст.

³ Ба маънии шамшербаланд.

⁴ Кеш - тиркаш, ҷаъбае, ки тирҳои қамонро дар он мегузоранд; қирбон – банде, ки бо он кешро бар шона мео-везанд.

⁵ Мукавкаб - ситоранишон.

⁶ Қабои рўдорӣ - қабое, ки рўи он зардўзӣ доштааст.

⁷ Даббус – гурз.

⁸ Яъне тамоми хайма ба ў тааллуқ дошт.

⁹ Хаймае, ки барои насиби он ба замин шонздаҳ мех фуру мекарданд.

¹⁰ Сарпарасти як дастаи саворон

¹¹ Ҳудованддўст - шохдўст, хочадўст.

Баъд аз марги Абдулмалики Сомонӣ дар соли 961 бо пешниҳод ва қонибдорӣ Алптегин писари хурдсоли Абдумалик, Наср ба қойнишинӣ баргузида шуд, аммо ҳукумати ӯ як рӯз беш напӯид [4, 311].

Ашрофи дарбори Сомониён ва фармондеҳони турки горди дарбор аз Абусолеҳ Мансур ибни Нух, бародари Абдумалик қонибдорӣ қарданд ва дар ин амр ба онҳо Абулҳасани Фоиқ, ки ӯ низ аз шумори гуломони турк буд ва бо паймудани масири иртиқои мансаб дар сохтори қудратии Сомониён нуфузи зиёде дошт, қумак намуд.

Алптегин аз сари ноумедӣ ба Ғазнӣ лашқар қашида, соли 962 ҳокими онро сарнагун қарда, таҳдоби давлати Ғазнавиёнро рехта, бо ин амал ба фурупошии давлати Сомониён замина гузошт.

Ҳамин тавр тақвияти рӯзафзуни қудрати фармондеҳони низомии турк дар давлати Сомониён яке аз далелҳои аслии сукути он дар оғози садаи XI маҳсуб мешавад.

АДАБИЁТ

1. Абучаъфар Муҳаммад ибни Қарири Табарӣ. Таъриху-р-русули ва-л-мулук. Китоби 7. Бо таҳрир, тасҳеҳи Н. Амиршоҳӣ. Душанбе: Муассисаи давлатии Сарредаксияи илмӣ энциклопедияи миллии тоҷик, 2014. – С. 4465-5177.

2. Абучаъфар Муҳаммад ибни Қарири Табарӣ. Таъриху-р-русули ва-л-мулук. Китоби 8. Бо таҳрир, тасҳеҳи Н. Амиршоҳӣ. Душанбе: Муассисаи давлатии сарредаксияи илмӣ Энциклопедияи миллии тоҷик, 2014. -5193 - 6001.

3. Аҳмадризо Хизрӣ. Таърихи хилофати Аббосӣ аз оғоз то поёни Оли Буя. Чопи панҷум. Техрон, 1384 х.х. -301 с.

4. Бартольд В.В. Средняя Азия до XII века//Сочинения. Т.1. М. 1963. С.238-385

5. Беляев Е.А. Арабы, ислам и арабский халифат в раннее средневековье. Москва: Наука, 1966. -279 с.

6. Ибни Халдун. Ал-ибар. Таърихи Ибни Халдун. Тарҷумаи А.Оятӣ. Ҷ.2. Техрон: Паҷуишигоҳи улуми инсонӣ ва мутолеоти фарҳангӣ, 1383. -967 с.

7. Иззиддин ибни Асир. Таърихи комил. Ҷ.9. Тарҷумаи Ҳ.Ожир. Чопи аввал. Техрон: Асотир, 1381 х.ш. 3777-4187.

8. Иззиддин ибни Асир. Таърихи комил. Ҷ.10. Тарҷумаи Ҳ.Ожир. Чопи аввал. Техрон: Асотир, 1382 х.ш. С.4189-4595.

9. Иззиддин ибни Асир. Таърихи комил. Ҷ.11. Тарҷумаи Ҳ. Ожир. Чопи аввал. Техрон: Дунё, 1382 х.х. С.4598-5017.

10. Иззиддин ибни Асир. Таърихи комил. Ҷ.12. Тарҷумаи Ҳ. Ожир. Чопи аввал. Техрон: Дунё, 1383 х.х. С.5020-5469.

11. Камол Ҳ. Авомили ба сари ҳокимият омадани Сомониён. Душанбе: Дониш, 2022. - 324 с.

12. Масъудӣ Абулҳасан Алӣ ибни Ҳусейн. Муруҷу-з-заҳаб. Ҷ.2. Техрон: Илмӣ ва фарҳангӣ, 1357 х.ш. -772 с.

13. Мюллер А. История ислама с основания до новейших времен. Том. II. Перевод с немецкого под ред. Н.А.Медникова. С.Петербург, 1895. -354 с.

14. Низамулмулк. Сиасет-намә. Книга о правлении визира XI столетия. Перевод и примечания Б.Н. Заходера. М.-Л., 1949. -379 с.

15. Хоча Низомулмулк. Сиёсатнома (Сиярулмулк). Бозшиносӣ ва нақду таҳлил, вироиши матн, тавзеҳот ва феҳристҳо М.Истеълomӣ. Техрон: Муассисаи интишороти Нигоҳ, 1390 х.х.-335 с.

16. Ҳамдуллоҳи Муствафӣи Қазвинӣ. Таърихи гузида. Чопи севум. Мусаҳҳеҳ А. Навоӣ. Техрон: Амир Кабир, 1364 х.х.-816 с

НАҚШИ ТУРКОН ДАР БУҲРОНИ АМИҚ ВА ҲАМАҚОНИБАИ ХИЛОФАТИ АББАСИ ДАР НИМАИ ДУЮМИ САДАИ IX – НИМАИ АВВАЛИ САДАИ X

Дар ин мақола муаллиф ба баррасии фаъолияти ғуломони турк мепардозад, ки бо истихдом дар лашкари хилофат, ба мақомҳои баланд расида, ошкоро дар умури хилофати Аббосӣ даҳолат мекарданд.

Дар замони хилофати Маъмун (813-833) горди туркии халифа шуруъ ба ифои нақши муҳимми сиёсӣ дар хилофат кард. Ин горд аз асирони турк ташкил шуда буд, ки тайи чангҳои тақрибан мудовими марзӣ бо сахронавардони он сӯйи Чайхун ва Сайхун асир афтада буданд. Асирони туркро ба унвони ғаноими чангӣ ба бардағӣ мебарданд ва дар бозорҳои бардафурӯшӣ дар Хуросони Бузург (Мовароуннахру Хуросон) мефурӯхтанд. Бархе аз онон дар бошишгоҳҳои лашкари халифа дар Бағдод қарор гирифта, барои анҷоми лашкаркашӣ ва ҳамчунин ором кардани мардуми беқарору ба осонӣ таҳриқшавандаи Бағдод ба як абзори хилофат табдил ёфтанд.

Бояд гуфт, ки дар замони хилофати Маъмун ва Муътасим (833-842) ҳокимони Хуросони Бузург, Тоҳирӣ ғуломони туркро аз қаламрави худ меҳариданд ва барои хидмат дар сипоҳи халифа ба Бағдод мефиристонданд. Ҳатто барои хидмат дар суфуфи сипоҳи халифа теъдоде аз ғуломони турк тавассути ҳокимони Озарбойҷон аз туркони хазар (соҳили баҳри Хазар) харидорӣ шуда, ба Бағдод ирсол мегаштанд.

Бартариин ин туркон аз он иборат буд, ки онон бо соқинони Бағдод иртиботе надоштанд ва аз ин рӯ наметавонистанд мановеи бағдодӣро дарк кунанд. Горди туркон ҳомии бозғимодӣ хилофат дар баробари раъияти он буд. Дар поёни хилофати Маъмун туркон ба як неруи муҳимми низомӣ табдил шуданд. Халифа Муътасим, ки аз қиёмҳои доимии мардуми Бағдод ҳаросон гашта буд, пойтахтро тарк карда, Сомарро маҳалли иқомати худ қарор дод. Дар наздикии ин шаҳр қасри халифа ва бошишгоҳи горди туркон сохта шуд. Муътасим ба зудӣ худро ба шиддат вобастаи горди турк кард.

Туркон дар чангҳои хулафои Аббосӣ нақши басазое доштанд. Тобистони соли 838 халифа Муътасим бо сипоҳи чандҳазорнафарӣ ба Рум ҳамла кард, ки фармондеҳон ва нерӯҳои аслии лашкар туркон буданд.

Дар нимаи дувуми садаи IX фармондеҳии олии туркҳо бидуни ташрифот ва густохона дар умури ворисии тахт ба мувоҳида шуруъ карда, номзадҳои мавриди алоқаи худро барои тоҷу тахт муаррифӣ мекард. Фармондеҳони низомии турк, ки барои қудрат меҷангиданд, бархе аз халифаҳоро аз хилофат барканор ва дигаронро ба тахт менишониданд, ки бо ин амал аз онҳо ҳадоёи бисёре ба даст меоварданд.

Туркҳо меъёри мавқеяи сиёсӣ ва низомии хилофати Аббосӣ дар нимаи дувуми садаи IX ва нимаи аввали садаи X буданд ва ғолибан хулафо таслими иродаи онҳо мегаштанд.

Агар дар масоили истихдоми туркон ба сипоҳ хатти мувозие миёни Аббосӣ ва Сомонӣ тарсим кунем, хоҳем دید, ки Сомонӣ ҳамон иштибоҳи муҳликеро, ки Аббосӣ муртақиб шуданд, такрор карданд, ки дар ниҳоят омили суқути давлати онҳо гардид.

Калидвожаҳо: Бағдод, Маъмун, Чайхун ва Сайхун, Аббосӣ, Сомонӣ, ғуломони турк, хилофати Аббосӣ, Муътасим, Хуросони Бузург.

РОЛЬ ТЮРКОВ В ГЛУБОКОМ И ВСЕОБЪЕМЛЮЩЕМ КРИЗИСЕ БАГДАДСКОГО ХАЛИФАТА ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ IX И ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ X ВЕКА

В данной статье автор анализирует деятельность тюркских рабов, которые, будучи приняты на службу в армию халифата, стали активно вмешиваться в дела Аббасидского халифата.

При халифе Ма`муне (813–833) важную политическую роль в халифате начала играть тюркская гвардия. Она формировалась из тюрков-пленных, захваченных в ходе почти непрерывных пограничных войн со степными народами за Джайхун и Сайхун. Эти

пленные тюрки, захваченные как военная добыча, обращались в рабство и продавались на невольничьих рынках Великого Хорасана (Мавераннахра и Хорасана). Некоторые из них попадали в казармы халифских войск в Багдаде и становились инструментом халифата для ведения военных кампаний и усмирения беспокойного населения Багдада.

Во времена правления халифов Ма'муна и Му'тасима (833–842) правители Великого Хорасана из рода Тахиридов скупали тюркских рабов и направляли их в Багдад для службы в армии халифа. Также часть тюркских рабов для службы была приобретена правителями Азербайджана у хазарских тюрков (прикаспийских тюрков) и отправлена в Багдад.

Преимущество этих тюрков заключалось в том, что они не имели связей с жителями Багдада и, следовательно, не могли проникнуться их интересами. Они представляли собой надёжную защиту халифата от собственного населения. В конце правления Ма'муна тюрки стали значительной военной силой. Халиф Му'тасим, обеспокоенный постоянными восстаниями багдадского населения, покинул столицу и сделал своей резиденцией Самарру. Вблизи этого города были построены дворец халифа и казармы его тюркской гвардии, а сам Му'тасим вскоре оказался в зависимости от своих тюркских гвардейцев.

Тюрки играли значительную роль в войнах аббасидских халифов. Летом 838 года халиф Му'тасим предпринял крупное вторжение в Византию с многотысячной армией, главные силы и командование которой были представлены тюрками.

Во второй половине IX века высший командный состав тюрков стал бесцеремонно вмешиваться в дела престолонаследия, выдвигая угодных им кандидатов на престол. Тюркские военачальники, боровшиеся за власть, низлагали одних халифов и возводили на престол других, получая за это щедрое вознаграждения.

Тюрки стали мерилом политического и военного положения Аббасидского халифата во второй половине IX — первой половине X веков; часто халифы были вынуждены подчиняться их воле. Если провести параллель между Аббасидами и Саманидами в вопросе набора тюрков в армию, то можно отметить, что Саманиды повторили ту же роковую ошибку, что и Аббасиды, что в конечном итоге привело к падению их государства.

Ключевые слова: *Багдад, Мамун, Джейхун, Сайхун, Аббасиды, Саманиды, турецкие рабы, Аббасидский халифат, Великий Хорасан.*

THE ROLE OF THE TURKS IN THE DEEP AND COMPREHENSIVE CRISIS OF THE BAGHDAD CALIPHATE IN THE SECOND HALF OF THE 9TH AND THE FIRST HALF OF THE 10TH CENTURY

In this article, the author examines the activities of Turkic slaves who, having been recruited to serve in the army of the caliphate, openly interfered in the affairs of the Abbasid caliphate.

Under Ma'mun (813-833), the caliphic Turkic guard began to play an important political role in the caliphate. This guard was formed from Turkic prisoners who were captured during almost continuous border wars with the steppes beyond Jayhun and Sayhun. Turkic prisoners, as spoils of war, were enslaved and sold in the slave markets of Great Khorasan (Maverannahr and Khorasan). Some of them ended up in the barracks of the Caliph's troops in Baghdad and became a trouble-free instrument of the Caliphate for carrying out military campaigns, as well as for pacifying the restless and easily agitated population of Baghdad. It should be said that during the caliphate of Ma'mun and Mu'tasim (833-842), the rulers of Great Khorasan, the Tahirids, bought Turkic slaves from their territory and sent them to Baghdad to serve in the army of the caliph. Also, to serve in the army of the caliph, a number of Turkic slaves were bought by the rulers of Azerbaijan from the Khazars Turks (Caspian Turks) and sent to Baghdad.

The advantage of these Turks was that they had no connection with the inhabitants of Baghdad, and therefore could not understand their interests. They were a reliable defense of the caliphate from its subjects. At the end of Ma'mun's reign, the Turks represented a significant military force. Caliph Mu'tasim, frightened by the constant uprisings of the Baghdad population, left the capital and made Samarra his residence. Near this city the palace of the caliph and the bar-

racks of his Turkic guard were built. Mu'tasim soon found himself heavily dependent on the Turkic guards.

The Turks played a significant role in the wars of the Abbasid caliphs. In the summer of 838, Caliph Mu'tasim carried out a large-scale invasion of Byzantium with an army of thousands, the commanders and main forces of which were Turks.

In the second half of the 9th century. The top command staff of the Turks unceremoniously and brazenly began to interfere in the affairs of the succession to the throne, nominating candidates they liked for the throne. Turkic military leaders who fought for power began to depose some caliphs and elevate others to the throne, from whom they received very generous rewards.

The Turks were the measure of the political and military position of the Abbasid Caliphate in the second half of the 9th and first half of the 10th centuries, and the caliphs often submitted to their will.

If we draw a parallel between the Abbasids and the Samanids in the issue of recruiting Turks into the army, we will see that the Samanids repeated the same fatal mistake as the Abbasids, which ultimately became the reason for the fall of their state.

Key words: *Baghdad, Mamun, Jeyhun and Sayhun, Abbasids, Samanids, Turkish slaves, Abbasid Caliphate, Mutasim, Great Khorasan.*

Сведения об авторе: **Хамза Камол (Камолов Хамзахон Шарифович)** – Институт истории, археологии и этнографии имени А. Дониш НАНТ, доктор исторических наук, профессор, заведующий отделом древней, средневековой и новой истории. Адрес: 734025, Республика Таджикистан, г. Душанбе, пр. Рудаки, 33. E-mail: hamza_Kamol@mail.ru

Information about the author: **Hamza Kamol (Kamolov Khamzakhon Sharifovich)** – A. Donish Institute of History, Archeology and Ethnography NAST, Doctor of Historical Sciences, Professor, Head of the Department of Ancient, Medieval and Modern History. Address: 734025, Republic of Tajikistan, Dushanbe, Rudaki Ave., 33. E-mail: hamza_Kamol@mail.ru

УДК 930.25 : 930.1 : 94 (575.3) "19" :63(09)

**АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЯ В
ИСТОРИОГРАФИИ АГРАРНОЙ ИСТОРИИ ТАДЖИКИСТАНА¹****АБДУРАШИТОВ Ф. М.,****Институт истории, археологии и этнографии им. А.Дониша НАНТ**

Важным условием для исследования любой исторической проблемы является установление информационного потенциала, ее источниковой базы. В системе исследовательских процедур такой подход способствует выявить и оценить информативный объем, его масштабы, а также возможности его использования в изучении исторического процесса.

Основными источниками для исследования новейшей истории Советского Таджикистана в 20-е годы XX в. послужили многочисленные документы, отчеты парторганизаций, резолюции и постановления съездов Коммунистической партии Туркестанской АССР, Таджикской АССР (с 1924 года). Наиболее достоверными и ценными в плане информативности на тот момент были опубликованные материалы съездов Советов СССР, Туркестанской АССР и Таджикистана [11], которые послужили важным источником по истории аграрного строительства в Таджикистане. В партийных документах и отчетах хранилась информация об осуществлении ленинской национальной политики по национализации земель, кооперирование сельскохозяйственного производства, создание и укрепление советской государственности в таджикском селе, борьба компартии с врагами социалистического строительства и т.д. [12].

В Таджикистане, начиная с 30-х годов, с формированием архивного дела началось создание источниковой базы аграрной истории Таджикистана. Первые материалы, отчеты земельного дела, документы, посвященные аграрным вопросам, были собраны и архивированы для долгосрочного хранения в фондах Государственного архива Таджикистана.

Историографический анализ показывает, что при изучении истории аграрных преобразований - национализации земель, земельно-водной реформы, коллективизации исследователи иногда использовали уже опубликованные источники. Среди них более информативными и хронико-документальными в качестве источников послужили официальные публикации партийно-государственных органов и ведомств. Богатый материал был составлен в сборниках документов и материалов, а также переписи между сельскохозяйственными предприятиями и ведомствами. Часть источников в трудах исследователей состоит в основном из документов партийных организаций и правительств Туркестана, Узбекской ССР и Таджикской АССР. Именно в этих документах были представлены нормативно-правовые и организационные установки Советской власти для проведения национализации земель и земельно-водной реформы.

Как показывает анализ использованных источников по аграрной истории, что, несмотря на обширный материал в архивах, в процессе исследования ученые сталкивались с недостатком, скорее всего с несходством в их использовании.

1.Статья написана в рамках проекта «История таджикского народа» (Таджикистан в период Советского Союза), государственный регистрационный номер 0121ТJ1200.

Так, например источники разного рода в виде отчетов не совпадали с данными сборников по статистике. Это привело к тому, что порою в трудах ученых статистический материал о состоянии аграрного производства не совпадал с цифровым материалом из других источников. Так, например, Б. Антоненко, в своей статье, используя архивный материал приводит факты, что в 1914 г. вся посевная площадь республики составляла всего 648,6 тыс. га [4,91]. А по данным статистического сборника вся посевная площадь в 1913 г. составила 494,3 тыс. га. Это означает, что количество посевных площадей за год увеличилось свыше 1150 тыс.га., что, конечно, является недостоверным.

При освещении состояния сельского хозяйства республики в коллективном труде «История таджикского народа» сообщается, что в 1925 г. посевная площадь составляла 302,5 тыс. га [5,171], тогда как в статсборнике, выпущенным в 1926 г. «Народное хозяйство Таджикистана» приводится, что общая посевная площадь ТАССР в 1925 г. составила 233,571 тыс. га [9,11]. Таких расхождений в статистике и фактических материалах в опубликованных книгах по аграрной истории много. К сожалению, статистическая дивергенция порою не позволяет показать объективную картину состояния землепользования. Подобные примеры несоответствия статистики встречаются в трудах исследователей и по количеству дехкан, разной категории землевладельцев.

Другая причина неточности в сведениях может быть то обстоятельство, что а) неизвестно было точное количество населения в кишлаках; б) с 1925 года начался процесс репатриации беженцев Кулябского, Гиссарского и Курган-Тюбинского вилоятов из Афганистана, многие из которых долгое время не имели места постоянной дислокации; и в) методы обследования и ведения учета населения, опроса были несовершенными.

Среди региональных архивов, материалы которых больше всего использованы при написании аграрной истории Советского Таджикистана можно отметить Государственный архив Согдийской области (ГАСО). В фондах 51, 187, 267, 322, 456 и др, относящихся к аграрной истории Северного Таджикистана, особое значение имеет отчет о проведении земельно-водной реформы в 1925-1926 гг. Огромную историческую ценность представляют статистические сведения об итогах реформы в Ходжентском округе и ее социальных последствиях, а также хроникальные документы Наркомзема Узбекской ССР.

Особую ценность представляет фонд 51, в котором содержатся материалы, посвященные кадровым вопросам, обеспечению специалистами колхозов и совхозов, подготовки механизаторов и других технических кадров для МТС и других сельскохозяйственных предприятий. А в фонде 322 сохранились отчеты колхозов по увеличению производства сельскохозяйственной продукции. В фондах 187,267 собран материал отражающий водохозяйственные и строительные работы на важнейших объектах освоения целинных и залежных земель в Дильверзинском, Ходжа-Бакирганском, Маргедарском, Самгарском массивах, а также таджикской части Голодной степи в 50-80-е годы XX в.

Огромное количество материалов по аграрной истории - земельно-водной реформы, ирригационного строительства, освоения новых земель и переселения использованы из фондов Государственного архива Хатлонской области (ГАХО). В фонде 13 Управления Вахшской оросительной системы (УВОС) содержится богатейший материал, непосредственно касающийся ирригационного строительства, эксплуатации оросительных систем и деятельности водохозяйственных организаций Курган-Тюбинской зоны Хатлонской области. А из фонда 475 Управления

Нижне-Кафирниганской оросительной системы /УНКОС/ исследователи использовали ценные материалы о ходе строительства уникальных сооружений – строительства Бешкентского магистрального канала, несостоявшейся Нижне-Кафирниганской плотины, и десятки ирригационных проектов на территории Шаартузского, Кубодиенского и Носир-Хусравского районов, где в 60-80-е годы XX в. проводились бурные водохозяйственные строительные работы.

В изучении социально-экономической жизни республики немаловажное значение имеют фонды Госкомтруда Таджикской ССР. Так, в фонде 1566 хранятся материалы, касательно трудоустройства населения, подготовки и переквалификации кадров, обустройства переселенцев и т.д. По деятельности колхозов и совхозов, других сельскохозяйственных предприятий ценный материал содержит фонд 1613 Комитета народного контроля Таджикской ССР. В трудах исследователей М. Хамраева [18], Р. Абулхаева [1], Д. Алимова [3] и в некоторых диссертационных работах, посвященных аграрной истории, ирригационному строительству, освоения новых земель, деятельности целинных совхозов и о роли переселенческих хозяйств поднятии целины были использованы материалы фонда 1672 производственного треста целинных совхозов в архиве Министерства сельского хозяйства Таджикистана.

Среди сборников директивного характера исследователями были использованы документы и материалы советских и партийных органов. Сборники составили официальные программные документы Совета Министров СССР и Таджикской ССР, материалы съездов КПСС и КП Таджикистана [7]. В них содержатся постановления, программные и другие нормативно-директивные материалы, на основе которых осуществлялись проекты сооружения водохозяйственных объектов и освоения новых земель в Советском Таджикистане. Среди наиболее крупных сборников документов высшего партийного руководства нужно отметить издание «КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и Пленумов ЦК» [8,76], которое состоит из 12 томов документов. Параллельно подобные сборники издавались и в республиках Союза ССР. Так, в 50-е годы XX в. в Таджикистане также был опубликован сборник партийных документов [6]. В нем были размещены материалы целого комплекса производственной деятельности аграрных предприятий, колхозов и совхозов, водохозяйственных организаций, сведения по развитию хлопководства в республике.

В процессе использования архивных материалов становится очевидным, что многие материалы, накопившихся в архивах дублируют друг друга. Почти все фонды ЦГА также одноименным названием хранятся в Государственном архиве новейшей истории Таджикистана (бывший Архив Коммунистической партии Таджикистана, бывший Партийный архив Института политических исследований ЦК Коммунистической партии Таджикистана ПА ИПИ ЦК КПТ). Широко использованы исследователями материалы фонда 203 ЦГА и ГАНИТ, Управления Шуробадской оросительной системы /УШОС/.

Таким образом, как показывает анализ использованных архивных источников, учеными республики был веден в научный оборот огромный пласт материалов по аграрной истории Советского Таджикистана. Но, к сожалению, по новейшей истории аграрных преобразований в архивах республики почти материалы не поступают. В конце XX-начале XXI вв. в Таджикистане происходили кардинальные изменения в области сельского хозяйства, была проведена масштабная земельная реформа. Для исследования этих событий и процессов ученым приходится использовать только отчеты министерств и ведомств, которые еще не архиви-

рованы и не переданы в архивы страны. Исследователи рассматриваемого периода [1] в своих трудах использовали материалы (1991-2021гг.) в основном Текущего архива Министерства сельского хозяйства республики Таджикистан, архивов Агентства по мелиорации и водных ресурсов Республики Таджикистан, Комитета по земельному управлению и геодезии Республики Таджикистан и Текущего архива Центра стратегических исследований Республики Таджикистан. Необходимо особо подчеркнуть, что для написания аграрной истории новейшего периода более систематизированы материалы текущего архива ЦСИ, которые представляют научную ценность. Здесь хранятся аналитические отчеты по каждому компоненту проектов аграрного сектора экономики Таджикистана.

Сведения содержащиеся о процессах национализации земель, земельно-водной реформы, создание совхозов и колхозов, переустройстве сельского хозяйства в Советском Таджикистане, а начиная с 90-х годов XX в. все события и процессы по аграрному преобразованию в условиях суверенного Таджикистана исследователи использовали из материалов статистических сборников. Опубликованные статистические ежегодники в период Советского Таджикистана характеризуют аграрные преобразования, положение дехкан-землепользователей, колхозников, процесс создания и развития земельно-водных комитетов, строительства колхозов и совхозов, динамику количественных и качественных изменений в землепользовании и в сельскохозяйственном производстве в Таджикистане. В рассматриваемый период статистические сборники издавались ежегодно [10]. В систематически опубликованных материалах были отражены микро и макро показатели сельскохозяйственного производства, как за отдельные пятилетки, так и за более длительный период. Все это создавало благоприятные условия для более глубокого изучения проблемы колхозного строительства.

Что касается статданных по аграрной жизни республики в условиях независимости, то ежегодные статистические журналы, с полнотой информации в основном были изданы, начиная с 2000-х годов. При освещении процессов перехода аграрного сектора к рыночным отношениям, земельно-водной реформы, реорганизации сельскохозяйственных предприятий и создания дехканских (фермерских) хозяйств исследователи широко использовали материалы из статистических журналов «Статистический ежегодник Республики Таджикистан», «Сельское хозяйство Республики Таджикистан» [13,14,15]: Статсборник (1991-2016), «Социально экономическое положение Республики Таджикистан» [16], «Таджикистан за 40 лет [17] и другие.

К сожалению, данные статсборников не всегда совпадают с фактическими материалами текущих архивов министерств и ведомств республики. В частности, по данным Агентства по землеустройству, в Таджикистане 1 января 2020-го насчитывалось 185,6 тысячи дехкан. При этом в отчете Агентства по статистике при Президенте республики говорится о 171,4 тысячи хозяйств. Налоговый комитет страны и вовсе привел цифру в 155,6 тысячи объектов [19].

В новейшей историографии Таджикистана при исследовании процессов аграрных преобразований существенное значение приобретают нормативно правовые документы, которые регулируют эти процессы. В конце XX – начале XXI вв. в сфере земельных правоотношений в Республике Таджикистан были приняты ряд законодательных актов. Среди них Закон Республики Таджикистан «О земельной реформе» от 5 марта 1992 г., Земельный Кодекс Республики Таджикистан от 12 декабря 1997 г., с последними дополнениями и изменениями от 18 июня 2008 г. и Закон Республики Таджикистан «О дехканских (фермерских) хозяйствах» от 19

мая 2009 г. Другим важным нормативно-правовым актом концептуального регулирования землепользования является Постановление Правительства Республики Таджикистан «Об утверждении Концепции использования земель в Республике Таджикистан» от 31 августа 2004 года, №349. Данное постановление определяет государственную стратегию использования земельных ресурсов на период перехода аграрного сектора к рыночным отношениям в период земельной реформы. Все эти нормативно-правовые документы служат ценными источниками при освещении исторических событий и процессов, происходящих в аграрной жизни республики.

Целый ряд показателей источников по становлению и развитию аграрного хозяйства Таджикистана приведены в сборнике под названием «Кооперативно-колхозное строительство в Таджикистане (1917-1929 гг.)». На страницах сборника можно обнаружить важнейшие документы и материалы по реализации земельно-водной реформы, кооперативного плана и о других преобразованиях в сельском хозяйстве республики. Данный сборник был подготовлен в 1987 году сотрудниками Главного архивного управления при Совете Министров Таджикской ССР, Институтом истории партии при ЦК КП Таджикистана и Институтом истории им. А. Дониша Национальной академии наук Таджикистана. Примечательно, что в нем содержатся материалы из фондов ЦГА Таджикской ССР (ныне ЦГА РТ), Партийного архива Таджикского филиала ИМЛ при ЦК КПСС (ныне Государственный архив новейшей истории Таджикистана (ГАНИТ), архивов Согдийской, Хатлонской областей, ГБАО и архивов городов и районов республики. Кроме того, в сборнике размещены материалы из госархивов Республики Узбекистан и Российской Федерации.

Еще на заре Советской власти в отсутствии архивов и других статучреждений в республике важным источником для изучения и анализа материалов, связанных с аграрными преобразованиями, национализацией земли и земельно-водной реформой послужили газетно-журнальные материалы. Как уже было отмечено первые информации о ходе земельно-водной реформы, кооперации дехканских хозяйств появились на страницах журнала «Народное хозяйство». Последующие годы на страницах центральных, республиканских, областных, районных газет и журналов, освещались сведения и факты о преобразованиях в аграрной сфере Таджикистана. При освещении событий и процессов в аграрной жизни исследователями были использованы публикации о происходящих преобразованиях в сельском хозяйстве. В научный оборот были введены партийные и государственные документы, информационные материалы на актуальные вопросы.

Преимущество статей на страницах периодической печати по сравнению с другими публикациями, в основном книгами доктринального характера в том, что в них репортеры старались показать народную историю, повседневную жизнь дехкана или колхозника. Наряду с освещением событийной истории, эпопеи освоения целинных земель журналисты больше внимание уделяли истории трудового подвига непосредственных участников сельскохозяйственного производства.

В настоящее время, в новейшей историографии Таджикистана исследователи имеют возможность обратиться к устной истории. Рассказы современников, непосредственных участников событий и процессов аграрной жизни республики также могут послужить важным источником в исследовании. Весьма полезным могут быть воспоминания ветеранов сельского хозяйства в Таджикистане. Данный подход был широко использован в сборниках «Говорят строители социализма в Таджикистане», «Золотая долина» и др.

Таким образом, проведенное источниковедческое исследование позволило совместить накопленный историографией Таджикистана опыт изучения, как Советской эпохи, так и аграрной истории суверенного Таджикистана. Исследователи при освещении земельно-водной реформы, переселения использовали широкий круг источников. Кроме архивных, статистических материалов и сборников документов, газетно-журнальных статей в публикациях были включены материалы научных дискуссий и обсуждений, научных конференций и симпозиумов. Были привлечены значимые для научного освещения рецензии, обзоры, статьи, коллективные сборники и др.

В изучении аграрной истории Таджикистана в качестве источников огромное научное значение имеет комплекс материалов личного происхождения. Огромный пласт материалов по аграрной истории содержатся в личных архивных фондах крупнейших историков академика Р.М. Масова, профессора Р. Абулхаева, М. Хамраева. В целом материалы из личных архивов выдающихся историков аграрной истории обладают уникальным мемориальным значением. Богатый материал, накопленный в этих архивах, способствует более глубокому и объективному исследованию аграрной истории Таджикистана.

ЛИТЕРАТУРА

1. Абулхаев Р.А. Развитие ирригации и освоение новых земель в Таджикистане (1946-1960 гг.). – Душанбе, 1988. - 248 с.
2. Абулхаев Р.А. Вопросы новейшей истории Таджикистана. -1 кн. - Душанбе, 2015, 213 с. и 2 кн. - Душанбе, 2016. - 190 с.
3. Алимов Д. Водохозяйственное строительство и освоение целинных земель южных районов Таджикистана (20-80-е годы XX в.). Диссертация на соискание ученой степени доктора исторических наук. – Душанбе, -2020. – 365 с.
4. Антоненко Б. А. Аграрные преобразования в доколхозном таджикском кишлаке. – Душанбе: Дониш, 1987. – 188 с.
5. История таджикского народа. - Т. 3. - Кн. 1. - М., 1964. – 321 с.
6. Компартия Таджикистана в резолюциях съездов, конференций и пленумов ЦК КПТ. - Т. I. – Душанбе, 1988. -176 с.
7. Контрольные цифры развития народного хозяйства СССР за 1959-1965 гг. – М., 1959. -245 с.
8. КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и Пленумов ЦК. - Т. IX. (1956-1960 гг.). – М.: Политиздат, 1985. – 264 с.
9. Народное хозяйство Таджикистана». - Изд. Госплана ТАССР, 1926. – 423 с.
10. Отчет правительства IV съезду Советов Таджикской ССР (1929-30 гг.). – Сталинабад, 1931. - 146 с.
11. Коммунистическая партия Узбекистана в резолюциях и постановлениях съездов. 2-е доп. издание. – Ташкент, 1968. - 243 с.
12. Резолюции и постановления съездов Коммунистической партии Туркестана (1918-1924 гг.). – Ташкент, 1968. – 73 с.
13. Сельское хозяйство Республики Таджикистан: Статсборник. - Душанбе: Госкомстат. 1999. -197 с.
14. Сельское хозяйство Республики Таджикистан, Статсборник. - Душанбе: Госкомстат, 2001. - 550 с.
15. Сельское хозяйство Республики Таджикистан, Статсборник. - Душанбе: Госкомстат, 2002. – 333 с.
16. Социально экономическое положение РТ. – Госкомстат, 2006. – 253 с.
17. Таджикистан за 40 лет. Стат. сб. - Душанбе, 1964. – 176 с.
18. Хамраев М. Развитие ирригации Советского Таджикистана в период упрочения соц
19. <https://tj.sputniknews.ru>. 5 апреля 2020 г.

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЯ В ИСТОРИОГРАФИИ АГРАРНОЙ ИСТОРИИ ТАДЖИКИСТАНА

С установлением Советской власти аграрный вопрос занимал ключевое место в экономической жизни Таджикистана. Реформы Советской власти 20-30-х годов XX века дали толчок длительному процессу ликвидации крупного землевладения в лице феодалов и латифундистов и формирования коллективного хозяйства. Массовое кооперирование в деревне превратило коллективные хозяйства в основную форму организации сельскохозяйственного производства и землевладения.

Актуальность источниковедческого и историографического анализа аграрной истории в Советском и независимом Таджикистане в XX начале XXI вв. заключается в изучении, использовании исторического опыта в период социалистической реконструкции сельского хозяйства и оценки современного состояния аграрных реформ в республике на современном этапе. В статье дается источниковедческий анализ историографии истории Советского и независимого Таджикистана, исследований в области аграрной истории Таджикистана в XX – начале XXI вв. На основе достоверных источников автором предпринята попытка определить ценность использованных, введенных в научный оборот материалов по аграрным преобразованиям, национализации земель, колхозно-совхозного строительства, земельно-водной реформы в Таджикистане.

Аналізу подвергнут огромный пласт источников и литературы, многочисленные научные статьи и брошюры, посвященные аграрной тематике. В статье дается краткий источниковедческий и историографический обзор по истории аграрных реформ в конце XX - начале XXI вв. уже в условиях независимости. Источниковедческий анализ имеющихся исследований позволил автору выявить пробелы в освещении аграрной истории Советского Таджикистана и оценить состояние аграрной историографии.

Ключевые слова. *аграрная история, источники, архив, историография, источниковедение, сельское хозяйство, аграрная реформа.*

МАСЪАЛАҶОИ МУБРАМИ САРЧАШМАШИНОӢ ДАР ТАӢРИХНИГОРИИ ТАӢРИХИ АГРАРИИ ТОҶИКИСТОН

Бо барқарор гардидани Ҳокимияти Советӣ масъалаи аграрӣ дар ҳаёти иқтисодии Тоҷикистон ҷойи асосиро ишғол намуд. Ислоҳоти Ҳокимияти Шуравӣ дар солҳои 20-30-юми асри XX ба раванди дуру дарози барҳам додани заминдорӣ калон дар симои феодалҳо ва латифундистҳо ва ташаккули хоҷагидорӣ коллективӣ таконе бахшид. Коллективикунони оммавӣ дар деҳот колхозхоро ба шакли асосии ташкили истеҳсолоти хоҷагии деҳот ва моликияти замин табдил дод.

Аҳаммияти сарчашмашиноӣ ва таҳлили таърихнигорӣ таърихи кишоварзӣ дар Тоҷикистони Шуравӣ ва соҳибистиклол дар асри XX ва ибтидои асри XXI аз омӯхтан, истифода бурдани таҷрибаи таърихӣ давраи азнавсозии сотсиалистии хоҷагии деҳот ва баҳо додан ба вазъияти ҳозираи ислоҳоти аграрии ҷумҳурӣ дар марҳалаи ҳозира иборат аст.

Дар мақола таҳлили сарчашмаҳои таърихнигорӣ таърихи Тоҷикистони Шуравӣ ва соҳибистиклол, таҳқиқот дар соҳаи таърихи кишоварзии Ҷумҳурии Тоҷикистон дар асри XX - аввали асри XXI оварда шудааст.

Муаллиф дар асоси маъхазҳои муътамад кӯшиш кардааст, ки арзиши маводи истифодашуда ва ба муомилоти илмӣ ҷорӣ кардашударо оид ба ислоҳоти аграрӣ, миллӣ кунондани замин, сохтмони колхозу совхозҳо, ислоҳоти заминро об дар Тоҷикистон муайян намояд. Маводи зиёде аз маъхазҳо ва адабиёт, мақолаю нигоштаҳои сершумори илмӣ доир ба мавзӯҳои хоҷагии деҳот таҳлил мешаванд. Таҳлили маъхазҳои таҳқиқоти мавҷуда ба муаллиф имкон дод, ки камбудҳои инъикоси таърихи аграрии Тоҷикистони Шуравиро ошкор намуда, ба вазъияти таърихнигорӣ аграрӣ баҳо диҳад.

Калидвожаҳо: *Таърихи аграрӣ, сарчашмаҳо, бойгонӣ, таърихнигорӣ, сарчашмашиноӣ, кишоварзӣ, ислоҳоти аграрӣ.*

**CURRENT PROBLEMS OF SOURCE STUDY IN THE HISTORIOGRAPHY
OF AGRARIAN HISTORY OF TAJIKISTAN**

With the establishment of Soviet power, the agrarian question occupied a key place in the economic life of Tajikistan. The reforms of the Soviet power of the 20-30s of the twentieth century gave impetus to a long process of liquidation of large landownership in the person of feudal lords and latifundists and the formation of collective farms. Mass cooperation in the village turned collective farms into the main form of organization of agricultural production and land ownership.

The relevance of the source study and historiographic analysis of agrarian history in Soviet and independent Tajikistan in the twentieth and early twenty-first centuries lies in the study, use of historical experience during the socialist reconstruction of agriculture and assessment of the current state of agrarian reforms in the republic at the present stage. The article provides a source study analysis of the historiography of the history of Soviet and independent Tajikistan, research in the field of agrarian history of Tajikistan in the twentieth and early twenty-first centuries.

Based on reliable sources, the author attempted to determine the value of the materials used and introduced into scientific circulation on agrarian reforms, land nationalization, collective and state farm construction, and land and water reform in Tajikistan. A huge layer of sources and literature, numerous scientific articles and brochures devoted to agrarian topics were analyzed.

The article provides a brief source study and historiographical overview of the history of agrarian reforms in the late twentieth and early twenty-first centuries, already in the conditions of independence. Source study analysis of existing studies allowed the author to identify gaps in the coverage of the agrarian history of Soviet Tajikistan and assess the state of agrarian historiography.

Key words. *Agrarian history, sources, archive, historiography, source study, Agriculture, agrarian reform.*

Маълумот дар бораи муаллиф: **Абдурашитов Фозил Маматович** - сарҳодими илмии Институти таърих, бостоншиносӣ ва мардумшиносии ба номи А. Дониши Академияи миллии илмҳои Тоҷикистон. Суроға: Ҷумҳурии Тоҷикистон, ш. Душанбе, хиёбони Рӯдакӣ, 33. Телефон: (+992) 93-570-02-05, E - mail: fozil8204@gmail.com

Information about the author: **Abdurashitov Fozil Mamatovich** - Chief Researcher of the Institute of History, Archeology and Ethnography named after and Donisha National Academy of Sciences of Tajikistan. Address: Republic of Tajikistan, Dushanbe, st. Rudaki 33, mobile phone (+992) 93-570-02-05, E - mail: fozil8204@gmail.com

УДК 39 : 94 (575.3) : 070

**ОСВЕЩЕНИЕ ЭТНОГРАФИИ ТАДЖИКСКОГО НАРОДА В
ГАЗЕТЕ «ТУРКЕСТАНСКИЕ ВЕДОМОСТИ»**

ШОВАЛИЕВА М. С., АФСАХОВА Н.С.,
Институт истории, археологии и этнографии им. А. Дониша НАНТ

Следует отметить, что первые походы русских офицеров в Среднюю Азию начались уже в 70-х годах ХХ в. Первыми русскими путешественниками, побывавшими в Гиссарском крае с целью специального обследования, были редактор газеты «Туркестанских ведомостей» Н.А. Маев и его спутники поручик Вишневецкий Д.М., астроном Ф.Ф. Шварц и переводчик Ю. Казбеков. Они были участниками первой Гиссарской экспедиции, снаряженной в 1875 г. для выяснения характера местности между Гиссарским краем и Аму-Дарьей. По результатам этой экспедиции впоследствии была написана работа Н.А. Маева «Очерки Гиссарского края», где автор с привлечением существующей тогда немногочисленной литера-

туры и переводом материалов П. Лерха на русский язык, даёт более расширенное описание Гиссарского края [17,130-255;16,252-255].

Этнографические сведения в работе Н.А.Маева касаются следующих вопросов: состава населения, описание населенных пунктов и преданий, связанных с ними, нравов местного населения, главным образом чиновной верхушки, с которой была связана экспедиция, экономики края, занятий населения, ремесла, внешнего облика жилища[20,8].

В данной работе помимо чисто географических сведений имеется много географических названий и приводится этимология названий некоторых населенных пунктов и дополнительные сведения к ним. Также в ней содержатся первые и весьма ценные сведения о Каратаге как о центре ремёсел. Особое внимание уделяется описанию Каратагского базара, мастерских ремесленников, их изделиям: ножам, саблям, их качеству и ценам на них.

Исследователи Р.Л. Неменова и А. Мардонова, занимавшиеся этнографическим исследованием Гиссара отмечают, что «этнографические сведения, имеющиеся в «Очерках Гиссарского края» не утратили своего значения до наших дней, поскольку они отражают данные почти вековой давности. Эти сведения не носят характера систематического изучения и представляют изложение непосредственных наблюдений, своего рода дополнения к географической и исторической характеристике местности.

Продолжая обзор, авторы отмечают, что в 1889 г. Гиссарское бекство посетил также военный специалист А.Статкевич, в результате которой был опубликован военно-статистический очерк, посвященный бассейну Каратаг-Дарьи [22-234,184]. Здесь Статкевич приводит также краткие описания внешнего вида жилища как долинного, так и горного типа- (Каратаг-Дарьи). В его работе представляет интерес перечисление видов и изделий кустарной промышленности, среди которых упоминаются хлопчатобумажные ткани, кошмы, хурджины, деревянная посуда, корзины, шерстяные вязаные чулки. Говоря о занятиях населения земледелием и скотоводством, А.Статкевич приводит цены на зерно, рис и на скот.

Однако, по справедливому замечанию авторов этнографические сведения о Гиссаре во всей довольно многочисленной дореволюционной литературе были скудны, отрывочны, случайны и совершенно не давали представления о быте как таджиков, так и узбекоязычных племен, населявших Гиссар. И если о Каратегине, Дарвазе и Западном Памире имелись специальные этнографические исследования, опубликованные на рубеже XIX и начале XX вв., и не утратившие своего значения по настоящее время [12,9-25], то ни один из районов Гиссара в то время абсолютно не был подвергнут специальному этнографическому обследованию. Далее авторы подчеркивают, что одной из причин этнографической неизученности Гиссара как в дореволюционный период, так в дальнейшем является чрезвычайная пестрота состава его населения, и в связи с этим трудности выделения определенных, недавно сложившихся историко-культурных районов внутри страны» [20,25].

О богатстве и плодородности почвы Гиссарской долины приводит сведения очевидец этого, редактор «Туркестанских ведомостей» Н.А. Маев. Следует оговориться, что его работа «Географический очерк Гиссарского края и Кулябского бекства» [18] является в своём роде историей завоевания Средней Азии, в частности Ферганской долины, изданная участвовавшими в нём русскими офицерами и генералами. В частности, у Н. А. Маева имеются отдельные статьи с описанием Пенджикента, Джизака, Самарканда, азиатской и русской частей Ташкента [19,269-287]. Относительно Гиссарского края он отмечает, что плодородная почва,

соответствие климатических условий, трудолюбие населения благоприятствовали выращиванию высокого урожая в большинстве бекств Восточной Бухары. Также он отмечает изобилие зерновых культур в Гиссарском, Кулябском, Бальджуанском и Каратегинском бекствах. Автор указывал, что «Гиссар и Куляб производили в изобилии все хлебные и садовые продукты, свойственные Средней Азии» [19,269-287].

Это подтверждается и другим исследователем конца XIX-начала XX вв. военным топографом Н. А. Бендерским который в 1907-1908 гг. участвовал в ряде экспедиций как на Памире, так и по территории нынешнего Южного Таджикистана. Он утверждал, что «Гиссарская долина покрыта множеством арыков..., очень хорошо обрабатывается и производит все злаки Средней Азии, в особенности рис и ячмень. Поэтому долину эту можно назвать житницей Восточной Бухары» [3,153].

Продолжая обзор, авторы отмечают, что в 1889г. Гиссарское бекство посетил также военный специалист А. Статкевич, результатом поездки которого явился опубликованный им военно-статистический очерк, посвященный бассейну Каратаг-Дарьи [22,234;184].

Здесь Статкевич приводит в том числе и краткое описание внешнего вида жилища как долинного, так и горного типа (Каратаг-Дарьи). Особый интерес в его работе представляет перечисление различных видов изделий кустарной промышленности, среди которых упоминаются хлопчатобумажные ткани, кошмы, хурджины, деревянная посуда, корзины, шерстяные вязаные чулки. Говоря о занятиях населения земледелием и скотоводством, А.Статкевич приводит цены на зерно, рис и на скот.

Относительно вопросов сельскохозяйственного производства в Восточной Бухаре приводятся сведения у другого исследователя Бронникова А. в статье «Поездка в Горную Бухару» где отмечает, что определение общего количества посеваемых площадей Восточной Бухары трудно и имеются только приблизительные сведения о хозяйственной деятельности населения этого края. В частности оговаривается, что «...Бахчеводство и садоводство являлись значительным подспорьем в удовлетворении продовольственных потребностей местного населения» [7].

Этим же вопросам сельскохозяйственной деятельности населения Гиссарской долины посвящены заметки Г.Е. Грум-Гржимайло. «В окрестностях много численных кишлаков бахчи с дыней, арбузом и тыквой...Овощей много – растёт, что ни посеешь» [10;11,104]. Такие же сведения имеются и о Кабадиане, где сеялось «больше пшеницы, рис, ячмень, чем остальное» [11, Т.4,1049]. Эти сведения относятся и к другим бекствам Восточной Бухары [8;14;15].

В статье «Гиссарское бекство» Бендерский Н.А., описывая положение Гиссарского бекства, указывает на важное значение земледелия и скотоводства в экономической жизни этого региона» [4]. Ему принадлежат первые фотоснимки Гиссарской крепости, г. Каратага, полностью разрушенного землетрясением 1907 г. и другие уникальные снимки.

Также в статьях дореволюционных исследователей на страницах газеты «Туркестанские ведомости» затрагиваются и вопросы развития скотоводства во всей Восточной Бухаре, однако из-за отсутствия точных данных о поголовье скота избегали приводить подобные статистические показатели. Но сам факт того, что все жители Восточной Бухары в той или иной степени занимались скотоводством, остаётся бесспорным.

В частности, ещё во время своего путешествия по Гиссарскому краю в середине 70-х годов XIX в. Н.А. Маев обратил внимание на развитие здесь скотоводства, указав, что «из Куляба и Бальджуана гоняли в Бухару стада баранов» [18].

Капитан Быков относительно Кабадианского бекства отмечал, что «Скотоводством преимущественно занимаются кочевники. Вообще со всего бекства ежегодно продаются и увозятся особыми приезжающими сюда скупщиками до 4 тыс. голов баранов» [28, 79].

Полковник Матвеев, путешествуя по бухарским, афганским границам в 1879 г. писал, что «баранина служит главным продовольственным средством для всего населения Восточной Бухары и Бадахшана. Огромная отара баранов нередко в несколько тысяч голов пасётся круглый год в горах, составляя не только средства к пропитанию населения, но и предмет его внутренней и внешней торговли».

Деятельность М. С. Андреева – известного этнографа и таджиковеда, охватывала рубеж конца XIX - середины XX в. Так в своих дореволюционных статьях, опубликованных в «Туркестанских ведомостях», он приводит этнографический материал, касающийся жизни и быта горных таджиков. Так, в небольшой статье «Вахиё» [1,93] он приводит материал об образе жизни горных таджиков Вахиё, их занятиях. В частности, М. С. Андреев описывает состязания по стрельбе из лука «мерган», «камонаки», которые устраивались на торжествах по случаю рождения ребёнка. Также приводит описание игры «подшах-вазир», которая устраивалась на свадьбах среди молодёжи, и сохранилась вплоть до 70-х годов XX в. в горных районах Таджикистана.

В другой своей работе «Блины в Припамирских странах», наряду с другим этнографическим материалом относительно приготовления блинов на поминках в припамирских странах, имеющего аналогии с блинами на масленице у русских, М.С. Андреев отмечает значение скорейшего сбора этнографического материала, который, как он считал, в скором будущем может совсем исчезнуть. Так, он пишет, что «В верховьях Аму-Дарьи, в глухих, замкнутых высокогорных долинах, сдавленных Гиндукушем и Памиром, ввиду их труднодоступности и изолированности сохранились остатки древней культуры и быта – сокровищницы для науки, для понимания жизни далёкого прошлого, функционировавшего когда-то на равнинах Средней Азии» [2,32]. Здесь же он рассматривает памирские языки и их диалекты.

То есть он считает, что сохранившиеся остатки древней культуры и быта среди таджиков высокогорных районов когда-то в прошлом были распространены и среди других, равнинных таджиков и были характерны для всех таджиков, и поэтому настоятельно советует скорейший сбор таких материалов, поскольку они могут исчезнуть навсегда если их вовремя не зарегистрировать.

Семейному быту таджиков, формам семьи, существовавшим в конце XIX в. у таджиков посвящена статья Серебренникова А. «Рекогносцировка Шугнана в 1894 году (Странички из истории памирского вопроса)» [23,61].

Говоря о быте таджикской семьи он отмечает, что семья в Шугнани являлась на тот период времени моногамной, и что каждый род (авлод) жил отдельно в хуторах (кишлаках Н.А.). Большое внимание в статье автор уделяет существованию в этот период больших патриархальных семей, которые сохранялись ещё вплоть до середины XX в. Вместе с этим он подчёркивает, что экономической основой большой патриархальной семьи являлась собственность на землю, рабочий скот и орудия труда, которые считались собственностью главы семьи, отца. По всей вероятности, говоря о существовании в то время различных податей, нату-

ральном оброке, барщине по каждому отдельно дому, он подчёркивает, что по этой причине отцы не хотели отделения хозяйства парных молодых семей.

Праздники таджиков также интересовали русских исследователей и путешественников. Навруз – день весеннего равноденствия (21-22 марта), начало Нового года и земледельческих работ также пышно праздновался в конце XIX в. среди таджиков. В работе автора XIX в. В. Л. Вяткина описывается празднование Навруза в Самарканде среди таджиков. В частности, он описывает каждый этап проведения этого древнего праздника весны. Так, он отмечает здесь обряд зажигания огня, крашения яиц, их битья, питья заговорённой воды, восхождения на высокие места, хождения с огнём на арык Оби Рахмат, купание в этом арыке, предсказание, употребление в пищу преимущественно птичьего мяса, взаимное дарение яиц, хождение с визитами, гуляние за городом, скачки с козлом, борьба и т.д. [9,394]. Интересно, что все эти обряды дошли до наших дней и празднуются таджиками по настоящее время, а Навруз с 2010 г. был объявлен ЮНЕСКО как Международный праздник Навруза.

Русские военные являлись также и исследователями. Проводя рекогносцировочные работы в Шугнанах в 1894 году, капитан Александрович – корпус военных топографов, наряду с географическим расположением Шугнана, его климатом, занятиями жителей, в частности затрагивает также и вопросы одежды и обуви горных таджиков, отмечая, что по снегу ходят в чапарах, на ноги надевают мягкие чуваки без калош и т.п. [13,12], то есть поднимаются вопросы одежды, пищи, жизни и быта таджиков.

Многие статьи из «Туркестанских ведомостей» посвящены хозяйству и бытовой культуре таджиков. Так, неизвестный автор под всевдонимом «Н.П-в» приводит сведения о весах и мерах веса в Средней Азии, в частности на Памире [21,33]. Он подчёркивает, что на Памире существовали общепринятые меры веса и длины – тубетейка (токи), и 4 тубетейки равнялись 1 табакам, в Шугнанах – сэр (деревянная чашка известного размера и кауш (ровна 1 пуду). Таким образом, 6 тоқэ равнялся 1 сэру или 20 фунтам. Что касалось тканей – матоъ, то их измеряли кусками – либос (состоявший из 3 м ткани), как это делается и в настоящее время.

Вопросы верований также очень интересовали исследователей Средней Азии. В 1902 году была опубликована статья «Секта исмаиля в русских и Бухарских пределах Средней Азии». На этой статье посвященной таджикским исмаилитам следует остановиться подробнее. В 1901 г. граф А.А. Бобринской во время своей последней поездки на Памир, несмотря на ограниченное время пребывания там, наряду с этнографическим исследованием Вахана и Ишкашима проявил большой интерес к религии, которую исповедовали таджики этого высокогорного края. Удивительно, что до него, на протяжении 9-ти лет после первого появления русского отряда на Памире, никто так и не интересовался духовной жизнью горцев. Об их верованиях есть отдельные невнятные упоминания у военных, но никто из исследователей, среди которых были и военные востоковеды, не приблизился к этой теме. Статья одновременно с публикацией в журнале была издана в виде брошюры. Граф к своей работе в качестве консультанта привлёк профессора А.Е. Крымского-востоковеда, арабиста, ираниста, тюрколога и переводчика» [25,94]. Таким образом, граф А.А. Бобринской положил начало изучению исмаилизма на Памире. На основе собранных материалов, в результате бесед с главными исмаилитскими пирами, граф тщательно произвел анализ информации старожилков, а также английских исследователей об ареале распространения исмаилизма на Памире. А.А. Бобринской пришел к справедливому выводу, что горцы-исмаилиты не

разговаривают об основных таинствах своего вероучения с посторонними людьми. Поэтому, как отмечает граф А.А. Бобринской, «даже на вопросы касательно географического распространения и внешней организации секты Исмаилья мои собеседники, большей частью главари секты, отвечали только тогда, когда убеждались из моих расспросов, что я вполне осведомлен о существовании секты в данной местности» [5,6]. Работа над этой темой была очень сложной и сам граф признавался в том, что он не сможет дать всесторонний обзор истории учения секты Исмаилья. Он пишет: «Моя задача...сообщить лицам, интересующимся вопросом сырой материал о секте Исмаилья, собранный мною на месте её распространения» [5,2]. В конце этой работы граф А.А. Бобринской обращаясь к русским властям, пишет: «отсутствие фанатизма в общении с христианами, позволит легко выработать из них преданных нам друзей и тем самым создать на далёкой окраине, на рубеже трёх государств, верный и надёжный оплот против врагов русского владычества в Азии» [5,18].

В 1908 году была опубликована последняя и главная книга А.А. Бобринского «Горцы Верховьев Пянджа (ваханцы и ишкашимцы). Очерк быта» [6]. Работа состоит из 17 глав, которые охватывают вопросы этнографии – предания горцев, вопросы заселения края, общая характеристика его населения, страницы из истории края, земледелие, кустарные промыслы, торговлю, семью и семейный быт, календарь, земледельческие праздники, суеверия, мифы, мазары, надписи на камнях и т.п.

Граф Бобринской А.А. отмечает, что горцы называют себя таджиками, иногда добавляя «мы такие же таджики, как и жители Дарваза [5,2]. Об антропологическом типе горцев верховьев Пянджа он отмечает, что они высокого роста, худощавы, с продолговатым лицом, с глубоко сидящими глазами, носами с горбинкой, иногда без них. Он подчеркивает их миролюбивый нрав, честность, любовь в детям, уравновешенность, живой рассудок, и высокое человеческое достоинство.

Затрагивая вопрос одежды горцев, он замечает, что их наряд состоял в основном из самодельной местной шерстяной материи- шерстяного халата, чагмана, рубашки из грубой хлопчатобумажной или шерстяной ткани, шерстяных шаровар, широкими сверху и узкими книзу и шерстяной тканой шапки – пакол. Женщины носили длинную широкую бумажную или шерстяную рубаху, длинные шаровары, плоскую тюбетейку, поверх которой при выходе из дома набрасывался большой платок. В ненастную погоду поверх этой одежды мужчины надевали шерстяной халат, а женщины - ватные халаты.

Согласно сведениям А.А. Бобринского, населенные пункты были расположены по смывам, нанесенным горными потоками. В каждом селении находилось 3-4 дома, близко расположенных друг к другу. В каждом хозяйстве имелись жилое помещение, кладовые, конюшня, хлев, и др., которые строились из камня и глины. Стены были обмазаны глиной, крыши были плоскими, на которых хранили дрова, солому и т.п, а летом крыша служила местом ночлега. В жилом доме, обычно, ещё строили и ямы для хранения зерна.

Домашняя утварь была скромной: она состояла из деревянного сундука, глиняной посуды разного назначения, деревянной посуды, особенно одного большого деревянного блюда и деревянных ложек, чугунного котла, и т.д. [26,81-87].

Русский исследователь, знаток культуры народов Средней Азии А.Е.Снесарев в газете «Туркестанские ведомости» в 1904 году в очень интересной статье «Религия и обычаи горцев Западного Памира» [24,412] затрагивает вопросы религии, характера, одежды, разновидностей тканей, семейных обычаев и обрядов, смерть,

похороны горцев Западного Памира [27,271]. Автор, в начале статьи давая характеристику таджиков верховьев Пянджа, отмечает их энергичность [24,412]. В своей статье, остановившись на их одежде, он отмечает, что местные ткани сравнительно редко окрашивали в полосатый или клетчатый цвет; большею частью их изготовляли из серого и черного цветов [24, 412].

Рассказывая о религии таджиков Западного Памира, автор говорит о том, что среди них имел распространение исмаилизм [24,412]. Кроме того он отмечает о существовании среди населения остатков огнепоклонства. Автор уделяет внимание семье и семейным отношениям. В частности, он говорит о существовании многоженства среди населения. Состоятельные люди имели по две жены, но таких насчитывалось немного [24,90].

О похоронно-поминальной обрядности он пишет, что жители Памира, как и вообще мусульмане, с появлением признаков приближения смерти у человека, спешили позвать халифу для чтения умиравшему больному в момент смерти напутственной молитвы. Халифа в таких случаях не читал, как обычно, а аккомпанируя на рубабе (струнный инструмент), пел какую-то секретную молитву. Как только соседи узнавали о происшедшем, они точас же спешили на помощь. Тело покойника, пока оно не застыло, выпрямляли, покойнику закрывали глаза, челюсть подвязывали, его обмывали, обвертывали в саван. Соседи помогали в копании могилы, в выносе тела покойника из дома и т.д.

Таким образом, мы охватили только часть статей различных авторов, опубликованных в газете «Туркестанские ведомости» начиная с момента присоединения Средней Азии к России, имеющих отношение к сбору этнографического материала по различным вопросам социальной и бытовой культуры таджиков. Следует заметить, что сбором материала занимались военные, однако в их материалах содержатся много данных относительно истории таджикского народа, в частности быта таджиков, и они с этой точки зрения их публикации в газете «Туркестанские ведомости» являются бесценными.

ЛИТЕРАТУРА

1. Андреев М.С. Вахйё//Туркестанские ведомости. – 1899. – № 93. – С. 2.
2. Андреев М.С. Блины в Припамирских странах//Туркестанские ведомости. –1905. –№ 32. –С. 3-4.
3. Бендерский Н. А. О Гиссарском крае//Известия Туркестанского отдела Русского географического общества. – Т. 7. – Ташкент, 1907. – С. 153.
4. Бендерский Н. А. Гиссарское бекство//Туркестанские ведомости. – 1905. – № 42. – С. 2–3.
5. Бобринской А. А. Секта Исмаиля в русских и бухарских пределах Средней Азии. Географическое распространение и организация. – М., 1902. – 24 с.
6. Бобринской А. А. Горцы верховьев Пянджа (ваханцы и ишкашимцы). Очерки быта по путевым заметкам гр. А. А. Бобринского. – М., 1908. – 150 с.
7. Бронников А. Поездка в горную Бухару//Туркестанские ведомости. –1886. –№ 26 (от 16 апреля).
8. Бронников А., Маев Н. А. Очерки Бухарского ханства. Очерк Гиссарского края// Материалы для статистики Туркестанского края. – Вып. V. – СПб., 1879. – 660 с.
9. Вяткин В. Л. Навруз в Самарканде//Туркестанские ведомости. – 1897. – № 394. – С. 3–4.
10. Грум-Гржимайло Г. Е. Очерк Припамирских стран//Известия Императорского Русского географического общества. – Т. XXII. – 1886.
11. История таджикского народа: в 6 т. – Т. IV. – Душанбе: Дониш, 2013. – 1049 с.
12. Кисляков Н. А. Этнографическое изучение Каратегина и Дарваза//Таджики Каратегина и Дарваза. – Душанбе, 1966. – Вып. 1. – С. 9–25.
13. Краткий очерк Шугнана по данным рекогносцировки 1894 года (Сообщение корпуса военных топографов капитана Александровича 3 декабря 1894 года в Ташкентском военном собрании)//Туркестанские ведомости. – 1895. – №12.
14. Липский В. И. Горная Бухара. – Ч. 1. – СПб., 1902; Ч. 2. – СПб., 1902. – С. 331.
15. Логофет Д. Н. В горах и на рынках Бухары. – СПб., 1913. – 617 с.

- 16.Лерх П. Очерки Гиссарского края//Материалы для статистики Туркестанского края: ежегодник. – СПб., 1879. – Вып. 5. – С. 252–255.
- 17.Маев Н. А. Очерки Гиссарского края//Материалы для статистики Туркестанского края: ежегодник. – СПб., 1879. – Вып. 5. – С. 130–255.
- 18.Маев Н. А. Географический очерк Гиссарского края и Кулябского бекства// Туркестанские ведомости. – 1877. – № 7. – С. 3–4.
- 19.Маев Н. А. Джизак и Самарканд//Материалы для статистики Туркестанского края. – СПб., 1873. – Вып. 2. – С. 269–287.
- 20.Неменова Р. Л., Мардонова А. Историко-этнографическое изучение Гиссарского края. – Душанбе: Дониш, 2000. – 66 с.
- 21.Н. П-в. Весы и меры в Средней Азии//Туркестанские ведомости. – 1874. – № 33. – С. 4.
- 22.Статкевич А. Бассейн Каратаг-Дарьи: военно-статистический очерк 1889 г.//Сборник географических, топографических и статистических материалов по Азии. – СПб., 1894. – Вып. 57. – 334 с.
- 23.Серебренников А. Рекогносцировка Шугнана в 1894 году (Странички из истории памирского вопроса)//Туркестанские ведомости. – 1896. – № 61.
- 24.Снесарев А. Е. Религия и обычаи горцев Западного Памира//Туркестанские ведомости. – 1904. – №№ 89–90. – С. 3–4.
- 25.Худоназаров Д. Памирские экспедиции графа А. А. Бобринского 1895–1901 года. – М.: Наука, 2013. – 458 с.
- 26.Юсуфбекова З., Шовалиева М. Родовитые русские дворяне и интеллигенция – первые исследователи Памира//Муаррих (Историк). – 2016. – № 3. – С. 81–87.
- 27.Юсуфбекова З., Шовалиева М. А. Е. Снесарев – исследователь этнографии таджиков//Материалы международной научной конференции «Вклад Российской науки в изучение уникального историко-культурного и природного богатства Таджикистана», посвящённой 200-летию Российского Востоковедения (23 ноября 2018 года). – Ходжент, 2018. – 373 с.
- 28.РГВИА. – Ф. 1396. Оп. 2. Д. 171 (Отчёт капитана Быкова о поездке в г. Карши до устья р. Кафирнигана, 1879 г.). – Л. 79.

ОСВЕЩЕНИЕ ЭТНОГРАФИИ ТАДЖИКСКОГО НАРОДА В ГАЗЕТЕ «ТУРКЕСТАНСКИЕ ВЕДОМОСТИ»

Статья посвящена этнографическим материалам по традиционно-бытовой культуре таджиков, приводимым русскими офицерами, исследователями и путешественниками в газете «Туркестанские ведомости» начиная с 1870 по 1917 год. Эти ценные материалы являются вкладом в освещение истории таджикского народа в конце XIX - начале XX вв.

Авторы статьи на основе источников – статей и сообщений из газеты «Туркестанские ведомости» приводят ценный этнографический материал по бытовой культуре таджиков в период присоединения Средней Азии к России.

В статье приводятся материалы таких авторов как А.А. Бобринской, А.Е. Снесарев, Н.А. Маев, М.С. Андреев, В.Л. Вяткин, кап. Быков, А. Бронников, Н.А. Бендерский, неизвестного автора под псевдонимом «Н.П-в» и др.

Этнографические материалы этих исследователей в газете «Туркестанские ведомости» являются огромным вкладом как в этнографическую науку Таджикистана, так и в освещение истории таджикского народа.

Ключевые слова: этнография, материал, русские исследователи, «Туркестанские ведомости», газета, традиционно-бытовая культура, источник, статьи.

ИНЪИКОСИ ЭТНОГРАФИЯИ ХАЛҚИ ТОҶИК ДАР РӯЗНОМАИ «ТУРКЕСТАНСКИЕ ВЕДОМОСТИ»

Мақола ба маводи этнографӣ оид ба фарҳанги суннати рӯзгори тоҷикон баҳшида шудааст, ки аз ҷониби афсарон, муҳаққиқон ва сайёҳони рус дар рӯзномаи «Туркестанские ведомости» аз соли 1870 то соли 1917 инъикос гардидааст.

Муаллифони мақола дар асоси манбаъҳо – мақолаҳо ва ахбор аз рӯзномаи «Туркестанские ведомости» маводи пурарзиши этнографӣ доир ба фарҳанги рӯзмарраи тоҷикон дар давраи ҳамроҳшавии Осиёи Миёна ба Россия баррасӣ мекунанд.

Дар мақола маводи муаллифони зерин – А.А. Бобринский, А.Е. Снесарев, Н.А. Ми-
наев, М.С. Андреев, В.Л. Вяткин, капитан Биков, А. Бронников, Н.А. Бендерский, муал-
лифи номаълум бо тахаллуси «Н.П.-в» ва дигарон оварда шудааст.

Маводи этнографии муҳаққикони мазкур дар рӯзномаи «Туркестанские ведомости»
ҳамчун манбаи муътамад доир ба этнография ва таърихи халқи тоҷик маҳсуб меёбад.

Калидвожаҳо: *этнография, мавод, муҳаққикони рус, «Туркестанские ведомости»,
рӯзнома, фарҳанги анъанавӣ, рӯзмарра, манбаъ, мақолаҳо.*

REFLECTION OF THE ETHNOGRAPHY OF TAJIK PEOPLE IN THE NEWSPAPER «TURKESTANSKIYE VEDOMOSTI»

The article is devoted to traditional everyday life of Tajiks which describe Russian officers,
investigators and travelers in the newspaper «Turkestankiye vedomosty» from 1870 till 1917.
That materials are of great value in investigation of the history of Tajik people at the end of XIX -
beginning of XXth centuries.

Authors of the article on the base of sources – articles and messages from the newspaper
«Turkestankiye vedomosty» take us a valuable ethnographic material of everyday life of Tajiks
in period of connection of Central Asia to Russia.

The article provides materials the such authors as A.A. Bobrinskoy, A.E. Snesarev, N.A.
Maev, M.S. Andreev, V.L. Vyatkin, captain Bikov. A. Bronnikov, N.A. Benderskye, unknown
author «N.P.-v» and others.

Ethnographic materials of above authors represents a certain contribution not only in inves-
tigation of Tajik ethnographic science but also in the study of the history of Tajik people.

Key words: *ethnography, material, Russian researchers, newspaper, «Turkestanskiyevе-
domosty», traditional everyday life, source, article.*

Сведения об авторах: Шовалиева Мумина Садыковна - кандидат исторических наук,
ведущий научный сотрудник отдела этнологии и исторической антропологии Института
истории, археологии и этнографии им. А. Дониша Национальной Академии наук Таджи-
кистана; E-mail: mumina.1957@mail.ru; Tel. (+992) 908 -99-19- 89.

Афсахова Нодира Сайдахмадовна - соискатель Института истории, археологии и эт-
нографии им.А.Дониша Национальной Академии наук Таджикистана. Тел. (+992) 553-25-
80-08.

Information about the authors: Shovalieva Mumina Sadikovna – candidate of historical sci-
ences, a leading scientific researcher A.Donish Institute of history, archeology and ethnograpy
National Academy of sciences of Tajikistan: E-mail. Mumina.1957@ail.ru:Phone; (+992) 908 -
99-19- 89.

Afsakhova Nodira Saidahmadovna – researcher of A.Donish Institute of history, archeolo-
gy and ethnograpy National Academy of sciences of Tajikistan/Phone: Тел. (+992) 553-25-80-08.

УДК 75:94 (55) "04/09" : 94 (575) "08" :7.035

ТРИ ВЕЛИКИХ ИМПЕРИИ ИСТОРИИ ТАДЖИКСКОГО ГОСУДАРСТВА – АХЕМЕНИДЫ, САСАНИДЫ, САМАНИДЫ В ТВОРЧЕСТВЕ ЗИЁРАТШО ДОВУТОВА

ДОВУТОВА М. З.,
Национальная академия наук Таджикистана

Таджикский народ - один из древнейших народов мира. История появления
его изобразительного искусства уходит в глубину веков. Археологические находки
свидетельствуют о том, что еще в период Греко – Бактрийского правления (VI-I

вв. до н. э.) многое и в культуре, и в искусстве отличалось высоким уровнем развития.

Колоссальный культурный багаж, накопленный таджикским - персидским народом за многие столетия, начиная с правления Ахеменидов, Сасанидов, Саманидов, высокоразвитое национальное искусство включало оригинальную архитектуру, скульптуру, живопись, литьё, ювелирное искусство, мелкую пластику, символы и знаки, изысканные изделия из металла (ковка и чеканка) [2, 73-373].

З. Довутов. А. Рудаки. 2010. Холст, масло.
(Находится в Национальном музее Таджикистан).

Высокий уровень и расцвет культуры, науки и искусства, важные периоды из истории таджикского народа запечатлены в творчестве известного художника Зиёратшоҳ Довутова. З. Довутов своим знанием и талантом, внес огромный вклад в изобразительное искусство Таджикистана. Художник работал во многих направлениях изобразительного искусства [1, 64-89].

Талантливый дизайнер разработал проекты оформления макетов интерьеров и экстерьеров крупных культурных сооружений. К примеру, им были выполнены макеты экстерьеров и интерьеров здания Государственного цирка (1976), гостиницы «Таджикистан» (1975), Домов-музеев великих таджикских героев, поэтов и писателей: Садриддина Айни (1978), Мирзо Турсунзаде (1981), Абулкосима Лахути (1987), Сайдали Вализода, народного героя Восе. Ему принадлежит дизайн Историко-краеведческого музея г. Регара, музея прикладного искусства в селе Каратог Гиссарского района, дворца профсоюзов Таджикистана (1979), макет - проект Филармонии г. Душанбе, библиотеки имени Фирдоуси (1975), Национальной чайханы в городе Владимире (Россия) и многих других объектов.

Еще в начале 70-х годов прошлого столетия в проектировании культурных зданий Таджикистана З. Довутову удалось сочетать народные традиции изобразительного искусства с современным стилем [11, 34-39].

Кроме того, внимание художника всегда привлекала история таджикского народа, в своем произведении под названием «Три великих империи истории таджикского государства – Ахемениды, Сасаниды, Саманиды» 2012-2013, художник

продемонстрировал важные страницы из истории. З. Довутов под величественными цилиндрическими арками восточных зданий изобразил трех выдающихся правителей иранских народов: царя Кира II Веоголик (Куруши Кабир), основателя Ахеменидской империи, Ардашери Бобакона, основателя Сасанидского государства и Исмоили Сомони, мудрого и целеустремленного правителя, который создал государство Саманидов.

Художник изобразил три этапа в развитии мировых империй, которые повлияли в дальнейшем на развитие культуры многих народов мира.

«Три великих империи в истории таджикского государства – Ахемениды, Сасаниды, Саманиды» 2012 - 2013. Холст, масло. 300 x 200 (Находится в таджикском посольстве в Пакистане).

Первый всплеск таджико-персидского искусства произошел в эпоху династии Ахеменидов во время правления среднеазиатскими областями ахеменидских царей Ирана (VI-V вв. до н. э.). Она оказалась одной из самых прочных из известных мировых империй древности. Это великая держава сыграла большую роль в истории Востока, и те экономические, политические институты и культурные традиции, которые возникли в этот период, сохранялись и развивались долгое время в империи Александра Македонского, государствах парфян, Сасанидов и других народов Средней Азии. Основателем Ахеменидской империи был царь группы персидских племен Кир II Великий (Куруши Кабир) [4].

Художник З. Довутов в левой части полотна изобразил великого короля Куруши Кабира, сидящего на королевском троне. Одежду короля и вельмож З. Довутов подобрал, хорошо изучая искусство тех времен. Что касается женской одежды, то в период Ахеменидов считались модными в декоре горизонтальные складки-драпировки, и в последующие периоды излюбленными приемами становятся вертикальные складки [8,174].

Несмотря на разделение художником, групп правителей, система арочных сводов, подобие рамы, подчеркивает единство композиции, в которой находятся великие императоры. На заднем плане З. Довутов изобразил серию монументальных дворцовых комплексов, украшенных скульптурой, каменными рельефами, созданным из эмалированного кирпича. Народы Средней Азии был внесен

большой материальный вклад в создание великолепных памятников ахеменидского искусства. Как сообщает надпись Дария, для строительства дворцов золото доставлялось из Бактрии, лазурит и сердолик – из Согдианы, бирюза – из Хорезма [2,78].

Это сообщение, данные античных авторов и археологические раскопки свидетельствуют о высоком развитии горного дела в Средней Азии. Культура и искусство державы Ахеменидов не только намного пережили само государство Ахеменидов, но и оказали глубокое воздействие на развитие культуры различных народов Востока и Запада.

Второй выдающийся период персидского искусства совпал с династией Сасанидов, которая восстановила большую часть власти и таджикско-персидскую культуру.

Сасанидское государство просуществовало более 400 лет (226-651 г.н.э.) [5]. В правой части композиции З. Довутов изобразил Ардашери Бобакона, который был основателем Сасанидского государства. В этот период широко развивались культура, музыка, наука и все виды искусства.

Художники этого периода разработали декоративно-каменную мозаику, фреску и создали иллюминированные рукописи, которые процветали в этот период. Ковроткачество, шелкоткачество, различные золотые и серебряные блюда, обычно украшенные животными и сценами охоты, также активно поощрялись. Персидские ковры и шелка экспортировались в Византию, на Запад и на Восток.

В данной картине особо выделена центральная часть фигурой великого правителя Исмаила Самани, он олицетворяет мудрость и отвагу, идёт уверенно вперед, в правой руке несет знамя. В IX веке после нашествия арабов в Среднюю Азию, Исмаил Самани, мудрый и целеустремленный владыка на основе обычаев и традиций иранских народов, создал государство Саманидов [7,8].

В этот период по инициативе Исмоили Сомони были созданы все условия для дальнейшего развития культуры, науки, и всех видов искусства. Декоративно - прикладное искусство возродилось и достигло высочайшего уровня. Появилась новая техника обработки керамики, позволяющая сохранять роспись после обжига и покрывать её глазурью. Основной керамической продукцией были вазы и тарелки, украшенные стилизованными Сасанидскими мотивами: всадниками, птицами, львами и арабской каллиграфией [10, 121].

Процветали литьё из бронзы и иная металлообработка. Сохранилось немного зданий этого периода. Однако мавзолей Исмаила Самани (907) всё ещё стоит в Бухаре и свидетельствует об оригинальности архитектуры этого периода.

IX - X века можно назвать эпохой Возрождения на Востоке, так как именно этот период дал миру великих гуманистов, таких как: основоположник таджикско-персидской поэзии Рудаки, создатель бессмертной поэмы «Шахнаме» А. Фирдоуси, всемирно известный учёный-энциклопедист Ибн Сина (Авиценна), великий учёный-энциклопедист и мыслитель, географ, астроном и математик Аль-Бируни и др.

В данной работе З. Довутова удивляет величие замысла и способность художника выразить глубокие идеи (и прежде - осознать их) в форме живописных композиций. А сколько для этого требовалось сделать набросков, эскизов! Большую картину (размером 300 X 200 см.) художник рисовал примерно 1-год.

Автор усиливает внутреннюю гармоническую связь между архитектурой и человеческими фигурами. Последовательно под сводами величественных в ритме восточного архитектурного ансамбля зданий художник разделил на группы вы-

дающихся правителей, живших в разные эпохи. В их образах автор передал сосредоточенность, уверенность и отвагу.

Без арок общее впечатление от картины было бы иным, т. к. арки усиливают и подчеркивают основные фигуры и одновременно создают широкое пространство. На заднем плане картины изображена архитектура, соответствующая каждой из эпох.

У этих правителей была одна основная цель - создать и удержать великие державы таджико-персидских народов. Таким образом, художник символично изобразил три великие империи, которые явились важными этапами в экономическом и культурном развитии мировой цивилизации.

Хотя в композиции З. Довутова представлено много фигур, но свойственное художнику чувство пропорций и ритма позволило ему создать впечатление удивительной легкости и простора им. Тщательно продумана композиция, структура картины, конкретные фигуры, проведена обработка деталей - всё это дело рук и размышлений великого мастера.

Художником З. Довутовым создано множество произведений, которые охватывают исторические темы таджикского народа [9, 10]. В своих полотнах живописец старается передать красоту и тонкость Востока во всем. Исторические работы одаренного мастера позволяют по достоинству оценить величие художественных традиций таджикского народа [3,3]. Только тот кто хорошо знает историю своего народа, может передать богатое национальное наследие в своих полотнах, привлекая внимание нового поколения, сообщая сведения по истории, поэзии и культуре таджикского народа.

З. Довутов. Чистая вода. 2016. Холст, масло. Размер 80 X 60. 2016 г.

Работы З. Довутова украшают многие здания Республики Таджикистан. Большинство из них находятся в Национальном музее Таджикистана. Этот талантливый художник своими ценными работами обрёл славу не только в Республике Таджикистан, но и за рубежом. Его первая картина «Студент» была опубликована в 1972 году в одном из польских художественных журналов, как лучший образец советского изобразительного искусства.

Также его работы выставлялись в зарубежных странах: России, Монголии, Индии, в различных городах Средней Азии. Произведения З. Довутова «Портрет студента», «Моя страна», «Портрет солдата», «Портрет подруги» находятся в Третьяковской галерее в г. Москве, Русском музее в Санкт-Петербурге представлены в их постоянной экспозиции. В число коллекций произведений искусства, посвященных достижениям известных художников Советского Союза, вошли такие работы художника, как «Источник в горах», «Нурукское море» (1982), «Нафт-корони Балчувон» «Родной край» (1993), и другие.

Зиёратшо ДОВУТОВ
во время пребывания в России

Следует отметить, что Зиёратшо Довутов также внес ценный вклад в художественное оформление многих международных выставок, на которых были продемонстрировано творчество таджикских мастеров за рубежом. В частности, он совершил поездку в Индию в 1985 г., Афганистан в 1987 г., Улан-Батор в 1989 г., столицу Монголии, в республики Средней Азии, Прибалтику, Россию и др., страны, где художественно оформлял выставки достижений Таджикистана.

В заключении следует отметить, что у таджиков есть древние и прекрасные традиции в монументальном искусстве. Отраднo, что художник Довутов Зиёратшо продолжил эти древние традиции и обогатил их новым содержанием. Масштабная композиция «Три великих империи истории таджикского государства – Ахемениды, Сасаниды, Саманиды» которая украшает таджикское посольство в Пакистане, выполнена на высоком уровне и неповторима.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бойназаров Б. История становления и развития изобразительного искусства Таджикистана. – Душанбе, 2006. – 155 с.
2. Гафуров Б.Г. Таджики. Древнейшая, древняя и средневековая история. – М.: Наука, 1972. – 658 с.
3. Додхудоева Л. Художники Таджикистана. – М.: Советский художник, 1983. – 118 с.
4. Дандамаев М. А. Политическая история Ахеменидской державы. — М.: Наука, Главная редакция восточной литературы, 1985. – 319 с.
5. Дашков С.Б. Цари царей – Сасаниды. Иран III–VII вв. в легендах, исторических хрониках и современных исследованиях. – М., 2008. – 352 с.
6. Дьяконов М. М. Очерк истории древнего Ирана. – М., 1961. – 444 с.
7. Айни Л. Искусство Средней Азии эпохи Авиценны. – Душанбе: Ирфон 1980. – 230 с.
8. Майтдинова Г. М. История таджикского костюма. Том 2. – Душанбе, 2004. – 254 с.
9. Мурадов Р. Пейзаж горного края. – Душанбе: Ирфон, 1986. – 200 с.
10. Пугаченкова Г. А., Ремпель Л. И. История искусств Узбекистана. – М., 1965. – 688 с.
11. Румянцева О. Р. Молодые художники Таджикистан. – М.: Советский художник, 1987. – 144 с.

ТРИ ВЕЛИКИХ ИМПЕРИИ ИСТОРИИ ТАДЖИКСКОГО ГОСУДАРСТВА – АХЕМЕНИДЫ, САСАНИДЫ, САМАНИДЫ В ТВОРЧЕСТВЕ ЗИЁРАТШО ДОВУТОВА

В данной статье приведена краткая информация о творчестве известного таджикского художника З. Довутова. Автором анализируется монументальная, историческая работа мастера «Три великих империи истории таджикского государства – Ахемениды, Сасаниды, Саманиды». З. Довутов дизайнер и монументалист, график и живописец он занимался скульптурой, книжной графикой и оформительской работой, проектированием интерьеров и экстерьеров культурных сооружений.

Творческое наследие художника очень разнообразно. Он создал много работ, посвященных своему великому народу и народным традициям. Ему первому в 70-х годах XX

века удалось сочетать народный стиль с современным. З. Довутов, являясь разносторонним художником, внес огромный вклад в развитие изобразительного искусства в Таджикистане в 1970-е по 2020-е годы.

Ключевые слова: *Таджикистан, история, правитель, изобразительное искусство, художник, творчество, картина, оформление, интерьер, экстерьер, культурное сооружение, живопись, композиция, цвет, стиль, дизайн.*

СЕ ИМПЕРИЯИ БУЗУРГИ ТАЪРИХИИ ДАВЛАТИ ТОЧИКОН: ҲАХОМАНИШИЁН, СОСОНИЁН, СОМОНИЁН ДАР ЭҶОДИЁТИ ЗИЁРАТШО ДОВУТОВ

Дар мақола доир ба эҷодиёти рассоми маъруфи тоҷик Зиёратшо Довутов маълумоти мухтасар оварда шудааст. Махусан асари монументалии таърихии рассом «Се империяи бузурги таърихии давлати тоҷикон - Ҳахоманишиён, Сосониён, Сомониён» таҳлил шудааст. Мавсуф ҳамчун тарроҳ ва монументалист, график ва наққош ҷаҳонӣ мекард, ғайр аз ин ба ҳайкалтарошӣ, графикаи китоб ва корҳои тарроҳӣ, тарҳрезии дохилию берунии биноҳои фарҳангӣ низ машғул гардида буд.

Мероси эҷодии рассом хеле гуногун аст, ӯ дар солҳои 70-уми асри гузашта аввалин эҷодкоре буд, ки тавонист унсурҳои сабки мардумиро бо услуби муосир бо ҳам пайваст намояд. З. Довутов рассоми серҷабҳа буда, солҳои 70-ум то соли 2020 дар рушди санъати тасвирии Ҷумҳурии Тоҷикистон саҳми арзандаи худро гузоштааст.

Калидвожаҳо: *Тоҷикистон, таърих, ҳоким, санъати тасвирӣ, рассом, эҷодкорӣ, ороиш, дизайн, тарроҳӣ, наққошӣ, интерьер, экстерьер, биноҳои фарҳангӣ, композиция, ранг, услуб, шакл.*

THREE GREAT EMPIRES OF THE HISTORY OF THE TAJIK STATE - AKHEMENIDES, SASANIDES, SAMANIDES IN THE WORKS OF ZIYORATSHO DOVUTOV

This article provides brief information about the work of the famous Tajik artist - Z. Dovutov. The monumental historical work of the master «Three great empires of the history of the Tajik state - Achaemenids, Sassanids, Samanids» is especially analyzed. He is a designer and muralist, graphic artist and painter, engaged in sculpture, book graphics and design work, designing interiors and exteriors of cultural buildings.

The creative heritage of the artist is very diverse - he created many works dedicated to his great people and folk traditions. He was the first in the 70s of the last century who managed to combine folk style with modern style. Ziyoratsho Dovutov, being a versatile artist, made a huge contribution to the development of fine arts in Tajikistan in the 1970s to 2020s.

Key words: *Tajikistan, history, ruler, art, artist, creativity, painting, design, decoration, interior, exterior, composition, cultural building, color, style the form.*

Маълумот дар бораи муаллиф: **Довутова Меҳрангез Зиёратшоевна** - мутахассиси шӯбаи санъатшиносии Раёсати Академияи миллии илмҳои Тоҷикистон. Суроға: 734025, ш. Душанбе, Ҷумҳурии Тоҷикистон, хиёбони Рӯдакӣ, 33. Телефон: (992) 918776647. E-mail: mehr0910@mail.ru

Information about the author: **Dovutova Mehrangez Ziyoratshoevna** – specialist of the art history department of the Board of the National Academy of Sciences of Tajikistan. Address: 734025, Dushanbe city, Republic of Tajikistan, ave. Rudaki, 33. Tel: (+992) 918-77-66-47. E-mail: mehr0910@mail.ru

УДК 51 (09) :52 (09): 929: 001.32

НАҚШИ ХОҶА НАСИРИДДИНИ ТҶҶСӢ ДАР РУШДИ ИЛМИ РИӢЗИӢТ ВА СИТОРАШИНОСӢ¹

МАҚСАДОВ Х. И.,

Институти таърих, бостоншиносӢ ва мардумшиносии ба номи А. Дониш

Дар асри XIII дар риштаи риӢзиӢт ва ситорашиносӢ таъйироти бузурге ба вучуд омад ва бахши муҳимми ин таъйирот аз ҷониби донишманди бузург Хоҷа Насириддини ТҶҶсӢ сурат гирифт. Осори Хоҷа Насириддин дар риштаҳои риӢзӣ ва астрономия ба далели аҳаммияти худ дар тӯли асрҳо дар донишгоҳҳо ва марказҳои илмӣ ҳамчун китобҳои дарсӣ истифода мешуданд.

Пеш аз Хоҷа Насириддини ТҶҶсӢ назари донишмандони Шарқи исломӣ ба табиат, баҳусус ба инсон дар ҳамон ҷаҳорҷӯбаи назарияҳои инсонии космологии Юнон буд. Ҳарчанд бархӯрдҳои мухталифи мутафаккирони мамолики мусулмонӣ ба илм дар бахшҳои тиб, астрономия, риӢзиӢт ва физика дар ҷаҳони Шарқ пайдо шудааст, ки натиҷаи талашҳои донишмандони мамолики исломӣ буд ва онҳоро наметавон огоҳии юнонӣ дар ҷаҳони ислом арзӯбӣ кард.

Хоҷа Насириддини ТҶҶсӢ 18-уми феврالی соли 1201 дар шаҳри ТҶҶс ба дунё омада ва аз падараш, ки муҳаддиси дин буд, улуми динӣ ва адабӣ омӯхта, сипас илмҳои мухталифи ақлӣ, аз қабилӣ ҳикмат, илоҳиӢт, риӢзӣ ва табиатшиносиро низ омӯхтааст [1,1202].

Вай баъд аз муддате ба манзури касби бештари илм ба Нишопур, ки дар он замон як маркази илмӣ ва пажӯҳишӣ ва ҷойгоҳи уламои бузург маҳсуб мешуд, рафт ва устодоне чун Муъйиддин Солими бин Бадрони Мисрӣ ва Камолуддини Юнуси Мосулиро, ки саромади аксари илмҳо, баҳусус риӢзӣ буданд, баргузид. Дар ҳикмат шогирди Фаридуддин Домоди Нишопурӣ буд ва кам-кам дар тамоми улуми ақлӣ ва ривоятӣ саромад ва ҳам донишманди барҷаста шуҳрат пайдо кард [2, 322].

Ин давраи таърихи Осиёи Марказӣ ва Эрон (давраи зиндагии Хоҷа) давраи пур аз ваҳшат буд, зеро муғулҳо пас аз истилои Осиёи Миёна ба сӯи Хуросон пеш мерафтанд. Онҳо шаҳрҳоро пай дар пай хароб мекарданд ва молу мулки мардумро ғорат мекарданд ва ба ғанимат мебурданд.

Албатта, дар чунин муҳити ноамн барои олимони ягон кори амалӣ ва таҳқиқотӣ бурда намешуд ва Хоҷа Насириддини ТҶҶсӢ низ аз ин истисно набуд. Хоҷа барои раҳо ёфтани аз ин вазъ макони амн барои пажӯҳишҳои худ мечуст ва дар натиҷа қалъаҳои Исмоилияро интихоб кардааст, ки ягона қалъаи пуққуввати зидди муғулҳо буд. Ӣ даъвати Насириддини Мухташам - ҳокими Қаҳистонро қабул карда, дар қалъаҳои исмоилия паноҳ бурд, зеро ягона маконе буд, ки тавони зиддияти муғулро дошт. Аз сӯи дигар, дар қалъаҳои исмоилия китобхонаҳои ғанин пажӯҳиш дар бахшҳои мухталиф вучуд доштанд [1, 1203].

Аз замоне, ки Хоҷа ба дарбори исмоилиён ворид шуд дар он ҷо муқимӣ гардид. Ӣро ба унвони мушовири дарбор интихоб карданд, вале Ӣ дар ин даргоҳ

¹ Мақола дар асоси лонхаи «Таърихи илм ва техникаи халқи тоҷик дар давраҳои қадим то имрӯз», рақами қайди давлатӣ 0121ТJ1273 навишта шудааст.

бештари вақти худро ба таълифот, тарҷума ва таҳрирҳо сарф кардааст. Дар миёни ин тарҷумаҳо тарҷумаи «Таҳора-ул-Ироқ»-и Ибни Масковайҳ аст, ки Хоҷа бо фармони Носириддин аз арабӣ ба форсӣ тарҷума кардааст. Ва онро «Ахлоқи Носирӣ» номид ва чун мехост он китоб аз нигоҳи ҳикмати амалӣ мукамал бошад, ба он мавзӯҳоеро аз худ илова кардааст (китоби машҳури «Ахлоқи Носирӣ»-и дар Аламут навишта шуда ба Носируддин Абдурахмон ибни Абумансур (вафот 1257), ки донишманд ва пешвои низориёни Қаҳистон буд, бахшида шудааст). Китоби дигар рисолаи «Муъиния» аст, ки Хоҷа онро бо хоҳиши Муъийуддин писари Носируддини Мухташам навиштааст [3, 14-18].

Алоуддин Муҳаммади Хоразмшоҳ (1169-1220) пас аз шунидани овозаи Хоҷа ӯро ба ҳузури худ даъват кард, вале баъди чанде Алоуддин кушта шуд ва Хоҷа бо Рукнуддини Хуршоҳ (1230-1257) подшоҳи охирини исмоилиҳо буд, то дар охир Қалъаи Аламут аз дасти муғулҳо забт карда шуд ва ҳукумати исмоилия аз байн рафт.

Дар натиҷа метавон гуфт, ки Хоҷа Насириддини Тӯсӣ бо вучуди саргармӣ дар мансабҳои дарборӣ дар қалъаҳои исмоилия бештари вақти худро ба пажӯҳиш ва таблиғи илм сарф кардааст ва дар ин муддат китобҳои арзишманд таълиф намулдааст. Пас аз тасарруфи қалъаҳои исмоилия аз ҷониби муғулҳо, Хоҷа ба Ҳалоку таслим шуд ва аз марг наҷот ёфт ва бо бардошти хуб ва маълумоте, ки Ҳалоку (1217-1265) аз ӯ дошт дар дарбори Ҳалоку наздикӣ пайдо кард [4, 83-84].

Бешак, ба чунин иззату иқром ӯ бо шарофати донишу хиради худ бархурдор гаштааст. Ҳалоку пас аз ошноии бештар бо Хоҷа на танҳо ӯро дар бунёди расадхонаи Мароға ба кор бурд, балки ӯро ба шумораи мушовирони махсуси худ дохил кард ва дар ба нақшагирии ҳукумат бо ӯ машварат мекард [4, 83-84].

Хоҷа пас аз ҳуҷуми муғулҳо ва барҳам задани хилофати Аббосиён фурсати густариши илмро дид ва бештари талошҳои худро дар густариши илм, таҳкими пояҳои он ва таблиғи илму дониш ва шоҳаҳои он сарф кард [4, 101-102].

Хоҷа Насириддини Тӯсӣ тавонист дар дарбори Ҳалокухон мушовири муддабир ва муътабар бошад. Дар замони вазорати худ бештари вақти худро барои ба анҷом расонидани расадхонаи Мароға сарф мекард ва ниҳоят, пас аз марги Ҳалоку ин расадхона таҳти сарпарастии писари Ҳалоку Обоқохон ба анҷом расид. Соли 660 ҳиҷрӣ олотҳои расадро ба итмом расониданд ва ҳар донишманд ба кори худ пардохт [4, 44].

Барои сохтани як расади ситорагон ба қавли худ Хоҷа зиёда аз 30 сол лозим меояд. Вале бо фармони Ҳалоку, ки муҳлати онро 12 сол муқаррар карда буд, Хоҷа Насириддини Тӯсӣ бо ҳамроҳии ҳамкасбон ва шогирдон дар муҳлати муқарраршуда онро ба итмом расониданд.

Рӯзи 26 - уми июни соли 1274 Хоҷа Насириддини Тӯсӣ оламро тарк кард ва дар Бағдод ба хок супурда шуд [3, 28].

Хоҷа Насириддини Тӯсӣ мутафаккири фарогир буд. Дар аксари соҳаҳои илмӣ ба фаъолият ва пажӯҳишҳои илмӣ машғул будааст. Нигоҳе ба осори ӯ, ки ҳудуди 150 рисола ва номаро ташкил медиҳад, фарох будани дониши ӯро ба хубӣ нишон медиҳад. Вай пажӯҳишҳои худро, ки аз нучум то фалсафа, аз улуми тазвич (астрология) то илоҳиёт дар бар мегирад, ба ду забон: форсӣ, арабӣ навиштааст, ки маҳорати ӯ дар ин ду забонро нишон медиҳад [2, 323].

Хоҷа Насириддин дар асри XIII ба риштаи риёзиёт ва астрономия ворид шуда, дар арсаи илм таҳаввулоти азимеро ба амал овард, ки шеваи таснифи илмҳо дар ҳавзаи тамаддуни исломӣ тағйир ёфт ва дастовардҳои илмӣ ӯ ба унвони ганҷинаи гаронбаҳое ба аҳли илм пешкаш гардид.

Расадхонаи Мароға танҳо як қисми ташкилоти илмии Хоҷа буд. ӯ бо эҷоди осори бунёдии худ «Шакл ул-қитоъ» дар риштаи улуми риёзӣ, баҳусус геометрия тағйироти бузурге ба амал овард ва эътирофи ҷаҳонӣ пайдо кард. ӯ дар риштаи илми геометрия (ҳандаса) геометрияи сеченакаро ба геометрияи дученака табдил дода тавониста, дар ин соҳаи (геометрия) қадамҳои бунёди гузошт [2, 320-323].

Тибқи бозёфтҳои метавон гуфт, ки муҳимтарин тағйирот дар астрономияи пеш аз Николай Коперник аз ҷониби Хоҷа сурат гирифтааст.

Вай назарияи геосентрикии Птоломейро ба таври ҷиддӣ интиқод карда, бо тарҳи «ҷуфтҳои Тӯсӣ» марказ олам будани Офтобро пеш гузошта, ақидаи офтоб-марказиро ки ҳанӯз олимони юнонӣ баён карда буданд, қор карда баромад [2, 323].

Олимони Расадхонаи Мароға бо роҳбарии Насириддини Тӯсӣ модели Батли-мусро (Клавдий Птолемей 100-170 мелодӣ) тасхеху такмил намуданд, ки барои системаи гелиосентрикии Николай Коперник (1473-1543) замина гузошта шудааст. Ин далелро олими озарӣ Мамедбейли Г. Д. дар китоби пурарзиши худ «Основатель Марагинский Обсерватории Насериддин Мухаммед Тусӣ» ба исбот расонидааст [6, 315].

Аз ҷумла, ӯ дар асари «Зичи Элҳонӣ»-и координатаҳои (тӯлу арзи) зиёда аз 256 ҳавзаҳои аҳолинишини гирдоварӣ намуда, саршавии тӯли ҷадвали ҷуғрофии ӯ 34-35⁰ дуртар аз ғарби Гривинч мебошад, яъне ибтидои меридианаи (истиво) Насириддини Тӯсӣ аз қисми шарқии Амрикои Ҷанубӣ мегузарад. Ин нуқта нишонгари он аст, ки то кашфи қитъаи Амрико аз тарафи Хиристофор Колумб (1492) уламое низ мисли Тӯсӣ дар бораи ҷазираҳо ва қитъаи Амрико маълумоти кофӣ доштаанд [6, 315].

Дар пояи ин таҳаввулотҳои бузурги илмӣ осори бисёре аз риёзидонҳои юнонӣ ба арабӣ тарҷума шуда, тавсибаи илмӣ риёзидонҳои мамолики мусалмонӣ нисбат ба риёзидонҳои юнонӣ баландтар рафт. Тағйир додани системаи рақамии Ҳиндустон тавассути анҷом додани ҳисобкунии системаи даҳӣ, ихтироъ кардани касрҳои даҳӣ; эҷоди мафҳумҳои нав дар назарияи адад; эҷоди илми алгебра, бозёфтҳои муҳим ва нав дар илми тригонометрия танҳо як бахше аз талошҳои олимони тоҷик (эронӣ) будааст.

Суоли матраҳ ин, ки нақши уламои мамолики мусалмонӣ, баҳусус халқи тоҷик дар рушд ва бунёди улуми таҷрибӣ риёзиёт ва астрономия чӣ гуна аст? Саҳми донишмандони тоҷик (эронӣ) дар ин илмҳо чӣ гуна аст ва Хоҷа Насириддини Тӯсӣ дар ин замина чӣ нақше ва нуфузе дошт?

Фарзияи ин пажӯҳиш бар он аст, ки донишмандони мамолики мусалмонӣ, баҳусус тоҷикон ва аз ҷумла Хоҷа Насириддини Тӯсӣ дар рушди илму фарҳанг дар тамаддуни ҷаҳонӣ таъсири амиқе доштаанд. Инро баррасии осоре, ки ба таври мустақил ба таҳқиқи нақши Хоҷа Насириддини Тӯсӣ дар рушди илмҳои риёзиёт ва ситорашиносӣ чандин осор навишта шудааст, ки ба ҷанбаҳои риёзии фаъолияти илмӣ ӯ баҳшида шудаанд ба исбот мерасонад.

Аз тарафи дигар китобҳои зиёде дар бораи фаъолияти ситорашиносии ӯ низ вучуд доранд, аз ҷумла китоби «Таҳқиқ дар расадхонаи Мароға»-и Вирҷованд ё китоби «Доираи Миноӣ»-и Амир Мухаммад Гӯминӣ, Мамадбейли, Г.Д. «Основатель Марагинский Обсерватории Насериддин Мухаммед Тусӣ». Бахше аз ин осор ба навоариҳои ситорашиносии Хоҷа Насириддини Тӯсӣ баҳшида шудааст, аммо он чизе, ки ин пажӯҳишхоро аз пажӯҳишҳои дигар фарқ мекунонад, ин бархӯрди таърихӣ ба нақши Хоҷа дар рушди илмҳои риёзиёт ва астрономия аст ва ба наво-

вариҳои ин донишманд таваҷҷуҳ ва саъй кардаанд, ки нақши Хоҷа Насириддинро дар рушди илмҳои ситорашиносӣ ва риёзӣ нишон диҳанд.

Хоҷа Насириддини Тӯсӣ панҷ асари мантиқӣ - фалсафӣ таълиф кардааст, ки аз ҳама муҳимтаринаш «Асос ул-иктибос» аст, ки ба забони форсӣ навишта шудааст. Вай дар ин соҳа ба таълимоти Ибни Сино пайравӣ намуда, вале дар омӯзиши робитаи мантиқ ва риёзиёт қадами нав гузошт [2, 323].

Тӯсӣ дар тахриротӣ риёзии худ дар матни риёзиётҳои Батлимусро (Клавдий Птолемей 100-170 мелодӣ) бо номи «Таҳрири Уқлидус» рисолае навиштааст. Инчунин оид ба арифметика, геометрия ва тригонометрия рисолаҳои навоварона навиштааст ва дар ин асарҳо қори Умари Хайёмро идома дода, ба рушди математикаи ҳисоббарорӣ, ҳамаҷониба мусоидат кардааст [3, 37].

Хоҷа Насириддин дар геометрия ба осори Хайём пайравӣ намуда, постулати панҷуми Евклидро дар «Рисолаи Шофей» мавриди баррасӣ қарор додааст. Аммо эҳтимол саҳми барҷастаи ӯ дар математика дар бахши тригонометрия буд, ки ӯ дар китоби «Ал-шакл ал-китоб» ба вусъати тригонометрия (мусалсалот) ҳамчун шоҳаи мустақили математика ёрӣ расонд [2, 323].

Дар байни асарҳои математикии Насириддини Тӯсӣ «Шакл-ул-китоб» ё «Рисолаи чортарафаи пурра» махсусан муҳим аст. Рисола ба забони форсӣ дар давраи истиқомати Тӯсӣ дар Аламут ва ба забони арабӣ дар шакли каме ихтисоршуда дар Мароға навишта шудааст. Аз байни пешиниёни худ Насириддини Тӯсӣ асосан ба Абурайҳони Берунӣ ва китоби ӯ «Калидҳои илми астрономӣ» ишора мекунад. Дар рисолаи Тӯсӣ инчунин аз рисолаи «ал-Солор» зикр намудааст (Ҳусумуддин Алӣ ибни Фатҳуллоҳ ал-Солор аш-Шомӣ ваф. 1262 - математик ва ситорашиноси дарбори Хоразмшоҳон). Ин осори Тӯсӣ ҳамчун сарчашмаҳо барои Регионмонт (1436-1476) хизмат кардааст, ки номаш ба оғози марҳалаи нав дар таърихи илми тригонометрия алоқаманд аст [9, 57].

Рисолаи Тӯсӣ аз панҷ китоб иборат аст. Китоби якум назарияи муносибатҳои мураккабро шарҳ медиҳад. Ҷоҳҳои Собит ибни Қурра (908 - 946) - математики маъруфи араб) ва Умари Хайём (1048-1131)-ро инкишоф дода, Тӯсӣ дар ин ҷо мафҳуми васеи рақамро пешниҳод мекунад, ки он ҳамчун иртиботи ададҳои ратсионалӣ ва ирратсионалиро муайян менамояд. Дар боби дувуми китоб далелҳои мухталифи назарияи Менели Искандаронӣ (тақрибан соли 100-уми мелодӣ) барои ҳамвории чортарафа оварда шудаанд. Дар китоби сеюм мафҳумҳои синус ва қосинуси муаррифӣ шуда, як қатор теоремаҳои тригонометрияи ҳамворӣ исбот карда шудаанд. Аз ҷумла, дар ин ҷо қоидаҳои ҳалли секунҷаҳои ҳамворро баррасӣ намуда, теоремаи синуси ҳамворро исбот кардааст. Китоби чорум ба исботи ҳолатҳои мухталифи теоремаи Менел барои тасвири сфераҳои чортарафа бахшида шудааст. Китоби панҷум ба усулҳои ҳалли масъалаҳои тригонометрияи сферавӣ бо истифода аз теоремаҳои ивазқунандаи тасвири чортарафа - теоремаҳои тангенсӣ ва теоремаҳои синусӣ саруқор дорад. Дар боби охири китоби панҷум қоидаҳои ҳалли секунҷаҳои сферавӣ пешниҳод карда шудаанд ва барои ҳолате, ки дар секунҷа се кунҷ дода шудааст, мафҳуми секунҷаи қутбӣ қорӣ карда мешавад [8,75].

Дарвоқеъ, ба туфайли саҳми илмии Насириддини Тӯсӣ тригонометрия (дар қадим мусалсалот меғуфтанд) аз илми астрономия ҷудо шуда, ба як илми мустақил табдил ёфт. Таърихшиноси илм М. М. Рожанская чунин мешуморад: «Тригонометрияро танҳо он вақт як илми комилан мустақил доништан мумкин аст, ки он илми ҳалли секунҷаҳо ва рисолаи тригонометрӣ таснифоти ростқунҷа ва қачқунҷаҳои ҳамвориро ва секунҷаҳои сферикӣ, инчунин алгоритмҳои ҳалли та-

моми масъалаҳои хос, алахусус ҳалли секунҷаҳои дар се тараф кунҷдоштаро бошад. Ин аст он чизе ки дар рисолаи «Шакл-ул-қитӯъ» ё «Чортарафаи пурра»-и Насириддини Тӯсӣ оварда шудааст» [7, 80].

Мунаҷҷим бо дастгирии Ҳалоку кӯмаки заруриро ба даст овард ва ба таъсиси расадхонаи Мароға оғоз намуд ва ин расадхона як маркази бузурги илмӣ дар он вақт ба ҳисоб мерафт. Расадхонаи Мароға бо китобхонаи калоне ҷиҳозонида шуда буд, ки дар он китобҳои соҳаҳои гуногун мавҷуд буданд.

Тӯсӣ барои рушди илми ситорашиносӣ талошҳои зиёде кардааст ва осори сершумори астрономӣ таълиф кардааст, ки машҳуртарини онҳо «Зичи Элхонӣ» мебошад. Ин асарро ба форсӣ навиштааст ва баъдан он ба лотинӣ низ тарҷума шудааст [2, 323].

Ғайр аз ин Ҳоча дар илмҳои мухталиф асарҳои зиёде эҷод кардааст, ки дар байни онҳо «Тансуқномаи Элхонӣ» (Китоби маводи гаронбаҳо) ҷойи намоёнро соҳиб аст. Инчунин дар фалсафа, ахлоқ ва илоҳиёт» (калом) тафсири ба осори фалсафии Ибни Сино «Ал-ишорот ва танбеҳот» навиштааст. Бо навиштани ин тафсири таълимоти машоъ, ки ҳудуди ду қарн зери сояи калом буд, онро дубора эҳё кард ва муваффақ шуд, ки оташи нави фалсафаи исломиро афрӯзад.

Аммо дар баробари ин ки иддаҳои пайравии Ибни Сино мекард, дар чанд мавқеъ, аз қабиле шинохти ҷузъиёт, табиати фазо ва офариниш (вҷуд) ҷаҳони табиӣ, ба таври равшан ба андешаҳои Шаҳобиддини Сухравардӣ наздик шудааст. Воқеан Ҳоча Насириддин дар ҳамгирии тадриҷан дар равияи машоъӣ ва ишроқ гоми муҳим гузошт, ки ин тамоюл дар осори бузургтарин ва пешрафтатарин шогирди ӯ Қутбиддини Шерозӣ (1236 - 1311) боз равшантар намоён аст [2, 328].

Аммо машҳуртарин асари Ҳоча дар илми ахлоқ китоби «Ахлоқи Носирӣ» аст, ки бо таъя ба такмили ахлоқи Ибни Мискавайх фалсафашиносиро тасвир мекунад. Низоме, ки таълимоти исломро бо назарияи ахлоқи Арасту баён ва то андозае бо суннатҳои афлотунӣ ба ҳам мепайвандад [2,329].

Дар ин асари Ҳоча ба таври мушаххас таснифи улуми ҳикматро ба ду қисмати амалӣ ва назариявӣ тақсим мекунад, ки мақсади ӯ аз инҳо иборатанд:

1. Мушаххас кардани мавқеи улуми инсониро дар қолаби баҳс аз ҳикмат ва навъҳои он;

2. Равшан сохтани равобити улуми ақлӣ, нақлӣ ва амалӣ;

3. Шарҳи назари гузаштагон дар ин замина [3,37].

Ҷорҷ Сортон менависад: «Фарҳанги давраи Элхонӣ беш аз маркази Аврупоӣ ҷанбаи ҷаҳонӣ дошт, чунки мусулмонон, яҳудон, фарангон, ҳиндуён, муғулон ва ҷинихоро гирди ҳам оварда буд».

Дар маҷмуъ теъдоди зиёди аз муҳандисон, риёзидонон, ҳукамо ва ситорашиносони он рӯзгори ҷаҳони исломӣ дар Расадхонаи Мароға ширкат доштанд. Илова бар ҷаҳор тан аз нухбағони ин фунун, ки ба унвони дастёрони аршади Ҳоча ба пажӯҳиш ва омӯзиш иштиғол доштанд, бисёре аз устодон ва мударрисони барҷаста низ барои тадрис ва тарбият раҳсипори Мароға шуданд.

Профессор Муҳаммад Абдул Ислом донишманди барҷастаи покистонӣ, барандаи Ҷоизаи нобелӣ Расадхонаи Мароғаро бо 20 ситорашинос аз сар то сари дунёи исломӣ таҳти сарпарастии донишманди бузург Ҳоча Насириддини Тӯсӣ эҳтимолан нахустин расадхонаи ҷаҳон ба маънои воқеии калима буд гуфтааст.

АДАБИЁТ

1. Сафо, Забеҳуллоҳ. Таърихи адабиёти Эрон, ҷилди 3, 1202. Техрон. 1373 х.
2. Наср Саид Хусайн. Сунати ақлонии исломӣ дар Эрон, сах. 322 тарҷумаи Саид Дехқонӣ, Техрон. 1383 х.
3. Хоча Насириддини Тусӣ. Ахлоқи Носирӣ. Сах. 14-18. Техрон, 1349 х.
4. Мударрисӣ Разаӣ. Аҳвол ва осори Хоча Насириддини Тусӣ, Техрон, 1370 х., с. 84.
5. Мударрисӣ Разаӣ. Аҳвол ва осори Хоча Насириддини Тусӣ, Техрон, 1370 х., с. 90-92.
6. Мамадбейли, Г.Д. Основатель Марагинский Обсерватории Насириддин Мухаммед Туси [Текст]/Г.Д. Мамадбейли. – Боку, 1961. – 315 с.
7. Рожанская, М.М., Матвиевская, Г.П., Лютер, И.О. Насир ад-Дин ат-Туси и его труды по математике и астрономии в библиотеках Санкт-Петербурга, Казани, Ташкента и Душанбе [Текст]/М.М. Рожанская, Г.П. Матвиевская, И.О. Лютер. – М.: Восточная литература, 1999. – 144 с.
8. Ат-Туси Насир ад-Дин. Трактат, исцеляющий сомнение по поводу параллельных линий [Текст]/Ат-Туси Насир ад-Дин; Прим. Б.А. Розенфельда, А.П. Юшкевича// Историко - математические исследования. – 1960. – Вып. 13. – С. 483-532.
9. Насириддин Туси. Трактат о полном четырехстороннике [Текст]/Насириддин Туси; пер. под ред. Г. Д. Мамедбейли, Б. А. Розенфельда. – Баку: АН АзССР, 1952. – 200 с.
10. Диноршоев, М. Философия Насириддина Туси [Текст]/М. Диноршоев. – Душанбе, 1968. – 155 с.

НАҚШИ ХОҶА НАСИРИДДИНИ ТҶСӢ ДАР РУШДИ ИЛМИ РИӢЗИЁТ ВА СИТОРАШИНОСӢ

Мақолаи мазкур «Нақши Хоча Насириддини Тусӣ дар рушди илми риёзиёт ва ситорашиносӣ» бо унвони тавсифи роҳ ва ҷиғнагии нақши Хоча Насириддини Тусӣ дар рушди илмҳои риёзӣ ва ситорашиносӣ аст. Тусӣ яке аз маъруфтарин донишмандони тоҷик, ки дар соҳаҳои мухталифи илм пешрафтҳои зиёде ба даст овардааст.

Бешубҳа, саҳми мавсуф дар соҳаи риёзӣ ва ситорашиносӣ хеле намӯён буда, Расадхонаи Мароға низ яке аз дастовардҳо ва қорҳои ташкилию илмии Насириддини Тусӣ низ будааст.

Калидвожаҳо: *Хоча Насириддини Тусӣ, Расадхонаи Мароға, илм, геометрия, астрономия, математика.*

РОЛЬ ХОДЖИ НАСИРИДДИНИ ТУСИ В РАЗВИТИЕ НАУК МАТЕМАТИКИ И АСТРОНОМИИ

Данная статья называется «Роль Ходжи Насириддина Туси в развитие наук математики и астрономии» и в описывает путь и роль Ходжи Насириддина Туси в развитие наук математики и астрономии. Туси – один из самых известных таджикских ученых, добившийся многих успехов в различных областях науки.

Несомненно, его роль в области математики и астрономии весьма заметна, а обсерватория Мароги была одним из достижений и произведений научной организации Насириддина Туси.

Ключевые слова: *Ходжа Насириддин Туси, Марагинская обсерватория, наука, геометрия, астрономия, математика.*

THE ROLE OF KHOJA NASIRIDNI TUSI IN THE DEVELOPMENT OF THE SCIENCE OF MATHEMATICS AND ASTRONOMY

This article is called «The Role of Khoja Nasiruddin Tusi in the Development of the Science of Mathematics and Astronomy» and in the title describes the path and role of Khoja Nasiruddin Tusi in the development of mathematics and astronomy. Tusi is one of the most famous Tajik scientists who has achieved many successes in various fields of science.

Undoubtedly, his role in the field of mathematics and astronomy is very noticeable, and the Marogi observatory was one of the achievements and works of the scientific organization of Nasiruddin Tusi.

Key words: *Khoja Nasiruddin Tusi, Marogi observatory, science, geometry, astronomy, mathematics.*

Сведения об автора: **Максадов Хабибулло Исматович** – кандидат исторических наук, научный сотрудник Институт истории, археологии и этнографии им. А. Дониша НАНТ. 734025, г. Душанбе. Республика Таджикистан. Тел.: (+992) 917-94-71-73. E-mail: maksadov.1961@mail.ru.

Information the about avtor: **Maksadov Habibullo Ismatovych** - candidate of historical sciences, researcher at the Institute of History, Archeology and Ethnography. A. Donisha NANT. 734025, g. Dushanbe. Republic of Tajikistan. Phone: (+992) 917-94-71-73. E-mail: maksadov.1961@mail.ru.

УДК 392.3: 72 (575): 94 (575) :39

НИГОҶЕ БА ТАЪРИХИ ФАРҶАНГИ МАНЗИЛИ ТОҶИК

ЗОКИРОВ Р. Ш.,

Донишқадаи политехникии Донишгоҳи техникии Тоҷикистон
ба номи академик М. С. Осимӣ дар шаҳри Хучанд

Манзил аз падидаи асосии таърихию фарҳангии маҳсули ғабӯлияти эҷодӣ ва созандаи инсоният маҳсуб меёбад. Аз рӯи дараҷа ва сатҳи ташаккули манзил ба вазъи иқтисодию иҷтимоии ҷомеа, хусусиятҳои этникии он баҳо додан мумкин аст. Дар баробари ин, таърихи манзил, пайдоиш ва таҳаввули он ҳамчун ҷузъи фарҳанги мардумӣ порас аз таърихи миллӣ мебошад. Муаллиф бо гузоштани марҳалаҳои асосии истиқомати суннатии тоҷикон ва ниёғони онҳо имкон пайдо мекунад, ки равандҳои ҳаёти иҷтимоию иқтисодӣ, фарҳангӣ, этникӣ ва фарҳангии мардумро тавассути сифатҳои осори моддӣ муайян намояд. Омӯхтани фарҳанги манзил дар раванди тараққиёти чандинасраи он вазифаи муҳими илми таърих мебошад. Ҷанбаҳои боло интиҳоби мавзӯи тадқиқоти таърихи фарҳанги манзили миллиро муайян менамояд.

Дар илми таърихнигорӣ омӯзиши манзили тоҷикон ҳамчун як соҳаи фарҳанги моддӣ дар муқоиса бо дигар унсурҳои тамаддуни ниёғони мо ба наздикӣ оғоз шудааст. Тасвири аввал, хеле муфассал ва равшани манзилҳои мардумии аҳолии муқими Осиёи Миёна, аз ҷумла тоҷикон ба миёнаҳои асри XIX рост меояд [1,42].

Аммо то имрӯз муаррихон, бостоншиносон, мардумшиносон, меъморон алоҳида дар асоси сарчашмаҳои мушаххаси худ манзили суннатии тоҷиконро мавриди таҳқиқ қарор додаанд [2,14]. Аксарияти кулли асарҳои, ки ба манзили суннатии тоҷикон бахшида шудаанд, дар асоси маълумоти этнографии саҳроӣ иншо шудаанд. Дар баробари ин, зарурати илмию амалии тадқиқоти таърихӣ, меъморию бостоншиносиро дар ин самт равандҳои пажӯҳиши илмӣ тақозо менамоянд.

Дар робита ба дурнамои рушди Ҷумҳурии соҳибистиклол, озод, демократӣ, ҳу-қуқбунёд ва дунявии Тоҷикистон аҳамияти мавзӯи омӯзиши фарҳанги манзили тоҷикон дучанд гардидааст. Бо ташаббус ва роҳбарии Ассосгузори сулҳу ваҳдати миллӣ, Пешвои миллат - Президенти Ҷумҳурии Тоҷикистон Эмомалӣ Раҳмон барномаи давлатӣ оид ба эҳёи таърихию фарҳангӣ, баҳусус анъанаҳои пешқадами фарҳанги манзилсозию ҳифзи мероси моддӣ ниёгон таъкид шуда [3,62], дар қисми татбиқи амалии Стратегияи рушди соҳаи сохтмони Ҷумҳурии Тоҷикистон барои давраи то соли 2030, ки бо қарори Ҳукумати кишвар аз 27 апрели соли 2022 таҳти № 203 ба тасвиб расидааст, мавриди амал қарор гирифтааст. Татбиқи амалии онҳо дар якҷоягӣ бо таҷрибаи пешқадами мамлакатҳои тараққиқарда дар ороиши бадеӣ ва таҷҳизонидани технологияи зарурии манзили бинои муосири истиқоматӣ мебошад.

Ҳамин тавр, объекти таҳқиқоти мо таърихи манзилсозии тоҷикон ҳамчун таҷассуми дастовардҳои ҳаёти иҷтимоию иқтисодӣ ва фарҳангӣ, инчунин маънавии ниёғони мост.

Мақсади таҳқиқот нишон додани генезис ва таҳаввули фарҳанги маҷмуи манзили тоҷикон дар раванди рушди таърихии даврони бостон ва замони нав мебошад.

Ҳадафи таҳқиқот тавассути ҳалли вазифаҳои зерин амалӣ карда шуд:

- омӯзиши ҷанбаҳои меъморӣ сарчашмаҳои ҳаттӣ, археологӣ ва этнографӣ;

- муайян кардан ва ҷамъоварии маводи зарурии арзишманд;

- таҳлил ва ҷамъбасти маводи гирдоварда ва аз сарчашмаҳои гирифта ба ниҳом даровардан, тасниф намудани маҷмуи маълумот оид ба мақсадҳои ғойданок, эстетикӣ, фарҳангии маънавии манзил;

- муайян намудани сохтори таркибӣ, унсурҳо ва ҷузъҳои мухталифи меъморӣ конструктивӣ манзил ва таъиноти онҳо вобаста ба вазъи иҷтимоӣ соҳибмулк ва сатҳи иқтисодӣ шугли оила дар манзил истиқоматкунанда;

- баррасии давраҳои асосӣ генезис ва таҳаввули манзили суннатӣ тоҷикон дар партави даврабандии меъморӣ таърихӣ.

Дар ибтидои омӯзиши фарҳанги манзили тоҷикон тибқи маъхазҳои ҳаттӣ, таҳқиқоти таърихӣ, бостоншиносӣ ва мардумшиносӣ он як зумра олимони барҷастаи рус мисли В. В. Бартолд, В. А. Жуковский, А. А. Семенов, М. С. Андреев, И. И. Зарубин, Н. А. Кисляков, А. К. Писарчик ва дигарон буд.

Муаррих В.В. Бартолд дар партави маъхазҳои ҳаттӣ генезис ва таҳаввули фарҳанги манзилро пай гирифта, типологияи манзилро таҳлили таърихӣ ва этимологӣ муайян кардааст. Маъноӣ ҷузъҳои таркибии фарҳанги манзил - «манзил», «киёшк», «баг», «бӯстон», «кеде»-ро ошкор намуда, онҳоро аз ҷиҳати инкишофи таърихӣ таҳқиқ намуда, мавқеи ин ҷузъҳоро дар ҳаёти иҷтимоӣ фарҳангӣ ҷомеа дар давраҳои гуногуни таърихӣ [4,71] нишон медиҳад. В. В. Бартолд масъалаҳои марҳалаи таърихӣ инкишофи меъморӣ халқҳои Эронро мавриди омӯзиш қарор додааст. Ба андешаи ӯ давраи ҳукмронии муғул беҳтарин давраи таърихӣ меъморӣ форсӣ [5, 182]. Ба таъкиди В. В. Бартолд дар асарҳои бунёдии худ нақши халқунандаи фарҳанг, забон ва ёдгориҳои меъморӣ археологиро дар омӯзиши таърихӣ халқ дараҷаи иштироки мамлакат дар робитаи маданият ҷаҳон мазмуни асосӣ таърихро ташкил медиҳад, таъкид мекунад.

Муҳаққиқ В.А. Жуковский барои тафсири маъхазҳои ҳаттӣ дар бораи топографияи таърихӣ Марв бостон, инчунин манзилҳои зисти ин шаҳр таҳқиқоти арзишманде кардааст. Аз рӯи натиҷаҳои таҳқиқоташ дар мисоли манзили истиқоматӣ Марв [6] яке аз аввалин шахсоне буд, ки типологияи манзилро тавсиф намудааст.

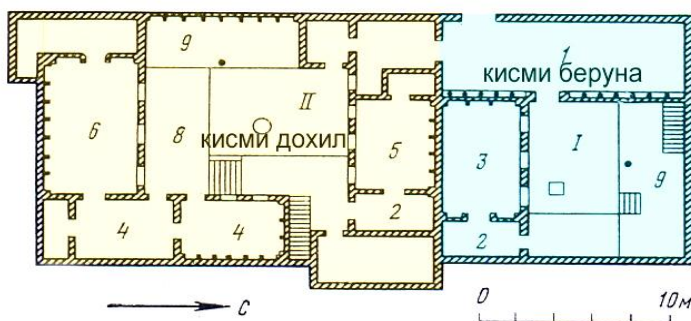
А. Ю. Якубовский, ки натиҷаи кори экспедитсияи археологӣ суғдию тоҷикии солҳои 1946-1951-ро ҷамъбаст кардааст, ба таври воқеӣ асосгузори самти таърихӣ бостоншиносӣ дар таҳқиқи манзилҳои тоҷикони қадим, ташаббускори он ба ҳисоб меравад. А. Ю. Якубовский дар мисоли тафсири сотсиологӣ дар шаҳри Панҷакент таҳқиқоти бостоншиносӣ шаҳрҳои давраи пештара ва тараққиқардаи Хоразм - Ҷонбос-қалъа ва Тӯпроқ-қалъа таҳаввули фарҳанги манзилсозиро дар робита бо инкишофи шаклҳои оилавӣ ва муносибатҳои он нишон дод. Муҳаққиқ дар партави маъхазҳои ҳаттӣ динамикаи инкишофи намудҳои манзил, таҳаввули таъиноти иҷтимоӣ онро дар се қисматҳои таърихӣ шаҳри асримиёнагӣ – арк, шаҳристон ва рабод нишон медиҳад [7, 212].

Дар асари О. Г. Болшаков, ки якҷоя бо Х. Х. Неъматов хронологияи меъморӣ ва таназзули манзилҳои наздишаҳрии Панҷакент, ки онҳоро мавриди таҳқиқ қарор додаанд, робитаи онҳоро бо иншооти дафн муайян намуда, хусусияти иҷтимоӣ манзилҳои тавсиф карда шудааст [8,114].

Аммо Н. О. Турсунов хусусиятҳои манзили анъанавиро дар охири асри XIX - ибтидои асри XX маркази калони шаҳри Уструшана - Ҷротеппа ошкор кардааст [9]. Манзили халқии тоҷикон дар асари дигари Н.О. Турсунов варианти классикии нақшаи амлок ва манзиле, ки дар шаҳри Хучанд ва воҳаи он ташаккул ёфтааст, қисмҳои конструктивии он, сарбории функционалии элементҳои меъморию бадеии манзили истиқоматии шаҳри бостонии Хучанд дар монографияи бунёдии худ, ки дар Эрон ба форсӣ chop шудааст, инъикос ёфтааст.

Инчунин Н.О. Турсунов як силсила ёддоштҳои мухтасари илмӣ бо маълумоти нодир дар бораи меъмории халқӣ, ҳунармандон, бинокорони барҷаста Усто Мирзораҳмат, Усто Маллабек, бародарон Муҳаммад Расул ва Муҳаммад Солеҳ, Ҳайдар Ниёзов, Усто Ҷунайд, Усто Мирфузайл навиштааст, ки Н. О. Турсунов дар китоби нави худ «Таърихи тоҷикон» марҳалаи муҳимтарини таҳаввули меъмории анъанавиро нишон медиҳад [10;324].

Нахустин асари В.Л. Воронина оид ба хусусиятҳои меъмории халқии Хучандро, ки дар шакли сохтмони аҳолии шаҳр, ки аз манзилҳои истиқоматӣ ва хизмати маишӣ иборат буд, дар таҷҳизоти бинокорӣ, конструксияҳо ва вариантҳои таснифотии меъмории бинои истиқоматӣ: хучра, пешайвон, меҳмонхона (*расми 1*) ифода ёфтаанд [11, 212].

Тавзеҳоти хучраҳо:

1. Саисхона
2. Дахлез
3. Меҳмонхона
4. Хучраи тобистона
5. Хучраи зимистона
5. Айвон
6. Таҳоратхона
7. Сарой
8. Танӯрхона

Расми 1. Тарҳи периметралии ташаккули ҳавлии дутаркибаи асри XIX (В. Л. Воронина).

Китоби В. Л. Воронина «Меъмории халқии Тоҷикистони Шимолӣ» соли 1959 дар шаҳри Москва chop шудааст [12, 52-54]. Дар қисми якуми рисола «Анъанаҳои таърихӣ» боби махсуси «Манзили истиқоматӣ» ва дар қисми дуюм анъанаҳо ва навоариҳо, ки дар сохтмони бинои истиқоматӣ дар замони Шуравӣ таҷассум ёфта буданд, зикр гардидааст.

Хусусиятҳои биноҳои истиқоматии шаҳри Ленинобод (ҳоло Хучанд), Ҷротеппа (Истаравшани ҳозира), Ҷкаловск (ҳозира Бӯстон), Конибодом, Исфара низ оварда шудаанд. Масъалаҳо дар бораи хусусиятҳои меъмории манзили Хучанди кӯҳна, ки В. Л. Воронина дар таҳқиқоти илмӣ боло зикршуда дар асоси паҷуқиши намунаҳои сершумори манзилҳо ва биноҳои типии анъанавию нав (солҳои 50-уми асри XX) дар шаҳрҳои Шимолӣ Тоҷикистон баррасӣ карда шудаанд. Баъзе муқаррароти В. Л. Воронина бахталаб буда, на ҳамаи ҳулосаҳои ӯро маводи этнографияи саҳроӣ, ки баррасӣ намудаем, тасдиқ мекунанд.

Таҳқиқи С. М. Мамадҷонова ва Р. С. Муқимов [13] ба масъалаҳои таърихӣю меъмории монументалӣ ва анъанавии Шимолӣ Тоҷикистон, махсусан биноҳои истиқоматии Тоҷикистони Шимолӣ бахшида шудаанд.

Дар маъхазҳои хаттии асрҳои миёна ва маълумоти забоншиносӣ дар бораи фарҳанги манзилдорӣ тоҷикон маводи хеле бой ва мукаммалӣ этнографияи мавҷуд

аст. Гуногунрангӣ ва бисёрчанбагии биноҳои истиқоматӣ имкон медиҳад, ки баррасии масъалаи типологияи онҳо ба вучуд ояд.

Типологияи умумии манзил. Истиқоматгоҳҳо бо истилоҳоти сершумор ишора шудаанд, ки аз анъанаҳои амиқи фарҳангии тоҷикон шаҳодат медиҳанд. Инҳо, масалан: *байт, маъбад, дор, иморат, кад, маъво, манзил, хон, ман, бардан, хучра, кулба, айвон, авбор, анбор, охупой, буна, бито.* Ин истилоҳот дар осори мухталифи таърихӣ ва адабии муаллифони асрҳои миёна низ бештар воমেҳуранд.

В.В. Бартолд таҳаввули навҳои манзили зистро пайгирӣ намуда, қайд мекунад, ки «манзил» чун *байти арабӣ* як иморати истиқоматии алоҳида ба маънои хурди калима, *кед ӯ кед* буд, «туҳфаи арабӣ» интиқол ёфтааст; ин мафҳум ба ғайр аз манзили воқеии сарвари манзил, инчунин манзилҳои писарони алоҳида ва дигар хешу табор, биноҳои ёрирасон ва ғайраҳоро дар бар мегирифт ва ҳамаи ин биноҳо дар дохили як фазо ва девори умумӣ ҷойгир буданд [14, 221].

Манзилҳои зимистониро *кошона* ва *таҷар* мегуфтанд. Дар маъхазҳо дар бораи навҳои манзиле, ки дар давраи баҳору тобистон истифода мешуданд, маводи пуарарзиш оварда шудааст. Яке аз навҳои манзили тобистона *боғдор* буд, ки дар ҳар тараф сӯроҳҳо дошт. Манзили тобистонаро, ки аз ҳар тараф бо панҷара ихота карда буда, *бачкам* ҳам меномиданд. Барои раҳӣ аз гармои тоқатфарсо дар чиллаи тобистон манзилҳои зеризаминӣ - ниҳонхонаҳо сохта мешуданд, ки дар онҳо ғизо низ нигоҳ дошта мешуд. Навҳои ибтидоии истиқоматгоҳи тобистона *тарам* ӯ *торум*, манзили тахтадори ҷубин, ки хайма ӯ айвонро ифода мекунад, дар «Таърихи Байҳақӣ» зикр шудааст. Намуди хоси манзили тобистона манзили *бод* буд, яъне манзиле, ки ба он шамолҳои муаттар мевазиданд - эҳтимолан тавассути мубодилаи ҳаво бошад. Манзили тобистониро *сутованд* ҳам мегуфтанд, ки ба гуфтаи Абулқосими Фирдавсӣ, хеле равшан ва рангоранг ораста шуда буд. Якчанд намуди манзилҳои тобистона вучуд дошт, мисли – *бахорбанд, хонгард, парбор ӯ парбол, хашонхон ва хашхона.*

Хангоми муҳорибаҳои ҷангӣ, чашнвора ӯ шикор дар саҳроҳо хаймаҳо мезаданд, ки як навъ хаймаҳои фурупаҳншаванда – *пардасаро* ӯ *саропарда*, хайма барои шамол - *бодғис*, *бодпарвар* ӯ *бодгир*. Унсури дигари ин низом *бодфар*, шамолдеҳи калоне буд, ки аз шифт овезон ва ба ҳаракат медаромад. Чунин таҷҳизот дар манзилҳои тобистонии *Бачкам* ва *Парвор* вучуд доштанд.

Тавре ки аллақай зикр гардид, барои сохтани манзили тобистона торҳо истифода мешуданд, дар назди манзилҳо хаймаҳо сохта шудаанд. Дар фасли тобистон роҳҳои гуногуни хунук кардани манзил вучуд доштанд. Масалан, ба дару панҷараҳои истиқоматии тобистонии *хашонхона* хори шутур баста, аз болои он об мерехтанд, ки дар натиҷа тароват ба хучра медаромад. *Хешхона* низ як хел системаи хунуккуниро дошт. Хешхонаро аз картон сохта, бо барги бед пӯшонида, бо он об медоданд.

Намуди манзил аз мансубияти иҷтимоии сокинон низ вобаста буд. Манзили одамони сарватманд *кӯшқайвон*, *кох* ном дошт. Он хучраҳои бисёр фароҳу мунаққаш, ҳавлии васеъ ва ороиши бой дошт.

Асарҳои лексикографӣ дар бораи дигар навҳои биноҳои истиқоматӣ низ маълумот медиҳанд. Дар байни онҳо хучраи *меҳмонхона* мавқеи муҳимро ишғол мекард, ки дар маъхазҳо бо вариантҳои гуногун омадааст: *ирмон-сарой, меҳмон-сарой, айвон.* Аз даруни меҳмонхона *маснад* – василаи тақягоҳ, дар манзил қабул кардани меҳмон буд чун *болини калон* зикр шудааст.

Тоҷикони Мовароуннаҳр бо меҳмоннавозии худ машҳур буданд. Бино ба тавсифи Абулқосими Фирдавсӣ, айвонҳо, манзилҳои истиқоматӣ дар манзилҳои

сарватманд хеле фаровон ва боҳашамат оро дода мешуданд. Дар бисёр мавридҳо айвони манзил ҳамчун ҷойи истироҳат хизмат мекард. Айвонҳо ва манзилҳои меҳмонон бо матоъ, қолинҳои зебо оро дода мешуданд. Дар деворҳои манзараҳои гуногун, аксар вақт – бонувон, табиати нотақор тасвир шудаанд.

Масалан, айвони Рӯдоба, ҳамсари Зол ва модари Рустамро ба баҳори абадӣ монанд мекунад. Дар деворҳои одамони хирадманд тасвир шудаанд. Деворҳои матоъҳои чинӣ, зарфҳои тиллоии пур аз май оро додаанд. Манзил аз нақхат пур аз бӯйи гулҳои хушбӯй буд. Айвони модари Рӯдоба Сирандухт низ қариб ҳамин тавр тасвир ёфтааст. Ин услуби ороиширо аксаран «ороиши чинӣ» меноманд.

Баъзан дар айвонҳои шиорҳо, суханони пурхикмат ҳаққоқӣ мешуданд. Дар ин ҷо, масалан, тасвири рангини айвони Сиёвуш буда, дар девори айвон зебоӣ, подшоҳон, манзараҳои ҷанг, шох Кайхусрав дар тахт нишастаанд. Назди тахти ӯ Рустам, Зол, Гударз, дар он тараф - Афросиёбу Пирон, Гарсеваз қарор доштанд. Дар «Шоҳнома» манзараҳои зиёфатҳо дар айвонҳо, ки чанд рӯз идома доштанд хеле рангоранг тасвир шудааст. Фирдавӣ ба айвонҳо ҳамчун бехтарин макони зиндагӣ ва истиқболи меҳмонон – «Худо баҳор» (боғи баҳор), «хуррамбаҳор» (баҳори зебо), «айвони гавҳарнигор» (айвони мисли алмос) эпитетҳо овардааст.

Чунин эътиқод вучуд дошт, ки агар як табақ ба дигараш бирасад («агар як идиш ба дигараш расад») ва равшан ё об резад, нохушӣ мешавад. Пеш аз ба истеъмоли хӯрок, соҳибманзил ё солоре дуо мегуфт. Яке аз ин дуоҳо чунин садо меод: «Хизри муқаддас ба асояш бирасад». Ҳамин тариқ, соҳибманзил аз рӯйи эҳтиром шукронаро ба ҷой меовард.

Дигар намуди биноҳои ёрирасон ҳучраи пухтани анвои нонӣ - танӯрхона ва ҳучраи оштонхона ё ошхона буд. Унсури асосии танӯрхона ҳуди танӯр барои пухтани кулчаҳои танӯрӣ буд. Танӯрро дар болои сутун - манзарча мегузоштанд. Ин баландӣ ба таври зерин сохта шудааст. Аз чор тараф сутунҳои поя то 1 метр ба ҳок фуру рафта шуда, фосилаҳои байни онҳо бо хишти гилин ё кулӯлаҳои хушк пур карда мешуданд. Онро аз болояш бо тахта пӯшонда, ба болои тахтаҳо ҳок (ҳасу хошк) мегузоранд, баъд онро бо қабати то 15 сантиметр ҳок пӯшонда, танӯр мегузоранд. Ба ду тарафи танӯр то миёнааш рег мерехтанд, ки дар натиҷаи он нишемани тоқча ба даст омада, дар он коса об ва сабад гузошта мешуд. Аз боло танӯрро бо маҳлули қаҳил пӯшонда, сипас пораҳои шикастаи кулӯхро ба болояш гузошта, боз маҳлули гилолуд мемоланд. Ба маҳлули гил пашми гӯсфанд илова карда мешуд, ки ин гилро мустаҳкам мекард. Дар паси танӯр барои баромадани дуд дудбаро кушода, дар боло дар шифти манзил дудбарои мӯрӣ ба тартиб оварда мешуд. Хулоса, танӯрро як рӯз намақоб мекарданд. Барои он ки нон ба девора часпида нашавад, пеш аз пухтан ба танӯр намақоб пошида мешуд. Дар девори танӯрхона суфрае месозанд, ки дар он барои ҳамин тағораи ҳаминқунӣ, дастархони пӯсти гов барои орд (суфраи орд), остин, ки ҳангоми пухтани нон (остинча) сабад барои ҳамин мемонданд, кулчаҳои ширмол (сабад, тирак, нонпар) (*Расми 2.*) истифода мешуданд, мегузоштанд.

Расми 2. Намуди умумии дохили танӯрхона - оштонхона дар таркиби манзили халқӣ (акс аз муаллиф).

Оштонхона дар аксар мавридҳо ба дигар биноҳои ёрирасон дохил мешуд. Дар анборҳо, танӯрхона ва манзилҳои истиқоматӣ танӯри оштон барои пухтани хӯрок гузошта мешуд. Дар манзилҳои обод ин гуна оташдонҳо аксар вақт алоҳида сохта мешуданд. Дар оштонхона барои пухтани хӯрок ва оби чӯш 2-3 танӯр сохтан мумкин буд.

Бо усули суннатӣ мардуми шаҳр аз навҳои зерини зарфҳои оштона истифода мекарданд: кошуқдон - сабади бофта барои кошуқи филизӣ ё кошуқи чӯбин; кафгир - аз тунука сохташуда; кафлези чӯбин; чаззабардорак - барои равған аз симбоф; чӯби ошдамкунӣ - чӯб барои оши палав; йолоғу - як табақи мис; ўғур ва ўғурдаста; хурмача - деги гилин барои чурғот, шир ва равған; кӯзаҳои гилӣ барои об ва амсоли онҳо, ки дар таълифи Н. О. Турсунов зикр карда шудааст [15].

Ҳезумро дар манзили махсуси ҳезумхона (ҷойи ҳезум) нигоҳ медоштанд. Аксар вақт ин ҳучраро дар баробари молхона сохта, «*бостурма*» мегуфтанд. Баъзан дар болои боми иншооти дарвозаи дарвозахона ҳезум мепӯшонданд. Дар оташдон сафедор, зардолу, буттаҳои шивоқ ва ғӯзапоя (ғӯзапай) истифода мешуданд. Намудҳои зерини ҳезум омода мешуданд: навда - шоҳаҳои аз барг тозашуда; ғӯзапай - ғӯзапоя; қаллоқ- танай дарахт бо шоҳаҳои буридашуда; кундаҳо. Ба сифати сӯзишворӣ поруи чорво - тапак (чалма) низ истифода мешуд. Поруро дар деворҳо қолиб мерехтанд ва ҳамин тавр хушк мешуданд. Саргини хушкро барои нонпазӣ ва об чӯшонидан, инчунин барои гарм кардани манзил истифода мебарданд. Ин усул то имрӯз миёни аҳолии деҳот амал мекунад. Аз солҳои 30-40-уми асри ХХ ангишт маъмул гардид ва дар манзилгоҳ бинои нави ангишт - кӯмурхона пайдо шуд.

Дар қисми берунии ҳавлӣ барои нигоҳдории чорво якҷанд намуди биноҳо, аз ҷумла барои чорво, барои маркаб ва гову ғӯсола (оғил), ғӯсфандхона, ҳучраи аспҳо - ё аспхона (саисхона) сохта мешуд.

Одатан майдони саисхона ба андозаи калон - аз 10x5 м то 20x30 м мерасид. Аксар вақт чунин биноҳои калон барои аспҳо дар маҳалҳои наздишаҳрии сарой сохта мешуданд. Унсуре муҳимми саисхона ғизодиханда - охур буд. Хӯроки аспҳо

аксар вақт дар ҳучраҳои ошонаи дуҷуми болои нигоҳ дошта мешуд. Барои лавозимоти асп дар болори шифт овезаҳои махсус гузошта мешуданд. Дар назди саисхона инчунин сарой барои ароба сохта мешуд. Саисхонаро аксар вақт дар назди иншооти даромадгоҳ месохтанд, то меҳмонон аспи худро баста тавонанд. Ҳамин тавр, комплекси хочағӣ дар манзили суннати тоҷикони Хучанд мавқеи муҳимро ишғол намуда, ҳаматарафа рушду инкишоф ёфт.

Хусусиятҳои маҷмуи хочағиро дар манзили суннати тоҷикони дигар минтақаҳои Шимоли Тоҷикистон дида мебароем ва аз дигар халқҳои Осиёи Миёна мисолҳо меорем.

Дар манзили суннати Қистакӯз (ҳозира Хистеварз) анбор ҳам мисли Хучанд «қазнок» ном дошт ва асосан барои нигоҳдории ғалла таъин шуда буд. Сандук дар анбор – зарфҳои аз гил дар шакли қуттиҳои чуқури кушода дар платформае, ки аз сутунҳои ғафс, ки дар рӯйи хоки рахнашуда ё сангҳои калон гузошта шуда буданд, ҷойгир мешуданд. Анбори хӯроки манзили Қистакӯз низ дар айвон нигоҳ дошта мешуд. Дар ин ҷо як қуттии калон бо сарпӯш (сандук) барои ғалла гузошта шуда буд, ки дар охири асри XIX сандуқи гилии кӯҳнаро иваз кард. Сандуқҳои хурдтар барои нигоҳ доштани меваҳои хушк истифода мешуданд [16].

Маълумоти этнографии манзили охири асри XIX – ибтидои асри XX инчунин хусусиятҳои зерини манзили тоҷиконро ошкор кардааст:

1. Вобастагии қисмҳои сохти манзил аз релефи маҳал, шароити иқлим, дараҷаи маданияти манзил, вазъи иҷтимоӣ, касбу ҳунар ва манфиатҳои соҳиби манзил. Дар байни хусусиятҳои сохти истиқомати тоҷикони кӯҳистон ва пастрӯҳ тафовути шадид мавҷуд аст. Дар ҷанбаи таърихӣ тарҳрезии манзил дар аввал аз омилҳои иҷтимоӣ вобаста буд. Тарҳбандии иморат ба тақсимоли ҳучраҳо аз рӯйи вазифаҳои муайяни утилитарӣ асос ёфтааст.

2. Манзилҳо на танҳо мақсадҳои функционалӣ, балки мақсадҳои эстетикӣ, фарҳангӣ ва маънавӣ низ доштанд.

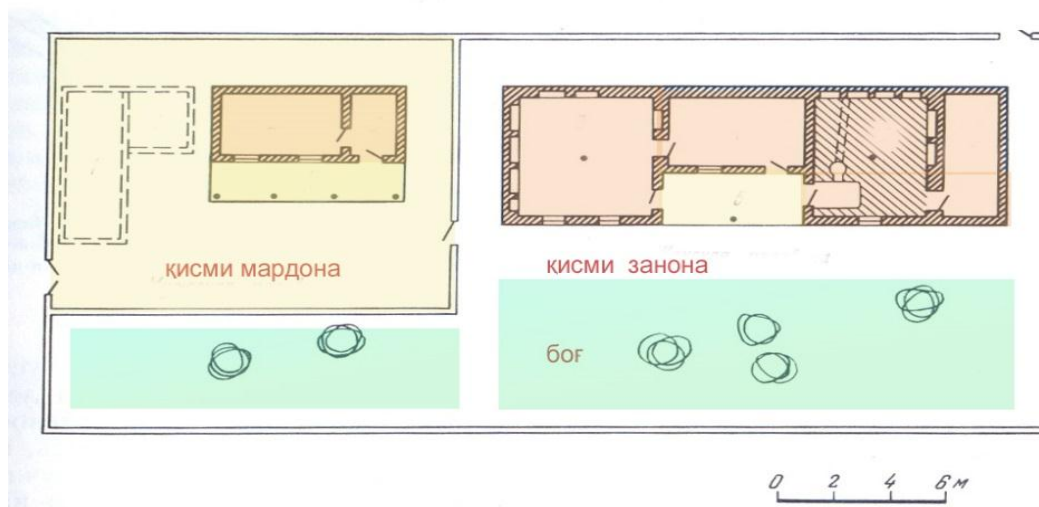
3. Айвонҳо ва меҳмонхонаҳо дар манзилҳои суннатӣ аҳаммияти махсус пайдо мекунанд.

Дар асрҳои XIX – XX, ки онҳо унсурҳои ҷудонашавандаи ҳавлӣ мебошанд, айвон, аслан бинои истиқоматӣ, дар асрҳои XIX - XX аз сабаби мувофиқ ва ба шароити иқлими Осиёи Миёна мутобиқ буданаш хусусияти универсалӣ пайдо мекунад. Дар манзилгоҳ ба ғайр аз меҳмонхона, дигар ҷойҳои қабули меҳмонҳо ҳамчун манзили махсус барои меҳмонон ташкил карда мешуданд, ки ин боиси обод шудани қисми пеши ҳавлӣ гардид.

4. Унсурҳои муҳим дар манзили суннати тоҷикон воситаи ҳифзи аз қуваҳои бад ва сеҳру ҷоду низ пиндошта мешуд.

Омӯзиши таърихи манзили суннати тоҷикон, ки дар заминаи ёдгориҳои хаттӣ сурат гирифтааст, аз рӯйи маълумоти археологӣ ва этнографӣ имкон дод, ки марҳалаҳои асосии таърих ба таври кофӣ мукаммал барқарор карда шаванд. Шакли маълумот дар намудҳои гуногуни манбаъҳо эътимоднокии маводи воқеиро нишон медиҳад. Маводи хаттӣ, археологӣ ва этнографӣ, инчунин ёдгориҳои санъати тасвирӣ, ки якдигарро пурра мекунанд, имкон доданд, ки генезис ва таҳаввулоти фарҳанги манзилсозии тоҷикон ва ҷузъҳои сохтори он мушоҳида карда шавад. Маълумоти бостоншиносӣ далелҳо, маълумот аз «Авесто», ёдгориҳои адабиёти классикии форсу тоҷик, фарҳангҳои тафсирии қадим ва дигар маъхазҳои хаттӣ ашёи фарҳанги моддиро дар мисоли манзил зинда намуда, онҳоро бо моҳияти иҷтимоӣ ва маънавии инсон мепайвандад.

Сарвати беназири истилоҳоти марбут ба бахши манзил далели чустучӯи доимии ободонии хонавода, таҳаввулоти пайвастаи он мебошад. Таърихи истиқоматгоҳи тоҷикон ва аҷдодони онҳо таърихи инкишофи ҷомеа, тафрикаи иҷтимоии онро, ки торафт мураккаб мегардид, инъикос менамояд. Ҳавлии анъанавии халқи тоҷик дар асрҳои XIX ва ибтидои XX асосан аз ду қисм мардона ва занона (расми 3) таркиб ёфтааст.

Расми 3. Сохтори манзили дутаркибаи халқӣ дар тарҳи ҳавлӣ дар асри XIX.

Фарҳанги манзил аз ҷиҳати таърихи моддии инкишофи ҷаҳонбинии одамон аз пантеизми зардуштӣ то қонунҳои шариати Ислом мебошад.

Сарчашмаҳои этнографӣ манзараи мукамал ва муфассали рушди манзили суннатии тоҷикон дар замони муосирро фароҳам овардаанд, ки дигаргунӣҳои минтақавии он, инчунин рушди мураккабии ҷанбаи иҷтимоии онро инъикос мекунанд. Тафовутҳои минтақавӣ дар фарҳанги манзилсозии тоҷикон дар охири садаҳои XIX - XX пеш аз ҳама ба тарзи зиндагонии тоҷикони манотиқи ҳамвор, паस्तкӯҳ ва кӯҳӣ вобаста мебошад. Дар байни онҳо вилоятҳои ҳамвор инҳо, пеш аз ҳама, вилоятҳои Фарғона, Хучанд, Суғд, Уструшан ва Хоразм мебошанд.

Фарҳанги суннатии манзилдорӣ тоҷикон ҳамчун ҷузъи муҳимми тамаддуни Осиёи Миёна маҳсули меҳнат ва фаъолияти эҷодии ҷорводорони муқимӣ ва деҳқонони эронӣ-и шарқӣ, ки дар воҳаҳои маданияи водии Аму сукунат кардаанд, Балхоб, Герируд, Мурғоб, Тежен, Кашафрӯд, Сирдарё дар охири ҳазораи охири асри биринҷӣ ва ибтидои ҳазораи I пеш аз милод инкишоф ёфт.

Заминаи ягонаи таърихӣ фарҳангии ташаккули манзили суннатии тоҷикони бостонии Дорои 16 минтақаҳои Дахю-састӣ, аз қабиле Бохтар, Марғиён, Арея, Суғдиён, Хоразм, Нисо, Вркана, Ҳарахватӣ, Ҳайтумант, Ориёна Вейджа боби аввали «Вандидат» - и бузургтарин ёдгории хаттӣ ва фарҳанги «Авесто» дар асрҳои VII-VI пеш аз милод суруда шудааст.

Маълумоти «Авесто» нишон медиҳад, ки аллакай дар миёнаҳои ҳазораи I пеш аз милод қabilaҳои эронӣ-и қадим қори меъморию бинокорию хуб медони-станд. Хонаводаи қabilaҳои эронӣ-и қадим аз оғоз на танҳо мақсади функционалии истиқомат, балки мақсади фарҳангӣ ва маънавӣ низ дошт. Манзили онҳо на танҳо як манзил, балки маъбадест, ки дар он оташи муқаддас месӯхт.

Истиқоматгоҳ тибқи ақидаҳои космологии зардуштӣ инсонро бо кайҳон муттаҳид карда, аз муътақидони демонология чудо ва ҳифз кардааст. Дар «Авесто» мо дар бораи расму оин, эътиқоди марбут ба манзил, масалан, дар бораи парастии ниёгон, оид ба гиромидошти баъзе ҳайвоноту наботот ва ба сифати тӯмор истифода бурдани онҳо маълумоти зиёд дорем.

Хусусиятҳои таҳаввулоти манзили тоҷикон ва ниёгони онҳо аз ҳазораи I пеш аз милод аз асрҳои ибтидоӣ, пешрафта ва охири асрҳои миёна то замони муосир метавон тавассути таҳаввулоти ҳама ҷузъҳои он пайгирӣ кард.

Комплекси хоҷагӣ дар самти аз одитарин биноҳои заминӣ ба ду намуди биноҳои заминӣ ва зеризаминӣ ва баъд ба ободони болохона - ошӯнаи дуҷум инкишоф ёфт. Аз давраи асримиёнагӣ дар маҷмааи истиқоматии бисёрманзила биноҳои ёрирасон мавқеаи асосиро ишғол мекунанд, масалан, манораҳои Донҷон дар мулкҳои мустаҳками феодалони Хоразм аз он шаҳодат медиҳанд. То мавсими нав барои нигоҳ доштани ғалла дастгоҳҳои махсус, бордонҳои алоҳидаи сӯзишворӣ мавҷуданд, усулҳои нигоҳ доштани махсулот такмил меёбанд.

Генезиси инкишофи биноҳо барои парвариши чорво ба қисмати манзили истиқоматӣ, ки барои он чудо карда шудааст, бармегардад. Аммо баъд аз он ҷойи чорводорӣ аз қисмати истиқоматӣ чудо мешавад, аллакай дар асрҳои миёна дар фосилаи муайян аз манзилҳои истиқоматӣ биноҳои махсус сохта мешуданд. Барои чорво навҳои гуногуни биноҳо мисли иншооти заминии кушод ва пӯшида, инчунин зеризаминӣ мавҷуд буданд.

Воситаҳои рӯшноӣ аз сӯроҳҳои дудбаро дар сақф ё деворҳои охири он оғоз меёфтанд. Баъдтар, шакли тирезаҳои тордор таҳия карда шуд ва ҳатто баъдан - тирезаҳои шишабандӣ, навҳои мухталифи лампаҳои истифода мешуданд.

Оташ дар марҳалаи аввали рушд аз рӯйи вазифааш универсалӣ буд: он ҳам ҳамчун воситаи гармкунӣ ва ҳам воситаи пухтупаз хизмат мекард. Дар ибтидои ҳазораи I пеш аз милод ҳучраҳои хеле муддат бо роҳи номақбул гарм карда мешуданд, яъне дар фарши манзили истиқоматӣ оташ меафрӯхтанд. Пас аз он, дар деворҳо ё фарш фонусҳои овезон ҷойгир намуданро оғоз мекунанд. Дар ибтидои асрҳои миёна чудо кардани оташдон аз «тоза» қисми истиқоматии ҳучра ба нақша гирифта шудааст: онро девор карда буданд ё дар назди суфа девори махсус месохтанд. Аз асри XII дар баландии махсус гузоштани оташдон оғоз меёбад. Баъдтар дар девор оташдоне пайдо мешавад, ки дудбаро дорад. Агар дар асри XI ба сифати воситаи гарм кардани он танҳо воситаҳои сайёр вучуд дошт, пас дар маъхазҳои асри XV дар бораи истифодабарии сандалиҳо, ки то асри XX фарогиранда воситаи анъанавии гармкунӣ мегардад. Дар замони муосир дифференсиатсияи функционалии фонусҳо анҷом ёфтааст. Барои нонпазӣ (танӯр), оташдон барои гарм кардан (сандалӣ), оташдон барои пухтани таоми гарм (оштон) вучуд дорад.

Бинобар азхуд намудани биноҳои ёрирасон тамоми маҷмуи (комплекси) истиқоматӣ ва тартиби он тағйир дода мешавад. Ҳатто дар ибтидои ҳазораи I пеш аз милод марзҳои ҳавлӣ нишон дода шудаанд, ки дар онҳо қисмҳои истиқоматӣ ва маишӣ чудо карда мешаванд. Дар давраи асрҳои миёна ташаққули навъи суннатии ҳавлӣ анҷом ёфт, ки ба қисмҳои дарунӣ ва берунӣ тақсим карда мешуд.

Натиҷаҳои тадқиқот имкон дод, ки марҳалаҳои асосии тараққиёти фарҳанги бунёди манзили тоҷикон муайян карда шаванд. Ҳамчун марҳалаи аввал мо давраи антиқаро чудо кардем. Маҷмуаи истиқоматӣ микдори зиёди биноҳоеро дар бар мегирифт, ки дар онҳо як оилаи том, ки аллакай хусусияти муносибатҳои ибтидоии ҷамъиятиро гум карда, ба ҷамъияти синфӣ табдил ёфта буд.

Маданияти Бургулук, ки дар воҳаи Тошканд кашф шудааст (асрҳои IX-VII пеш аз милод - асрҳои VI-III пеш аз милод) бо се намуди манзил ифода ёфтааст:

1) биноҳои сабук мисли кулба;

2) навъи асосӣ - хандақҳои мудаввар ва байзавӣ, то 22 м. м.;

3) хандақҳои калоне, ки дар алоҳидагӣ, ки бо қисматҳои поҳсавӣ ҷудо карда шудаанд ё ду хандақи бо даромадгоҳ пайваст кардашуда [17].

Дар марҳалаи дуҷуми таҳаввулот дар давраи тараққиқардаи антиқа тамоюли тақсимшавии маҷмуаи калони истиқоматӣ мушоҳида мешавад, ки бо парокандашавии минбаъдаи оилаҳои патриархалӣ алоқаманд аст. Мисоли равшани ин шаҳри қадимии дар асри III рушдёфта Тўпроқ-қалъа дар Хоразм мебошад [18].

Дар марҳалаи III дар маҷмуаҳои истиқоматӣ дигаргунии кулӣ ба амал омада буд, ки он бо инкишофи фарҳанги моддию маънавӣ, дигаргуниҳои иҷтимоии ҷамъият ва инкишофи тамаддуни шаҳрии тоҷикон алоқаманд аст. Ташаккул ва алоқамандии қисматҳои таърихии шаҳр – куҳандиз, рабод ва шаҳристон ба таҳаввули фарҳанги манзилсозӣ низ таъсир расонидааст. Хусусияти хоси ин давра, ташаккули манораҳои калон, қалъаҳои мустаҳкам – деҳқонони кушкӣ, савдогарон, рӯҳониёни то давраи феодали мебошанд.

Дар марҳалаи чоруми давраи феодали ба туфайли муътадил гардидани вазъияти ҷамъиятию сиёсӣ, баланд шудани сатҳи умумии ҳаёти иҷтимоию иқтисодӣ ва маданӣ, минбаъд дар фарҳанги бунёди манзил дигаргуниҳои калон ба амал меоянд. Қалъаҳои мустаҳкам ҷойи худро ба манораҳо иваз мекунад, ки симои меъморӣ манзилҳо тағйир ёфта, дохили онҳо ғанӣ мегардад.

Дар давраи охири асрҳои миёна ва замони нав раванди рушди фарҳанги манзилдорӣ идома дорад, ки он бо тақсмоти дақиқи ҳавлӣ, таъиноти функционалии ҳар як ҷузъи истиқоматӣ, мавҷудияти қисмҳои истиқоматӣ ва коммуналӣ, бартарӣ доштани биноҳои истиқоматии ду-се сатҳа ба назар мерасад.

Аз давраи ибтидои асрҳои миёна, расми ташкил кардани баландӣ дар атрофи периметри меҳмонхона - суфа паҳн шудааст. Суфа манзилро бароҳаттар мегардонад, сипас онро барои тақсмоти функционалии манзил ва ҳамчун қисми даромади он истифода мебаранд.

Шароити иқлим ба зарурати сохтани ду қисматаи манзил таъсир расонд: тобистона ва зимистона. Дар асрҳои миёна вариантҳои сершумори қисмҳои тобистона ва зимистонаи маҷмааи истиқоматӣ бо воситаҳои пешрафтаи хунуккунӣ ва гармкунӣ ташаккул ёфтанд.

Истилоҳи «ауона» дар «Авесто» ба маънои «манзили хуб», манзиле, ки дар тарафи офтобии шимолии дар воқеъ аст, низ омадааст. Айвон дар тағйироти сершумори худ дар асрҳои миёна ба ҷузъи ҳатмии манзили тоҷикон табдил ёфта, ба замони муосир расидааст.

Яке аз самтҳои рушди маҷмааи манзил ташаккули сохторҳои мудофиавӣ буд, ки маълумоти қадимтарин дар бораи онҳо дар «Авесто» мавҷуд аст ва зарурати он аз ноустувории вазъи сиёсии дохилии этникӣ, пеш аз ҳама душмании доимии байни эронӣни бодиянишин ва муқимӣ мебошад.

Манзили суннатии тоҷикон ва ниёғони онҳо аслан (он на танҳо аз ҷиҳати манфиати функционалӣ, балки аз ҷиҳати маънавӣ низ муайян карда мешуд. Манзил ҳамеша муқаддас ба ҳисоб мерафт. Риояи расму ойин, ҷониби маросими зиндагӣ дар дохили манзил ва ҷузъҳои алоҳидаи он инъикос ёфтааст. Оташи муқаддаси зардуштиён, манзилҳои даврони исломӣ бо шаҳоматашон, алалхусус, бо ороиши бошукӯху нотақрор - ин ҳама баёнгарии ниёзҳои маънавии соқинони манзил аст. Номҳои «манзил», «даргоҳ», «сарпаноҳ» худ манзилро макони шодиву

ободӣ, ки дари он ба рӯйи ҳама боз аст ва номи «боргоҳ» (яъне маконе, ки пойи рӯҳи ниёгон қадам мегузорад) манзилро бо он мепайвандад ва парастии начибонаи ниёгон, аз ин ҷост, ки муруоти талаботи ахлоқӣ - бо кирдори ношоиста палид накардани манзил нигаронида мешуд.

Хусусиятҳои тарзи ҳаёти оилавӣ, ки аз насл ба насл мегузаранд, меъёрҳои ахлоқии ба он алоқаманд ба тақсмоти ҳучраҳои истиқоматӣ ба қисмҳои занона ва мардона таъсири бевосита расониданд.

Одоби муошират, меҳмоннавозии анъанавӣ дар якҷоягӣ бо расму ойинҳои динӣ шаклҳои махсуси даҳлез, долон ва меҳмонхонаро ба вуҷуд овардааст. Ба масоили эстетикӣ ва бароҳатии меҳмонхона ҳамеша таваҷҷуҳи ҳоса дода мешуд. Маросими пазирой ва истиқболи меҳмонон як навъ ойини арзишманди тоҷикон маҳсуб меёбад.

Табақабандии иҷтимоии чомеа қариб ба ҳама ҷузъҳои маҷмуаи истиқоматӣ, бароҳатӣ ва эстетикӣ онҳо таъсири чашмрас расонид. Хусусиятҳои манзили тоҷикон аз рӯйи ҳунармандӣ, мақоми иҷтимоӣ ва дараҷаи сарватҳои моддӣ соҳибаш фарқ кардани онро дар бар мегиранд. Ҳамаи инро аллакай аз рӯйи ҳавлӣ, даҳлез, остона ва ташкили даромадгоҳ ба манзил муайян кардан мумкин аст.

Ҳамин тариқ, таърихи фарҳанги манзили тоҷикон ва ниёғони онҳо таърихи аз ҷиҳати моддӣ ифодаёфтаи миллӣ, таърихи инкишофи маънавӣ, ахлоқӣ ва иҷтимоии халқ мебошад. Пажӯҳиши ин самт ба ҳифзи анъанаҳои пурғановати таърихӣ меъмории миллӣ дар бунёди муҳити истиқоматии имрӯзу оянда саҳми босазо хоҳад гузошт.

АДАБИЁТ

1. Арандаренко Г.А. Досуги в Туркестане (этнографический очерк). -СПб, 1889. -С. 461-463.
2. Семенов А. Этнографические очерки Зеравшанских гор, Каратегина и Дарваза, - М.: 1903.
3. Рахмонов Э.Ш. Таджики в зеркале истории (на таджикском, русском и английском языках). -Душанбе, 1996. - 80 е.; Он же: Таджики в зеркале истории. Книга первая. От арийцев до Саманидов. - Лондон, 1999 – 238 с.
4. Бартольд В.В. История культурной жизни Туркестана//Соч. т.2, 4.1, ИВЛ - М., 1963. - С. 206-209.
5. Бартольд В.В. Место прикаспийских областей в истории мусульманского мира//Соч. т.2, ч.1, ИВЛ. - М., 1963. -С. 653.
5. Жуковский В.А. Древности Закаспийского края. Развалины старого Мерва. Материалы по археологии России, -№16. -СПб, 1894. -216 с.
6. Ставиский Б.Я. Раскопки жилой башни в кухандизе Пенджикентского владетеля. Сб.: Материалы к исследованию по археологии СССР. -М., 1955. №5. -С. 94-99.
7. Большаков, О.Г., Негматов Н.Н. Раскопки пригорода древнего Пенджикента. Сб. МИА. -1958. -№66. -С. 155-192.
8. Турсунов Н.О. Истаравшан. Душанбе: Ирфон, 1992 - С. 187-194.
9. Худжанд. Энциклопедия. Душанбе, 1999. - С.450,499, 509, 541,774.
10. Воронина В.Л. Черты архитектуры старого Ходжента//Сборник статей, посвященных искусству таджикского народа. Сталинабад: Изд-во АН Таджикской ССР, 1956. -С. 125-144.
11. Воронина В.Л. Народная архитектура Северного Таджикистана. -М.: Госстройиздат, 1953.

12. Мамаджанова С.М., Мукимов Р.С. Зодчество Таджикистана. Душанбе. -Маориф, 1990; Они же: Энциклопедия памятников средневекового зодчества Таджикистана. Душанбе: Мерос, 1999. -С.57-61; Также: Энциклопедия. Худжанд. Душанбе, 1999. -С.301-305.
13. Бартольд В.В. История культурной жизни Туркестана//Соч. т.2, 4.1, ИВЛ - М., 1963. -С. 221-239.
14. Турсунов Н.О. Таърихи тоҷикон. -Хучанд: Меъроҷ, 2002. -С. 126,.
15. Джурабаев Д. Х. Из истории жилищной культуры таджиков: дис.канд. историч. наук: 07.00.02. - Худжанд, 2002. - 208 с.
16. Древнейшее государство Кавказа и Средней Азии. Отв. ред. Тома Г.Л. Кошеленко. - М.: Наука, 1985. -С. 193199.
17. Якубовский А.Ю. Главные вопросы изучения истории развития городов Средней Азии. - ИВЛ. - М., 1963, С.217.

НИГОҶЕ БА ТАЪРИХИ ФАРҶАНГИ МАНЗИЛИ ТОҶИК

Дар ин мақола масъалаи инкишофи манзилҳои истиқоматии халқӣ дар Ҷумҳурии Тоҷикистон, махсусан шаҳрҳои хурду миёнаи минтақаҳои шимолӣ кишвар дар асрҳои XIX - ибтидои XX ба риштаи таҳлил кашида шудааст. Маводи дар мақола овардашуда дар асоси маъхазҳои муътамади таърихӣ сарчашмаҳои илмию тадқиқотии муҳаққиқони хориҷию дохилӣ монанди В.В. Бартольд, В.А. Жуковский, А.А. Семенов, М.С. Андреев, И.И. Зарубин, Н.А. Кисляков, В.Л. Воронина, А.К. Писарчик, Р.С. Мукимов, С.М. Мамадҷонова асоснок карда шудаанд.

Манзили суннатӣ миллии тоҷикон аслан он на танҳо аз ҷиҳати талаботи функсионалӣ, балки аз ҷиҳати маънавӣ низ муайян карда мешуд. Манзил ҳамеша муқаддас ба ҳисоб мерафт. Риояи расму ойин, ҷониби маросими гуногуни зиндагӣ дар дохили манзил ва ҷузъҳои алоҳидаи он инъикос ёфтааст.

Дар баробари ҷанбаҳои меъморӣ сохтмонӣ мақола ба масъалаҳои этнографӣ, бостоншиносӣ, лексикографӣ, ки баъзе нуқтаҳои мақола аз китоби муқаддаси «Авесто» сарчашма мегиранд, тавачҷуҳи махсус дода шудааст. Ҳадафи мақола эҳё ва ҳифзи анъанаҳои волои манзилҳои мардумӣ, истифодаи пурсамари масолеҳи маҳаллӣ дар алоқамандӣ бо омилҳои иқлимӣ табиӣ ва расму анъанаҳои бостонӣ мебошад.

Калидвожаҳо: фарҳанги манзил, анъанаҳои халқӣ, айвон, ҳавлӣ, таърих, бостоншиносӣ, маҳалла, рӯзгوردорӣ.

ВЗГЛЯД НА ИСТОРИЮ КУЛЬТУРЫ ТАДЖИКСКОГО ЖИЛИЩА

В статье анализируется вопрос развития жилищного строительства, особенно в малых и средних городах северных районов в XIX - начале XX веков. Материалы, представленные в статье, основаны на достоверных исторических научных и исследовательских источниках зарубежных и отечественных исследователей, таких как В.В. Бартольд, В. А. Жуковский, А. А. Семенов, М. С. Андреев, И. И. Зарубин, Н. А. Кисляков. В.Л. Воронина А.К. Писарчик, Р.С. Мукимов, С.М. Мамаджонова.

Традиционное национальное жилище таджикского народа определялось не только с точки зрения функциональных требований, но и с точки зрения духовности. Жилище всегда считалось священным. Соблюдение обрядов, различные стороны бытовых обрядов нашли отражение в жилище и его отдельных составляющих.

Наряду с архитектурно - строительными аспектами в статье особое внимание уделено этнографическим, археологическим, лексикографическим вопросам. Некоторые положения статьи берут свое начало из священной книги «Авеста». Цель статьи возродить и сохранить высокие традиции народного жилища, эффективное использование местных материалов в связи с климатическими и природными факторами и древними обычаями и традициями.

Ключевые слова: жилищная культура, народные традиции, айван, двор, история, археология, махалля, быт.

————— МУАРРИХ – ИСТОРИК – HISTORIAN —————
A LOOK AT THE CULTURAL HISTORY OF TAJIK HOUSING

The article analyzes the development of public housing construction in the Republic of Tajikistan, especially in small and medium-sized cities in the northern regions of the country in the XIX-th and early XX-th centuries. The materials presented in the article are based on reliable historical sources of scientific and research sources of foreign and domestic researchers, such as V.V. Bartold, V.A. Zhukovsky, A.A. Semenov, M.S. Andreev, I. I. Zarubin, N. A. Kislyakov. V.L. Voronina A.K. Pisarchik, R.S. Mukimov, S.M. Mamadjonov were acquitted.

The traditional national residence of the Tajik people was determined not only from the point of view of functional requirements, but also from the point of view of spirituality. The dwelling has always been considered sacred

Along with the architectural and construction aspects, the article pays special attention to ethnographic, archaeological, lexicographic issues, some provisions of the article originate from the holy book «Avesta». The purpose of the article is to revive and preserve the high traditions of folk housing, the effective use of local materials in connection with climatic and natural factors and ancient customs and traditions.

Key words: *housing culture, folk traditions, aivan, courtyard, history, archeology, mahalla, way of life.*

Маълумот дар бораи муаллиф: Зокиров Раҳимҷон Шарифович – омӯзгори Донишқадаи политехникии Донишгоҳи техникии Тоҷикистон ба номи академик М.С. Осимӣ дар шаҳри Хучанд. Телефон: (+992) 92-807-67-66 E-mail: zokirov_1974_rahimjon@mail.ru

Information about the avtor: Zokirov Rahimjon Sharifovich-Lecturer of the Tajik Polytechnic Institute at the M.S.Osimi TTU, Khujand, Republic of Tajikistan. Phone: (+992) 92-807-67-66. E-mail: zokirov_1974_rahimjon@mail.ru

УДК 739 : 391.7 : 39 : 291.2

ОБРАЗ КОНЯ В ЮВЕЛИРНЫХ УКРАШЕНИЯХ ПРЕДКОВ ТАДЖИКОВ¹

КАЛАНДАРОВА О. И.,

Институт истории, археологии и этнографии им. А. Дониша НАНТ

В результате исследования археологических памятников Таджикистана собрана коллекция ювелирных украшений с изображением коня. В мировоззрении наших предков важное место предоставлялось животным и их образам. Не исключено что, одним из самых известных среди них был конь. Образ коня имел большое значение в хозяйственно-бытовой и духовной жизни древних таджиков. В духовном сознании наших предков его образ наделялся широким семантическим полем.

Символ коня в ювелирном искусстве наших предков встречается часто. Этот образ был характерен для нашего региона. Культ коня встречается на перстнях-печатях, подвесках и бляшках. Анализ образа коня на ювелирных украшениях позволил нам выявить следующие иконографические воплощения: конь с опущенной головой, голова коня, фигурка «летающего коня», фигурка коня. Конь в ювелирном искусстве изображался в анфас и профиль, фрагментарно и полностью.

Известным символическим образом на ювелирных украшениях было профильное изображение стоящего коня с опущенной головой. Так, в могильнике Туп-хона (I-III вв.) был обнаружен бронзовый перстень с овальным щитком. На щитке гнезда изображен конь с опущенной головой (рис.1) [19,56]. Фигурка трактована схематично. Некоторое сходство с предоставленным изображением коня можно отметить на перстне-печати из поселения Тепай-шах.

Кроме перстней-печатей с изображением коня в ювелирный комплект входили нашивные бляшки. Одна из золотых бляшек в составе коллекции Музея древностей Таджикистана представляет собой коня в скифо-сибирском «зверином стиле» (рис.2) [8,234], которая обнаружена в Бешкентском могильнике IV (V в.). Конь передан с подогнутыми лапами и повернутой назад головой. Ухо и копыта коня переданы одинаково – круглое углубление с выходящим из него треугольным углублением. На лопатке и бедре есть круглые углубления. На бляшке проделаны четыре круглых отверстия.

Другая бронзовая бляшка из могильника Туп-хона передает фигуру крылатого коня [18,78]. По кругу украшения в стремительном беге один за другим мчатся два одинаковых коня (рис.3). Кони с длинной «лебединой» шеей, небольшой головкой, выпуклыми глазами, развивающимся хохолком. Поза их динамична. Аналогичный мотив «летающего коня» прослеживается на перстне-печати из Тулхарского могильника (II-I вв. до н.э.).

Подвески-амулеты с изображением головы коня частый персонаж в ювелирных украшениях наших предков. Это, в частности, подвеска из белого известняка с изображением головы коня, которая обнаружена в мужском погребении Тулхар-

¹ Статья написана в рамках проекта «Археология Таджикистана» (от каменного века до позднего средневековья), государственный регистрационный номер РБО 121ТГ1212.

ского могильника (рис.4) [20,123]. Детали показаны весьма условно: глаза – вытянутыми выпуклостями, ноздри и рот – парами неглубоких коротких выемок. Над глазами размещены три вытянутых утолщения, видимо изображающих челку. Подвеска снабжена отверстием.

В числе артефактов из поселения Тепаи-шах имеется стилизованное изображение головки коня на костяной заколке-шпильке (рис.5). Фигурка рельефная, отделена от стержня уступом и желобками, навершие в виде косых и горизонтальных желобков [19,345]. Аналогичные костяные заколки-шпильки обнаружены на кушанском памятнике Зартеппа (Южный Узбекистан) [12,57].

Обожествление конского черепа, в котором был олицетворен могущественный дух, играл важную роль в древних обрядах различных народов. Магические способности «голова кобылы» показаны в восточнославянских сказках [22,432]. Особенность «голова кобылы» ассоциируется с персонажем хранительницы входа в царствие мертвых.

Отпечатки поклонения индоевропейскими народами конской головы представлены в архаической римской обрядовой практике, в римских легендах, греческих «трапезах мертвых» и в аварском погребальном обряде [13,79]. Это подтверждает о том, что культ коня вышел из среды индоевропейцев.

Еще одно ювелирное изделие с изображением фигурки коня было обнаружено на городище древнего Пенджикента (рис.5) [27,116]. Бронзовая подвеска в виде фигурки коня, грива и хвост показаны насечками. Подвеска снабжена петелькой для подвешивания. Аналогичные подвески встречаются на Дальверзин-тепа [25,181].

Таким образом, при анализе ювелирных украшений с изображением коня прослеживается непрерывная линия развития. Изделия со временем становятся разнообразней, но их сюжеты и композиционные воплощения в основном преемственно связаны с сюжетами и композициями предшествующего времени. Позднее в композиции добавляется изображение птиц, кабана, всадника.

В Бактрии - Тохаристане и Согде конь был не просто животным для верховой езды, он являлся объектом почитания, одной из ипостасей местного божества. Согласно хронике Бейши, правители восседали на троне в виде золотого коня [3,567]. Сообщение находит доказательство в настенной живописи замка афшинов в Уструшане, где правитель царствует на зооморфном троне в виде спаренных коней [21,64].

Конь преимущество доминирующих слоев населения Бактрии-Тохаристана и Согды, был символом власти и привилегий. И.В. Пьянков подтверждал на культурную связь коня с представителями царской власти в ахеменидской Персии [24,76]. Интересен рассказ Геродота о роли коня в процессе избрания царем Дария. Претенденты на царский престол после подавления восстания Лжегварди решили передать царскую корону тому, чей конь по утрам заржет первым (Геродот, III. 85-88).

В раннесредневековых хрониках сообщается, что правитель Бохани (Фергана) и Босы (Хорасан) восседал на престоле, изображенном в виде коня, что указывает на тот факт, что конь имел особое значение в обожествлении традиций родословной царского дома.

Широко распространено использование в качестве приставки конь – «асп» явилось окончания топонимических и личных имен древней Средней Азии. С.П. Толстов заметил, что еще Страбон отмечал древнее название Хатлона как Аспиен – центр коневодства, а столица Бактрии называлась Зариаспа, что означает Златоконная. По легенде, в этой области в источнике или на вершине горы жил

небесный скакун. Рожденные от него жеребята словно «летали между небом и землей». Ученый также пишет, что бактрийские цари имели «конские» имена Виштаспа, Арджаспа, а по преданиям – небесные фантастические кони наделяли царя сверхъестественной плодовитостью и давали ему бессмертие [23,152].

Изначально культ коня сформировался у приручивших его индоевропейских племен в конце IV тыс. до н.э. Под влиянием индоевропейцев коневодство и поклонение коню охватило юг Средней Азии, Индию и Китай [30,345].

По археологическим данным четко прослеживается, что в древности к этому животному относились с особым почтением. Жертвенные и символические захоронения конских голов (черепов) и костей зафиксированы в могильнике эпохи бронзы Шайнак (Западный Памир) [5,108], кости лошадей были также обнаружены в храме Окса из городища Тахти - Сангин [9,111].

Следовательно, погребения с конем являются отголоском древнейшей тотемической идеологии. Следы определенных тотемических представлений, связанных с конем, обнаруживаются в фольклоре и этнографии таджиков. Параллельно с тотемической теорией выдвигается так называемая хтоническая теория, согласно которой конь в погребальном ритуале, а также на многих памятниках изобразительного искусства, воплощал божество подземного царства, потустороннего мира. Отголоском аналогичных хтонических представлений о коне следует признать до сих пор существующее название похоронных носилок у таджиков – «деревянный конь» («аспи – чўбӣ») [26,124]. Такой же обычай известен в Каракалпакии [15,167].

В древности у осетин существовал обряд: «Коня заранее наряжали к обеду. Его седлали, навешивали на него башлык, бурку, в гриву вплетали красную и синюю ленты. Затем у лошади отрезали ухо. Этот ритуал объясняется тем, что родственники хотели угодить душе покойника» [16,147].

Хтонические божества трактовались не обязательно как образы подземного мира, связанные с умершим. В них видели божества, от которых зависело благополучие оставшихся живых. Именно в этом смысле следует интерпретировать описываемый обычай изготовления из теста животных, в том числе и лошади, а затем их поедание записан М.С. Андреевым на Памире [12,122].

Значительную функцию осуществлял конь и в культуре бога умирающей и воскресающей природы. В Средней Азии его почитали под именем Сиявуш, основателя Хорезмийской династии, культ которого распространен в Хорезме, Мавераннахре, Бухаре. Связь Сиявуша с конем отражена в его имени – оно происходит от авестийского Съяваршана («черный жеребец») [11,42]. Постоянный хтонический атрибут божества Сиявуша – Шабранги Бехзод (черный конь Бехзода), который сопровождает его везде.

Повышенное внимание к коню не является случайным. Оно свидетельствует о значении коня в жизни древних народов Средней Азии, в частности в зороастрийской религии, где конь имеет отношение к главным богам авестийского пантеона. К примеру, одним из олицетворений Вэртрагны является белый конь, над чьей головой вздымались «Мощь и сила» («Яшт» 14. 9). «Авеста» подтверждает также и о том, что богиня плодородия Ардвисура-Анахита пребывает в колеснице, впряженная четырьмя белыми жеребцами («Яшт» 5. 11, 12). В источнике есть строки, содержащие важную информацию:

«И четырех ей (Анахите) создал
Ахура жеребцов,

Те кони – Дождь, и Ветер,
И Облако, и Град.
Они ей постоянно
Льют влагу, О Спитама,
Поят её росую,
Числом неисчислимым
Ей сыплют снег и град» («Яшт» 5.120)

Ассоциация жеребцов с дождем, ветром, облаком и градом указывает на прямую связь коня с культом плодородия.

Верховное божество Митра располагает «быстрыми», «яростными», «четырьмя белыми конями» («Яшт» 10. 12,47,52,76,102,125,132,136,143), которые впряжены в колесницу. И на колеснице этой Митра проносится над Хваниратой («Яшт» 10. 67). Бог Тиштрия, правящий дождем и всеми водами мчится на белом коне с золотой уздой («Яшт» 8. 20, 26). Таким образом, конь у древних иранцев связан с силами природы, контролируемые Ардвисурой - Анахитой – богиней плодородия, Митрой – солнечным божеством, Вэртагнай – богом ветра и Тиштрией – богом дождя, от которых зависит земледельческий цикл.

Следует отметить, что все индоевропейцы практиковали жертвоприношение коня. Страбон отмечает, что в ахеменидском Иране кони фигурировали в заупокойном культе царей (Страбон XV.37), Арриан сообщал, что духу покойного царя Кира у его гробницы маги ежемесячно приносили в жертву коня («Арриан» VI. 29 7»). Жертвоприношение коня сопровождалось также погребением знати у ведических ариев. Текст гимна на погребение коня в «Ригведе» (X, 56) перекликается с речью бахфалдисого просветителя коня в погребение у осетин [7,18].

Вместе с тем, конь у индоиранцев – это животное, связанное с солнцем и наделенное сверхъестественными силами, способностью воплощать бессмертие царя. Это проявляется в индийском обряде жертвоприношения белого коня «ашвамедхе». Обряд «Ашвамедхе» приурочен к солярному календарю, и воспринимается как смерть и возрождение царя, которому принесен в жертву конь, и тем самым провозглашая бессмертие. Только после этой церемонии царь получал полноту царской власти [14,470]. Конь в этом обряде являлся не столько средством передвижения для достижения обители предков, сколько символом бессмертия царя.

Конь в ритуале жертвоприношения использовался и древними иранцами. В «Авесте» не раз отмечается о жертвоприношениях жеребца, коров и овец богине плодородия Ардвисуре (5. 21, 25, 29, 33, 37, 41, 45, 49, 57, 68, 81, 108, 112,116). Ахура-Мазде в жертву подносят десять кобыл с жеребцом и верблюдом («Ясна» 44.18). Жертвоприношения животными, в том числе лошадьми, зафиксированы в археологических памятниках [5,237, 9,109].

С культом коня и колесницей у древнего населения Средней Азии был связан сложный комплекс мифологических представлений и прежде всего с культом огня. М.С. Артамонов приводит интересные сведения, зафиксированные в китайских летописях VIII в., где описывается храм в Кобадиане (Южный Таджикистан), где находились малые и большие алтари огня и небольшой бронзовый конь. Жители полагали, что он спустился с неба. Вздрыбленный конь показан в состоянии движения с поднятыми передними ногами, как бы устремленным к богу. По преданию, в день нового года конь золотистой масти появлялся из реки и приближался к бронзовому. Когда последний отзывался на его ржание, он возвращался снова в воду.

Когда прибыли к этому святилищу, чтобы его устранить то внезапно оттуда вырвался огонь, который сжег прибывших воинов [1,68].

В мифологии и этнографии населения Хорезма популярно представление о связи коня с водоемами. С.П. Снесарев приводит ряд этнографических сведений о связи коня с водной стихией [28,122].

Представление о дуализме в природе олицетворялось в Средней Азии с образом белой и черной лошади (светом и тьмой, дня и ночи). В «Авесте» в образе белого коня предстает сверкающий Тиштрия, он вступает в бой с черной лошадью, пугающей олицетворяющей дева Апаошу («Яшт» 20-32).

В «Шахнаме» Фирдауси черная и белая лошадь воплощают бег времени:

«Еще про двух расскажу я коней
 Что мчались стремительных молний быстрей
 Пронесятся белый, сверкнув как хрусталь
 И черный за ней устремляется в даль
 Так время течет, строго меру храня
 То смена извечная ночи и дня
 Бегут, так от своры охотничьей дичь
 Им в беге друг друга вовек не настичь» [29,231].

Заметим, что у народов Средней Азии существуют суеверия и предания, связанные с лошадью. Например, если беременная женщина употребляет конину, то ее беременность длится ровно столько, как у лошади, и если муж беременной женщины употребляет конину, то беременность также становится долгой. Чтобы предотвратить такую беременность, женщина должна съесть семь зерен овса.

Таким образом, изложенный материал позволяет сделать вывод о том, что в религиозно-мифологической системе предков таджиков конь был атрибутом инкарнации и жертвенным животным не только солярных, но и многих других богов авестийского пантеона. Это общие евразийские черты поклонения коню, присущие всем скотоводам и земледельцам. Они присутствовали и у населения древнего Таджикистана.

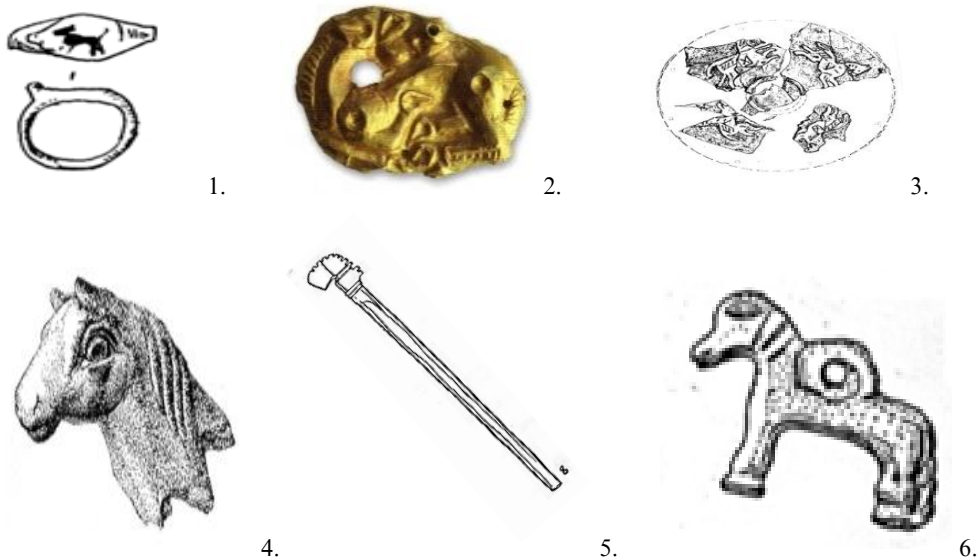

Рис. 1-3. Могильник Туп-хона (I-III вв.), 2. Бешкентский могильник IV (V в.), 4. Тулхарский могильник (II в. до н.э. – I в. н.э.), 5. поселение Тепшай шах (I-III вв.), 6. городище древнего Пенджикента (V-VI вв.).

1. Артамонов М.С. Скифо-сибирское искусство звериного стиля (основные этапы и направления)/М.С. Артамонов//Проблемы скифской археологии. – М.: Наука, 1971. – С. 67-78.
2. Андреев М.С. Таджики долины Хуф (верховья Аму-Дарьи). Монография / М.С. Андреев. – Сталинабад: Изд-во АН ТаджССР, 1953. – Вып.1. – 247 с. – (Труды ИИАЭ. Т.7: Материалы к изучению культуры и быта таджиков).
3. Бичурин Н.Я. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. Монография/Н.Я. Бичурин. – М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1950. – Т.1. – 327 с.
4. Беленицкий А.М. Монументальное искусство Пенджикента: Живопись, скульптура. Монография/А.М. Беленицкий. – М.: Искусство, 1973. – 68 с. – («Памятники древнего искусства»).
5. Бубнова М.А. Археологическая карта Западного Памира (памятники каменного века – XX в.). Монография/М.А. Бубнова. – Душанбе, 2007. – 234 с.
6. Бубнова М.А. Памятники в долинах рек Большой Марджанай и Южный Карадимура (полевые исследования 1986 г.)/М.А. Бубнова//АРТ. – Душанбе: ООО «Poly Com», 2004. -Вып. ХХІХ. -С. 235-257.
7. Гатиев Б. Суевия и предрассудки у осетин/Б. Гатиев//Сборник сведений о кавказских горцах. – Тифлис, 1876. – Вып. 9. – С. 14-19.
8. Древности Таджикистана. Каталог выставки/Отв. ред. Е.В. Зеймаль. – Душанбе: Дониш, 1985. – 344 с.
9. Дружинина А. Отчет о раскопках на площади храма Окса на городище Тахтисангин в 2007 г. Продолжение работ в раскопах Храм №17 и №18/А. Дружинина, Т. Худжагелдиев//АРТ. – Душанбе, 2009. – Вып. XXXIII. – С.107-137.
10. Дружинина, А.П., Худжагелдиев Т.У. Отчет о раскопках на площади храма Окса на городище Тахтисангин в 2007 г. Продолжение работ в раскопах Храма №17 и №18// АРТ. – 2008. – Вып. XXXIII. – С.109.
11. Дьяконов М.М. Образ Сиявуша в среднеазиатской мифологии/М.М. Дьяконов// КСИИМК. – 1959. – Вып.40. – С.34-53.
12. Завьялов В.И. Сосуды на зооморфных подставках из поселений кушанской Бактрии/ В.И. Завьялов, А. Абдуллаев//СА. – 1985. – №1. – С. 52-59.
13. Иванов В.И. Ритуальное сожжение конского черепа и колеса в Полесье и его индоевропейские параллели/В.И. Иванов//Славянский и балканский фольклор. Реконструкция древней славянской культуры: источники и методы. – М.: Наука, 1989. – С. 79-87.
14. Иванов В.В. Змей//Мифы народов мира. – М.: Наука, 1991. – Т. 1. – С. 468-471.
15. Иванов С.В. Скульптура народов Сибири XIX-XX вв. Монография/С.В. Иванов. – Л.: Изд-во АН СССР, 1970. – 361 с.
16. Калоев Б.А. Материальная культура и прикладное искусство осетин. Монография/ Б.А. Калоев, – М.: Наука, 1970. – 133 с.
17. Киселев С.В. Древняя история Южной Сибири/С.В. Киселев//МИА. 1949. – №9. – С.364 с.
18. Литвинский Б.А. Теппаи-шах: Культура и связи кушанской Бактрии. Монография/ Б.А. Литвинский, А.В. Седов. – М.: Наука: ГРВЛ, 1983. – 240 с.
19. Мандельштам А.М. Кочевники на пути в Индию/А.М. Мандельштам//МИА. – М.-Л.: Наука, 1966. – Вып. 136. – 545 с. – (Тр. ТАЭ Ин-та археологии АН СССР и Ин-та истории им. А.Дониша АН ТаджССР, т.V).
20. Мирбабаев, А.К. Культ лошади в «Шахнаме» и в погребальном ритуале у древних иранцев/А.К. Мирбабаев//Фирдауси величайшее художественное творение в истории мировой цивилизации. – Душанбе - Тегеран, 1994. – С. 63-64.
21. Народные русские сказки А.Н. Афанасьева в 3 т. – М., 1984. – Т. 1. – 432 с.
22. Неразик Е.Е., Рапопорт Ю.А. Городище Топрак - кала//ТХАЭЭ (1965-1975 гг.). - Т.12.-С.152.
23. Пьянков И.В. Образование державы Ахеменидов по данным античных источников. История иранского государства и культуры/И.В. Пьянков М.: Наука, 1974. – С. 73-81.
24. Пугаченкова Г.А. Искусство Бактрии эпохи Кушан. Монография/Г.А. Пугаченкова – М.: Искусство, 1979. – 181 с.
25. Писарчик А.К. Смерть, похороны. Таджики Каратегина и Дарваза/А.К. Писарчик – Душанбе: Дониш, 1976. – Вып. 3. – 135 с.
26. Распопова В.И. Металлические изделия раннесредневекового Согда/В.И. Распопова. – Л.: Наука, 1980. – 139 с.
27. Снесарев Г.П. Реликты домусльманских верований и обрядов у узбеков Хорезма. Монография/Г.П. Снесарев – Л.: Наука, 1969. – 345 с.

28. Фирдауси А. Шахнаме. Т. II: От сказания о Ростеме и Сохрабе до сказания о Ростеме и хакане Чина/А. Фирдауси. Пер. с фарси Ц.Б. Бану-Лахути; под ред. А. Азера; коммент. А.А. Старикова; отв. ред. А. А. Стариков. – М.: Изд-во АН СССР, 1960. – 643 с.

29. Якубов Ю. Давлати Каёниён. Монография/Ю. Якубов. – Душанбе: «ЭР-граф», 2012. – 544 с.

ОБРАЗ КОНЯ В ЮВЕЛИРНЫХ УКРАШЕНИЯХ ПРЕДКОВ ТАДЖИКОВ

Цель данного исследования – проследить образ коня на ювелирных украшениях наших предков. Автор рассматривает символику коня присущую этому образу в Бактрии - Тохаристане и Согде. Образ коня имел большое значение в хозяйственно-бытовой и духовной жизни древних таджиков. В духовном сознании наших предков его образ наделялся широким семантическим полем.

Анализ образа коня на ювелирных украшениях позволил нам выявить следующие иконографические воплощения: конь с опущенной головой, голова коня, фигурка «летающего коня», фигурка коня. Изложенный материал позволяет сделать вывод о том, что в религиозно-мифологической системе предков таджиков конь был атрибутом инкарнации и жертвенным животным не только солярных, но и многих других богов авестийского пантеона.

Ключевые слова: конь, ювелирные украшения, семантика, Бактрия-Тохаристан, Согд, Митра, археологические памятники.

ТАСВИРИ АСП ДАР ЧАВОҲИРОТИ ОРОИШИИ АЧДОДИ ТОЧИКОН

Ҳадаф аз ин пажӯиш пайгирии тасвири асп бар рӯи чавохироти ачдоди мост. Муаллиф рамзи аспро, ки дар тасвири он нухуфта аст, дар Бохтару Тахористон ва Суғд мавриди таҳқиқ қарор дода аст. Тасвири асп дар зиндагии иқтисодӣ, рӯзмарра ва маънавии тоҷикони аҳди бостон аҳамияти зиёде дошт. Таҳлили тасвири як аспӣ рӯи чавохирот ба мо имкон дод, то таҷассумҳои намодини зеринро шиносӣ намоем: аспе бо сари поин, сари асп, пайкараки «аспи паранда», пайкараки асп. Матолиби ироашуда ба мо ин имконро медиҳад, то натиҷа бигирем, ки дар низоми мазҳабии асотирии ачдоди тоҷикон асп на танҳо сифати таҷассум ва ҳайвони қурбонии худоёни хуршедӣ, балки ҳамчунин бисёре аз худоён пантони авестӣ низ ҳаст.

Калидвожаҳо: асп, чавохирот, маъношиносӣ, Бохтар - Тахористон, Суғд, Митро, ёдгориҳои бостонӣ.

IMAGE OF A HORSE IN JEWELRY ANCESTORS OF TAJIKS

The purpose of this study is to trace the image of a horse on the jewelry of our ancestors. The author examines the symbolism of the horse inherent in this image in Bactria-Tokharistan and Sogd. The image of a horse was of great importance in the economic, everyday and spiritual life of ancient Tajiks. In the spiritual consciousness of our ancestors, his image was endowed with a wide semantic field.

Analysis of the image of a horse on jewelry allowed us to identify the following iconographic incarnations: a horse with a lowered head, a horse's head, a figurine of a «flying horse», a figurine of a horse. The presented material allows us to conclude that in the religious-mythological system of the ancestors the Tajiks, the horse was an attribute of incarnation and a sacrificial animal not only of the solar gods, but also of many other of the Avestan pantheon.

Key words: Horse, jewelry, semantics. Bactria-Tokharistan, Sogd, Mithras, archaeological sites.

Маълумот дар бораи муаллиф: Қаландарова Олиа Искандаровна – номзади илмҳои таърих, ходими калони илмии шуъбаи таърихи қадим, асрҳои миёна ва навини Институти таърих, бостоншиносӣ ва мардумшиносии ба номи А. Дониши Академияи миллии илмҳои Тоҷикистон. **Суроға:** ш. Душанбе, хиёбони Рудақӣ, 33. Тел.: + (992) 93-462-94-21, E-mail: lola-kalandar@bk.ru.

Information about the author: Kalandauova Oliya Iskandarovna – candidate of historical Donish institute of history, archeology and ethnography. Dushanbe, Rudaki street 33. Tel. + (992) 93- 462-94 -21, E-mail: lola-kalandar@bk.ru.

УДК 94 (5) "12" : 94 (575.1) : 327

МУНОСИБАТҲОИ СИЁСИИ ҒУРИЁН БО ХОРАЗМШОҲӢЁН¹

МИРЗОЕВ Ш. Ҷ.,

Институти таърих, бостоншиносӣ ва мардумшиносии ба номи А. Дониш

Давлати Ғуриён дар замони мавҷудияташ бо давлатҳои ҳамсарҳади ҳамзамони худ муносибатҳои сиёсӣ дипломатӣ дошт. Дар замони салтанати Ғиёсуддин, бародараш Шихобуддин ва дигар умарои баъдии Ғур муносибатҳои сиёсии ин давлат бо давлати Хоразмшоҳӣ, хусусан аз замони ба сари қудрат расидани Муҳаммад Хоразмшоҳ, торафт шиддат гирифта, боиси ҷангу лашкаркашиҳои зиёд гардид.

Пас аз вафоти Текеш (1200) ба ҷойи ӯ писараш Алоуддин Муҳаммади Хоразмшоҳ (1200-1200) ба тахт нишаст. Ӯ дар солҳои аввали ҳукмронияш масоили сиёсии дохилии кишварро ба тартиб даровард. Аммо бародарзодааш Ҷиндухон, ки писари Носируддин Маликшоҳ буд, даъвои тоҷу тахт дошт. Рашидуддин Фазлуллоҳи Ҳамадонӣ дар рисолаи худ «Ҷомеъу-т-таворих» оид ба ин масъала менигорад, ки «... писараш Маликшоҳ, ки валиаҳд буд, вафот ёфт. Текеш баъд аз ҷазъи бисёр писари бузургтари ӯ Ҷиндухонро ба Хоразм хонд ва ба ҷойи ӯ Қутбиддин Муҳаммадро валиаҳд кард ва миёни эшон душманӣ то ғояте буд, ки чун ӯ султон шуд, Ҷиндухон бигурехт ва паноҳ ба душманон дод» [13,402].

Ҷиндухон худро ба ҷойи падараш валиаҳд медонист. Атрофиёнаш низ дар ин масъала ӯро ташвиқ мекарданд. Бо ин сабаб ӯ дар замони зинда будани Текеш бар зидди Муҳаммад Хоразмшоҳ бармехест. Пас аз ба тахт нишастани Муҳаммад Хоразмшоҳ Ҷиндухон бино ба аҳбори Рашидуддини Фазлуллоҳ аз тарс ба дарбори Ғиёсуддин паноҳ бурд: «Ва Ҷиндухон ибни Маликшоҳ ибни Хоразмшоҳ аз амми худ султон Алоуддин Муҳаммад хойф буд, ба султон Ғиёсуддин илтиҷо кард ва аз ӯ истионат намуд. Ғиёсуддин ӯро ба нусрат ваъда дода ва султон Алоуддин Чағири туркро ба аморати Марв фиристода буд» [13,403].

Ба маълумоти Атомалики Ҷувайнӣ Ҷиндухон аз қиблаи Ғиёсуддини Ғурӣ дар Марв ва Сарахс ҳукумат мекард. Султон Муҳаммад сипоҳро тахти роҳбарии Чақири туркӣ ба он ҷо фиристод ва Ҷиндухон фирор намуда, модар ва фарзандонаш ба дасти сипоҳи Хоразм афтода, бо фармони Муҳаммад ба назди ӯ бурда шуданд [1,380]. Ҷиндухон ба назди Ғиёсуддин омада, аз ӯ кӯмак хост. Мувофиқи иттилои Ибни Асир Ҷиндухон ба Ғиёсуддин ваъда дод, ки тобеи Ғур шуда, хутба ба номи ӯ хонда мешавад [5,231]. Ғиёсуддини Ғурӣ низ дар навбати худ аҳд кард, ки ба ӯ кӯмак менамояд. Дар ин вақт Муҳаммад Хоразмшоҳ ба Ғиёсуддин расул фиристода, хоҳиш менамояд, ки Ҷиндухонро ба ӯ супорад, аммо Ғиёсуддин ин хоҳиши ӯро қабул накард.

Ҷиндухон бар асоси аҳдаш бо Ғиёсуддин ба ҳокими Толиқон Муҳаммад Ҷӯрабек фармон дод, ки ба ишғоли Марв равад. Муҳаммад Ҷӯрабек, ки ба фармони Ҷиндухон итлоат мекард, ҷониби Марв лашкар кашида, аз амири он Чақир талаб кард, ки дар Марв хутбаи намоз ба номи Ғиёсуддин хонда, сикка ба номи ӯ зарб зада шавад. Чақир на танҳо ба ин розӣ шуд, балки ҳукумати Ғиёсуддинро эътироф кард. Ин ҳолатҳо ба Ғиёсуддин имконият дод, ки Хуросонро ба зудӣ тасарруф намояд [9,94].

¹ Мақола дар асоси лоаҳаи «Таърихи халқи тоҷик» (асри III - аввали асри XX), рақами қайди давлатӣ 0121TJ1211 навишта шудааст.

Соли 597х.к./1200-1201 Ғиёсуддин бо лашкари гарон ва даҳҳо фили чангӣ ба тарафи Марв ва Толикон ҳаракат кард. Ҳокими Марв Чақир ба Ғиёсуддин ваъда-хилофӣ намуда, ҳамроҳи мардуми шаҳр бар зидди ӯ муқовимат нишон дод. Ғиёсуддин, ки даҳҳо фили чангиро бо худ бурда буд, мардум аз дидани онҳо ба воҳима афтада, аз ӯ амон талаб карданд [9,94]. Ғиёсуддин Чақир ва тамоми мардуми шаҳрро амон дод ва дар натиҷа мардум ҳокимияти ӯро эътироф намуданд. Ғиёсуддин Чақирро ба Ҳирот фиристода, идораи шаҳрро ба Ҳиндухон супорид ва аз ӯ хост бо мардум меҳрубонӣ ва некӣ кунад.

Ғуриён Сараҳс ва Абевардро низ тасхир карда, онро ҳамчун иқтоъ ба амакбачаи Ғиёсуддин амир Зангӣ ибни Масъуд доданд.

Сипас, лашкари Ғиёсуддин ба ҷониби Тус ҳаракат намуд. Мардуми шаҳр муддати се рӯз бар зидди лашкари Ғуриён муқобилият нишон дода, баъди талофати зиёди ҷонӣ таслим шуданд. Лашкари Ғуриён аз он ҷо ба маркази Хуросон Нишопур рӯ оварда, соли 1201 онро низ тасхир карданд.

Муҳаммад Хоразмшоҳ, ки ҳамеша ба мулкҳои Хуросон чашм дӯхта буд, худро соҳиби аслии он шаҳрҳо дониста, ба воситаи фиристодагони худ аз Ғиёсуддин талаб кард, ки мулки Хуросонро ба ӯ диҳад. Аммо Ғиёсуддин ба ин хоҳиши ӯ розӣ нашуд. Пас аз ишғоли ин шаҳрҳо худуди давлати Ғуриён васеъ гардид, ки соҳти маъмурӣ-худудии он чунин буд: Идоракунии Ғазна, Кобул, Гардез, Нанагарҳор ва худудҳои тасхиршудаи Ҳиндустон бо марказаш шаҳри Ғазна ба амир Шихобуддин тааллуқ дошт. Бомиён, минтақаи Тахористон, Бадахшон ва Балх бо марказаш ба Фаҳриддин ва писарони ӯ итоат мекарданд. Боқимонда тамоми худудҳо, аз ҷумла доманакӯҳи Ғур, Ғарҷистон, водии Ҳирот, Нишопур ва Систон аз тарафи худи Ғиёсуддин идора мегардид [9,96]. Бомиён ва Ғазна ҳарчанд маркази минтақаи алоҳида бошанд ҳам, аммо маркази асосии мамлакат Ғирузкӯҳ маҳсуб меёфт.

Тавре қайд кардем, султони Ғури худуди Хуросонро пайи ҳам тасхир мекарданд [4]. Аз ин муваффақиятҳои Ғуриён Хоразмшоҳиён ба воҳима афтада, дер боз барои ҳамла ба Ғуриён омодагӣ мегирифтанд. Ниҳоят Алоуддин Муҳаммади Хоразмшоҳ (1200-1220) пас аз ба сари ҳокимият омаданаҳ ҳукумати худро дар Хоразм мустаҳкам карда, дар назди худ мақсад гузошт, ки бар зидди Ғуриҳо мубориза барад. Аммо бино ба ахбори Минҳоч Сирочи Ҷузҷонӣ ӯ дар ибтидо нақша дошт, ки модари худро ба Шихобуддин ба занӣ дода, ба ин восита қисме аз ҳокимияти Ғуриро ба ҳокимияти худ ҳамроҳ наояд: «Муҳаммади Хоразмшоҳ ба хидмати Ғиёсуддин то ба сароҳу расул фиристод...мазмуни рисолат он ки миёни салотину миёни падари ман аҳди маваддату мурофақат мустаҳкам буд, банди меҳодад то бад-он қарор дар силки дигар бандагон бошад. Агар райъи аъло савоб бинад, модари маро султони гозӣ Муъиззуддунё ва д-дин дар ҳиболаи худ оварад ва бандаро фарзанд хонад. Ва аз ҳазрати Ғиёсия бандаро ташрифӣ мисоли Хоразму Хуросон бошад. Банди тамоми Ироку Мовароуннаҳр аз дасти муҳолифон мустаҳаллас кунад. Чун ин рисолат адо карданд, султон Муъиззуддинро он иттисол мувофиқ нааяфтод ва муковаҳат зоҳир шуд» [10,479-480].

Бино ба қавли Ибни Асир Муҳаммади Хоразмшоҳ ба Ғиёсуддин мактуб фиристода, қайд менамояд, ки умед доштам ҷойи падари маро гирифта, ба ман дар муборизаи зидди қарахитонҳо кӯмак мекуни [7,83]. Ин хабарро Рашидуддин низ тасдиқ намудааст [13,405]. Ҳамзамон, Ибни Асир мефармояд, ки Муҳаммад Хоразмшоҳ аз Ғиёсуддин хоҳиш мекунад, ки дар забтқориҳои ба Хуросон мамониат накарда, инчунин мулкҳои ситонидаашро ба Хоразмшоҳиён баргардонад ва дар сурати иҷро нашудани ин талабҳо Муҳаммад дар якҷоягӣ бо лашкари қарахитонҳо ба Ғур ҳучум хоҳад кард [7,83]. Ғиёсуддин ба ин мактуби ӯ ба зудӣ ҷавоб навода, баргаштани бародараш Шихобуддинро аз Ҳиндустон интизор шуд. Бо вучуди ин, соли 1201 Муҳаммад Хоразмшоҳ муборизаи худро зидди Ғуриён оғоз кард.

Мувофиқи ахбори Рашидуддин «султон Алоуддин Муҳаммади Хоразмшоҳ биёмад ва вилояти Хуросон, ки салотини Ғур аз дасти касони ӯ берун оварда буданд, боз сутуд» [13,405]. Ӯ аввал ба чониби Нишопур ва сипас чониби Марв ҳаракат кард. Ҳиндухон, ки аз чониби Ғиёсиддин ҳокими Марв таъйин гардида буд, аз истило шудани Нишопур дар ҳарос шуда, аз Марв ба Фирӯзкӯҳ ба назди Ғиёсуддин фирор намуда, Марв ба осонӣ ба дасти Муҳаммад Хоразмшоҳ гузашт, вале оид ба тақдири минбаъдаи Ҳиндухон маълумот дастрас нест. Эҳтимол меравад, ки ӯ то охири умр дар он чо монд.

Муҳаммад Хоразмшоҳ Сарахсро низ гирифта, баҳори соли 1202 ба Ҳирот ҳучум карда, муддати чил рӯз онро дар муҳосира гирифт. Дар ин вақт Алиғозӣ ном яке аз роҳбарони дастаҳои чангии лашкари Ғуриён ба ёрии ҳокими шаҳр омада, Хоразмшоҳиён аз ишғоли он даст кашиданд ва бо бастанӣ шартнома бо амири Ҳирот Умари Марғонӣ шаҳрро тарк карданд. Ҳамзамон, Хоразмшоҳ ба Марв низ лашкар кашида, ба муковимати саҳти лашкарони муттаҳиди ғурӣ, ки аз Балх, Бомиён ва Ғазнин омада буданд, дучор шуд [9,95].

Лашкари Хоразмшоҳ дар ин муҳориба талафоти зиёди ҷонӣ дода, ақибнишинӣ кард. Шихобуддин, ки дар ин вақт дар Ҳиндустон қарор дошт, пас аз шунидани ин хабар ба Хуросон омад. Ӯ бо мақсади ба даст овардани Хоразм ва сарнагун кардани ҳокимияти Хоразмшоҳӣ зимистони солҳои 1202-1203 дар шаҳри Тӯс қарор гирифт. Рашидуддин қайд менамояд, ки «Султон Шихобуддин чун хабари муҳосираи Ҳирот шунид, ба қасди Хоразм ба Хуросон омад ва султон Муҳаммад пештар аз ӯ ба Хоразм рафта ва обҳо дар роҳ андохт. Шихобуддин баъд аз он ки он обҳо ночиз шуд, ба Хоразм рафт ва масофе азим карданд. Оқибат Шихобуддин ғолиб омад ва хоразмиёнро бишикаст» [13,405]. Аммо дар ҳамин лаҳза, яъне моҳи ҷумодиулаввали соли 599 ҳ.к., мувофиқ ба моҳи январ-феврари соли 1203 Ғиёсуддин пас аз 41 соли ҳукмронӣ дар синни 63 - солагӣ дар Ҳирот аз касалии никрис (подагра) вафот кард [9,95]. Бино ба ахбори Ҷузҷонӣ ҷасади ӯро дар ҷавои масҷиди ҷомеи Ҳирот, ки марбути вай буд, ба хок супурданд [11,361].

Пас аз вафоти Ғиёсуддин бародараш Муъизуддин (Шихобуддин) ба сари ҳокимият омад. Шихобуддин ба тоҷу тахти сарзамини бузурги Ғуриён бидуни рақиб расид, аммо ин давлат бо ду ҳамсояи пуркуввати худ-Хоразмшоҳиён ва қарахитоиён пайваста гирифтори бозихои сиёсӣ буд. Бо вучуди ин, Шихобуддин ҳудудҳои мамлакатро мисли пештара нигоҳ медошт. Сарҳади давлат дар замони ӯ дар Шарқ то Бихар ва Бангола, дар Ғарб то Хуросон, Хоразм ва Нисо ва дар Ҷануб то баҳри Арал тӯл мекашид. Ӯ то ба сари тахт омаданаш сарлашкари Ғурӣ ва волии шаҳри Ғазнин буда, дар пуркувват намудани лашкар ва васеъ кардани ҳудуди давлат нақши муҳим бозидааст.

Пас аз вафоти Ғиёсуддин дере нагузашта Хоразмшоҳиён ба чониби Марв лашкар кашиданд. Ҳокими Марв Муҳаммад Ҷӯрабек бо лашкари худ аз шаҳр берун шуда, даҳ фарсах дуртар аз шаҳр бар зидди хоразмшоҳиён бархест. Аммо лашкари Ғуриён шикаст хӯрда, ба қалъа паноҳ бурд. Истилогарон муддати панҷ рӯз шаҳрро дар муҳосира гирифтанд. Муҳаммад Ҷӯрабек ҳангоми бастанӣ шартномаи сулҳ бо Хоразмшоҳиён ба қатл расонида шуд. Соли 1204 Муҳаммад Хоразмшоҳ ба Ҳирот лашкар кашида, шаҳрро то аввали моҳи май ба муҳосира гирифт. Мудофияи Ҳиротро ҷияни султон Шихобуддин - Алиғозӣ бар уҳда дошт. Алиғозӣ, ки ба бемории саҳт гирифтӣ буд, маҷбур шуд, то ба Хоразмшоҳиён сулҳ бандад. Бо ин мақсад бо туҳфаҳои гаронбаҳо аз шаҳр ба назди Алоуддин Муҳаммад баромад ва дар назди ӯ ба замин афтода, вафот кард [3,414]. Пас аз ин лашкари Хоразм ба чониби Сарахс ҳаракат кард. Шихобуддин, ки дар ин вақт дар Ҳиндустон қарор дошт, ба чониби Хоразм рӯ оварда, дар мавзеи Қаросу лашкари Хоразмшоҳро торумор ва Урганҷро муҳосира намуд. [3,414]. Аммо онро тасарруф карда натавониста, ба ақиб баргашт. Хоразмшоҳ аз вазъият истифода

бурда, дар муддати чанд рӯз зиёда аз 70 ҳазор лашкар чамъ намуда, ҳамзамон аз ҳукмрони қарахитоиён Гӯрхон мадад талабид. Шихобуддин аз ин хабар огоҳ шуда, бо сабаби он ки лашкараш роҳи дарозеро тай намуда, бисёр хаста шуда буд ва дар чунин шароит имкони ғалаба бар болои душманро аз даст додааст, ба ақиб баргашт.

Лашкари Хоразмшоҳ ва қарахитоиён ўро то мавзеи Ҳасорасп таъқиб намуда, дар наздикии қалъаи Андхуд ба Ғуриён ҳучум карда, қисми зиёдашонро ба қатл расонданд. Шихобуддин шикаст хӯрда, ба қалъаи Андхуд паноҳ бурд. Муҳаммад Хоразмшоҳ муборизаро идома надода, ба Хоразм бозгашт, вале қарахитоиён, ки бо Хоразмшоҳ якҷоя ба муқобили Шихобуддин мубориза мебуданд, қалъаро дар муҳосира нигоҳ доштанд. Шихобуддин бо онҳо муборизаро идома дода, боз ҳам шикаст хӯрд. Дар ҳамин вақт хони Самарқанд султон Усмон воситаи сулҳ шуда, бо гирифтани ҳадяҳои зиёд аз Шихобуддин сулҳро миёни онҳо бибаст.

Муҳаммад Хоразмшоҳ дарк намуд, ки Ғуриён ҳеч гоҳ аз мубориза бо Хоразмиён даст нахоҳанд кашид ва бо истифода аз шикасти Муъизуддин ба ӯ пешниҳоди сулҳ кард. Инчунин, дар ҳамин лаҳзаҳо сарлашкарони Шихобуддин дар Ҳиндустон исён бардоштанд. Ин вазъият Шихобуддинро маҷбур сохт, ки пешниҳоди Муҳаммадро қабул намуда, ба Хоразмшоҳиён сулҳ бандад. Ин сулҳ, ки иборат аз шартномаҳо буд, соли 1205 ба амал омад ва тибқи он шартнома як қисми Хуросон бо Марврӯд ба ҳокимияти Алоуддин Муҳаммад гузашт. Бар замми ин Шихобуддин вазиғдор шуд, ки дар ҳолатҳои зарурӣ аз ҷиҳати ҳарбӣ ба Хоразмшоҳ ёрӣ расонад [9,98]. Вале иҷрои ин аҳднома дер давом накард. Пас аз ду моҳи шартнома лашкари Ғуриён дар сарҳади Толиқон чамъ омада, бо роҳбарии волии Балх Точуддини Зангӣ ба Марврӯд ҳаракат карда, волии онро ба қатл расонид. Хоразмшоҳиён аз ин воқеа боҳабар шуда, бар зидди онҳо бо роҳбарии Бадруддин Чағир аз Марв ва Точуддини Алишо аз Абевард лашкар фиристод [9,98]. Дар ин ҷанг, ки дар наздикии Сарахс рух дод, Точуддини Зангӣ шикаст хӯрда, бо 10 тан аз сарлашкаронаш асир ва дар Хоразм ба қатл расонида шуданд. Муъизуддин аз воқеа боҳабар шуда, барои ҷанги дигар бо Хоразмшоҳиён ва қарахитоиён омодагӣ гирифт [1,382]. Ӯ пас аз паҳши ошӯбҳо дар Ҳинд, ба хотири талофии шикастҳои худ аз Хоразмиён ва қарахитоиён лашкар чамъ намуда, барои гузаштан аз оби Аму ҳокими Бомиён Баҳоуддини Сомро маъмур кард. Муҳаммад Хоразмшоҳ низ барои ҷанг бо Муъизуддин омодагӣ мегирифт.

Муъизуддин аз Лоҳур ба ҷониби Ғазнин ҳаракат карда, хангоми расидан дар канори дарёи Синд дар маҳали Дамайк урду зад ва хаймаи худро бар канори об барпо намуд. Мувофиқи ахбори Ибни Асир ва Минҳоч Сирочи Ҷузҷонӣ сеюми шаволи соли 602 ҳ.к. (мувофиқ ба 13 майи соли 1206) чаҳор нафар аз фидоиёни исмоилия, ки ба эҳтимоли зиёд аз қабилаи қуҳукур буданд, аз ҷониби об, ки посбон надошт, ба хаймаи Муъизуддин ворид шуда, ўро ба қатл расониданд [8,74;11,403].

Пас аз марги Муъизуддин ба тахти салтанати Ғуриён писари Ғиёсуддини Муҳаммади Сом-Ғиёсиддин Маҳмуд (1206-1211), ки ҳокими Буст буд, нишаст. Бар асари ихтилофоти дохилӣ Ғиёсуддин Маҳмуд чандон қудратманд набуд. Аммо умарои сипоҳи Ғур ба хотири эҳтироми падараш аз ӯ пуштибонӣ мекарданд. Минҳоч Сирочи Ҷузҷонӣ мефармояд, ки султон Точуддини Юлдуз ва султон Қутбиддини Ойбек ва дигар амалдорони турк, ки аз шахсони наздики Шихобуддин буданд, ба даргоҳи ӯ омада, хоҳиш карданд, ки идораи Ғазнин ва Ҳиндустонро ба ӯ диҳад: «Барои султон Точиддини Юлдуз чатру мисол фиристод то мамолики Ғазнин дар тасарруф овард. Ва чун султон Қутбуддин ба Ғазнин омад ва Низомуддин Муҳаммадро ба Фирӯзқӯҳ фиристод, дар санаи ҳамса ва ситтумиа (605 ҳичрии қамарӣ мувофиқ ба моҳи сентябри соли 1208) ўро чатри лаъл фармуд ва мисоли мамолики Ғуру Ғазнин ва Ҳиндустон дод. Ва чумлаи мулуки Ғуру Ғазнин ва Ҳиндустон хутбаву сикка ба номи ӯ карданд» [10,490].

Ҳарчанд Ғиёсуддин Маҳмуд султони кулли мамлакат буд, вале давлати Ғуриҳо амалан аз се марказ: аз шаҳри Фирӯзкӯҳ Хуросон, аз шаҳри Ғазнин Ҳиндустони Шимоли то Чануби Хуросон ва аз шаҳри Бомииён қисматҳои шарқии Хуросон ва чанубии Мовароуннаҳр (Тирмиз, Чағонииён ва водихои Ҳисору Вахшу Хатлон) идора мешуданд. Ғайр аз Ҳиндустон дигар қисматҳои давлати Ғуриён аз ҷониби хонадони Шинасбонииён идора карда мешуд. Дар Ҳиндустон бошад, ғуломони турки ин хонадон аз номи Шинасбонииён фармонравой менамуданд.

Ғиёсуддин Маҳмуд дар замони салтанати худ пойтахти кишвар Фирӯзкӯҳро иваз накард. Аммо замони салтанати ӯ дар мамлакат қувваҳои марказгурез зиёд шуда, ҳокимони маҳаллӣ ба ҳукумати марказӣ итоат кардан намехостанд. Масалан, ҳокими Дехлӣ Қутбуддин Ойбек худро подшоҳ эълон кард. Ҳокими Ғазнин Тоҷуддин низ ҳокимияти Ғиёсуддин Маҳмудро эътироф накард. Шаҳрҳои алоҳида, ба монанди Балх, Марв ва Сараҳс дар гирдоби шӯру ошӯбҳо монданд. Писари волии Ғур Абуалӣ Рукнуддин Маҳмуд 50 ҳазор лашкар чамъ карда, ба пойтахти давлат Фирӯзкӯҳ ҳучум кард. Аммо ӯ аз ҷониби Ғиёсуддин Маҳмуд шикаст хӯрда, ба асорат афтод. Ғайр аз ин, Алоуддин Отсиз ибни Ҳусайни Чаҳонсӯз бо ҳимояти султон Муҳаммад Хоразмшоҳ ба Ғур ҳучум кард, ки Ғиёсуддин Маҳмуд ӯро низ шикаст дод, аммо бо пайвастании Иззудин Ҳусайн - волии Ҳирот ба Хоразмшоҳ Ҳирот амалан аз қаламрави Ғуриён берун ва ба қаламрави Хоразмшоҳиён шомил шуд.

Ҳокимияти Ғуриён дар Балх, Тирмиз ва Толиқон низ дар ин давра дер давом наёфт. Бо истифода аз низоъҳои дохилии давлати Ғуриён Алоуддин Муҳаммади Хоразмшоҳ ба Хуросон ҳучум кард. Соли 1206 Хоразмшоҳ ва қарахитоиён ба ҷониби Балх лашкар кашида, онро муддати чил рӯз дар муҳосира гирифтанд [8,108].

Амири Балх Имомуддин Умар ибни ал-Ҳусайни Ғурӣ бо лашкари худ зидди душман мубориза бурд. Ғайр аз ин, ҳуди мардум ба мудофияи шаҳр бархостанд, ки дар натиҷа лашкари Хоразмшоҳ талафоти зиёд дод. Бо вучуди ин, Хоразмшоҳиён аз муҳосираи шаҳр даст накашида, аз ҳокими он хошиш карданд, ки таслим шуда, сулҳ банданд. Имомуддин пас аз ноумед шудан аз омадани лашкари Ғуриён маҷбур шуд бо Муҳаммад Хоразмшоҳ сулҳ бандад. Аммо дар ин вақт мардуми зиёд ба қатл расонда, ҳуди ӯ асир афтода буд. Сипас, лашкари Хоразм ба ҷониби Тирмиз рӯ оварда, ҳокими ин шаҳр, Баҳромшоҳ - писари Имомуддин бар зидди душман мардонавор муқовимат намуд, вале ӯ низ шикаст хӯрда, шаҳр фатҳ гардид ва Муҳаммади Хоразмшоҳ ба хоштири лашкаркашиҳои якҷояи ин шаҳро ба қарахитоиҳо дод [7,111]. Бинобар ин, қаламрави Ғиёсуддин ба Фирӯзкӯҳ ва навоҳии атрофи он маҳдуд шуд.

Миёни соли 1208 Хоразмшоҳ Алоуддин Муҳаммад тамоми Хуросонро забт карда, ба шаҳрҳои он ҳешовандон ва сарлашкаронашро ҳоким гузошт. Алишоҳ ном бародарашро, ки ҳокими Ҷузҷон буд, ба мансаби ҳокими Табаристон таъйин намуд [9,101]. Дар ин давра Ғуриён қариб аз тамоми ҳудудҳои худ дар Хуросон маҳрум шуданд. Аммо Хоразмшоҳиён ҳудудҳои Ғуриёнро ба пуррагӣ тасарруф накарда, Муҳаммад Хоразмшоҳ бо султон Ғиёсуддини II сулҳ баст, ки мувофиқи он вилоятҳои Ғур, Гармсир (Систон), Марв, Сараҳс, Нисо ва Абевард дар дасти Ғиёсуддин боқӣ монд.

Дар ҳамин давра миёни Тоҷуддин Алишоҳ ва Муҳаммад Хоразмшоҳ ихтилоф сарзад. Бино ба иттилои Ибни Асир сабабаш он буд, ки султон Муҳаммад дар ҷанг бо қарахитоиён асир афтода, хабари кушта шуданаш паҳн шуд. Тоҷуддин Алишоҳ бо шунидани хабари марги бародараш аз фурсат истифода намуда, худро соҳиби тоҷу тахт эълон карда, мардумро ба сӯи хеш фаро хонд ва хутбаи намозро, ки ба номи бародараш хонда мешуд, қатъ кард ва омодаи тасоҳиби авранги подшоҳӣ шуд [8,195]. Ҳангоми баргаштани Муҳаммад Хоразмшоҳ ба Хоразм ин хабар ба ғӯши вай расид. Ӯ ба ҷониби Хуросон ҳаракат карда, Алишоҳ соли 606 ҳ.к./1209-1210 аз тарс ба ҷониби Фирӯзкӯҳ гурехта, аз Ғиёсуддин Маҳмуд - ҳукмрони Ғур паноҳ хост. Ғиёсуддин Маҳмуд Тоҷуддин Алишоҳро истикбол гирифт. Хоразмшоҳ ба Ғиёсуддин қосид фи-

ристода, хост Алишоҳро ба ӯ диҳад. Гиёсуддин, ки нисбат ба султон Муҳаммад заифтар буд, маҷбур шуд, ки ин хоҳиши ӯро иҷро намояд ва бо ин мақсад фармон дод, ки Алишоҳро дар қасре ба номи «Баркушк» зиндонӣ кунанд. Ҳамроҳони Алишоҳ аз ин вазъият нороҳат шуда, гумон карданд, ки ҳамагӣ ба Хоразмшоҳ таслим карда мешаванд. Бинобар ин, онҳо дар пайи қатли Гиёсиддин Маҳмуд афтоданд. Ҷузҷонӣ қайд менамояд, ки ҳамроҳони Алишоҳ ба қасди куштани Гиёсуддин баромада, нақшаҳои моҳирона кашида, дар нимашаби сешанбе, 7 сафари соли 607 х.к. (мувофиқ ба 31 июли соли 1210) чаҳор марди мусаллаҳро ба хобгоҳи вай дароварда, ӯро ба қатл расониданд [11,474-477].

Пас аз қатли Гиёсуддин ба ҷойи ӯ писари бузургаш Баҳоуддини Сомӣ дуҷум, ки 14-сола буд, ба тахти салтанат нишаст. Дар ин вақт тарафдорони Тоҷиддин Алишоҳ ҷиҳати ба даст овардани ҳокимияти Ғур нақшаҳои тарҳрезӣ намуданд. Ғуриён аз ин воқеа хабардор шуда, онҳоро ба қатл расониданд. Алоуддин Отсиз – ҳокими Бомӣён ва Маликхон ҳукмрони Ҳирот, ки аз тарафи султон Муҳаммад маъмури кӯмак ба вай таъйин шуда буд, ба тарафи Фирӯзкӯҳ ҳаракат карданд. Ғуриён бо мақсади он ки битавонанд ба муқобили онҳо мубориза баранд, Тоҷиддин Алишоҳро бар тахти салтанати Фирӯзкӯҳ шинонданд. Аммо ин иқдом ҳам натиҷаи хуб надода, лашкари Хоразм 15 ҷумодиулаввали соли 607 х.к./4 ноябри соли 1210 Фирӯзкӯҳро ишғол намуд. Султон Баҳоуддини Сом бо ҳешовандони наздиқаш ба Ғургон бурда шуд. Тоҷиддин Алишоҳ бошад, ба ҷониби Ғазнин фирор кард [11,378-379].

Пас аз ин Алоуддин Отсиз писари Алоуддин Ҳусайни Ҷаҳонсӯз ҳукмрони Ғуриён гардид. Ҷузҷонӣ дар хусуси ӯ ва замони салтанаташ мефармояд: «Султон Алоуддини Отсиз подшоҳи олим ва одилпарвар буд, «Китоби Масъудӣ» дар фикр маҳфузи ӯ буд ва дар тақвияти уламову тарбияти хонаводаи аҳли илм ҷидду ҷадди балеғ мефармуд ва ҳар киро аз абнои уламо мучтаҳид меёфт, ба назари отифати худа маҳсус мегардонид» [2,496]. Алоуддин Отсиз бо ҳимоятҳои султон Муҳаммад то соли 611 х.к./1214-1215 муддати чор сол ҳукмронӣ кард. Дар соли зикршуда Тоҷиддин Юлдуз, ки аз ғуломони султон Муъизуддин ва тавре қайд кардем баъд аз марги вай Ғазнинро тасарруф карда буд, аз Ғазнин ба Ғур бо фармондеҳии Насриддин Ҳусайни Амиршикор лашкар фиристод. Мувофиқи иттилои Ҷузҷонӣ дар натиҷаи ин ҷанг Отсиз бар асари захмиҳои бардоштааш ба ҳалокат расид [379-381].

Ҳукумати Ғур ба дасти Тоҷиддин Юлдуз гузашт. Аммо ӯ яке аз шоҳзодагони Ғур ба номи Алоуддин Муҳаммадро, ки писари аму ва домоди султон Гиёсуддин Муҳаммад буд, аз зиндон озод карда, ба тахти салтанати Фирӯзкӯҳ нишонд [15,86]. Ин воқеа ба Хоразмшоҳ писанд наомад ва кӯшиш кард, ки ҳар чи зудтар Юлдузро ба итоати худ дарорад. Бо ин мақсад назди ӯ сафир фиристода, аз ӯ хост, ки ҳокимияти Хоразмшоҳиёнро эътироф намуда, хутба ва сиккаро ба номи ӯ намояд. Ҷарҷанд ки ин амр барои Юлдуз ғайри қобили таҳаммул буд, аммо дигар чорае наёфта, амри султон Муҳаммадро қабул кард.

Сол 612 х.к./1215-1216 Алоуддин Муҳаммад - охирин ҳукмрони Ғурӣ бо дастури Хоразмшоҳ ҳукуматро ба муътамадони Хоразмшоҳ супурда, худ ба фармони Хоразмшоҳ ба Ғургон рафт [10, 382-383]. Дар зимни ин ҷараён Ғур гирифтори ноамнӣ ва ошӯб шуд. Инчунин, ин замон миёни Юлдуз ва ноибаш Қутлуғтегин ихтилоф ба вучуд омад. Қутлуғтегин, ки аз вазъи ҳароби ҳокимият ва ҳучуми Хоразмшоҳ ба Ғазнин огаҳӣ пайдо кард, паёме ба Хоразмшоҳ фиристода, ӯро барои тасхири Ғазна даъват намуд. Моҳи шаъбони соли 612 х.к./ноябр декабри 1215 Ғазнин бе ҷанг ба тасарруфи Хоразмшоҳ даромад ва Юлдуз ба Ҳиндустон фирор карда, Қутлуғтегин бо сабабаи хиёнат ба маҳдуми худ бо фармони султон Муҳаммади Хоразмшоҳ кушта шуд [9,14].

Ҳамин тариқ, дар натиҷаи рақобати байни Хоразмшоҳиён ва Ғуриён султон Муҳаммади Хоразмшоҳ бо ёрии қарохитоиён то соли 1215 ба тадриҷ қаламрави Ғуриёнро тахти фармонаравоии худ даровард ва дар муддати ду даҳсола тамоми

сарзаминҳои собиқ давлати Салҷуқиёнро, ки ба ҳамин баҳона лашкар мекашид, ба ҳокимияти худ ҳамроҳ кард [14,248]. ӯ ба шаҳру навоҳии давлати Ғуриён фармондеҳони худро таъин карда, ҳукумати ин минтақа, аз ҷумла, сарзаминҳои Ғур, Ҳирот, Ғарҷистон ва Заминдовар то ҳудуди Ҳиндустонро ба писарбузургаш Ҷалолиддин Мангубуернӣ воғузур ва Шамсулмалик Шихобуддинро ба ҳайси вазири ӯ таъин намуда, Ғазнаро маркази идораи ӯ қарор дод.

АДАБИЁТ

1. Атомалик Ҷувайнӣ. Таърихи ҷаҳонкушо. Бо тасхеҳи Муҳаммад Қазвинӣ. Техрон, 1391. -1016 с.
2. Амиршоҳӣ Н. Давлатдорӣ тоҷикон дар асрҳои IX-XIV. Душанбе, 1999. -1008 с.
3. Бартольд В. В. Туркистан в эпоху монгольского нашествия//Соч.-Т. I. М.: Наука, 1963.-С.40-583.
4. Давлатов М. Сопротивление таджикского народа монгольскому завоеванию. -Душанбе. Девашиҷ, 2007. -395 с.
5. Ибни Асир. Таърихи комили бузурги Ирон ва Ислом. Техрон. Ҷ.30. 1371. -5130 с.
6. Ибни Асир. Таърихи комил. -Техрон 1385. Ҷ.24.
7. Ибни Асир. Таърихи комил. Ҷ.25. Техрон 1385
8. Ибни Асир. Ат таърих фи ал – комил. Тарҷумаи Абулқосими Ҳолат ва Аббос Халилӣ. Ҷ.25. Техрон. 1368.
9. История таджикского народа. Том III. Душанбе, Дониш, 2013. - 580 с.
10. Минҳоч Сирочи Ҷузҷонӣ. Табақоти Носирӣ/Амиршоҳӣ Н. Давлатдорӣ тоҷикон дар асрҳои IX-XIV. Душанбе, 1999. -1008 с. – С.435-530.
11. Минҳоч Сирочи Ҷузҷонӣ. Табақоти Носирӣ. Ҷ.1. Бо тасхеҳи Абдулҳай Ҳабибӣ. Кобул. 1342.х. -505 с.
12. Парвизи Аббос. Ғуриён//Баррасиҳои таърихӣ. Фарвардин ва урдубиҳишт. 1350, №31. -С.143-176.
13. Рашидаддини Фазлуллоҳ. Ҷомеъ-ут-тавориҳ. Бо тасхеҳ ва таҳшияи Муҳаммаш Рушан. Ҷилди I. Техрон, 1373. -776 с.
14. Ру Жан-Поль. История Ирана и иранцев. От истоков до наших дней. Евразия, 2015. - 432 с.
15. Фаридун Алҳиёрӣ. Баррасии равобити Ғуриён бо Хоразмшоҳиён/Маҷаллаи илмии паҷӯшиҳои илмии инсонӣ. 1391 ҳ.к. Шумораи 9. С. 86.

МУНОСИБАТҲОИ СИЁСИИ ҒУРИЁН БО ХОРАЗМШОҲИЁН

Дар мақола оид ба муносибатҳои сиёсии ду давлат, Ғуриён ва Хоразмшоҳиён таҳқиқот анҷом ёфтааст. Муаллифи мақола қайд менамояд, ки яке аз сабабҳои асосии муташанниҷ гардидани муносибатҳои ин ду давлат, ба сарзамини Хуросон тавачҷуҳ намудани султони Хоразм Муҳаммад Хоразмшоҳ буд ва аввалин ҳаракатҳои ҳарбӣ пас аз ба сари ҳокимияти Хоразм омадани ӯ руҳ додаанд. Пас аз вафоти Ғиёсуддини Ғурӣ, хусусан, дар замони ҳукмронии Шихобуддин муносибатҳои сиёсии Ғуриёну Хоразмшоҳиён шиддат гирифт. Дар замони ҳукумати Ғиёсуддин Маҳмуд қувваҳои марказгурез зиёд шуда, ҳокимони маҳаллӣ ба ҳукумати марказӣ итоат қардан намехостанд, ки ин барои султони Хоразм шароити муносиб фароҳам оварда, қисме аз сарзаминҳои ҳудуди онро тасарруф намуд. Соли 1215 Алоуддин Муҳаммад - охирин ҳукмрони ғурӣ бо дастури Хоразмшоҳ ҳукуматро ба муътамадони Хоразмшоҳ супурда, худ ба фармони Хоразмшоҳ ба Гургон рафт.

Ҷамзамон, муаллифи мақола ба ҳулосае меояд, ки дар натиҷаи рақобати байни Хоразмшоҳиён ва Ғуриён султон Муҳаммади Хоразмшоҳ бо ёрии қарахитойён то соли 1215 сарзамини Ғуриёнро тахти фармонаравони худ дароварда, сарзаминҳои Ғур, Ҳирот, Ғарҷистон ва Заминдовар то ҳудуди Ҳиндустонро ба писарбузургаш Ҷалолиддин Мангубуернӣ воғузур ва Шамсулмалик Шихобуддинро ба ҳайси вазири ӯ таъин менамояд.

Калидвожаҳо: Ғуриён, Хоразмшоҳиён, шаҳру навоҳӣ, муносибат, рақобат, Хуросон, Моваруннаҳр, лашкаркашӣ, асорат, ҳудуд, ҳокимият, тасхир.

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ ГУРИДОВ С ХОРЕЗМШАХАМИ

В статье завершено исследование политических отношений между двумя государствами – государством Гуридов и государством Хорезмшахов. Автор статьи отмечает, что одной из основных причин напряженности между двумя странами было интерес султана Хорезма Мухаммада Хорезмшаха к владениям Хорасана, а первые военные действия произошли после его прихода к власти в Хорезме.

После смерти Гиясуддина Гури, особенно в период правления Шихабуддина, обострились политические отношения между гуридами и хорезмшахами. В период правления Гиясуддина Махмуда центробежные силы усилились, и местные правители не захотели подчиняться центральной власти, что создало благоприятные условия для султана Хорезма, захватившего часть его территории. В 1215 году Алауддин Мухаммад - последний правитель Гура, по приказу Хорезмшаха передал управление доверенным лицам Хорезмшаха, а сам отправился в Гурган по приказу Хорезмшаха.

В то же время автор статьи приходит к выводу, что в результате соперничества между гуридами и хорезмшахами султан Мухаммад Хорезмшах с помощью карайтян подчинил себе земли хорезмшахов, и передал земли Гура, Герата, Грузии и Заминдовара до границ Индии своему старшему сыну Джалал ад-Дину Мангуберни и назначает Шамсулмалика Шихабуддина своим министром.

Ключевые слова: *гурийды, хорезмшахи, города и области, взаимоотношения, Хорасан, Мавераннахр, Восточное море, войско, плен, территория, власть, господство, соперничество.*

POLITICAL RELATIONSHIPS OF THE GHURIANS WITH THE KHOREZMSHAHIS

In the article, the research on the political relations between the two states - the Ghurians and the Khorezmshahs - has been completed. The author of the article notes that one of the main reasons for the tension between the two countries was the attention of the Sultan of Khorezm, Muhammad Khorezmshah, to the land of Khorasan, and the first military actions took place after he came to power in Khorezm. After the death of Ghiyasuddin Ghuri, especially during the reign of Shihabuddin, the political relations between the Ghurians and Khorazmshahis intensified. During the government of Ghiyasuddin Mahmud, the centripetal forces increased, and the local rulers did not want to obey the central government, which created favorable conditions for the Sultan of Khorezm, who seized part of its territory. In 1215, Alauddin Muhammad - the last ruler of Ghur, handed over the government to the trustees of Khorazmshah by the order of Khorazmshah, and went to Gurgan himself on the orders of Khorazmshah.

At the same time, the author of the article comes to the conclusion that as a result of the competition between the Khorazmshahs and the Khorezmshahs, Sultan Muhammad Khorazmshah, with the help of the Karahitians, brought the land of the Khorazmshahs under his command, and handed over the lands of Ghur, Herat, Georgia and Zamindovar to the territory of India to his eldest son Jalal al-Din Manguburni Sulmalik. He appoints Shihabuddin as his minister.

Key words: *Ghurians, Khorezmshahis, cities and regions, relationship, competition, Khorasan, Eastern Sea, army, captivity, territory, power, domination.*

Сведения об авторе: Мирзоев Шухрат Джумамуродович – доктор философии (PhD) – по специальности 6Д 020300-История, ученый секретарь Института истории, археологии и этнографии им. А. Дониша АМИТ. Телефон: 985-77-79-95. E-mail: mirzo-juma@mail.ru

Information about the author: Mirzoev Shukhrat Jumamurodovich - doctor of philosophy (PhD) - by specialty 6D 020300-History, scientific secretary of the A. Donish Institute of history, archeology and ethnology named after of NAST. Phone: 985-77-79-95. E-mail: mirzo-juma@mail.ru

Маҷаллаи «Муаррих» нашрияи илмӣ - назариявии Институти таърих, бостоншиносӣ ва мардумшиносии ба номи Аҳмади Дониши Академияи миллии илмҳои Тоҷикистон буда, маводи соҳаи илмҳои таърихро дар бар мегирад ва тибқи «Қонун дар бораи матбуот ва воситаҳои ахбори омма» ба нашр омода мешавад.

ҲАДАФҲОИ МАҶАЛЛАИ ИЛМИИ ТАҚРИЗШАВАНДАИ «МУАРРИХ»

– инъикоси саривактии натиҷаҳои фаъолияти таҳқиқоти олимони Ҷумҳурии Тоҷикистон, ҳамчунин олимони мамолики хориҷии наздику дур, аз рӯйи соҳаҳои зерини илм: таърихшиносӣ, бостоншиносӣ, мардумшиносӣ, сиккашиносӣ, таърихи илм ва техника, таърихи муносибатҳои байналмилалӣ ва сиёсати хориҷӣ, таърихи санъат, фарҳанг, фалсафа.

– инкишофи ҳамкориҳои байналхалқӣ дар соҳаҳои таърихшиносӣ, бостоншиносӣ ва мардумшиносӣ;

– ба муҳаққиқон фароҳам сохтани имкони нашри натиҷаҳои ҷустуҷӯҳои илмӣ;

– инъикоси масоили мубрам ва самтҳои ояндадори илмҳои таърихшиносӣ;

– ҷустуҷӯи донишҳои нав барои рушди иҷтимоии Ҷумҳурии Тоҷикистон ва минтақаҳои он;

– тарғиби дастовардҳои фаъолияти илмӣ таҳқиқоти олимони институт, инчунин олимони донишгоҳҳои дигар ва муассисаҳои соҳаи илму маорифи Ҷумҳурии Тоҷикистон.

ШАРТҲОИ НАШРИ МАҚОЛА ДАР МАҶАЛЛАИ «МУАРРИХ»

– ҳайати таҳририяи маҷалла мақолаҳои илмӣ, тақризҳо, тавзеҳҳои илмӣ каблан дар нашрияҳои ҷопию электронӣ нашрнамудаҳо барои баррасию ҷоп қабул мекунад, ки ғояҳои илмӣ, натиҷаҳои дастовардҳои таҳқиқоти бунёдии назарӣ амалиро оид ба соҳаҳои дониш дар илми таърихшиносӣ дар бар гиранд;

– қарор дар бораи нашр ё радди ҷоп дар асоси муҳимият, навоарӣ ва аҳамияти илмӣ маводи пешниҳодгардида қабул карда мешавад;

– муаллифони (ҳаммуаллифони) масъулияти саҳеҳии иттилооти илмӣ пешниҳодгардида ва ҳамаи маълумотро, ки мақола, тавзеҳ ва тақризҳо дар бар мегиранд, ба зиммадоранд;

– ҳамаи маводи ба идораи маҷалла воридгардида хатман дар сомонаи *antiplagiat.ru* мавриди тафтиш қарор мегиранд, сипас ҳайати таҳрир, муаллифони (ҳаммуаллифони)-ро дар бораи натиҷаи арзёбии дастнавис ва ба тақризи минбаъда қабул шудани мавод ё радди пешниҳоди он ба тақриз огоҳ мекунад;

– ҳамаи мақола, тавзеҳ ва тақризҳои ба идора омада дар сурати ҷавоби мусбат баъди тафтиш дар сомонаи *antiplagiat.ru* бо мақсади арзёбии онҳо аз ҷониби мутахассисони пешбари соҳаҳои дахлдори илм ба тақризи дохилӣ ирсол мегарданд;

– мақолаҳои ба тақризи дохилӣ пешкашшуда бояд пурра тибқи талаботе, ки дар сомонаи маҷалла: <https://istorik.tarena.tj/ru> зикр гардидаанд, таҳия карда шаванд;

– агар дар тақриз оид ба ислоҳу тақмили мақола тавсияҳои пешниҳодшуда бошанд, ба муаллиф эроду мулоҳизаҳои муқаррир (бе сабти ному насаби ӯ) барои тақмили ислоҳи мавод ирсол мешавад;

– муаллифони маводи тақмилидодаро ба идораи маҷалла мефиристад ва идора онро яқҷоя бо ҷавоби муаллиф тибқи ҳар моддаи эродҳо ба тақризи тақрорӣ мефиристад;

– ҳайати таҳририя ба таҳрири мақола бидуни тағйир додани муҳтавои илмӣ он ҳақ дорад. Хатоҳои имлоӣ ва услубӣ мусахҳаҳои бидуни мувофиқа бо муаллиф (ҳаммуаллифони) ислоҳ мекунад. Дар мавридҳои зарурӣ ислоҳҳо бо муаллиф (ҳаммуаллифони) мувофиқа карда мешаванд;

– нусхаи барои тақмил ба муаллиф (ҳаммуаллифони) фиристода бояд дар муҳлати муқарраргардида, баъди ворид сохтани ислоҳу тағйирот дар намудҳои электронӣ ва ҷопӣ бояд ба идора баргардонида шаванд;

– мақолаҳое, ки ба чоп қабул нашудаанд, ба муаллиф (ҳаммуаллифон) баргардонида намешаванд. Дар мавриди радди чопи мавод идораи маҷалла ба муаллиф (ҳаммуаллифон) раддия асоснок ирсол мекунад;

– тибқи дархости шуроҳои коршиносии ҚОА назди Президенти Ҷумҳурии Тоҷикистон идораи маҷалла ба онҳо тақризҳоро пешниҳод мекунад.

**ТАЛАБОТ БА ТАҲИЯИ МАҚОЛАҶО
(ТАВЗЕҲҶО, ТАҚРИЗҶО), КИ БА МАҶАЛЛАИ ИЛМИЮ НАЗАРИЯВИИ
«МУАРРИХ» -И ИНСТИТУТИ ТАҲРИХ, БОСТОНШИНОСӢ ВА
МАРДУМШИНОСИИ БА НОМИ АҲМАДИ ДОНИШИ АКАДЕМИЯИ МИЛЛИИ
ИЛМҶОИ ТОҶИКИСТОН БАРОИ ЧОП ИРСОЛ МЕГАРДАНД:**

1. Барои ҷойгир кардан дар маҷалла мақола, тақриз ва тавзеҳҳои илмӣ тибқи ихтисосҳои илмӣ 5.6.1. Таърихи дохилӣ; 5.6.2. Таърихи умумӣ; 5.6.3. Бостоншиносӣ; 5.6.4. Этнология, антропология ва этнография; 5.6.5. Таърихнигорӣ, маъхазшиносӣ ва усулҳои таҳқиқоти таърихӣ; 5.6.6. Таърихи илм ва технология; 5.6.7. Таърихи муносибатҳои байналмилалӣ ва сиёсати хориҷӣ, ки қаблан дар ҳеҷ ҷой чоп нашудаанд, қабул мегарданд.

2. Муаллифон ба идораи маҷалла ҳатман бояд ҳуҷҷатҳои зеринро пешниҳод кунанд:

– матни мақола ба забонҳои русӣ ва англисӣ (ба таври имкон бо тарҷумаи русӣ) ё забони тоҷикӣ, ки дар мактуби роҳнамо бо имзои ректор (ноиб ректор) ё роҳбари муассиса ва ё ин ки ташкилот ба шакли ҷопии он муаллиф (ҳаммуаллифон) имзо гузоштаанд;

– тақризи доктор ё номзади илм, ки онро мудири шӯъбаи кадрҳои ҷойи қори муқарриз муҳр ва имзо гузоштааст;

– маълумотнома аз ҷойи таҳсил (барои аспирантҳою магистрантҳо);

– шакли ҷопии ҳуҷҷатҳо ба идора ба суроғаи зерин ирсол мешавад: 734025, шаҳри Душанбе, хиёбони Рӯдакӣ, 33, Институти таърих, бостоншиносӣ ва мардумшиносии ба номи Аҳмади Дониши Академияи миллии илмҳои Тоҷикистон, бинои асосӣ, ошёнаи 1, ҳуҷраи 21, телефон: (+992) 221-37-42.

– шакли электронии мақоларо ба почтаи электронии istorik.tarena.tj@yandex.ru ирсол намоед. Тел: (+992 37) 221-37-42; суроғаи сомонаи маҷалла: <https://istorik.tarena.tj/ru>

**ТИБҚИ ТАЛАБОТИ ҚОА НАЗДИ ПРЕЗИДЕНТИ ҶУМҲУРИИ ТОҶИКИСТОН
МАҚОЛА БОЯД УНСУРҶОИ ЗЕРИНРО ДАР БАР ГИРАД:**

– индекси УДҚ (дар аввали мақола дар шакли сатри алоҳида, дар тарафи чап гузошта мешавад);

– индекси ББК (дар аввали мақола дар шакли сатри алоҳида, дар тарафи чап гузошта мешавад);

– ному насаби пурраи муаллиф (ҳаммуаллифон) ба забонҳои русию англисӣ ё тоҷикӣ, русӣ ва англисӣ;

– унвони илмӣ, дараҷаи илмӣ муаллиф (ҳаммуаллифон), ном ва рамзи ихтисоси илмӣ (тибқи номгӯӣ), ки таҳқиқот тибқи он сурат мегирад, ба забонҳои русию англисӣ ё тоҷикӣ, русӣ ва англисӣ;

– аспирантон, унвонҷӯён, омӯзгорон, докторантҳо номи муассисаи илмиро (магистрантҳо самти тайёриро) ба забонҳои русию англисӣ ё тоҷикию русию англисӣ зикр мекунад;

– зикри мансаб, ҷойи қор, шаҳру мамлакат ба забонҳои русию англисӣ ё тоҷикию русию англисӣ;

– e-mail ва телефони робитавии муаллиф ва ё ҳаммуаллифон барои тамос;

– номи мақола бо забонҳои тоҷикию русию англисӣ бо ҳарфҳои қалон, ҳуруфи Times New Roman 14 ё Times New Roman Tj 14, тароз дар марказ);

– фишурда ба забонҳои русӣ ва англисӣ ҳуруфи Times New Roman 14, аз 100 то 250 вожа бо сабти мақсаду вазиғаи таҳқиқ, баёни муҳтасари қор ва ҳулосаҳои асосие, ки навоари илмӣ қорро дар бар мегирад;

– калидвожаҳо ба забонҳои русию англисӣ оварда мешаванд, 5-7 калима ё ибора, ки

ду ё се вожаро дарбар мегирад; хуруфи Times New Roman 14, тарҳаш - курсив, тароз дар бар, вожаҳо ё ибораҳои калидӣ бо вергул аз ҳам чудо карда мешаванд);

– мақола хатман бояд номгӯи адабиёти истифодашударо бо зикри танҳо сарчашмаҳои иқтибосгардида дар бар гирад. Рӯйхати адабиёт дар охири мақола бо назар-дошти саҳифаи умумии сарчашмаи истифодашуда навишта мешавад. Ҳангоми навиш-тани рӯйхати мазкур тартиби хуруфи алифбо ва талаботи ГОСТ бояд хатман риоя карда шаванд;

– иқтибосҳо дар қавсайни квадратӣ бо қайди рақами адабиёт мутобиқи рӯйхати сарчашмаҳо ва саҳифаи он бояд ишора шаванд, масалан: [5, 25] ё [5, 25; 6, 77];

Матни мақолаи пешниҳодшаванда нусхаи ниҳой махсуб шуда, бояд пурра аз назари таҳрир гузаронида шавад ва аз ғалат пурра орий (тоза) бошад.

Мақолаҳои, ки ба идораи маҷалла бо нақзи талаботи мазкур ирсол мегарданд, мавриди баррасӣ қарор намегиранд.

Масъулияти салоҳият, бозғимодии асноди мухтавои мақолот ба зиммаи муаллифон ва муқарризон вогузор карда мешавад.

Идораи маҷалла

К СВЕДЕНИЮ АВТОРОВ

«Историк» - научно-теоретический журнал Института истории, археологии и этнографии имени А. Дониша Национальной академии наук Таджикистана, который публикует материалы по историческим наукам в соответствии с законодательством Республики Таджикистан «О печати и средствах массовой информации».

ЦЕЛЮ И ЗАДАЧАМИ НАУЧНО - ТЕОРЕТИЧЕСКОГО ЖУРНАЛА «ИСТОРИК» ЯВЛЯЮТСЯ:

– Оперативное освещение результатов исследовательской деятельности учёных Республики Таджикистан, а также учёных стран ближнего и дальнего зарубежья в следующих отраслях науки: история, историография, археология, этнография, антропология, источниковедение, нумизматика, история культуры, история литературы, история философии и история религии;

– Развитие международного сотрудничества в сфере истории, археологии и этнографии;

– Предоставление возможности исследователям публиковать результаты научных изысканий;

– Освещение актуальных проблем и перспективных направлений исторических наук;

– Поиск новых знаний для духовного и социального развития населения Республики Таджикистан в целом и её регионов;

– Пропаганда достижений научно-исследовательской деятельности учёных Института истории, археологии и этнографии им. А. Дониша Национальной академии наук Таджикистана, а также исследователей других вузов и учреждений образования и науки Республики Таджикистан.

УСЛОВИЯ ПУБЛИКАЦИИ СТАТЕЙ В ЖУРНАЛЕ «ИСТОРИК»:

– редакционная коллегия журнала принимает для рассмотрения и публикации научные статьи, рецензии, научные обзоры и отзывы, которые ранее не были опубликованы в печатных и электронных изданиях. Эти материалы должны содержать научные идеи, результаты и достижения фундаментальных теоретических и прикладных исследований по следующим отраслям исторической науки: история, историография, археология, этнография, антропология, источниковедение, нумизматика, история культуры, история литературы, история философии и история религии.

– решение о публикации или об отказе в публикации принимается на основе актуальности, новизны и научной значимости представленных материалов.

– авторы (соавторы) несут полную ответственность за достоверность представленной

научной информации и всех данных, содержащихся в статьях, отзывах, обзорах и рецензиях.

– все материалы, представленные в редакцию журнала, обязательно проходят проверку на сайте antiplagiat.ru. После этого редколлегия извещает авторов (соавторов) о результатах оценки рукописи и сообщает о принятии материала к дальнейшему рецензированию или об отказе от рецензирования.

– поступившие в редакцию статьи, отзывы, обзоры и рецензии, в случае положительного решения после проверки на сайте antiplagiat.ru, направляются на внутреннее рецензирование с целью экспертной оценки ведущими специалистами в соответствующей отрасли науки.

– статьи, допущенные к внутреннему рецензированию, должны быть оформлены в полном соответствии с требованиями, предъявляемыми к публикациям на сайте журнала: <https://istorik.tarena.tj/ru>.

– Если рецензия содержит рекомендации по исправлению или доработке статьи, автору направляются замечания и предложения рецензента (без указания сведений о нём) для доработки и исправления материала.

– Доработанный материал представляется автором в редакцию журнала и направляется на повторное рецензирование вместе с ответом автора по каждому пункту замечаний.

– редколлегия вправе редактировать статьи без изменения их научного содержания. Орфографические и стилистические ошибки исправляются корректором без согласования с автором (авторами). При необходимости правка согласуется с автором (авторами).

– вариант статьи, направленный автору (авторам) на доработку, должен быть возвращён в редакцию в оговоренный срок с внесёнными исправлениями и изменениями в электронном и распечатанном виде.

– статьи, не принятые к опубликованию, не возвращаются автору (авторам). В случае отказа от публикации материала, редакция направляет автору (авторам) мотивированный отказ.

– по запросу экспертных советов ВАК при Президенте Республики Таджикистан, редакция журнала предоставляет им рецензии.

ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ СТАТЕЙ (ОБЗОРОВ, ОТЗЫВОВ, РЕЦЕНЗИЙ), ПРИСЫЛАЕМЫХ ДЛЯ ПУБЛИКАЦИИ В НАУЧНО - ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ «ИСТОРИК» ИНСТИТУТА ИСТОРИИ, АРХЕОЛОГИИ И ЭТНОГРАФИИ ИМ. А. ДОНИША НАЦИОНАЛЬНОЙ АКАДЕМИИ НАУК ТАДЖИКИСТАНА

Для размещения в журнале принимаются ранее нигде не опубликованные научные статьи, обзоры, рецензии, отзывы, соответствующие научным специальностям: 5.6.1. Отечественная история; 5.6.2. Всеобщая история; 5.6.3. Археология; 5.6.4. Этнология, антропология и этнография; 5.6.5. Историография, источниковедение и методы исторического исследования; 5.6.6. История науки и технологии; 5.6.7. История международных отношений и внешней политики.

Авторы в обязательном порядке предоставляют в редакцию следующие документы:

– текст статьи на русском или английском (по возможности с переводом на русский язык), или таджикском языке с обязательной подписью автора (авторов) на печатном варианте статьи;

– рецензию доктора или кандидата наук, заверенную в отделе кадров по месту его работы;

– справку с места учёбы (для аспирантов и магистрантов).

Печатные варианты документов направляются в редакцию по адресу: 734025, Республика Таджикистан, г. Душанбе, проспект Рудаки, 33, Институт истории, археологии и этнографии им. А. Дониша Национальной академии наук Таджикистана, главный корпус, 1-этаж, кабинет 21. Электронные версии по адресу электронной почты: istorik.tarena.tj@yandex.ru Телефон для справок: (+992 37) 221-37-42; адрес сайта журнала: <https://istorik.tarena.tj/ru>

В СООТВЕТСТВИИ С ТРЕБОВАНИЯМИ ВАК ПРИ ПРЕЗИДЕНТЕ РТ, СТАТЬЯ ДОЛЖНА СОДЕРЖАТЬ:

- индекс УДК (размещается в начале статьи отдельной строкой слева);
 - индекс ББК (размещается в начале статьи отдельной строкой слева);
 - фамилию, имя, отчество автора (авторов) полностью на русском и английском или таджикском, русском и английском языках;
 - учёную степень, учёное звание автора (авторов), наименование и шифр научной специальности (согласно номенклатуре), по которой ведётся исследование, на русском и английском или таджикском, русском и английском языках;
 - аспиранты, соискатели, преподаватели, докторанты указывают кафедру и учебное заведение (магистранты - направление подготовки) на русском и английском или на таджикском, русском и английском языках;
 - указание на должность, место работы, город, страну на русском и английском или на таджикском, русском и английском языках;
 - e-mail и номер телефона автора или соавторов для связи;
 - название статьи на русском и английском или на таджикском, русском и английском языках (заглавными буквами, шрифт Times New Roman 14 или Times New Roman tj 14, выравнивание по центру);
 - аннотация на русском и английском языках (шрифт TNR 14, выравнивание по ширине, от 100 до 250 слов с указанием цели и задач исследования, краткого хода работы и основных выводов, содержащих научную новизну);
 - ключевые слова на русском и английском языках (5-7 слов или словосочетаний из двух или трёх слов, через запятую, шрифт TNR 14, начертание - курсив, выравнивание по ширине);
 - статья в обязательном порядке должна содержать список использованной литературы с указанием только цитируемых работ. Список литературы приводится в конце статьи с общим объемом страниц источника. Список использованной литературы оформляется в алфавитном порядке в соответствии с ГОСТ.
 - ссылки даются в скобках, в которых указывается номер использованного источника согласно списку использованной литературы, а затем цитируемая страница.
- Статьи принимаются в течение года. Редакция оставляет за собой право отбора материала, а также право сокращения публикуемой статьи.
- Текст, присылаемой рукописи является окончательным и должен быть тщательно выверен и исправлен. Статьи, направляемые в редакцию с нарушением вышеперечисленных требований, к рассмотрению не принимаются. За компетентность и содержание публикуемых материалов несут полную ответственность авторы и рецензенты.

Редакция журнала

МУАРРИХ - маҷаллаи илмӣ - назариявӣ

Муассис: Институти таърих, бостоншиносӣ ва мардумшиносии
ба номи Аҳмади Дониши Академияи миллии илмҳои Тоҷикистон

Ақидаи ҳайати таҳририя метавонад ба нуқтаи назари муаллифони мақолаҳо мувофиқ
наояд. Барои мазмуни мавод ва маълумоти саҳеҳ муаллифон масъуланд. Истинод ба сар-
чашма, муаллиф ва шумора ҳатмист.

Мусахҳех: **Манзура ҲАСАНОВА**
Котиби масъул: **Абдумавлон ОДИНАЗОДА**
Муҳаррири техникӣ: **Мухбирҷон КЕНҶАЕВ**
Саҳифабанд ва ороишгар: **Турахӯҷаи ТОҲИРЗОДА**

Ба матбаа 01. 11. 2024 сол таҳвил шуд. Ба чопаш 11. 11. 2024 имзо шуд.
Андозаи 70x100^{1/8}. Коғази офсетӣ. Чопи офсетӣ. Чузъи чопӣ 11. Адади
нашр 100 нусха. Супориши № 104

Дар нашриёти ЧДММ «Ганчи хирад» ба таъб расидааст.
734025, шаҳри Душанбе, Бофанда 5/1. Тел: 227-71-01

ПОЧТОВЫЙ ИНДЕКС: 77771

ИСТОРИК - научно - теоретический журнал

Учредитель: Институт истории, археологии и этнографии
им. Ахмада Дониша Национальной академии наук Таджикистана

Мнение редакционной коллегии может не совпадать с точкой зрения авторов публикаций.
Ответственность за содержание публикаций и достоверность фактов несут авторы. При полной
или частичной перепечатке или воспроизведения любым способом ссылка на источник обяза-
тельна.

Корректор: **Манзура ҲАСАНОВА**
Ответственный секретарь: **Абдумавлон ОДИНАЗОДА**
Технический редактор: **Мухбирҷон КЕНҶАЕВ**
Дизайн и верстка: **Турахӯҷаи ТОҲИРЗОДА**

Сдано в типографию 01. 11. 2024 г. Подписано в печать 11. 11. 2024 г.
Формат 70x100^{1/8}. Офсетная бумага. Офсетная печать. Печатный лист 11.
Тираж 100 экземпляров. Заказ № 104

Отпечатано в типографии ООО «Ганчи хирад»
734025, г. Душанбе, улица Бофанда 5/1. Тел: 227-71-01